This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

D1
.V66

STK

Вѣстникъ Всемірной Исторіи

№ 8.
1 г.

Второй годъ изданія.

Для слѣдующаго нумера намѣчены статьи:

1) **Существо и историческое развитіе германскихъ университетовъ.**—Проф. *Ф. Паульсена*, подъ редакціей проф. *А. Х. Гольмстена.*

2) **Пятидесятые годы.**—Воспоминанія *М. Цебриковой.*

3) **Въ осажденномъ Ледисмитѣ.** — Воспоминанія участника англо-бурской войны.

ПРИМѢЧАНІЕ. Вышеуказанный перечень не имѣетъ исчерпывающаго значенія и статьи могутъ быть замѣнены редакціей. Отложенныя статьи печатаются въ слѣдующихъ нумерахъ.

Находится въ продажѣ изданіе журнала

„Вѣстникъ Всемірной Исторіи"

„ОТКРЫТІЕ КИТАЯ"

и др. статьи академика В. П. Васильева.

Посмертное изданіе съ портретомъ автора.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ УСТУПКА.

ВѢСТНИКЪ

ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ІЮЛЬ

№ 8.

Второй годъ изданія.

Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. **Сорбонна и Россія.** (1717—1747 гг.). *П. О. Пирлинга.* 1

II. **Изъ воспоминаній смолянки.** *А. Соколовой.* (Окончаніе). 38

III. **Прогрессъ и личность.** *И. М. Нова* 56

IV. **Декабристы въ современной имъ русской литературѣ.** *П. Н. Столпянскаго* 85

V. **Беатриче Ченчи.** Истор. романъ. *Ф. Гверрацци.* (Продолженіе). 98

VI. **Наполеонъ I.** Истор.-біографическій очеркъ. Проф. *А. С. Трачевскаго.* (Продолженіе). 124

VII. **Карлъ Брюлловъ, Феделе Бруни и Александръ Ивановъ.** *П. Ге.* 149

VIII. **Странички прошлаго.**—I. Исторія Кульджинскаго ханства.—II. Морской портъ древняго Рима. 169

IX. **Литературная лѣтопись:**—I. **Русскіе журналы.**—Обзоры прошлаго вѣка.—XIX вѣкъ въ наукѣ.—Что говорятъ цифры о русской газетѣ.—„Греко-латинскіе дома“ въ оцѣнкѣ проф. Мара.—Кавказскія легенды о Прометеѣ.—Исторія, которая будетъ написана по особому заказу.—II. **Изъ иностранныхъ журналовъ.**—Военныя границы Римской имперіи.—Тихо Браге и его ученые труды.—Намѣренія Наполеона I относительно Китая.—Могила Гиппократа.—Вѣщіе сны съ медицинской точки зрѣнія.—Различные способы погребенія у индусовъ.—Бракъ въ разныя эпохи и у различныхъ народовъ.—Религіозныя воззрѣнія Альфреда де Виньи.—Мѣстечко Шарметтъ и любовная идиллія Жанъ-Жака Руссо.—Расовый вопросъ.—Мольеръ и фарсъ.—Театральная цензура въ Германіи.—III. **Новыя книги.**—Всеобщая исторія съ IV ст. до нашего времени. *Э. Лависса* и *А. Рамбо.*—*П. Г. Мижуевъ.* Великій расколъ англосаксонской расы.—*Ф. Фонъ-Бецольдъ.* Исторія реформаціи въ Германіи.—*О. Кюльпе.* Введеніе въ философію.—*А. фонъ-Фрикенъ.* Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія.—*Ф. Диттесъ.* Критическіе этюды о нравственной философіи Спинозы, Лейбница и Канта.—*А. Максимовъ.* Что сдѣлано по исторіи семьи.—*Т. Мартемьяновъ.* Городъ Болховъ Орловской губерніи 180

X. Конкурсъ на составленіе проекта памятника Николаю Васильевичу Гоголю въ Москвѣ 238

Приложенія:

1) **Во дни Петра.** Ист. пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. *Кн. В. В. Барятинскаго.*

Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ:

2) **Исторія финскаго народа** по *Шюбергсону* и др. изслѣдованіямъ.

Сборникъ иностранныхъ истор. романовъ.

3) **Послѣдній авинянинъ.** Истор. романъ *Виктора Рюдберга.*

Дозв. цензъ. Спб. 19 іюля 1901 г.

Сорбонна и Россія *).

(1717 — 1747 гг.).

(Перевелъ **І. Ю. Шр.**).

ГЛАВА I.

Записка, представленная въ Сорбонну по вопросу о соединеніи церквей.

Тяготѣніе Москвы къ Западу.—Пребываніе Петра I въ Парижѣ въ 1717 г.—Планы его относительно церковной реформы.—Русское духовенство по словамъ Посошкова.—Два русскихъ посольства въ Римѣ.—Двойственность Петра.—Внѣшнія сношенія его съ католиками.—Политика папъ.—Они настаиваютъ на свободѣ церкви.—Россія покидаетъ оффиціальный проектъ о свободѣ.—Сорбонна въ 1717 г.—Намѣренія ея относительно Россіи.—Визитъ Петра въ Сорбонну.—Описаніе этого дѣла въ дневникѣ царя.—Описаніе того же дѣла сорбонскими учеными.—Содержаніе сорбонской записки, не признаваемой католиками и отвергаемой Бюддэ.—Послѣднее толкованіе этой записки.

МІРЪ духовный обладаетъ своими собственными законами притяженія. За исключеніемъ случаевъ добровольнаго отчужденія, духъ прогресса толкаетъ отсталые или варварскіе народы къ тѣмъ центрамъ цивилизаціи, гдѣ торговля развиваетъ промышленность, гдѣ науки соперничаютъ съ искусствами, гдѣ человѣкъ, наконецъ, является какъ бы властителемъ природы.

Подобное явленіе совершилось въ древнемъ Московскомъ государствѣ, которое, несмотря на свой полуазіатскій

---

*) **Мы** сочли необходимымъ опустить или смягчить все то, въ чемъ **проявились** специально [illegible] скія убѣжденія автора или его **крайне нетерпимое** отношеніе [illegible] изму. *Ред.*

характеръ [illegible] съ небольшими промежутками времени, всегда [illegible] даже и тогда, когда, окруженное завистливыми [illegible], какъ меченосцы, Литва, Польша, оно имѣло средоточіемъ своихъ ратныхъ силъ или Кіевъ, который, при посредствѣ Двины, соединялся съ Византіей, или Москву, которую [illegible] Волги приближало къ средней Азіи.

Движеніе это къ источнику свѣта ускорялось по мѣрѣ того, какъ само время устраняло къ тому препятствія, и Россія не замедлила отвоевать принадлежащее ей посреди европейскихъ государствъ мѣсто, лишь только „желѣзная рука“ положила основаніе въ осушенной отъ болотъ Ингріи столицѣ, долженствующей соперничать по красотѣ и блеску съ самыми извѣстными городами обоихъ полушарій. Двигаясь по волнамъ Невы, гордо опоясанной гранитными набережными, торговля тотчасъ же вступила на новый, открытый для ея дѣятельности путь. По новому же пути вскорѣ послѣдовала и политика. Второе путешествіе царя Петра Алексѣевича за границу вызывалось государственными цѣлями [1]).

Уже въ 1698 г. онъ совершилъ путешествіе по Европѣ и не посѣтилъ Франціи, политика коей въ духѣ Польши и Востока не совпадала съ его собственной. Со смертью Людовика XIV воспоминаніе объ этихъ разногласіяхъ сошло съ нимъ вмѣстѣ въ могилу, и нѣсколько лѣтъ спустя Петръ приказалъ предупредить герцога Орлеанскаго о предполагаемомъ имъ путешествіи. Это случилось въ 1717 г. Версальскому двору не особенно пріятно было оказывать гостепріимство сопернику Георга I, короля англійскаго, но благоразуміе заставляло казаться любезнымъ, и вотъ почему представитель царя, ведшій переговоры, былъ уполномоченъ довести до свѣдѣнія своего монарха о томъ, что онъ будетъ во Франціи желаннымъ гостемъ. Такимъ образомъ, случилось происшествіе, почти невѣроятное до сего времени,—на французскую землю впервые должна была вступить нога Московскаго царя, достойнаго сосредоточить на себѣ вниманіе вѣтреныхъ хозяевъ. Военная слава, соединенная съ именемъ героя „Полтавы“, побѣды на Балтійскомъ морѣ, сѣверный союзъ, были блестящими дѣяніями, связанными съ именемъ монарха, ра-

[1]) П. Полуденскій, основывающійся по преимуществу на русскихъ источникахъ, утверждаетъ, что, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, цѣлью путешествія царя было—заключить союзъ съ Людовикомъ XV и расторгнуть дружественныя узы, существовавшія между Франціей и Швеціей. (Русс. Арх. 1865 г., стр. 64).

ботавшаго топоромъ въ Саардамѣ, построившаго на верфи въ Воронежѣ суда и вырывавшаго съ корнемъ всякое сопротивленіе своимъ реформамъ. Въ то время, какъ народныя массы высказывали при имени самодержца свой восторгъ, люди государственные были озадачены важнымъ происшествіемъ: по иниціативѣ Петра—между Франціей, Пруссіей и Россіей былъ заключенъ союзъ [2]).

Никогда политика не оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросовъ религіозныхъ. Даже путешествіе царя, съ послѣдней точки зрѣнія, заслуживаетъ вниманія, благодаря одному случаю, не прошедшему въ исторіи безслѣдно. Дѣло касается сношеній Петра съ Сорбонной. Ихъ необходимо включить въ общій составъ религіозныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII в. и нельзя разсматривать отдѣльно отъ послѣдствій, связанныхъ съ ними.

Находясь во главѣ народа, вѣрованія коего зачастую переходили въ суевѣріе, царь былъ слишкомъ геніаленъ для того, чтобы не уяснить себѣ всю важность религіознаго элемента въ государственномъ организмѣ. Если ему и приходилось часто не признавать власти церковной, онъ никогда не отказывался извлечь изъ нея пользу для своихъ реформъ и сдѣлать изъ нея союзника для самодержавія. Онъ сокрушилъ прежнюю іерархію и замѣнилъ ее синодомъ, со свѣтскимъ прокуроромъ. Тѣмъ не менѣе, справедливость требуетъ упомянуть о томъ, что, кажется, въ умѣ царя-преобразователя были проекты менѣе крутые, слѣды которыхъ исторія должна попытаться обнаружить. Несомнѣнно, что Петръ втеченіе долгихъ лѣтъ обдумывалъ серьезно реформу русской церкви. Онъ стремился не къ тому, чтобы вести за поводъ лошадь патріарха въ Вербное воскресеніе, а тѣмъ болѣе не хотѣлъ видѣть на московскомъ престолѣ первосвященника, вродѣ Никона, который, окруженный многочисленнымъ дворомъ, имѣлъ бы возможность защищать независимость церкви, управлять богатыми монастырями и ослѣплять народъ блескомъ своего величія. Но, съ другой стороны, Петръ живо сознавалъ необходимость поднять умственный уровень духовенства, образованіе котораго дѣйствительно заставляло желать многаго. Хотя Кіевъ и обладалъ своей богословской школой, а Москва славяно-греческой академіей, и нѣсколько

[2]) Переговоры, начавшіеся въ Парижѣ, окончились въ Голландіи, и 4-го августа 1717 г. въ Амстердамѣ былъ подписанъ договоръ тройственнаго Союза. (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVII, стр. 77).

замѣчательныхъ людей вышло изъ этихъ двухъ разсадниковъ науки, тѣмъ не менѣе громадное большинство духовенства было ниже своего призванія. Какъ ни грустенъ этотъ фактъ, но онъ удостовѣряется безпристрастнымъ свидѣтелемъ. Иванъ Посошковъ, современникъ Петра, настолько любилъ свою родину, что мало былъ склоненъ къ высмѣиванію своихъ соотечественниковъ. Тѣмъ не менѣе у него вырывается правдивое признаніе въ томъ, что въ смыслѣ образованія между деревенскимъ священникомъ и простымъ крестьяниномъ очень мало разницы,—что оба они, согнувшись надъ сохой, вымаливаютъ у обрабатываемой ими земли насущный хлѣбъ и слишкомъ поглощены хозяйственными заботами, чтобы думать о наукахъ. Что же касается городского, болѣе обезпеченнаго духовенства, то, по словамъ Посошкова, оно по большей части находилось на той же ступени образованія, какъ и деревенское [3]). При такомъ положеніи вещей, впредь не терпимомъ, весьма естественно, что подражательный геній Петра обратился къ Западу съ цѣлью отысканія свѣточа знаній и образцовъ.

Въ то время католическія государства были окружены этимъ блескомъ, и это обстоятельство не могло не обратить его вниманія на римскую церковь.

Франція Людовика XIV, Польша Собѣсскаго только недавно покрыли себя славой на поляхъ сраженія, Италія и Испанія сохранили еще отпечатокъ прежняго величія, царица морей Венеція развѣвала въ далекихъ краяхъ флагъ св. Марка, кавалеры Мальтійскаго ордена справедливо гордились названіемъ „страшилища“ турокъ. Умъ наблюдательный и серьезный долженъ былъ поразиться этимъ единствомъ вѣры, связывающимъ съ Римомъ всѣ упомянутыя государства.

Если вѣрить словамъ Сенъ-Симона, основывающагося въ своихъ разсказахъ на признаніяхъ, сдѣланныхъ ему княземъ Куракинымъ,—былъ одинъ моментъ, когда въ умѣ царя духовная реформа представлялась въ видѣ сближенія съ римской церковью. Проектъ, очевидно, не былъ вполнѣ безкорыстенъ, такъ какъ въ сущности покоился на практической задней мысли. Самымъ страстнымъ желаніемъ царя было—вывести домъ Романовыхъ изъ одиночества и соединить его родственными узами съ владѣтельными европейскими домами, въ особенности съ французскими и австрійскими.

---

[3]) Посошковъ. Книга о бѣдности и богатствѣ, стр. 24, 25, 29.

Соглашеніе съ Римомъ облегчало заключеніе названныхъ союзовъ, при условіи устраненія препятствія, заключающагося въ различіи вѣрованій. Въ силу одного только этого преимущества, вопросъ заслуживалъ изученія. Съ этой цѣлью одинъ изъ русскихъ дворянъ былъ отправленъ въ папскую столицу. Несмотря на неудовлетворительность рапортовъ послѣдняго и незначительность успѣха этой миссіи, Петръ не палъ духомъ и съ обычнымъ своимъ упрямствомъ рѣшилъ поручить то же дѣло другому уполномоченному. Выборъ его остановился на Борисѣ Куракинѣ [4]).

Передъ московскимъ дипломатомъ раскрылись всѣ двери княжескихъ дворцовъ и министерскихъ кабинетовъ. Онъ имѣлъ возможность выяснить въ точности римскія воззрѣнія и судить о томъ, насколько они согласуются съ русскими требованіями. Послѣ трехлѣтняго пребыванія на берегахъ Тибра, Куракинъ имѣлъ докладъ у царя, который, выслушавъ его, „вздохнулъ,—говоритъ Сенъ-Симонъ,—говоря, что желаетъ быть хозяиномъ у себя дома, что нѣтъ основаній водворять лицо выше себя и что никогда не думалъ переходить въ католичество“ [5]).

Я не хочу показаться смѣшнымъ подобно Сенъ-Симону и не вѣрю, чтобы Петръ имѣлъ намѣреніе лично измѣнить свою религію. Никогда вѣра не имѣла надъ его неукротимой природой настолько власти, чтобы подчинить ее требованіямъ правилъ нравственности, и была скорѣе докучливой привычкой или вялымъ убѣжденіемъ.

Но въ этомъ гигантѣ, обладающемъ стальнымъ характеромъ, была странная двойственность: зачастую личность находилась въ полномъ противорѣчіи съ государственнымъ дѣятелемъ. Контрастъ этотъ, можетъ быть, былъ еще разитель-

---

[4]) *Воспоминанія Сенъ-Симона*, 9, XVI, изд. Хашета. Князь Борисъ Куракинъ былъ женатъ на сестрѣ Евдокіи Лопухиной, первой законной жены Петра. Даже послѣ опалы Евдокіи онъ продолжалъ пользоваться расположеніемъ царя. Такъ какъ онъ лично принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ съ Римомъ, то свидѣтельство его имѣетъ большую цѣну.

[5]) Князь Куракинъ отправился въ Римъ въ 1707 г. Оффиціальной цѣлью его посольства были переговоры о польскихъ дѣлахъ и защита интересовъ Августа II. Католики возлагали на нихъ нѣкоторую надежду. О посольствѣ Куракина см.: Тургеневъ, Hist. Russiae mon. II, CXLVIII; Theiner. Monuments hist. de Russie, n°314; Толстой. Римское католичество въ Россіи, II, стр. 355 и слѣд.; Guerrier, Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen, стр. 99.

нѣе по отношенію къ религіозной терпимости. Стоитъ вспомнить лишь подробности „собора пьяницъ“ [6]), въ которомъ патріархъ и папа были выставлены въ смѣшномъ видѣ, и сравнить затѣмъ съ тѣми внѣшними сношеніями царя съ католиками, совокупность коихъ, извлеченныхъ изъ современныхъ документовъ, должна быть разсмотрѣна здѣсь сразу. И дипломатическая переписка, изданная Тургеневымъ и Тейнеромъ, и документы, почерпнутые изъ московскихъ архивовъ графомъ Толстымъ, объясняютъ въ этомъ случаѣ основную мысль Петра.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего царствованія и до конца своей жизни онъ склонялся въ принципѣ къ религіозной свободѣ католиковъ своего государства, побуждаемый къ тому важными причинами. Нѣкоторые изъ иностранцевъ, среди коихъ выдѣляются Гордонъ [7]) и Змаевичъ [8]), благодаря случайностямъ войны разсѣянные въ странѣ поляки, даже сосредоточенные въ нѣкоторыхъ губерніяхъ мѣстные жители принадлежали по религіи къ этой церкви, интересы коей и права постоянно охранялись австрійскими и польскими дипломатами. Привлечь къ себѣ тѣхъ, кто былъ ему необходимымъ, при обезпеченіи свободы совѣсти, похвастаться передъ иностранными государствами предоставляемой свободой, въ тѣхъ видахъ, чтобы послѣдніе стали на его точку зрѣнія— вотъ на чемъ зиждилась оффиціальная политика, которую царь будто бы преслѣдовалъ, и которой Петръ Алексѣевичъ неоднократно измѣнялъ. Придавая вѣру лишь документамъ,

---

[6]) Русск. Древн. 1872 г. т. 5, стр. 845, напечатали подлинные документы, относящіеся къ этой сатурналіи. Документы эти написаны, большей частью, рукой Петра и многіе отмѣчены числами годовъ 1717 и 1718. Будучи занятъ судомъ надъ сыномъ, царь дѣятельно занимается избраніемъ „князя-папы“. Самый жалкій пьяница считался лучшимъ кандидатомъ.

[7]) Патрикій Гордонъ, шотландскаго происхожденія, былъ знаменитымъ генераломъ въ военной исторіи Россіи. Будучи человѣкомъ глубоко религіознымъ, онъ, можно сказать, былъ основателемъ католическаго прихода въ Москвѣ. Петръ I, коему онъ оказалъ весьма важныя услуги, плакалъ на его могилѣ. Нѣмецкій переводъ его воспоминаній былъ изданъ Поссельтомъ и Оболенскимъ: Tagebuch des Generals Patrick Gordon. St.-Petersbourg.

[8]) Адмиралъ Змаевичъ, славянинъ по происхожденію, былъ братомъ зарскаго архіепископа. Послѣ смерти Гордона, онъ по своему положенію очутился во главѣ католиковъ въ Россіи. Тейнеръ написалъ нѣсколько статей, касающихся его личности, въ „Monur [illegible] iques de Russie“.

свобода католической церкви была въ дѣйствительности совершившимся фактомъ. Такимъ образомъ, кульмскій палатинъ, посланный изъ Польши, получаетъ въ 1704 г. дипломъ, обезпечивающій ему вполнѣ свободу вѣроисповѣданія на всемъ протяженіи Имперіи [9]). 12 декабря 1705 г. Петръ подписываетъ въ Гроднѣ привилегію въ томъ же духѣ [10]). Именемъ царя, Меншиковъ дѣйствуетъ такимъ же образомъ въ 1706 г. [11]). Куракинъ [12]), а послѣ него Рагузинскій говорятъ въ Ригѣ рѣчи, воодушевленныя тѣми же идеями. Къ тому же посланникамъ императора усердно внушается, что католикамъ покровительствуютъ изъ-за дружбы къ ихъ монарху. Если политика царя была искусной, зато папская была отмѣчена самымъ высокимъ благоразуміемъ. Такія лица, какъ Поссевинъ и Вота, уже съ давнихъ временъ изучали вопросъ на мѣстѣ, причемъ ихъ безспорная талантливость внушала довѣріе къ ихъ словамъ, а въ Римѣ было извѣстно, цѣною какихъ испытаній царство Іоанна IV обратилось въ имперію Петра I. Въ прежнее время папы настаивали на томъ, чтобы цари присоединились къ европейской лигѣ противъ турокъ, знамя которыхъ, укрѣпленное на Босфорѣ, составляло для христіанъ угрозу и вызовъ,—во время же царствованія Петра ихъ постоянной заботой было получить такую грамоту, которая давала бы католикамъ равноправность и свободу, за поручительствомъ царя передъ папою въ ихъ неприкосновенности.

---

[9]) Hist. Russiae mon. II, CLIX. Тургеневъ относитъ этотъ документъ приблизительно въ 1718 г. Это ошибка, такъ какъ посланный Польши въ Россію говоритъ объ ней кульмскому епископу въ письмѣ отъ 19 іюля 1704. Смотри въ томъ же сочиненіи II, CXLVIII.

[10]) Толстой. Рим. кат. I, стр. 137; Тейнеръ, Monum. Histor. № 310.

[11]) Тейнеръ, Monum. Hist. № 311.

[12]) Въ одной изъ оффиціальныхъ нотъ, по приказанію Климента XI кардиналу Оттобуони 27 іюля 1720 г., высказано ясно: „тотъ же посолъ (Куракинъ) прибавилъ, что царь желаетъ доказать не только на словахъ, но и на дѣлѣ свое благорасположеніе къ его святѣйшеству: сверхъ разрѣшенія проѣзда черезъ Москву миссіонерамъ, посылаемымъ изъ Рима въ Китай и другія восточныя государства, сверхъ разрѣшенія на постройку въ Москвѣ монастыря капуциновъ и другихъ католическихъ церквей, и народныхъ школъ для обученія юношества христіанской вѣрѣ и наукамъ,—далъ еще свое соизволеніе на свободное исповѣданіе римско-католической религіи во всѣхъ своихъ обширныхъ владѣніяхъ“. Библіотека Корсани въ Римѣ, № 188. Memoria per un cavaliere Moscovita a Venezia.

Достаточно привести одинъ документъ, къ тому же весьма важный, такъ какъ въ немъ указана римская политика за нѣсколько лѣтъ, а именно депешу кардинала Паулуччи отъ 17 мая 1717 г. нунцію Бентиволіо въ Парижѣ, чтобы ясно представить рѣшительную цѣль, къ коей направлены были всѣ стремленія святѣйшаго престола [13]).

Неизбѣжно поэтому является вопросъ: почему свобода, о которой хлопотали обѣ стороны, не была разрѣшена подъ именемъ хартіи, выданной на имя папы? Вина въ томъ Петра. Онъ старался оттянуть время на приведеніе въ исполненіе неоднократно повторяемыхъ обѣщаній, въ тѣхъ видахъ, чтобы возможно дольше пользоваться преимуществами своего положенія и обезпечить себѣ содѣйствіе папъ въ особенности въ польскихъ дѣлахъ. Соглашеніе, наконецъ, должно было послѣдовать, у графа Рагузинскаго были въ рукахъ всѣ нужные документы, какъ вдругъ кончина Климента XI создала новое препятствіе. Его замѣститель Иннокентій XIII не спѣшилъ завязать вновь прерванные переговоры, русское правительство было радо тянуть таковые, такимъ образомъ проектъ соглашенія улетучился... Позднѣе Петръ приказалъ собрать свѣдѣнія о кардиналахъ, покровительствующихъ разнымъ націямъ, а также объ условіяхъ, при которыхъ можно было бы заручиться однимъ изъ нихъ для русскаго народа. Всѣ эти начинанія не имѣли послѣдствій [14]).

Многія горячія головы, основываясь на упомянутыхъ порученіяхъ, думали найти въ нихъ предварительныя указанія для предполагаемаго сближенія. Во время своего перваго путешествія, Петръ сидѣлъ за іезуитской трапезой въ Вѣнѣ. Гродненское свиданіе его съ Вота носило отпечатокъ задушевности; съ его разрѣшенія воздвигалась въ Москвѣ каменная церковь [15]); іезуитская коллегія въ томъ же городѣ процвѣтала,

---

[1]) Hist. Russiae mon., II, CXLVIII.

[14]) Толстой, Римск. Катол., II, стр. 355 и слѣд. Документъ, изъ котораго почерпнуты эти подробности, представляетъ изъ себя замѣтку объ отношеніяхъ Петра I съ Иннокентіемъ XII и Климентомъ XI, составленную по бумагамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ.

[15]) Тутъ-то можно себѣ представить, насколько графъ Толстой точенъ. Онъ сомнѣвается, чтобы царь далъ свое согласіе на постройку каменной церкви и направляетъ читателя къ стр. 404 „Diarium“ Гордона, напечатаннаго Поссельтомъ. Между тѣмъ вотъ это мѣсто: Als wir unterwegs die Strasse unserer Kirche kamen, sprach ich mit Majestät darüber, dass Sie uns die Erlaubnis geben möchte, unser Gotteshaus von Stein aufzubauen, welches Sie gnädigst bewilligte. Вторая фраза, приводимая Толстымъ, не касается этого предмета. Римск. Като., II, стр. 130.

какъ никогда. Пражская же раскрыла свои двери молодымъ русскимъ, посылаемымъ туда царемъ, который къ тому же приказалъ перевести на русскій языкъ труды П. Скарги, касающіеся жизнеописанія святыхъ.

Совокупность этихъ фактовъ, въ связи съ примирительной рѣчью властелина и его министровъ, и общей ихъ симпатіей къ Западу, могли ввести людей постороннихъ въ заблужденіе. Лица, знающія очень хорошо характеръ и нравы государя, никогда и не думали, чтобы онъ могъ сдѣлаться набожнымъ сыномъ св. Петра. Что же касается соглашенія, имѣющаго цѣлью соединеніе двухъ церквей, то оффиціально этотъ вопросъ никогда не облекался въ точныя выраженія. Если вѣрить воспоминаніямъ Сенъ-Симона, на самомъ дѣлѣ, были лишь предварительные переговоры, клонившіеся къ освѣдомленію царя относительно сущности и преимуществъ соглашенія съ Римомъ.

Сорбонскіе ученые, которыхъ давно пора вывести на сцену, не сумѣли сохранить, по примѣру римскихъ первосвященниковъ, благоразумной умѣренности въ сношеніяхъ своихъ съ Петромъ.

Въ то время въ факультетѣ происходилъ печальный переворотъ. Появленіе „Нравственныхъ разсужденій“ (Reflexions morales) Кеснеля (Quesnel) посѣяло смуту въ умахъ, а людей съ чистой совѣстью основательно обезпокоило. Климентъ XI, принужденный высказаться по этому вопросу, обнародовалъ 8 сентября 1713 г. буллу, подъ названіемъ „Unigenitus“, въ которой осуждались 101 предложеніе, изъятыя изъ книги Кеснеля. Во французской церкви произошелъ расколъ: большая часть духовенства приняла буллу, меньшая часть, но буйная, отвергла ее. Сорбонна присоединилась сначала къ принявшимъ, но 5 марта 1717 г. большинство ученыхъ перешло на сторону четырехъ епископовъ, желавшихъ принести будущему собору апелляцію на буллу. Отсюда названіе аппелляторовъ было придано всей партіи. За исключеніемъ одного, всѣ ученые, вступившіе въ сношеніе съ Петромъ, были изъ этой среды. Впослѣдствіи большинство изъ нихъ стали знаменитыми янсенистами. Чтобы понять важное значеніе, приписываемое учеными своимъ поступкамъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду цѣль, которую они себѣ ставили и къ достиженію которой неутомимо стремились. Дѣло Россіи, въ ихъ рукахъ, должно было сдѣлаться обоюдоострымъ мечемъ. Велика была бы ихъ заслуга передъ церковью, если бы они успѣли привести къ единенію цѣлый народъ, который

по обращеніи, будучи проникнутъ галликанскими принципами, сталъ бы въ воинствующіе ряды тѣхъ, которые были противъ предполагаемаго римскаго захвата власти. Подобная двуличная политика была въ обычаѣ у янсенистовъ, которые, не желая открытаго разрыва съ папствомъ, не хотѣли вмѣстѣ съ тѣмъ добровольно ему подчиниться. И вначалѣ обстоятельства какъ нельзя лучше способствовали намѣреніямъ ученыхъ. Царь, въ своей изумительной дѣятельности, не упускалъ ни одного случая. Во время пребыванія своего въ Парижѣ въ 1717 г. ни политическія дѣла, ни кутежи не поглощали его настолько, чтобы онъ не могъ удѣлить времени наукамъ и искусствамъ. Сорбонна была однимъ изъ учрежденій, которыя онъ посѣтилъ. Въ знаменитомъ дневникѣ Петра I, написанномъ въ концѣ его царствованія, почти цѣликомъ подъ его диктовку, и изданномъ впослѣдствіи Щербатовымъ, описано свиданіе монарха съ учеными въ выраженіяхъ, настолько характерныхъ, что ихъ слѣдуетъ привести дословно: „3 іюня" [16]), такъ начинается дневникъ—„Его Величество отправился въ академію, гдѣ сорбонскіе ученые бесѣдовали съ Его Величествомъ объ единствѣ вѣры, говоря, что таковое единство легко можно установить. На что Его Величество изволилъ возразить, что дѣло это весьма важно и потому невозможно разрѣшить его въ короткій промежутокъ времени и что, къ тому же, Его Величество занятъ преимущественно военными дѣлами. Но если они желаютъ дѣйствительно подобнаго единенія, то пусть напишутъ русскимъ епископамъ, ибо дѣло это по своей важности требуетъ духовнаго съѣзда. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, изволилъ обѣщать ученымъ, что, если тѣ напишутъ русскимъ епископамъ, то онъ прикажетъ, въ силу власти, дарованной ему Богомъ, дать отвѣтъ" [17]).

Лаконическое содержаніе дневника должно быть дополнено подробностями, дошедшими до нашего свѣдѣнія отъ ученыхъ [18]).

[16]) 3 іюня по старому стилю соотвѣтствовало въ 1717 г. 14 іюня — нов. стиля.

[17]) Дневникъ Петра Великаго, II, стр. 411. Первая редакція дневника составляетъ произведеніе Макарова, секретаря царскаго кабинета. Но она была такъ часто и такъ существенно исправляема Петромъ, что Устряловъ, не колеблясь, признаетъ за послѣднимъ авторскія права.

[18]) См. Dupac de Bellegarde, „Histoire abrégée de l'Eglise métropolitaine d'Utrecht", а въ особенности „La Relation des démarches faites par les docteurs de Sorbonne pour la réunion de l'Eglise de Russie". Это [illegible] небольшое сочиненіе, [illegible] было [illegible] священникомъ Курте въ [illegible] томѣ [illegible] de l'action de Dieu", Парижъ 1758 г.

Когда Петръ посѣтилъ Сорбонну, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ своей свиты, между которыми находился Василій Долгорукій, то вначалѣ одинъ лишь Бурсье [19]) привѣтствовалъ его появленіе. Но, лишь только высокіе путешественники покинули церковь и направились въ библіотеку, остальные ученые, побуждаемые понятнымъ любопытствомъ, тоже явились туда. Римскіе священники, очутившись въ присутствіи россійскаго самодержца, должны были вспомнить о всѣхъ безплодныхъ попыткахъ, клонившихся къ соединенію Востока съ Западомъ, и, можетъ быть, возмечтать о томъ, не удастся ли скорѣе имъ это предпріятіе. Вотъ почему Бурсье воспользовался первымъ представившимся случаемъ и повелъ о томъ рѣчь. Но тутъ явилось препятствіе, которое необходимо было преодолѣть: увлеченный естественной живостію своего характера, можетъ быть, желая скрыть нервныя подергиванія, часто искажавшія его лицо, Петръ осматривалъ такъ быстро все достойное вниманія, что разговоръ не могъ вестись послѣдовательно. Но лишь только удалось обратить его взоръ на книги со славянскими письменами, какъ Бурсье поспѣшилъ замѣтить, что, устроивъ соединеніе церквей, онъ завершитъ связанную съ именемъ его славу, такъ какъ къ побѣдамъ, одержаннымъ имъ на полѣ брани, онъ добавитъ торжество мира. Съ улыбкой на устахъ, монархъ отвѣтилъ черезъ переводчика, что онъ—простой воинъ. Бурсье удачно воспользовался произнесеннымъ словомъ, говоря, что онъ не только воинъ, но и герой, а, въ качествѣ владѣтеля, естественный покровитель религіи. Царь настолько понялъ эту льстивую рѣчь, что сдѣлался болѣе благосклоннымъ, и, приступивъ безъ обиняковъ къ вопросу, замѣтилъ, что соединеніе весьма трудно по тремъ пунктамъ, относительно которыхъ нѣтъ соглашенія, а именно—папа, происхожденіе Св. Духа... и такъ какъ старался вспомнить третій пунктъ, то Бурсье подсказалъ ему—опрѣсноки и чаша. „По отношенію къ послѣднимъ“, сказалъ Петръ, „не трудно прійти къ соглашенію“. Доктора сейчасъ же присоединились къ его мнѣнію, присовокупивъ, что того же результата можно достигнуть и по отношенію къ другимъ разнорѣчивымъ ученіямъ, такъ какъ разногласія по поводу Св.

[19]) Имя это въ настоящемъ изложеніи будетъ упоминаемо неоднократно. Бурсье (1679—1748) былъ ярымъ янсенистомъ. Вслѣдствіе сопротивленія своего церковнымъ рѣшеніямъ, онъ вынужденъ былъ покинуть Сорбонну, а вслѣдствіе поисковъ министерства, заподозрившаго въ немъ врага государства, скрыться бѣгствомъ.

Духа представляютъ собственно споръ о словахъ, а первенство папы можетъ быть согласовано съ существующимъ порядкомъ въ русской церкви. Тогда же Петръ сдѣлалъ предложеніе относительно переписки по этому вопросу. „Вотъ что“, сказалъ онъ Бурсье: „составьте мнѣ памятную записку и торопитесь, такъ я скоро уѣзжаю. Я обѣщаю вамъ передать ее епископамъ моего государства, которыхъ обяжу дать вамъ отвѣтъ“. Затѣмъ обмѣнявшись нѣсколькими словами по поводу буллы „Unigenitus“, доктора возобновили свою настоятельную просьбу о соединеніи церквей; царь выслушалъ ихъ милостиво и покинулъ Сорбонну, весьма довольный наружно своимъ посѣщеніемъ. Несмотря на пристрастіе свое, Голиковъ также свидѣтельствуетъ, что парижскіе ученые сумѣли заслужить расположеніе царя [20]). Что же касается до сношеній, которыя должны были установиться съ русскими епископами, трудно судить въ настоящее время, насколько вышеупомянутое предложеніе было серьезно. Было ли оно со стороны царя простой уловкой съ цѣлью отдѣлаться отъ назойливости ученыхъ? Было ли оно послѣдней попыткою въ видахъ болѣе или менѣе серьезныхъ? Вторая гипотеза, въ 1717 году, не была невѣроятной. Тотчасъ же послѣ отъѣзда царя приступили къ составленію въ самое короткое время памятной записки. Трудъ этотъ разцѣлили между собой многіе теологи, причемъ окончательная редакція была поручена Бурсье. Хотя, такимъ образомъ, ученые достигли нѣкотораго успѣха, тѣмъ не менѣе сами они продолжали оставаться въ положеніи особенно затруднительномъ по отношенію къ русскимъ. Такъ, они пытались склонить послѣднихъ къ единству, отъ котораго сами отдѣлились, отвергнувъ буллу „Unigenitus“ и не признавъ папскаго авторитета. Слѣды этого не могли не сказаться въ ихъ запискѣ, которая поэтому содержитъ въ себѣ странную совокупность противорѣчій. Вотъ она въ краткихъ словахъ [21]).

Упомянувъ предварительно объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ составленіе записки, ученые съ похвалой распространяются о религіозномъ единствѣ, преподанномъ апостоломъ вѣрующимъ и имѣющемъ въ основаніи своемъ единство Бога, вѣры и крещенія. Съ цѣлью указать въ самомъ началѣ осуществимость своей попытки они доказываютъ путемъ длиннаго

[20]) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго. VI, стр. 231.

[21]) Relation des demarches etc., стр. 369. Записка эта была отвергаема кардиналомъ Жердиль въ IX томѣ его сочиненій, въ римскомъ изданіи

ряда научныхъ данныхъ, признаваемыхъ обѣими сторонами, что русская церковь не столь чужда Риму, какъ церковь протестантская. Приступая затѣмъ къ сущности самаго положенія, вотъ на какомъ разсужденіи они полагаютъ обосновать свою дѣятельность. Единство вѣры, говорятъ они, можетъ быть согласовано при различіи обрядностей, лишь бы не было разницы въ догматахъ. Русская церковь разнится, дѣйствительно, отъ римской своими внѣшними обрядностями, но, по отношенію къ оспариваемымъ догматамъ, нѣтъ сомнѣнія, что подробное изученіе послѣднихъ откроетъ новый путь къ соглашенію. Такимъ образомъ, вопреки общепринятому мнѣнію, завершеніе единства, возстановляющаго связь Востока съ Западомъ, не представляется черезчуръ затруднительнымъ, лишь бы пренія по этому вопросу велись въ духѣ примиренія и любви. Силлогизмъ—весьма правильно составленный, если бы обѣ посылки были равномѣрны. Въ первой точно устанавливается сущность отношеній, которыя связываютъ между собой догматы съ обрядностями, не смѣшивая ихъ другъ съ другомъ. Вторая же сорбонская посылка болѣе сложна.

Для того, чтобы достигнуть намѣченной цѣли, необходимо было набросать въ главныхъ чертахъ проектъ соглашенія, а въ особенности выяснить указанные царемъ три пункта, служащіе существенными основаніями разрыва. Предметъ, самъ по себѣ огромный и важный, былъ щекотливымъ для апелляторовъ въ ученіи о главенствѣ папы,—вопросѣ поставленномъ первымъ. Неудивительно, что эта часть записки не только слаба, но и не можетъ быть признаваема ни однимъ католикомъ по своему содержанію. Единственно непреложнымъ является, по мнѣнію ученыхъ, положеніе, что „римскій епископъ, будучи законнымъ преемникомъ св. Петра, а по божественному праву первымъ изъ епископовъ и первымъ викаріемъ Іисуса Христа, въ качествѣ такового является единственнымъ и видимымъ звеномъ союза". Все остальное входитъ въ область теологическихъ мнѣній, которыя по желанію можно и принимать, и отвергать. Лично они признаютъ открыто, что Богъ передалъ верховное главенство непосредственно собранію епископовъ, коему самъ папа по вопросамъ вѣры, искорененію схизмы и церковной реформы обязанъ подчиняться, что сужденія папы не могутъ быть признаны непогрѣшимыми, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они утверждены вселенской церковью. Что же касается отношенія

церкви къ государству, записка установляетъ, что папа, обладая чисто духовной властію, не получалъ отъ Іисуса Христа ни прямого, ни косвеннаго права на свѣтскую власть королей, и что они ни подъ какимъ видомъ, даже подъ видомъ религіи, не могутъ уволить подданныхъ какого-либо князя отъ должнаго послѣднему послушанія, ни развязать ихъ отъ принесенной присяги на вѣрность. Наконецъ, вся признаваемая за папой, по новому закону, власть, распространяющаяся на избраніе епископовъ, на утвержденіе таковаго избранія, на отпущеніе грѣховъ, принадлежитъ ему, по мнѣнію Сорбонны, лишь въ томъ случаѣ, если отъ нея откажутся всѣ церкви, всѣ владѣтели и онъ самъ, въ качествѣ патріарха, причемъ власть должна быть признана недѣйствительной, если только она не опирается на трехъ упомянутыхъ началахъ. Положеніе ученыхъ формулировано точно, но съ точки зрѣнія ортодоксальнаго католицизма совершенно несостоятельно.

Записка составлена въ этомъ смыслѣ болѣе удачно въ той части, которая касается происхожденія Св. Духа. Сорбонскіе ученые не пытаются даже затронуть подробности этого разномыслія. Единственной ихъ цѣлью было—устранить насколько возможно всѣ тонкости и выставить удобопонятную сторону. Они удачно рѣшаютъ свою задачу. Имѣются, говорятъ они, на-лицо двѣ формулы для того, чтобы выразить словами упомянутый догматъ; одна изъ нихъ: *Духъ Святой исходитъ отъ Бога*-Отца черезъ Бога-*Сына*, другая подтверждаетъ ясно—Духъ Святой исходитъ отъ Бога-Отца и отъ Бога-Сына. И такъ какъ Востокъ принялъ первую формулу, то для того, чтобы не впасть въ противорѣчіе и быть послѣдовательнымъ, онъ не можетъ отвергнуть второй.

Вотъ на какой, наскоро разработанной почвѣ ученые надѣялись прійти къ соглашенію съ русскими. Далѣе, ученые, слегка затронувъ вопросъ объ опрѣснокахъ, оканчиваютъ свою записку патетическимъ воззваніемъ къ царю: пусть онъ, подчинившись церкви, добавитъ лавры къ славному своему царствованію; пусть онъ, на подобіе новаго Кира, вернетъ подвластные народы къ той правдѣ, откуда исходитъ миръ и согласіе; пусть онъ, устранивъ раздѣляющую стѣну, соединитъ обѣ церкви, и такимъ путемъ возвысится надъ своими предками.

Таково приблизительно содержаніе записки, составленной втеченіе 24-хъ часовъ и подписанной на слѣдующій же день, 15 іюня, 18 сорбонскими учеными, изъ коихъ одинъ

лишь Ле-Мойнъ не принадлежалъ къ числу апелляторовъ. По совѣту маршала Тессэ, служившаго посредникомъ между ними и царемъ, записка была переведена на латинскій языкъ и для большей важности засвидѣтельствована въ парижскомъ архіепископствѣ 19 іюня. Такъ какъ Петръ въ это время покинулъ уже столицу, записка Сорбонны была отправлена за нимъ въ догонку и была принята царемъ съ милостивыми словами по адресу ученыхъ. Впослѣдствіи мы узнаемъ оффиціальный отвѣтъ русскихъ епископовъ, теперь же обратимъ вниманіе на ту изолированность, въ которой очутилась Сорбонна. За исключеніемъ крайнихъ галликанъ, съ ней не могли дѣйствовать за-одно ни католики, ни протестанты. Она, по мнѣнію однихъ, отступала отъ истины, по мнѣнію же другихъ, упорствовала въ заблужденіяхъ. Дѣйствительно, предлагаемые ею въ основу единенія принципы настолько ниспровергали духовную іерархію и право святѣйшаго престола, что не могли быть приняты безъ сомнѣній вѣрными сынами католической церкви.

Истолкователемъ же воззрѣнія протестантовъ явился Бюддэ въ своемъ язвительномъ памфлетѣ, изданномъ позднѣе въ Германіи [22]). Многія лица подозрѣвали сначала, что авторомъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи можно придти къ заключенію, что архіепископъ новгородскій только доставилъ матеріалъ, коимъ іенскій профессоръ воспользовался по своему усмотрѣнію [23]). Въ самомъ началѣ онъ съ ѣдкой іроніей упрекаетъ ученыхъ въ томъ, что они видоизмѣнили католическіе догматы,—въ чемъ, къ сожалѣнію, правъ. Затѣмъ, перебирая по пунктамъ записку Сорбонны, онъ подробно изслѣдуетъ ее съ точки зрѣнія передового протестантства или, вѣрнѣе, смягченнаго раціонализма. Бюддэ стремится доказать, что соединеніе русской церкви съ Римомъ не такъ-то легко, а, напротивъ, на своемъ пути оно встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія. Приводимыя имъ въ подтвержденіе своего заявленія слова весьма знаме-

---

[22]) Ecclesia Romana cum Ruthenica irreconciliabilis seu scriptum aliquod doctorum quorundam Sorbonicorum Augustissimo Russorum Imperatori ad utriusque ecclesiae unionem ei suadendam exhibitum, modeste expensum et animadversionibus illustratum ab Joan. Francisco Buddeo Theol. D. et P. P. O. Jenae 1719.

[23]) М. Минцловъ также того же мнѣнія, что не Прокоповичъ былъ авторомъ упомянутаго памфлета. „Петръ Великій по словамъ иностранной литературы“, стр. 378.

нательны въ устахъ протестанта: русская церковь совершенно подчинена государственной власти и поэтому со стороны царя было бы страннымъ отказаться въ пользу папы отъ своихъ правъ и преимуществъ. Для проницательнаго ока въ этомъ-то и проявляется сущность умозаключеній Бюддэ, несмотря на осторожные ораторскіе пріемы, которыми старается обставить себя авторъ, несмотря на хвалебныя отступленія въ пользу царя, несмотря на жестокія нападки на католическую церковь.

Для того, чтобы покончить съ этимъ разборомъ, остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ запискѣ Сорбонны проглядываетъ полное отсутствіе знанія исторіи русской церкви. Ученые легкомысленно смѣшиваютъ русскихъ съ греками, сами не подозрѣвая того обстоятельства, что въ Россіи религіозная жизнь, въ своемъ ростѣ, претерпѣвала собственныя фазы развитія. Москва, составляя сначала Византійскую епархію, была возведена въ 1589 году на степень патріархата. Царствовавшій въ это время, подъ именемъ Ѳеодора, Борисъ Годуновъ посадилъ на новое мѣсто свою креатуру, такимъ образомъ элементъ свѣтскій поглотилъ духовную власть. Патріархатъ озарился особеннымъ блескомъ, когда основатель дома Романовыхъ возвелъ въ этотъ высокій санъ своего отца; затѣмъ непокорный Никонъ неутомимо защищалъ пріобрѣтенныя права и удерживалъ на высотѣ прежнее величіе, но съ нимъ вмѣстѣ исчезла навсегда самостоятельность московскихъ первосвященниковъ, которые впредь превратились въ чиновниковъ, облеченныхъ властью управлять церковью. Связь іерархическая, соединявшая съ Византіей, давнымъ-давно порвалась. Петръ, послѣ смерти патріарха Адріана, намѣревался назначить временнаго преемника ему и такимъ образомъ поставить церковь въ положеніе учрежденія временно управляемаго. Къ этому именно времени относятся сношенія царя съ Сорбонной. Связать себя заранѣе обѣщаніемъ, что управленіе русской церкви будетъ нетронутымъ, значило бы стать на почву весьма опасную. Если бы парижскіе ученые были лучше освѣдомлены, они, вѣроятно, предпочли бы отказаться отъ сдѣланнаго ими предложенія царю ограничить свою свободу въ пользу церкви. Событія не допустили того, чтобы ихъ совѣты были подвергнуты испытанію.

ГЛАВА II.

Отвѣтъ, данный русскими епископами на памятную записку Сорбонны.

Царевичъ Алексѣй въ Вѣнѣ.—Возвращеніе его въ Россію. — Осужденіе его на смерть.—Судьба его единомышленниковъ.—Строгое обращеніе Петра съ представителями духовенства.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Царь лично враждебенъ къ католикамъ.—Смѣшанные браки.—Изгнаніе іезуитовъ.—Князь-папа. — Два проекта отвѣта на записку Сорбонны. — Содержаніе письма Прокоповича.—Стефанъ Яворскій.—Содержаніе черновика отвѣта.—Сорбонна продолжаетъ сочинять проекты относительно Россіи.

Сорбонскіе ученые предполагали, что, пославъ царю свою записку, они одержали блестящій успѣхъ. Но упустили изъ виду, что Петръ лично относился враждебно къ католикамъ, къ тому же не могли предвидѣть событія, вскорѣ усилившія эту враждебность. Читатель поэтому долженъ на время остановить свое вниманіе на Вѣнѣ.

21 ноября 1716 года, имперскій вице-канцлеръ, графъ Шёнбренъ собирался мирно отойти ко сну, какъ вдругъ какой-то незнакомецъ, несмотря на часовыхъ, ворвался къ нему въ комнату. Еще болѣе страннымъ показалось ему посланіе, которое вручилъ ему иностранецъ. Посланіе извѣщало, что сынъ царя Петра, царевичъ Алексѣй, проситъ аудіенціи и ждетъ таковой у дверей. Не успѣлъ еще графъ Шёнбренъ одѣться, какъ уже передъ нимъ предсталъ несчастный принцъ. Причина, приведшая его изъ столь дальнихъ странъ въ столицу Австріи, заключалась въ слѣдующемъ. Петръ никогда не жилъ въ согласіи съ сыномъ своей первой супруги; когда же Екатерина сдѣлалась матерью ребенка, къ которому современемъ могъ перейти престолъ,—отношенія эти очень обострились. Къ тому же Алексѣй и не прилагалъ особыхъ усилій для того, чтобы заручиться расположеніемъ своего отца. Обладая всѣми пороками, присущими старому порядку, онъ ненавидѣлъ нововведенія, даже самыя полезныя. Будучи по природѣ своей лѣнивымъ и упрямымъ, онъ не расширилъ своего кругозора ни путешествіями, ни науками. Не любилъ труда, предавался грубымъ удовольствіямъ и въ тиши мечталъ о возстановленіи стараго царства. Петръ этимъ былъ встревоженъ и неоднократно упрекалъ его. Выйдя изъ терпѣнія, онъ въ письмѣ, написанномъ изъ Копенгагена, 26 августа 1716 г., предложилъ сыну на выборъ — или по-

каяться, присоединиться къ его заграничному путешествію, или пойти въ монастырь. Терзаемый ужасомъ при одной мысли о монастырѣ, Алексѣй выбралъ путешествіе, но вмѣсто того, чтобы поѣхать къ отцу, онъ изъ Данцига отправился въ Вѣну, съ цѣлью просить защиты у своего шурина Карла VI [1]). Теперь же онъ явился къ графу Шёнберну лично высказаться о причинахъ своего бѣгства. Екатерина и Меншиковъ, говорилъ онъ, стараются сжить его со свѣта съ цѣлью предоставить престолъ сыну честолюбивой мачихи; царь же, отецъ его, внушаетъ ему необычайный страхъ; что же касается его собственныхъ заблужденій, излишествъ, его безхарактерности, онъ высказалъ, что таковыя проявились благодаря его воспитанію, способствовавшему развитію въ немъ дурныхъ наклонностей, а не ихъ искорененію. Всѣ эти жалобы Алексѣй высказалъ взволнованнымъ голосомъ, со встревоженнымъ видомъ, какъ будто боясь, чтобы его не накрыли, затѣмъ вдругъ опустился на стулъ и просилъ дать ему пива. Ему преподносятъ вино, и онъ тотчасъ же вновь начинаетъ свою сбивчивую рѣчь, содержаніе которой можетъ быть сведено къ одному: пусть императоръ спасетъ его жизнь.

Вѣнскій кабинетъ сейчасъ же понялъ важное значеніе этого поступка и тѣ непріятныя послѣдствія, которыя онъ повлечетъ за собой. Хотя императоръ и высказалъ участіе къ судьбѣ Алексѣя, но министры его полагали дѣйствовать осторожно, опасаясь мести. Главное руководительство всѣмъ дѣломъ было поручено принцу Евгенію, и Алексѣй послѣдовательно былъ заключенъ въ замокъ Эренбергъ, въ Тиролѣ, и Сентъ-Эльмъ, около Неаполя. Дипломатамъ же вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано разоблачить подробности происшествія съ цѣлью оттянуть развязку. Но тщетны были всѣ усилія. Царю удалось провѣдать тайну, и онъ повелительнымъ тономъ требовалъ выдачи непокорнаго сына. Послѣ отнѣкиваній и отмалчиваній, послѣдовали признанія, и императоръ согласился отказаться отъ узника въ томъ случаѣ, если тотъ рѣшится добровольно возвратиться на родину. Петръ клятвенно обѣщалъ простить его. Толстой и Румянцевъ вынудили у принца согласіе. Но, лишь только онъ вернулся, былъ возбужденъ процессъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ юстиціи. Петръ, будучи одновременно судьей и одной изъ сторонъ, будучи монархомъ и одновременно отцомъ преступника, лично, съ необыкновен-

[1]) Карлъ VI и Алексѣй были женаты на родныхъ сестрахъ, принцессахъ Брунсвикъ-Вольфенбюттель.

нымъ ожесточеніемъ и при помощи излишнихъ пытокъ, руководилъ слѣдствіемъ, причемъ онъ старался проникнуть до глубины человѣческой совѣсти...

Обѣщанное имъ снисхожденіе было съ самаго начала обусловлено двояко: во-первыхъ — отреченіемъ отъ престола, а во-вторыхъ—полнымъ сознаніемъ. Будучи признанъ виновнымъ, Алексѣй былъ приговоренъ къ смертной казни. Былъ ли онъ подверженъ таковой въ дѣйствительности? Умеръ ли онъ отъ страха и истощенія? Не предупредили ли оффиціальнаго палача слишкомъ усердные споспѣшники? По этому вопросу было возбуждено не мало сомнѣній. Историкъ Устряловъ не посмѣлъ высказаться на этотъ счетъ рѣшительно. Перебирая втеченіе четырнадцати лѣтъ архивную пыль, онъ предоставляетъ на выборъ читателю девять разнорѣчивыхъ версій по поводу смерти Алексѣя [2]). Достовѣрно, тѣмъ не менѣе, одно—Петру стоило не малыхъ усилій заставить повѣрить въ оффиціальное извѣщеніе, будто царевичъ, по выслушаніи зловѣщаго приговора, умеръ апоплексическимъ ударомъ [3]). Неизвѣстность, или вѣрнѣе общее недовѣріе къ упомянутому извѣщенію, не служитъ ли подтвержденіемъ того факта, что правда была скрыта отъ общества. Каково бы ни было разрѣшеніе этого вопроса, разбирать который по существу мы не намѣрены въ настоящемъ трудѣ, необходимо упомянуть о тѣхъ наказаніяхъ, которыя постигли сообщниковъ Алексѣя. Въ зависимости отъ важности содѣяннаго, они были посажены на колъ, колесованы, биты кнутомъ, выселены и сосланы на вѣчныя каторжныя работы [4]).

---

[2]) Исторія царствованія Петра Великаго, VI, стр. 280 и сл.—Пекарскій по этому вопросу говоритъ такъ: „24 іюня надъ царевичемъ былъ произнесенъ смертный приговоръ... и два дня спустя, его не стало".

[3]) Пекарскій перечисляетъ всѣ извѣщенія, сдѣланныя царемъ съ этой цѣлью за границей. Замѣчательны письма, отправленныя Шлейницу, представителю Петра въ Парижѣ. Царь, немедленно послѣ катастрофы, выражаетъ опасеніе въ томъ, чтобы клевета не коснулась этого происшествія, и неоднократно настаиваетъ на правдивости и точности оффиціальнаго извѣщенія.—Соловьевъ упоминаетъ о такихъ выдержкахъ изъ циркулярной депеши, посланной русскимъ дипломатическимъ агентамъ (Исторія Россіи, XVII, стр. 225).

[4]) Вотъ мнѣніе Пекарскаго относительно сообщниковъ Алексѣя. Разобравъ манифестъ 5 марта 1717 года, онъ добавляетъ: „Прочитавъ манифестъ, можно лишь сожалѣть о заблужденіяхъ и легковѣріи этихъ лицъ, но нельзя считать ихъ государственными преступниками. Вся вина ихъ сводится къ письмамъ и пустымъ разговорамъ, а также въ принадлежности къ болѣе слабой и безнадежной партіи".

Была помилована лишь Ефросинья, финляндка самаго низкаго происхожденія, путешествовавшая съ царевичемъ въ костюмѣ пажа, въ которую онъ безумно былъ влюбленъ и во что бы то ни стало хотѣлъ на ней жениться. Эта же вѣроломная любовница, жестоко измѣнившая въ минуту невзгоды Алексѣю, уговорила его въ Сентъ-Эльмѣ вернуться въ Россію, выдала въ Петербургѣ судьямъ всѣ его тайны и письма.

Набросавъ въ главныхъ чертахъ процессъ Алексѣя, мы тѣмъ самымъ не имѣли намѣренія уклониться отъ нашей темы, напротивъ, приблизились къ ней, такъ какъ онъ даетъ объясненіе тѣмъ сокровеннымъ поводамъ, которые руководили поведеніемъ Петра по отношенію къ Сорбоннѣ. Вотъ въ немногихъ словахъ пункты соприкосновенія этихъ двухъ явленій, по наружному виду не имѣющихъ ничего общаго между собой. Втеченіе всего судопроизводства, царь успѣлъ убѣдиться въ томъ, что часть духовенства оказалась враждебной его реформамъ и питала чувства ненависти къ его особѣ.

Послѣ своего бѣгства, Алексѣй писалъ епископамъ письма, въ которыхъ онъ высказывалъ надежду, что они примкнутъ къ нему. Епископъ ростовскій Досиѳей предсказалъ опальной царицѣ, что наступитъ день, когда она вновь сядетъ на престолъ, и что вновь узритъ прежнее правленіе въ почести. Къ тому же духовникъ царевича сдѣлалъ признаніе, весьма его компрометирующее, будто Алексѣй на исповѣди сознался, что желаетъ отцовской смерти. Священникъ Алексѣй Игнатьевъ, на пыткѣ, вынужденный страданіями, объявилъ, будто отвѣтилъ, что желаніе царевича раздѣляется всѣмъ духовенствомъ. При подробномъ, тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ данныхъ, при сопоставленіи ихъ, можно было убѣдиться, что они отнюдь не преходящіе или единичные, но, напротивъ, пустили корни въ землѣ русской и имѣютъ развѣтвленія за границей. Не намѣревался ли въ Сентъ-Эльмѣ Алексѣй отправиться въ Римъ? Не желалъ ли онъ испросить аудіенціи у папы? Не дошелъ ли онъ до того, что назвалъ первосвященника своимъ лучшимъ другомъ? Въ глазахъ лица подозрительнаго, недовѣрчиваго подобные поступки служили неопровержимыми доказательствами той преступной близости, которая существовала между римскими католиками и приверженцами старой русской партіи.

Сдѣлавъ подобное открытіе, Петръ тотчасъ же ополчился на своихъ противниковъ. Прежніе историки не замѣтили, да и не подумали даже обратить вниманіе на фактъ, который

выступаетъ съ очевидностью при изученіи обстоятельствъ и критической оцѣнкѣ документовъ: послѣ суда надъ Алексѣемъ, царь выступилъ съ открытой оппозиціей, чтобъ не сказать войной, противъ такъ называемой старой, консервативной части русскаго духовенства, насчитывающаго въ рядахъ своихъ кіевскихъ питомцевъ малороссовъ и великороссовъ, древняго происхожденія.

Католики находились въ положеніи названной партіи, которой предстояло въ будущемъ подвергнуться преслѣдованіямъ.

Въ совѣтѣ царя появилось новое лицо, сдѣлавшееся его правой рукой во всѣхъ нововведеніяхъ въ русской Церкви. Для того, чтобы сокрушить организмъ, въ которомъ могло бы вспыхнуть грозное возмущеніе, Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ, подъ диктовку царя, до сихъ поръ дѣйствующее уложеніе и извѣстное подъ названіемъ „Духовнаго регламента“. Въ немъ потрясена въ своихъ основаніяхъ прежняя іерархія и все духовенство подчинено только что созданному синоду. Съ этого времени все духовенство, начиная съ епископовъ въ самыхъ обширныхъ епархіяхъ, архимандритовъ, стоящихъ во главѣ самыхъ богатыхъ монастырей, до вдовы ничтожнѣйшаго пономаря включительно—подчинено впредь нѣсколькимъ священникамъ или епископамъ, назначаемымъ царемъ членами синода, надзоръ за коими врученъ свѣтскому прокурору, также назначаемому по приказанію его величества [5]). Отсюда ясно, что подобное устройство низвело церковь къ состоянію совершеннаго подчиненія власти свѣтской. Такимъ образомъ, совѣты, данные Петру въ Голландіи, принесли плоды—онъ поставилъ самого себя во главѣ духовенства [6]). Эти стѣснительныя мѣры отразились и на католикахъ, и весьма вѣроятно, что самъ Прокоповичъ возбуждалъ царя противъ нихъ. Въ молодости своей Ѳеофанъ перешелъ въ католичество или притворился католикомъ съ цѣлью получить образованіе въ кіевскомъ монастырѣ Базиліанъ и въ римской коллегіи св. Аѳанасія. Возвратившись въ Россію, онъ вступилъ въ нѣдра господствующей церкви, гдѣ не переставалъ проявлять ненависть по отношенію къ католикамъ. Петръ, благодаря необычайной вѣрности взгляда, дѣлающей честь его геніальной натурѣ, не переставая добиваться руководившей имъ идеи,

[5]) Въ видахъ ознакомленія съ реформами Прокоповича, полезно прочесть книгу П. Гагарина „Русское духовенство“. Брюссель, 1871 г.

[6]) Воспоминанія Сенъ-Симона, 9, XVI.

продолжалъ свои сношенія съ Римомъ, но внутри своего государства принялъ иныя мѣры. Было объявлено, что дѣти, происшедшія отъ браковъ смѣшанныхъ, принадлежатъ по праву паствѣ русской церкви. Мѣра эта убила католичество въ самомъ зародышѣ.

Нѣкогда обласканные и ободряемые въ смыслѣ распространенія просвѣщенія, іезуиты были изгнаны изъ Москвы по причинѣ высказываемаго ими неудовольствія на царя, хотя, по оффиціальнымъ документамъ, они ни въ чемъ не были виновны [7]). При наличности такихъ условій легко угадать, какой именно отвѣтъ будетъ посланъ русскими парижскимъ ученымъ. Согласно данному обѣщанію, Петръ не замедлилъ передать сорбонскую записку русскимъ епископамъ, приказавъ на таковую отвѣтить. Современные авторы затемнили этотъ періодъ переписки, но критическое изслѣдованіе разсѣяло этотъ туманъ. Графъ Толстой, основываясь на авторитетѣ Тургенева, утверждаетъ, что русскій отвѣтъ послѣдовалъ лишь въ 1720 году [8]). Ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ не сопоставилъ двухъ указаній Тургенева по данному вопросу. Правда, они не слѣдуютъ въ порядкѣ одно за другимъ, но находятся между собой на разстояніи двухъ страницъ. Впадаетъ въ ошибку и самъ Тургеневъ, говоря о двухъ, отправленныхъ Сорбоннѣ, отвѣтахъ [9]). Въ дѣйствительности существовало лишь два проекта отвѣта, изъ которыхъ одинъ былъ утвержденъ царемъ и оффиціально пересланъ въ Сорбонну, другой же, отвергнутый, былъ напечатанъ въ Германіи впослѣдствіи, въ качествѣ простого документа [10]).

Авторомъ перваго проекта былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, авторомъ второго—Стефанъ Яворскій. Подробности эти взяты нами изъ журнала Петра. На поляхъ записки Яворскаго имѣется слѣдующее примѣчаніе: „проектъ отвѣта, который, вѣроятно, отосланъ не былъ“ [11]). Предположеніе переходитъ въ увѣренность, благодаря одному достовѣрному документу:

---

[7]) Письмо Петра I къ представителю Россіи въ Парижѣ барону Шлейницу (Парижскій архивъ М-ва Иност. Дѣлъ). Moscovia, X, 21.

[8]) Римское Католичество, I, стр. 169.

[9]) Журналъ М-ва Народнаго Просвѣщенія. 1843, XXXVII, стр. 106.

[10]) Документъ этотъ озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: Der Reuszischen Clerisey Antwort auf das Schreiben, welches die Doctores der Sorbonne, wegen Vereinigung der Reuszischen und franzoesischen Kirchen an Sie abgelassen. Anno 1720. Archives du ministère des af. étrang. Moscovie, X, 163.

[11]) Дневникъ Петра Великаго, II, f, а послѣ стр. 438.

при отправленіи въ Москву одного изъ своихъ сочленовъ, сорбонскіе ученые снабдили его инструкціями, въкоихъ признаютъ, что оффиціально, въ 1718 году, они получили лишь одинъ отвѣтъ [12]). Послѣдній и представлялъ записку, приписываемую въ Петровскомъ дневникѣ Ѳеофану, которая и была имъ вручена въ копіи кардиналомъ де-Ноайль отъ имени статсъ-секретаря Дюбуа. Тотъ же документъ говоритъ, что много времени спустя, одинъ изъ ученыхъ частнымъ образомъ получилъ французскій переводъ другого отвѣта, безъ числа и подписи. Ученые заподозрили тотчасъ, что врагъ ихъ, Дюбуа, удерживаетъ у себя подлинникъ и потому порѣшили разыскать его. Старанія ихъ не увѣнчались да и не могли увѣнчаться успѣхомъ, въ виду того, что они приняли черновикъ за записку оффиціальную. Обѣ записки, съ полемической точки зрѣнія, замѣчательны, такъ какъ онѣ отражаютъ на себѣ различіе взглядовъ, которыми руководствовались оба ихъ автора. Собственно обѣ въ сущности сводятся къ одному и тому же: русская церковь, по словамъ защитниковъ ея, составляетъ часть церкви восточной, а потому она не можетъ, безъ вѣдома восточныхъ патріарховъ, пускаться въ пренія столь большой важности и лишь въ крайнемъ случаѣ дерзнула сдѣлать первые предварительные шаги. Но зато какое различіе замѣчается въ формѣ, излагающей высказываемое извиненіе.

Ѳеофанъ, считавшій себя человѣкомъ образованнымъ и начитаннымъ, видимо обидѣлся повелительнымъ тономъ Сорбонны. Онъ съ самомнѣніемъ заявляетъ, что побужденія къ религіозному соединенію извѣстны слишкомъ поверхностно теологамъ, и затѣмъ, не задавъ себѣ труда таковыя изслѣдовать, настаиваетъ страннымъ образомъ на трудности сліянія церквей. Первымъ и неоспоримымъ условіемъ было бы—созвать вселенскій соборъ или войти въ предварительное соглашеніе съ восточными патріархами. Будучи самъ убѣжденъ, что неизбѣжная съ подобнымъ порядкомъ вещей медленность приведетъ къ позднему, если не химерическому соединенію, онъ предлагаетъ, въ крайнемъ случаѣ, установить переписку между теологами обоихъ лагерей. Удивительное противорѣчіе между этими двумя предложеніями, сопутствующее имъ умозаключеніе, даже тонъ записки, слегка ироническій и ледяной, убѣждаютъ достаточно въ намѣреніяхъ автора. Онъ старается

[12]) Описаніе попытокъ и т. д., стр. 439.

избѣжать серьезныхъ преній и подыскиваетъ предлоги для отказа, которые не могли бы показаться уже слишкомъ невѣжливыми. Другъ Бюддэ не могъ желать иного. Яворскій, наоборотъ, хочетъ поддерживать сношенія со своими противниками. Будучи кіевскимъ воспитанникомъ въ то время, когда тамъ были въ почести западные методы и авторы, оставаясь вѣрнымъ юношескимъ своимъ впечатлѣніямъ, онъ не раздѣлялъ по отношенію къ латинянамъ ни предразсудковъ, ни ненависти Ѳеофана. Совѣсть его, благодаря искренности убѣжденія, возмущалась антиканоническими Петровскими реформами, и такъ какъ присущая скромность препятствовала открыто возстать противъ нихъ, то инстинктъ правды сильно побуждалъ его искать въ другомъ мѣстѣ болѣе стойкой опоры.

Письмо это, олицетворяющее его духовное міровоззрѣніе, проникнуто, по всѣмъ вѣроятіямъ помимо автора, жестокими сомнѣніями [14]). Восхваливъ преувеличеннымъ образомъ парижскую школу и ея ученыхъ, разглядѣвъ въ запискѣ послѣднихъ просвѣчивающій черезъ нее умъ, Яворскій сознаетъ, что онъ польщенъ и тронутъ ихъ неотложнымъ приглашеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не скрываетъ своего затрудненія. Кто собственно вызвалъ роковое разногласіе—Востокъ или Запада? Кому пристало собственно диктовать условія мира и кому приличествуетъ высказывать свои упреки? Поставивъ эти вопросы, онъ пытается разрѣшить ихъ посредствомъ остроумнаго сравненія. Марѳа жаловалась Спасителю на Марію, ее покинувшую, а Марія въ свою очередь не была ли въ состояніи претендовать на то, что была оставлена одинокою у ногъ Божественнаго Учителя? То же положеніе существуетъ между двумя церквами. Тогда какъ латинская церковь скорбитъ о томъ, что восточная церковь отъ нея отдѣлилась, послѣдняя вправѣ предъявить противъ нея обвиненіе, помимо всего прочаго, въ присоединеніи къ символу вѣры слова „Filioque". Яворскій, впрочемъ, говоритъ весьма сдержанно о религіозныхъ разногласіяхъ и откровенно сознается, что при настоящихъ обстоятельствахъ всякія попытки, клонящіяся къ соединенію церквей—невозможны. Будучи одного мнѣнія съ Прокоповичемъ относительно сущности этого вопроса, онъ страннымъ образомъ отличается отъ него въ приводимыхъ имъ причинахъ.

---

[14]) Смотри русскій текстъ въ „Дневн. Петра Великаго. II", а послѣ стр. 438.

Смерть Камиллы. — Ф. А. Бруни.

ГЛАВА III.

Долгоруковы и Жюбэ.

Эмансипація женщины во время царствованія Петра.—Княгиня Ирина Долгорукова.—Князь Сергѣй, ея супругъ.—Оффиціальное дѣло „о переходѣ въ католичество княгини Ирины".—Тотъ же переходъ по словамъ янсенистовъ.—Овернская принцесса.—Просьба княгини Ирины о священникѣ для сопутствованія въ Россію.—Жюбэ деля Куръ.—Юношескіе его годы.—Поступленіе его въ Сентъ-Маглоарскую семинарію.—Онъ назначается въ Вогринескій, а затѣмъ въ Аньерскій приходъ. — Его частная жизнь, разладъ съ янсенистами, бѣгство.—Жюбэ въ Римѣ и Неаполѣ.—Вторичное бѣгство.—Онъ поселяется въ Голландіи.—Предложеніе Сорбонны отправить его съ порученіемъ въ Россію.—Онъ соглашается.—Данныя ему Сорбонной инструкціи.—Полномочье Баршмана.—Отъѣздъ въ Россію Жюбэ.—Прибытіе его въ Москву.

Если переходъ въ католичество русской княгини въ XVIII вѣкѣ представляется уже явленіемъ страннымъ, то настолько же невѣроятенъ тотъ фактъ, чтобы такая же княгиня, будучи обращена въ Голландіи, оказала могущественное содѣйствіе сорбонскимъ ученымъ къ новому установленію сношеній съ русскими епископами. И тѣмъ не менѣе стеченіемъ обстоятельствъ подобная роль, какъ о томъ будетъ сказано ниже, выпала на долю княгини Ирины Петровны Долгоруковой. Не такъ ужъ давно, во времена царей, на святой Руси, жены бояръ были лишь благородными рабынями. Въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ пользовались вліяніемъ супруги; дѣти же съ малыхъ лѣтъ были лишены нѣжнаго материнскаго попеченія. Заключенныя въ недоступные для посторонняго глаза терема, исключенныя изъ мужского общества, эти несчастныя женщины всю жизнь провили въ безконечныхъ рукодѣльяхъ, сопровождавшихся меланхолическими пѣснями. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы московскіе нравы были очень строги, но зато они были мало просвѣщены. Пора было прекратить подобное азіатское уединеніе женщины и вытекавшіе изъ него случайные браки.

При введеніи этой весьма важной, реформы, Петръ дѣйствовалъ такъ же насильно и стремительно, какъ и при другихъ своихъ начинаніяхъ. Онъ ввелъ собранія, извѣстныя въ Россіи подъ именемъ „ассамблей" [1]). Начальникъ полиціи

[1]) Объ ассамблеяхъ при Петрѣ Великомъ у Карновича въ „Древней и Новой Россіи", январь 1877 г.

указывалъ заранѣе домъ, который долженъ былъ принимать гостей. Въ извѣстный часъ барабанный бой приглашалъ мужчинъ и женщинъ направляться туда и отъ имени царя веселиться оффиціально, танцуя и занимаясь комнатными играми. Горе тому, кто не слушался зова, и кто, вмѣсто французскаго или нѣмецкаго платья, являлся въ кафтанѣ. Подобные проступки влекли за собой штрафы и наказанія. Смѣшавшись съ толпой, Петръ лично слѣдилъ за этимъ страннымъ введеніемъ заграничныхъ нравовъ и обычаевъ въ среду того народа, который, благодаря своему необычайно податливому характеру и благоразумной подражательности, могъ легко усвоить прогрессъ извнѣ, безъ необходимости рѣзкаго разрыва со своимъ историческимъ прошлымъ. Появленіе въ свѣтѣ княгини Ирины совпало именно съ моментомъ подобной женской эмансипаціи. Происходя по своему рожденію отъ знаменитой отрасли семьи Голицыныхъ, она въ шестнадцать лѣтъ вышла замужъ за князя Долгорукова. Сергѣй Петровичъ, такъ звали князя, былъ представителемъ одного изъ самыхъ славныхъ россійскихъ именъ.

Какъ Рюриковичъ, онъ въ числѣ своихъ предковъ-бояръ имѣлъ людей, отличавшихся и на полѣ брани, и въ боярской думѣ. Лично, для того времени, онъ былъ достаточно образованъ, цѣнилъ по достоинству ученыхъ и вполнѣ владѣлъ французскимъ языкомъ. Командированный царемъ въ Голландію, онъ забралъ съ собой всю семью, которую и оставилъ тамъ, когда былъ отозванъ обратно. Къ этому времени относится происшествіе, составившее эпоху въ жизни княгини Ирины, а именно переходъ ея въ католичество. Существуетъ объ этомъ ея собственный разсказъ, сдѣланный при запросѣ объ ея религіозныхъ вѣрованіяхъ судебными властями, дѣйствовавшими по приказанію императрицы Елисаветы. Предоставляемъ слово современному документу: „Во время пребыванія ея въ Голландіи“, сказано въ синодскомъ и кабинетскомъ дѣлѣ, „она (т. е. княгиня Долгорукова), за отсутствіемъ русскаго священника, будучи больной, исповѣдывалась и причащалась въ томъ же 1726 году, вторично послѣ выздоровленія, а въ третій разъ причащалась въ 1727 году у римскаго священника Даленора, проживавшаго въ Гагѣ, невдалекѣ отъ Голландіи, потому что, по простотѣ своей, она не усматривала никакого различія и несогласія между греко-русской вѣрой и римской церковью, къ тому же упомянутый выше священникъ говаривалъ ей слѣдующее: греко-русская вѣра признаетъ наравнѣ

съ нами семь таинствъ; что же касается вопроса о хлѣбѣ, то будетъ ли онъ подъ двумя видами, или подъ однимъ, рѣшительно все равно, ибо существуетъ лишь одна церковь; лишь относительно происхожденія Св. Духа—имѣются разногласія между церковью римской и русско-греческой. Первымъ предлогомъ для того, чтобы обратиться съ цѣлью исповѣди и причастія къ упомянутому священнику, послужило то обстоятельство, что какъ это духовное лицо, такъ и другіе священники, какъ католическіе, такъ и лютеранскіе, часто, по обычаямъ страны, навѣщали ихъ домъ, а также и она бывала у нихъ. И когда въ первый разъ она у него исповѣдывалась, то передъ этой исповѣдью этотъ священникъ пришелъ къ ней на домъ, въ качествѣ знакомаго, говоря, что, зная о ея болѣзни, онъ пришелъ ее провѣдать, и что тогда она, княгиня, почувствовавъ себя больной серьезно и смертельно, и за неимѣніемъ русскаго священника, попросила исповѣдать и причастить себя. Послѣ же выздоровленія она дважды исповѣдывалась у того же священника и причащалась въ его же церкви, а именно въ церкви Даленора, въ отсутствіе народа, послѣ ранней обѣдни, которую онъ служилъ нарочно для того, чтобы дать ей одной причастіе“ [2]).

Оффиціальный слогъ этого документа, къ тому же попадающіяся въ немъ грубыя ошибки, служатъ достаточнымъ доказательствомъ, что показанія княгини Ирины были записаны, пройдя предварительно черезъ умозаключенія невѣжественнаго чиновника, который полагалъ, что, излагая подобную ерунду, онъ сохранитъ потомству перлъ своего писательства. Въ этомъ случаѣ надо принести благодарность янсенистамъ, которые оставили намъ по этому дѣлу другую версію. Ихъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ свѣдѣній, такъ какъ все происшествіе было дѣломъ ихъ рукъ. Вотъ и разсказъ [3]).

Ирина Петровна, во время своихъ путешествій, подружилась съ овернской принцессой [4]). Такъ какъ въ жилахъ по-

[2]) Документъ этотъ былъ отчасти напечатанъ Пекарскимъ въ „Отчетѣ о десятомъ присужденіи Уваровской преміи“, стр. 26. Упоминаемый въ немъ священникъ Даленора не можетъ быть никѣмъ инымъ, какъ аббатомъ де-ля-Куръ.

[3]) Отчетъ о попыткахъ, стр. 314 и др.

[4]) Марія-Анна, овернская принцесса, была дочерью владѣтельнаго арембергскаго герцога Аршота и Маріи-Генріетты, дочери испанскаго гранда маркиза де-Каррето. Она вышла замужъ за овернскаго принца, младшаго изъ дома принцевъ де-ля-Тур д'Овернъ, угасшаго въ 1802 г. Овдовѣвъ на 21 году жизни, она вышла вновь за французскаго генерала, маркиза де-Мези, сохранивъ за собой титулъ овернской принцессы.

слѣдней билась испанская кровь, то она любила свою религію съ пыломъ южной натуры. Въ Парижѣ она подпала подъ вліяніе Бурсье, послѣдствіемъ чего былъ переходъ ея въ ученіе янсенистовъ и въ непродолжительное время она усвоила всѣ тонкости этой новой школы. Доказательствомъ этому служатъ ея письма, ожидающія въ тройской библіотекѣ [5]) какого-либо настойчиваго ученаго, который бы посвятилъ имъ свои досуги.

Сознаюсь, что у меня бы не хватило для этого терпѣнія, и я удовольствовался лишь бѣглымъ разсмотрѣніемъ этой скучной переписки. Между прочимъ меня озадачило одно изъ писемъ, въ которомъ принцесса довольно смѣло затрагиваетъ одинъ изъ самыхъ нелѣпѣйшихъ вопросовъ о томъ, можно ли считать грѣхомъ содѣянное въ припадкѣ конвульсій. У янсенистовъ это являлось однимъ изъ спорныхъ вопросовъ и принцесса, докторальнымъ тономъ, неубѣдительно и довольно неудачно вооружается въ сильныхъ выраженіяхъ противъ тѣхъ, которые держатся противоположнаго мнѣнія. Находящаяся въ той же библіотекѣ рукописная записка гласитъ, что принцесса умерла, примирившись съ святѣйшимъ престоломъ [6]). Какъ бы тамъ ни было, но легко было предвидѣть, что при встрѣчѣ съ другой княжной, обладающей возвышеннымъ характеромъ и воспитанной въ „схизмѣ", бездѣйствовать она не будетъ. И дѣйствительно ея благочестивое усердіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: Ирина Петровна перешла въ католичество. Относительно этого событія янсенистскіе источники расходятся—одни отреченіе отъ православія пріурочиваютъ къ 1727 году, другіе къ іюню 1728, одни указываютъ на Баршмана [7]), какъ на руководителя и духовнаго отца новообращенной, другіе—на Жюбэ де-ля-Куръ. Къ счастью, всѣ эти подробности, касающіяся личности и даты, могутъ, безъ малѣйшаго ущерба, оставаться въ туманѣ исторіи, важенъ лишь самый главный фактъ обращенія, который слѣдуетъ установить точно и безу-

[5]) Національная библіотека въ Тройѣ № 2156.

[6]) Національная библ. въ Тройѣ № 2200. 7.

[7]) Корнелій Жанъ Баршманъ Вюитье, бывшій ученикъ Сенъ-Маглуара, былъ рукоположенъ сенезскимъ епископомъ. Будучи избранъ янсенистами утрехтскимъ архіепископомъ, онъ объ этомъ событіи довелъ до свѣдѣнія папы. Бенедиктъ XIII, письмомъ отъ 23 августа 1725 года, не призналъ подобнаго избранія, но Баршманъ, не обратилъ на это вниманія и былъ рукоположенъ въ этотъ санъ своими приверженцами. Исторія Утрехтской церкви, гл. XV.

словно. На самомъ дѣлѣ всѣ указанные источники единогласно признаютъ, что княгиня Долгорукова перешла въ католичество, и русское судопроизводство нисколько не противорѣчитъ даннымъ янсенистовъ по этому событію. Слѣдовательно, никакого сомнѣнія въ сказанномъ быть не можетъ. Вскорѣ и дѣти Ирины Петровны послѣдовали примѣру своей матери и всѣ сдѣлались католиками.

Проживая за границей, вся семья не чувствовала недостатка въ духовныхъ наставленіяхъ, но въ моментъ отъѣзда она очутилась въ критическомъ положеніи. Католическихъ священниковъ въ Россіи было мало, а на Украйнѣ, гдѣ были помѣстья Долгоруковыхъ, ихъ совсѣмъ не было. Янсенисты утверждаютъ, что княгиня Ирина обращалась къ нимъ съ настоятельной просьбой прислать капеллана. Въ присутствіи судей она показала, что привезла съ собой священника съ цѣлью обученія дѣтей французскому языку, которому то же лицо уже обучало ихъ въ Голландіи. Способствовать проникновенію въ Россію священника въ качествѣ ли капеллана, или учителя, не равнозначуще ли это съ командировкой миссіонера, призваннаго бороться со „схизмой“? Янсенисты, нашедшіе убѣжище въ Голландіи, не рѣшились самолично разрѣшить этотъ вопросъ, а представили его въ Парижъ, сорбонскимъ ученымъ, выборъ которыхъ остановился на бывшемъ аньерскомъ настоятелѣ. Здѣсь мнѣ придется познакомить читателя съ нимъ поближе [8]).

Яковъ Жюбэ, присвоившій себѣ впослѣдствіи звучное имя—де-ля-Куръ, родился 27 мая 1674 года, въ Ванье, около Парижа. Мать его, овдовѣвъ и находясь въ бѣдности, принуждена была сдѣлаться бѣлошвейкой. Безъ содѣйствія одного стараго священника, по имени Доайенъ, ей бы не удалось дать образованіе сыну.

Съ поступленія своего въ скромную школу, находившуюся подъ руководствомъ своего покровителя, Яковъ сразу сталъ выдѣляться благодаря быстрой сообразительности и необыкновенному для своего юнаго возраста прилежанію. Послѣ

[8]) Источники, послужившіе для бѣглой біографіи Жюбэ, слѣдующіе: „Духовныя Новеллы“ отъ 23 октября 1746 г., біографіи, написанныя Мишо и Дидо, „проектъ возсоединенія“, переписка и записки Жюбэ. Въ Россіи онъ мало извѣстенъ, такъ какъ Макарій и Филаретъ едва упоминаютъ его имя въ своихъ церковныхъ исторіяхъ, а графъ Толстой свое незнаніе о немъ простираетъ до орѳографически ошибочнаго писанія имени: вмѣсто Jubé—пишетъ Jubet.

нѣсколькихъ лѣтъ ученія, для него надо было пріискать болѣе серьезнаго учителя и тогда стали подумывать о томъ, чтобы отдать его къ о. Жуванси, читающему блестяще риторику въ Парижѣ. Такъ какъ средства не позволяли матери переѣхать на жительство въ столицу, Якову пришлось покориться обстоятельствамъ и совершать ежедневно по четыре лье, чтобы по выслушаніи лекцій въ коллегіи къ ночи вернуться домой. Въ промежуткахъ между классами, для приготовленія уроковъ и для принятія скромной пищи, онъ долженъ былъ довольствоваться уединенными аллеями садовъ и выступами расположенныхъ по окраинамъ домовъ. Въ „Духовныхъ Новеллахъ“ упоминается съ восторгомъ объ этихъ странныхъ пристанищахъ, въ которыхъ „онъ веселился настолько, насколько геометръ въ тиши своего кабинета“. Большого удивленія достойна поразительная способность сосредоточенія и то обстоятельство, что сильный организмъ молодого ритора могъ вынести всѣ испытанныя невзгоды. При изученіи философіи ему пришлось поневолѣ перенести тотъ же режимъ. Ученіе его отъ всего этого нисколько не пострадало, или же пострадало настолько незначительно, что къ концу курса Жюбэ былъ удостоенъ чести присутствовать на публичномъ актѣ. Профессоръ его, Дагумеръ, желая даже засвидѣтельствовать свое особенное удовольствіе, покрылъ изъ своихъ собственныхъ средствъ всѣ необходимые расходы, связанные съ полученіемъ диплома на званіе „maître ès-arts“. Новый лауреатъ посвятилъ себя духовной карьерѣ. Настоятельница монастыря въ предмѣстьи св. Якова, де-Лямуаньонъ, выхлопотала для него стипендію въ Сенъ-Маглуарѣ, другіе благотворители достали для него книги и такимъ образомъ онъ могъ посвятить себя всецѣло своимъ любимымъ занятіямъ. Пребываніе въ семинаріи, зараженной янсенистскимъ духомъ, имѣло вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь Жюбэ, оставшагося вѣрнымъ воззрѣніямъ своихъ учителей. Слушая курсъ теологіи въ Сорбоннѣ, онъ одновременно изучалъ восточные языки въ королевской коллегіи. Едва посвященный въ санъ священника, онъ, по протекціи той же Лямуаньонъ, получилъ мѣсто настоятеля въ Вориньезѣ, въ парижской епархіи. Съ этого времени онъ со всей своей горячностью кидается въ вихрь споровъ, обуявшихъ тогда французскую церковь. Первые его шаги въ этомъ направленіи обнаружились въ брошюрѣ, озаглавленной: „За и противъ Янсенія по вопросу о сущности благодати“. Полиція нашла нужнымъ уничтожить изданіе и оштрафовать

типографію. Но если такимъ образомъ Жюбэ пришлось испытать непріятности, съ другой стороны усердіе его въ духѣ янсенистовъ было поддержано кардиналомъ де-Ноайль, предоставившимъ ему въ 1701 г. мѣсто настоятеля въ Аньерѣ на Сенѣ, гдѣ дѣятельность его нашла себѣ болѣе широкое примѣненіе и на болѣе подготовленной почвѣ.

Частная жизнь священника была безупречна, нравы—строги, усердіе—пылко, благотворительность—неистощима. Онъ съ любовью старался облегчить участь больныхъ, помогать бѣднымъ, всѣ досуги посвящены имъ были на серьезныя занятія, чему доказательствомъ служатъ оставленныя имъ многочисленныя рукописи. Тѣмъ не менѣе онъ не преминулъ впасть въ крайности даже въ самыхъ лучшихъ проявленіяхъ своей дѣятельности: такъ, по собственному почину, сталъ примѣнять строгости, свойственныя старинной дисциплинѣ, согласно коей явные грѣшники подвергаемы были публичному покаянію и несчастныя женщины, за нарушеніе цѣломудрія, не смѣли втеченіе трехъ мѣсяцевъ войти въ церковь во время богослуженій, а должны были оставаться на церковной паперти. Даже маркиза де-Парабейръ, оказывавшая вліяніе на герцога орлеанскаго, испытала на себѣ всѣ эти строгости, такъ какъ Жюбэ ни за что не хотѣлъ священнодѣйствовать въ ея присутствіи, чѣмъ публично изобличилъ ее.

Его тѣсная дружба съ двумя янсенистами, Парисомъ и Тиссартомъ, наѣзжавшими время отъ времени въ Аньеръ, усугубляли его собственную ревность, причемъ главнымъ образомъ пострадала внѣшняя церковная католическая обрядность. Были изгнаны образа, кресты и украшенія алтаря. Молитвы при богослуженіи стали читаться голосомъ громкимъ и внятнымъ. То, что пѣлось пѣвчими, не повторялось при алтарѣ, строфы „Salutaris Hostia“, пѣніе коихъ сопровождало „élévation“, были изъяты навсегда изъ употребленія Жюбэ, желавшимъ, по его словамъ, уничтожить самое воспоминаніе, связанное съ воинственными замыслами Юлія II. Вотъ каковы были главнѣйшія новшества, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „Аньерской литургіи“, и которыя, въ свое время, подняли большую бурю. Булла „Unigenitus“, назначеніе коей состояло въ умиротвореніи умовъ, привела къ еще бо̀льшему ожесточенію настоятеля-реформатора. Этотъ отъявленный янсенистъ, не скрываясь, сталъ странствовать по всѣмъ направленіямъ парижской епархіи, заходилъ во всѣ приходы, съ цѣлью подготовить духовенство

къ протесту и собиралъ заявленія о непринятіи къ руководству посланій папы. Несмотря на кличку „агитатора", данную ему кардиналомъ де-Роганъ, онъ не успокаивался, а, напротивъ того, сталъ дѣйствовать энергичнѣе, когда парижскій архіепископъ въ 1720 году обнаружилъ намѣреніе принять римскую буллу. Года четыре спустя одно довольно непріятное обстоятельство принудило его прекратить на время свою дѣятельность. 19 октября 1724 года онъ былъ вызванъ къ полицейскому генералъ-лейтенанту г-ну д'Омбревалю. Жюбэ явился, запасшись предварительно письмомъ отъ г-жи де-Бурбонъ, только что назначенной настоятельницею монастыря св. Антонія. Но предусмотрительность эта оказалась излишней, такъ какъ письмо не стали и распечатывать, и дѣло Жюбэ пошло своимъ чередомъ. Суть была въ слѣдующемъ. Въ Руанѣ былъ наложенъ арестъ на пакетъ, содержавшій отвѣтныя письма г-на Петинье къ монсиньору Лянге [9]), пересылаемыя тайнымъ образомъ изъ Голландіи на имя священника Амбона. У полиціи имѣлись данныя на то, чтобы предполагать, что Жюбэ былъ причастенъ къ этой контрабандѣ. Принужденный дать объясненія, онъ сознался, что посылка предназначалась ему, а относительно адреса и имени объяснялъ, что „Амбонъ" по-гречески значитъ „Жюбэ". Полагаю, что отъ подобныхъ словъ Паскаль перевернулся бы въ гробу: столько было въ нихъ обмана. И тѣмъ не менѣе этого оказалось недостаточнымъ для обѣленія Жюбэ. Тотчасъ составленъ былъ о случившемся протоколъ, который и направленъ въ высшія инстанціи, а въ скоромъ времени разнесся слухъ, что все дѣло передано на разсмотрѣніе „совѣстливаго совѣта" (conseile de conscience). Между тѣмъ Жюбэ принялъ свои мѣры. Сообщивъ письменно о своемъ отъѣздѣ кардиналу де-Ноайль, онъ, не простясь, покинулъ свой приходъ и прихожанъ, которымъ, впрочемъ, впослѣдствіи отправилъ трогательное посланіе, трактующее о терзаніяхъ пастыря, принужденнаго разлучиться со своей паствой. Тогда друзья его стали подумывать о томъ, какъ бы имъ извлечь пользу изъ его досуговъ, и въ этомъ вскорѣ представился случай. Бенедиктъ XIII созвалъ въ 1725 году латеранскій соборъ. Цѣлью папы было не столько упорядоченіе дѣлъ

[9]) Суассонскій епископъ, монсиньоръ Лянге, являлся однимъ изъ самыхъ стойкихъ защитниковъ прежняго церковнаго порядка во Франціи. Петинье, сорбонскій ученый и янсенистъ, составилъ ѣдкое посланіе противъ упомянутаго прелата.

въ римской метрополіи, сколько распространеніе и придаціе бо̀льшей торжественности буллѣ „Unigenitus“.

Янсенисты пришли къ заключенію, что имъ предстояло добиться на соборѣ двойного результата: защитить интересы своей партіи и возобновить сношенія съ Россіей [10]). Кажется, относительно второй части программы ограничились лишь намѣреніемъ, защита же первой была поручена Жюбэ. Жюбэ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, такъ плохо поставилъ себя въ Римѣ, что оказался вынужденнымъ убѣжать въ Неаполь и, во избѣжаніе непріятностей, тайнымъ образомъ вернуться во Францію. Тутъ его ожидало другое порученіе. Во Франціи имѣлось извѣстное количество жителей Шартра, настолько преданныхъ галликанскимъ идеямъ, что они предпочитали подвергнуться изгнанію, нежели подчиниться святѣйшему престолу. На долю Жюбэ выпала забота быть ихъ путеводителемъ и вывезти въ Голландію. Съ этого времени онъ поселяется въ упомянутой странѣ, гдѣ враждебныя янсенизму французскія власти не могли его стѣснять и гдѣ онъ нашелъ своихъ добрыхъ друзей Баршмана и Варле [11]). Тутъ-то въ октябрѣ 1726 года онъ впервые узналъ о намѣреніяхъ Сорбонны относительно Россіи. Жюбэ заставилъ себя долго упра̀шивать, несмотря на настоянія Бурсье, Петинье, Баршмана, принцессы оверньской и княгини Долгоруковой.

Нерѣшительность его, наконецъ, была сломлена, благодаря патріаршему посланію Баршмана отъ 28-го февраля 1727 г. Въ немъ янсенистскій архіепископъ убѣждалъ его покинуть новое отечество и на подобіе Авраама отправиться въ другое мѣсто за поискомъ христіанскихъ душъ. Жюбэ, получивъ указанное письмо при окончаніи имъ богослуженія, мысленно обратился за совѣтомъ къ Богу, результатомъ чего было рѣшеніе: принять предложенную миссію въ Россію. Сообщивъ о своемъ намѣреніи всѣмъ друзьямъ, онъ сталъ подготовляться къ поѣздкѣ, изучая сочиненія св. Августина противъ донатистовъ и вообще первоисточники, касающіеся единства церкви. Планы его между тѣмъ получили большую опредѣленность, благодаря письму князя Долгорукова, который черезъ Ирину Петровну былъ освѣдомленъ объ исходѣ

---

[10]) Баршманъ г-ну изъ Вавилона, 15 марта 1725. Національная библіотека въ Тройѣ, № 1256.

[11]) Прежній миссіонеръ Варле, извѣстный между янсенистами подъ именемъ вавилонскаго епископа. Исторія Утрехтской церкви, гл. XIII.

переговоровъ. Князь, въ изысканныхъ выраженіяхъ, изъявлялъ удовольствіе по поводу пріѣзда въ его домъ [12]). Не слѣдуетъ упускать тутъ изъ виду того способа, при помощи котораго все дѣло было оборудовано. Княгиня Долгорукова желала имѣть профессора для своихъ дѣтей, а въ крайнемъ случаѣ духовника для семьи. Сорбонна исполняетъ ея желаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ всучаетъ ей миссіонера. Въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ, при взглядѣ на инструкціи, которыми ученое товарищество снабдило своего уполномоченнаго [13]).

Онѣ ясны и изложены изысканнымъ слогомъ. Ученые сначала говорятъ вкратцѣ о переговорахъ въ 1717 году съ Петромъ I и о послѣдовавшей засимъ перепискѣ съ русскими епископами. По ихъ мнѣнію, существуетъ совершенное тождество между оффиціальнымъ отвѣтомъ Прокоповича и затерявшимся черновикомъ Яворскаго. Тѣмъ не менѣе они упоминаютъ о второй редакціи и силятся въ особенности доказать, что правильныя пренія являются неизбѣжной необходимостью для обоихъ лагерей. Приэтомъ даютъ объясненіе, хотя и избитое, но весьма изобрѣтательное. Обращаясь къ русскимъ епископамъ, они говорятъ, что надо установить сперва разъ навсегда,—признавать ли римскую церковь настоящей церковью или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, русская церковь обязана немедля войти въ соглашеніе относительно условій единенія, на которомъ единственно зиждется спасеніе. Если же, наоборотъ, отвергать существованіе таковой, русская церковь обязана просвѣтить ее по возможности скорѣе и принудить отказаться отъ ея заблужденій. Такимъ образомъ полемика въ обѣихъ гипотезахъ признается обязательствомъ, отъ котораго нельзя отдѣлаться. Жюбэ поручено какъ распространять эти идеи, такъ и проявлять въ этомъ смыслѣ свою дѣятельность. Употребленіе при этомъ льстивыхъ выраженій по адресу Жюбэ свидѣтельствуетъ объ уваженіи, питаемомъ къ нему его партіей, не сомнѣвающейся достигнуть блистательныхъ результатовъ благодаря его усердію. Надо было обладать достаточной смѣлостью, чтобы давать подобнаго рода инструкціи, но утрехтскій архіепископъ простеръ ее еще дальше. Онъ счелъ себя въ правѣ облечь Жюбэ властью творить судъ и если предварительно обратился за совѣтомъ къ одному

---

[12]) Націон. Библ. въ Тройѣ, № 2333, 17.
[13]) Отчетъ о попыткахъ и пр., стр. 439.

своему другу, то лишь по вопросу объ объемѣ этой власти [14]). Несмотря на данный ему совѣтъ, Баршманъ вручилъ миссіонеру патентъ необычайно смѣлый [15]).

Онъ заявляетъ, что, въ силу духовной солидарности, всякій епископъ обязанъ пещись о спасеніи душъ, искупленныхъ кровью Высшаго пастыря и нуждающихся на землѣ въ личномъ духовникѣ. А такъ какъ въ Россіи нѣтъ католическихъ епископовъ, то нельзя упускать случая, когда представляется возможность заняться проповѣдываніемъ вѣры. Княгиня Ирина Долгорукова проситъ для сопровожденія на родину священника, призваннаго быть ея духовнымъ руководителемъ. Любезная готовность, проявленная священникомъ де-ля-Куръ, при принятіи возложеннаго на него порученія, дѣлаетъ его достойнымъ самыхъ широкихъ полномочій съ цѣлью принести наиболѣе пользы. Поэтому Баршманъ предоставляетъ „высокопочитаемому священнику миссеру Якову Жюбэ де-ля-Куръ“ самыя широкія полномочія, распространяющіяся „какъ на всю Россію, такъ и на тѣ страны, въ которыхъ не будетъ на-лицо священника, облеченнаго епископской или другой духовной властью“; при этомъ онъ высказываетъ пожеланіе, „чтобы онъ проявлялъ свою пастырскую и священническую дѣятельность не только надъ всякимъ католикомъ, лишеннымъ духовника, надъ тѣми, которыхъ ему удастся привести къ Богу и привлечь на сторону нашей святой вѣры, но по обстоятельствамъ мѣста обладалъ бы достаточными полномочіями, предоставленными ему нами (Баршманомъ), которыя давали бы ему возможность по мѣрѣ надобности отпускать грѣхи, разрѣшать отъ постовъ, благословлять, посвящать по обряду римско-католической церкви, рукополагать священниковъ, давать имъ порученія, лишать ихъ сана, затѣмъ распредѣлять по мѣстнымъ нуждамъ священниковъ и вообще проявлять всякимъ образомъ духовную дѣятельность“. Ясно, что Баршманъ принялъ въ серьезъ свою самозванную должность архіепископа и по своей щедрости не уступилъ бы любому папѣ. Бурсье по усердію соперничаетъ съ Баршманомъ, чему служатъ доказательствомъ два письма, адресованныя къ Жюбэ передъ его отъѣздомъ [16]). Онъ поставляетъ его въ извѣстность о томъ, что не безуспѣшно рекомендовалъ его князю

[14]) Націон. Библіот. въ Тройѣ, № 2336, 5.
[15]) Отчетъ о попыткахъ и пр., стр. 476.
[16]) Отчетъ о попыткахъ и проч., стр. 468, 472.

Куракину и совѣтуетъ заручиться дружбой князя Василія Долгорукова. Засимъ, возвращаясь между прочимъ къ сорбонскимъ наставленіямъ, онъ утверждаетъ, будто слышалъ отъ кардинала Дюбуа, что царь относится благосклонно къ соединенію церквей, въ особенности въ видахъ сближенія Россіи съ Европой. Онъ выводитъ изъ этого заключеніе, что епископы, повидимому, старались отклонить его отъ этой мысли и избѣгали вопроса, предложивъ вышеупомянутый способъ для примиренія сторонъ. По мнѣнію Бурсье, непосредственные переговоры церквей между собой—вещь весьма трудная и почти невозможная. Онъ скромно дѣлаетъ предложеніе о томъ, чтобы русскіе уполномоченные предоставили рѣшеніе вопроса Сорбоннѣ. Опала Прокоповича и болѣе или менѣе общее желаніе видѣть возстановленнымъ патріаршій престолъ сильно обнадеживаютъ его, лишь бы только выборъ патріарха палъ на умнаго и съ твердымъ характеромъ человѣка—и дѣло рѣшится само собой.

Снабженный подобными совѣтами и указанными полномочіями, Жюбэ, 20 октября 1728 года, отправился въ путь совмѣстно съ княгиней Долгоруковой и ея дѣтьми. Путешествіе обошлось безъ приключеній. Ирина Петровна нашла нужнымъ представиться въ Митавѣ герцогинѣ курляндской, которая, ставши впослѣдствіи императрицей, сдѣлалась ожесточеннымъ ея врагомъ. Князь Сергѣй присоединился въ Хилковѣ 13 декабря къ своей семьѣ, а 30 того же мѣсяца путешественники прибыли въ Москву, откуда они переѣхали на нѣкоторое время въ имѣніе князя, Никольское, расположенное въ окрестностяхъ первопрестольной. Такимъ образомъ Жюбэ очутился въ мѣстности, которой суждено было сдѣлаться ареной его дѣятельности.

П. Пирлингъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній смолянки.

(*Окончаніе*).

ГЛАВА XIII.

Кончина великой княгини Александры Николаевны.—Посѣщеніе Смольнаго императрицей съ августѣйшими дѣтьми.—Помолвка великой княжны Ольги Николаевны.—Еще по поводу непрактичности нашего воспитанія.—Исторія съ экономомъ.—Нѣсколько словъ по поводу 1848 года.

I.

Къ числу событій, особенно рельефно врѣзавшихся въ моей памяти, за послѣдній періодъ моей институтской жизни, не могу не отнести кончину молодой великой княгини Александры Николаевны, бывшей замужемъ за принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ и умершей при первыхъ родахъ.

Мы всѣ хорошо знали великую княгиню, неоднократно пріѣзжавшую къ намъ еще въ бытность свою великой княжной, и у всѣхъ насъ остался въ памяти граціозный образъ этой молодой красавицы. Чрезвычайно красивъ былъ и мужъ великой княгини, пріѣзжавшій къ намъ съ нею вмѣстѣ еще женихомъ и затѣмъ посѣтившій Смольный вмѣстѣ съ молодой супругой вскорѣ послѣ ихъ брака.

Великая княгиня Александра Николаевна не отличалась строгой правильной красотой старшей сестры своей Ольги Николаевны, впослѣдствіи королевы Виртембергской, она, пожалуй, не была даже такъ хороша, какъ самая старшая изъ дочерей императора Николая, Марья Николаевна, но въ ея красотѣ было что-то неотразимо привлекательное.

Мы по-дѣтски урывками слышали, изъ разговоровъ старшихъ, что великая княгиня Александра Николаевна не была счастлива въ замужествѣ и, что проводя послѣднее лѣто въ Царскомъ Селѣ, уже больная, страдая скоротечной чахоткой. она любила на берегу

озера кормить лебедей, которыхъ императоръ Николай, послѣ ея кончины, замѣнилъ черными лебедями, за большія деньги купленными гдѣ-то за границей, въ память почившей.

Старшихъ воспитанницъ, сколько мнѣ помнится, по выбору возили въ крѣпость прощаться съ почившей, но мы, воспитанницы средняго класса, довольствовались разсказами другихъ и насъ никуда не возили.

Говорили, что ребенокъ, рожденіе котораго стоило жизни молодой матери и который умеръ раньше ея самой, былъ положенъ въ гробъ вмѣстѣ съ нею. Впослѣдствіи, также изъ разсказовъ старшихъ, мы узнали, что мужъ усопшей великой княгини, вскорѣ затѣмъ вступившій за границей во второй бракъ, возвратилъ русскому двору все полученное имъ за великой княгиней приданое.

Императрица Александра Ѳеодоровна увѣдомила насъ о кончинѣ дочери, прославъ для этого въ Смольный свою дежурную фрейлину, и впослѣдствіи, когда смолянки, съ разрѣшенія Леонтьевой, въ прочувствованномъ письмѣ выразили императрицѣ свое горе по случаю понесенной ею горькой утраты,—императрица отвѣчала намъ очень милостивымъ письмомъ, копія съ котораго долгіе годы хранилась у каждой изъ насъ.

Въ Смольный послѣ этой потери императрица въ первый разъ пріѣхала въ сопровожденіи второй дочери своей, великой княжны Ольги Николаевны, и двухъ, въ то время еще маленькихъ сыновей, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.

Юные великіе князья въ то время были еще вовсе мальчиками, и я какъ теперь вижу ихъ въ курточкахъ, съ большими бѣлыми отложными воротниками на плечахъ. При входѣ въ большую мраморную залу, куда насъ всѣхъ моментально собрали для встрѣчи почетныхъ гостей, оба великіе князя смущенно остановились въ дверяхъ, и Ольга Николаевна подошла къ нимъ и за руки вывела ихъ обоихъ на средину залы.

Императрица и она были обѣ въ глубокомъ траурѣ, и государыня, говоря о почившей дочери, заплакала.

Кстати привожу разсказъ, циркулировавшій въ то время въ Петербургѣ, за достовѣрность котораго я лично поручиться не могу.

Существуетъ распространенное повѣрье, будто бы у каждаго человѣка есть въ мірѣ двойникъ, обитающій иногда на другомъ концѣ земного шара и ничего общаго съ своимъ близнецомъ не имѣющій, и что, по мѣрѣ сближенія ихъ, одинъ изъ нихъ обязательно умираетъ.

Въ это слѣпо вѣрятъ всѣ сколько-нибудь суевѣрные люди, а извѣстно, что императоръ Николай Павловичъ, при всемъ несомнѣнномъ умѣ своемъ, былъ не чуждъ многихъ предразсудковъ.

И вотъ въ то самое время, когда великая княгиня Александра Николаевна, только-что вышедшая замужъ, жила вмѣстѣ съ супругомъ своимъ въ Зимнемъ дворцѣ, въ труппѣ пріѣхавшаго въ Петербургъ цирка появилась наѣздница, такъ поразительно на нее похожая, что всѣ видѣвшіе ее не могли придти въ себя отъ

изумленія. Это, говорятъ, было не только одно и то же лицо, но и ростъ, и сложеніе, и самый голосъ, все было совершенно схоже. Доложилъ ли кто-нибудь объ этомъ государю, или онъ случайно самъ убѣдился въ этомъ разительномъ сходствѣ, но молодой наѣздницѣ было предложено, за довольно крупное вознагражденіе, немедленно оставить не только Петербургъ, но и самую Россію. Согласно одной версіи, упрямая циркистка наотрѣзъ отказалась и отъ вознагражденія, и отъ выѣзда и была выслана по особо состоявшемуся повелѣнію; согласно другой версіи, наѣздница подчинилась строгому распоряженію,—что, конечно, представляетъ несравненно болѣе вѣроятія,—но, какъ бы то ни было, а великая княгиня и года не прожила послѣ этого, рокового случая.

Повторяю, за историческую вѣрность этого анекдота я не ручаюсь, но слышать его мнѣ неоднократно приходилось и впослѣдствіи, уже по выходѣ моемъ изъ института.

Вскорѣ послѣ помолвки великой княжны Ольги Николаевны за принца Виртембергскаго императрица привозила къ намъ августѣйшихъ жениха и невѣсту, и я живо помню ихъ обоихъ.

Контрастъ между ними былъ изумительный! Она величественная и въ высшей степени изящная и граціозная красавица, съ гордымъ и, какъ камея, правильнымъ лицомъ, а онъ типъ дороднаго и рослаго нѣмца, съ таліей, перетянутой до-нельзя; намъ всѣмъ онъ ужасно не понравился, и такъ какъ мы, по дѣтскому обыкновенію, всегда вслушивались въ то, что говорили старшіе. а изъ этого поверхностнаго источника намъ удалось почерпнуть свѣдѣніе, что бракъ этотъ, со стороны великой княжны, по крайней мѣрѣ, вовсе не былъ бракомъ по любви,—то мы и относились къ принцу Виртембергскому съ величайшей антипатіей.

Великая княгиня Марія Николаевна, въ то время герцогиня Лейхтенбергская, бывала у насъ сравнительно рѣже всѣхъ прочихъ членовъ царской фамиліи.

Въ описываемое мною посѣщеніе Смольнаго августѣйшими женихомъ и невѣстой, императрица пробыла у насъ особенно долго, и такъ какъ ее сопровождала большая свита и сидѣли всѣ въ саду, за большими, нарочно принесенными столами, то кому-то вздумалось спросить карты и не припомню. кто именно, шутя разложилъ карты и спросилъ мѣлки. Игралъ ли кто-нибудь на самомъ дѣлѣ я теперь не помню, но на столѣ что-то было написано мѣломъ, и принцъ Карлъ Виртембергскій, подойдя затѣмъ къ столу и облокотившись на него, быстро спохватился и, снявъ руку, подложилъ подъ локоть носовой платокъ, очевидно, изъ предосторожности. чтобы не запачкать мѣломъ мундиръ. Мы. вѣроятно, не обратили бы на это вниманія, но великая княгиня Марья Николаевна, стоявшая у стола, громко, хотя съ шутливой улыбкой, замѣтила:

— Pfoui!... Comme c'est allemand!...

Болѣе мы великую княжну Ольгу не видали до того дня. когда она, уже обвѣнчанная, пріѣзжала проститься съ нами. дня за два или за три до своего отъѣзда изъ Россіи. Она была такъ страшно огорчена перспективой этого отъѣзда, что, прощаясь съ нами и

увидавъ наши непритворныя слезы, сама горько заплакала и бросилась на шею императрицѣ.

Впослѣдствіи намъ пришлось слышать, что и въ этомъ бракѣ особаго счастья не было, и Н. П. В—ръ-Л—ская, урожденная графиня Бу—енъ, бывшая воспитанница Смольнаго монастыря, въ одно изъ посѣщеній своихъ разсказывала теткѣ, въ классѣ которой она раньше воспитывалась, какъ она была поражена той простотой обстановки, среди которой жила принцесса Виртембергская. Н. П., которой принцесса ужасно обрадовалась, была приглашена къ столу принца Карла, и каково же было ея удивленіе, когда она увидала, что служившій за столомъ лакей подавалъ блюдо только самому принцу, а затѣмъ уже оно переходило отъ одного обѣдающаго къ другому, передаваемое ближайшимъ сосѣдомъ. Обойдя такимъ образомъ всѣхъ обѣдавшихъ и дойдя вновь до принца, блюдо не было принято со стола, а поставлено было имъ по срединѣ, причемъ принцъ, обращаясь ко всѣмъ сидѣвшимъ за столомъ, очень привѣтливо замѣтилъ:

— Es wird noch einmahl sein!...

И, дѣйствительно, блюдо вновь обошло весь столъ, причемъ почти всѣ присутствующіе вторично взяли себѣ одного и того же кушанья, что, по словамъ Н. П., было далеко не лишнимъ, такъ какъ обѣдъ былъ болѣе нежели скромный и обиліемъ блюдъ не отличался.

Великая княгиня Марія Николаевна одна только никогда не разставалась съ Россіей, и случилось это потому, что она, какъ любимая дочь императора Николая, сама выбрала себѣ мужа... Герцогъ Лейхтенбергскій былъ обаятельно милый и любезный и, кромѣ того, очень красивый.

Изъ всѣхъ дочерей императора Николая, она была самая избалованная и самая своевольная, и вся послѣдующая жизнь ея была сплошнымъ подчиненіемъ ея волѣ всего ее окружавшаго.

Памятна мнѣ также очень великая княгиня Александра Іосифовна, когда она только что пріѣхала въ Россію, еще невѣстой великаго князя Константина Николаевича. Это была положительная красавица, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и даже подлѣ такой выдающейся красоты, какою отличались всѣ члены русской царской фамиліи, она все-таки производила чарующее впечатлѣніе.

Она была необыкновенно жива, весела и какъ-то особенно шумлива и въ первый визитъ ея къ намъ она забралась въ саду на наши казенныя качели и такъ громко хохотала и такъ кричала, когда наслѣдникъ (впослѣдствіи императоръ Александръ II) началъ высоко раскачивать ее, что императрица, смѣясь и затыкая уши, сказала, обращаясь къ ней:

— Voyons... Sanny!... Quel bruit!

Александра Іосифовна очень любила розовый цвѣтъ и въ то посѣщеніе Смольнаго, о которомъ я говорю, она была вся въ розовомъ, отъ шляпы и платья вплоть до зонтика и ботинокъ.

Она была много выше ростомъ, нежели ея женихъ, и своей живостью и молодымъ задорнымъ шумомъ представляла съ нимъ полнѣйшій контрастъ, что не помѣшало, какъ показало дальнѣйшее время, ихъ полному счастію и полному семейному согласію.

Всѣ эти визиты царской фамиліи, занимая насъ и наполняя наши дѣтскія сердца восторгомъ, слегка кружили намъ головы, и уже со второго класса въ насъ развивалось тщеславіе и чувство ѣдкой и горькой зависти къ тѣмъ изъ подругъ, которыхъ, завѣдомо всѣмъ, ожидалъ тотчасъ послѣ выпуска фрейлинскій шифръ.

Такихъ было сравнительно не особенно много, и какъ это ни странно покажется, но и вообще бѣдныхъ дѣвочекъ было среди насъ больше, нежели даже просто достаточныхъ, а между тѣмъ насъ воспитывали такъ, что зимою намъ въ саду настилали доски для гулянья по аллеямъ и ступать на снѣгъ намъ запрещалось подъ страхомъ строгаго взысканія.

Предоставляю судить, насколько все это оказалось практичнымъ впослѣдствіи, когда большинству изъ насъ пришлось не только довольствоваться самыми обыкновенными и невзыскательными извозчичьими экипажами, но и пѣшкомъ ходить чуть не половину всей долгой жизни.

Не менѣе излишнимъ было и то, что, имѣя при институтѣ свой собственный оркестръ музыки, насъ пріучали даже за уроками танцевъ не иначе вальсировать и танцовать всѣ бальные танцы вообще, какъ подъ звуки оркестра въ 25 человѣкъ. Этимъ путемъ многихъ изъ насъ навсегда лишили удовольствія танцовать на простыхъ вечеринкахъ, на которыхъ о многочисленномъ оркестрѣ, само собой разумѣется, и помину быть не могло.

А между тѣмъ во всѣхъ этихъ поблажкахъ не было и тѣни особой заботы о дѣтяхъ или особаго желанія сдѣлать имъ пріятное или полезное; все это дѣлалось какъ-то машинально, по инерціи, и шло по разъ навсегда заведенному, шаблонному порядку.

Всюду, гдѣ интересы дѣтей соприкасались съ интересами кого-нибудь изъ протежируемаго побочнаго начальства, о дѣтяхъ забывали и дѣтскіе интересы шли сзади всего.

Такъ, напримѣръ, несмотря на то, что даже наименѣе богатыя изъ насъ все-таки успѣли дома привыкнуть къ обильному и хорошему столу, что при крѣпостномъ правѣ и при прежнихъ барскихъ имѣніяхъ являлось существенной необходимостью каждаго маломальски зажиточнаго дома,—въ институтѣ насъ кормили до невозможности плохо, что дало возможность нашему тогдашнему эконому Г—у нажить очень крупное состояніе и дать за каждой изъ своихъ трехъ или четырехъ дочерей по 100 тысячъ наличныхъ денегъ въ приданое. Нашъ исключительно скверный столъ далъ поводъ къ эпизоду, хорошо памятному всѣмъ намъ и оставившему, вѣроятно, и въ памяти нашего экономa неизгладимый слѣдъ.

Кто-то изъ бывшихъ воспитанницъ Смольнаго, попавъ ко двору, вѣроятно, разсказалъ государынѣ, а, быть можетъ, и самому государю о томъ, какъ неудовлетворителенъ нашъ институтскій столъ, и вотъ императоръ Николай, не предупредивъ никого, пріѣхалъ въ Смольный въ обѣденное время и прошелъ прямо въ институтскую кухню.

Государя, конечно, никто не ожидалъ, и быстро разнесшаяся по всему Смольному вѣсть о томъ, что онъ пріѣхалъ съ внутренняго или, лучше сказать, съ чернаго крыльца и прошелъ прямо въ кухню, повергла всѣхъ въ крайнее недоумѣніе или, точнѣе, въ крайній испугъ.

Никто не могъ предвидѣть этого и не могъ предупредить того, что случилось, а случилась крайне непріятная вещь.

Государь, подойдя къ котлу, въ которомъ варился супъ для дѣтей, и опустивъ туда суповую ложку, попробовалъ супъ и громко сказалъ:

— Какая гадость!... Моихъ солдатъ лучше этого кормятъ...

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, когда все это совершалось и произносилось, нашъ экономъ уже зналъ о пріѣздѣ государя, но идти навстрѣчу къ собиравшейся надъ нимъ грозѣ онъ не хотѣлъ, да, правду сказать, врядъ ли даже онъ въ эту минуту обладалъ физической возможностью свободнаго передвиженія... Кто не зналъ императора Николая и того, каковъ онъ былъ въ минуты гнѣва...

Растерялась въ конецъ и оповѣщенная о пріѣздѣ государя Леонтьева, которой этикетъ тѣмъ не менѣе не позволялъ идти навстрѣчу государю «въ кухню»...

Не потерялась только тетка, къ которой, какъ потомъ говорили, тихонько бросился злосчастный экономъ, моля ее о спасеніи, такъ какъ находчивость тетки и ея умѣнье ладить со всѣми была хорошо извѣстна всѣмъ въ Смольномъ монастырѣ, точно также какъ и ея привычка ко всѣмъ лицамъ царской фамиліи. Тетка, какъ и всегда, одна оставалась совершенно спокойна. Это было еще во время ея фавора; мы въ то время еще только что переходили въ старшій классъ и исторія съ бѣдной Лелей еще не сдѣлалась достояніемъ праздныхъ и злонамѣренныхъ разговоровъ.

Событіе, о которомъ идетъ рѣчь, совпало съ нашей поѣздкой въ Екатерининскій институтъ на выпускъ воспитанницъ, куда обыкновенно возили 30 или 40 смолянокъ изъ старшаго класса, выбираемыхъ начальствомъ, какъ это обыкновенно у насъ дѣлалось, не столько изъ числа самыхъ прилежныхъ и благонравныхъ, сколько изъ числа самыхъ красивыхъ.

Въ силу особенныхъ заботъ о внѣшней «пріятности во всѣхъ отношеніяхъ» выбранныхъ для поѣздки воспитанницъ, намъ заказаны были къ этому дню бѣлыя кисейныя платья, выбрана была модная въ то время очень красивая прическа и куплены были для всѣхъ, на казенный счетъ, большія серьги изъ бѣлыхъ бусъ въ золотой оправѣ.

Легко понять, что такой сравнительно изысканный туалетъ очень шелъ къ молодымъ и красивымъ лицамъ, и что цвѣтникъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ старшей не было 17-ти лѣтъ, одѣтыхъ въ бальные туалеты, представлялъ собою очень красивую картину.

Надобно замѣтить, что и платья были давнымъ-давно примѣрены, и прическа была устроена, и въ новой примѣркѣ не было ровно никакой надобности, но въ разсчеты тетки входило показать товаръ лицомъ, и вотъ, откуда ни возьмись, явились и портнихи, и швеи, и даже куаферы... Загнали насъ въ рекреаціонную залу, и всѣхъ назначенныхъ на поѣздку въ институтъ начали торопливо наряжать въ бальный туалетъ.

Мы всѣ, не зная ничего о пріѣздѣ государя, пришли въ крайнее недоумѣніе, но явилась тетка, пресерьезно принялась одергивать и поправлять на насъ нашъ нарядъ, и, когда мы въ невинности души, убѣжденныя въ томъ, что «примѣрка» окончена, собирались сбро-

сить съ себя неподобающій нарядъ, чтобы бѣжать въ столовую на раздавшійся звонокъ,—тетка объявила намъ, что въ столовую сейчасъ придетъ государь и что переодѣваться некогда, а надо бѣжать въ томъ, въ чемъ насъ засталъ неожиданный визитъ государя.

Возражать было нельзя... Пришлось «парадировать» и среди насмѣшливыхъ улыбокъ подругъ нарядной толпою летѣть, среди холоднаго зимняго дня, въ совершенно холодную столовую, въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, съ открытыми воротами и короткими рукавами. Всѣхъ насъ, «парадныхъ», поставили впередъ, нарушивъ этимъ обычный порядокъ занимаемыхъ нами въ столовой мѣстъ, и мы, не садясь за столъ, ожидали появленія государя.

Онъ вошелъ мрачнѣе тучи и, холодно поздоровавшись съ наскоро пріѣхавшимъ и почти вбѣжавшимъ въ столовую принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ, — въ третій уже разъ спросилъ:

— Гдѣ экономъ?... Позвать ко мнѣ эконома!...

Въ тѣ времена такой вопросъ равнялся современному вердикту присяжныхъ: «виновенъ и не заслуживаетъ снисхожденія», но тутъ подвернулась тетка и, отвѣшивая придворный реверансъ, ловкимъ образомъ обратила вниманіе государя на нашъ «парадъ».

Императоръ взглянулъ, улыбнулся и, обращаясь ко мнѣ, какъ къ ближе всѣхъ стоявшей изъ «парадныхъ», милостиво сказалъ:

— Боже мой!... Что это вы такъ разрядились?...

Тетка впилась въ меня глазами...

Я поклонилась и отвѣтила:

— Мы примѣривали платья... Не хотѣли лишиться счастія видѣть ваше императорское величество и прибѣжали, какъ были!...

Государь улыбнулся, низко поклонился и сказалъ:

— Нижайшее вамъ за это спасибо!...

Затѣмъ онъ сталъ шутить съ нами, спрашивалъ, кто изъ насъ его «обожаетъ»... и на наше молчаніе, смѣясь, замѣтилъ:

— Что это?... Неужели никто?... Какъ вамъ не стыдно, «mesdames»... Всѣхъ, даже дьячка обожаете... а меня никто?...

Въ эту минуту, когда государь уже значительно успокоился отъ гнѣва, дано было знать злосчастному эконому Г—у, что онъ можетъ появиться. Тотъ вошелъ блѣдный и трепещущій... Принцъ Ольденбургскій гнѣвно указалъ ему на государя и далъ знакъ приблизиться къ его величеству. Г—ъ еще сильнѣе поблѣднѣлъ и ни съ мѣста.

Засуетилась тетка. Она и государю продолжала улыбаться... и эконому дѣлала какіе-то таинственные знаки... Государь замѣтилъ всѣ эти маневры и повернулся въ ту сторону.

Г—ра почти вытолкнули впередъ.

Государь взглянулъ на него и сдвинулъ брови. Кто когда-нибудь видалъ императора Николая въ минуты гнѣва, тотъ, конечно, знаетъ силу и мощь этого историческаго взгляда.

Г—ръ, встрѣтившись глазами съ государемъ, почти на полъ присѣлъ отъ испуга.

— Ты экономъ?!... громко прозвучалъ голосъ императора.

Никто не слыхалъ отвѣта на этотъ вопросъ, да врядъ ли злосчастный экономъ и отвѣчалъ что-нибудь...

— Хорошо!... сказалъ государь, но тутъ опять подоспѣла Анна Дмитріевна и начала что-то сладко напѣвать относительно нашего восхищенія бальнымъ туалетомъ и приготовленій нашихъ къ предстоявшему балу.

Государь вновь занялся «парадными» воспитанницами и... экономъ былъ спасенъ.

Нарушены были, на этотъ разъ, всѣ обычные порядки дѣтскихъ обѣдовъ, старшій классъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать изъ столовой первымъ, пропустилъ оба меньшіе класса... «Парадныя» остались сзади всѣхъ и допущены были въ швейцарскую провожать государя...

Онъ уѣхалъ довольный, обѣщавъ прислать намъ всѣмъ конфектъ... Тутъ намъ разрѣшено было переодѣться, а на слѣдующій день дѣйствительно роздали всѣмъ намъ присланныя государемъ бонбоньерки съ конфектами...

Экономъ остался на мѣстѣ и только кормить насъ стали нѣсколько сноснѣе, потому что надзоръ за этимъ, къ крайнему конфузу нашего добраго, но нѣсколько слабаго принца, порученъ былъ камергеру Вонляръ-Лярскому, который и пріѣзжалъ раза по два въ недѣлю къ намъ въ столовую въ обѣденное время.

Сохраняя хотя отчасти хронологическій порядокъ, считаю нужнымъ упомянуть о томъ, что движеніе 1848 года не прошло для насъ совершенно безслѣдно. Мы были уже на порогѣ старшаго класса и, зорко и пристально вслушиваясь въ то, что говорили старшіе, мы въ то же время и газетные листки ловили на-лету, и я помню нашъ ужасъ, когда мы прочли, если не ошибаюсь, въ «Сѣверной Пчелѣ», имена всѣхъ осужденныхъ на смертную казнь и прощенныхъ, по высочайшему повелѣнію, уже у позорнаго столба, съ накинутыми на головы предсмертными саванами.

Намъ въ то время все это было тѣмъ болѣе интересно и почти близко, что во главѣ возстанія называли имя Петрашевскаго, сестра котораго воспитывалась въ Смольномъ и не задолго до этого, а именно въ 1845-мъ году, только окончила курсъ.

Кромѣ Петрашевскаго, котораго мы въ лицо всѣ хорошо знали и помнили, потому что онъ очень аккуратно посѣщалъ свою сестру въ пріемные дни, мы знали еще и другого осужденнаго въ то время вмѣстѣ съ Спѣшневымъ, Монтрезоромъ, Тимковскимъ и знаменитымъ впослѣдствіи Достоевскимъ... Это былъ незадолго передъ тѣмъ выпущенный изъ училища правовѣдѣнія Кашкинъ, совсѣмъ еще молоденькій мальчикъ, который, какъ говорили, горько плакалъ и былъ по-дѣтски испуганъ ожидавшей его страшною карой, передъ которой Петрашевскій ни на минуту не отступилъ и не подался.

ГЛАВА XIV.

Наши „обожанія".—Ан. Мат. Б—въ и Г. П. Данилевскій.—Приближеніе выпуска.—Слѣпой-нищій, пѣшкомъ пришедшій за дочерью.—Экзамены публичные и императорскіе.—Выдача казенныхъ субсидій.—Прощальный балъ во дворцѣ.—Послѣдніе дни наши въ стѣнахъ Смольнаго.—День выпуска.—Первый день „на волѣ".—Визитъ въ Смольный.—Пріѣздъ императрицы.

Выпускъ приближался, а съ нимъ надвигалась и новая жизнь, къ которой немногія изъ насъ относились вполнѣ сознательно и серьезно.

Иныя ждали выпуска съ горячимъ и совершенно понятнымъ нетерпѣніемъ, другія втайнѣ боялись грядущей, невѣдомой свободы... Я говорю — втайнѣ, потому что явно сознаться въ нежеланіи разставаться съ институтомъ считалось и страннымъ, и какъ бы даже предосудительнымъ.

Каждой изъ насъ хотѣлось представить передъ подругами грядущую жизнь раемъ и далекій, почти забытый «домъ» идеаломъ благополучія.

Подходили къ развязкѣ и многіе изъ дѣтскихъ невинныхъ романовъ нашихъ, и хорошенькая Патти Ко—на, напримѣръ, съ маленькаго класса «обожавшая» Андрюшу Б—ва, брата одной изъ нашихъ воспитанницъ и съ первыхъ дней своего «обожанія» встрѣтившая въ Андрюшѣ полное сочувствіе,—вышла за него замужъ въ первый же годъ послѣ выпуска, несмотря на то, что и самъ Андрюша въ то время былъ почти мальчикомъ, такъ какъ только за годъ до нашего выпуска окончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія.

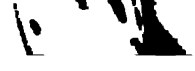
Двоюродный братъ Андрюши, Г. П. Данилевскій, впослѣдствіи извѣстный литераторъ и редакторъ «Правительственнаго Вѣстника», тоже былъ предметомъ нашего обожанія и въ честь его студенческаго мундира многія изъ насъ носили на рукѣ бантики изъ синяго бархата съ золотомъ. Г. П. былъ исключительно хорошій танцоръ и приглашеніе его на всѣ наши балы было для насъ истиннымъ праздникомъ.

Слегка замѣшанный въ исторіи 1848 года и поплатившись за это кратковременнымъ арестомъ, Г. П. уѣхалъ въ Москву, а затѣмъ къ себѣ на родину, въ Малороссію, и я его больше не видала до встрѣчи съ нимъ по прошествіи почти сорока лѣтъ, гдѣ мы оба, конечно, съ трудомъ узнали другъ друга.

Незадолго до выпуска стало извѣстно, что, по личному желанію императрицы Маріи Александровны, обѣ сестры Т—вы остаются въ Смольномъ монастырѣ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій государыни. Вскорѣ старшая изъ нихъ сдѣлана была фрейлиной, а вторая уѣхала въ Москву къ теткѣ своей, родной сестрѣ отца Д. И. С—ой, гдѣ и прожила, ежели не ошибаюсь, до своей смерти.

Около того же времени случилось происшествіе, о которомъ я вскользь упомянула выше.

За одной изъ воспитанницъ, А. А. Ч—ъ, пришелъ пѣшкомъ



отецъ ея, бѣдный дворянинъ Черниговской губерніи, слѣпой, съ мальчикомъ-поводыремъ, и остановился въ какомъ-то ночлежномъ домѣ вмѣстѣ съ мужиками. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по Смольному, и сама Ч—ъ, особа далеко не умная и не особенно сердечная, по первому движенію отнеслась къ слѣпому отцу съ пренебреженіемъ и какъ бы стыдилась его слѣпоты и его нищеты. Онъ же. въ простотѣ душевной, зная, что къ выпуску дочери надо какъ-нибудь приготовиться въ смыслѣ устройства ей гардероба, принесъ съ собой большой шерстяной платокъ и нѣсколько аршинъ краснаго ситца, оставшихся послѣ смерти его жены и, очевидно, составлявшихъ все наличное богатство бѣднаго старика.

Къ чести дѣтей надобно сказать, что всѣ отнеслись къ бѣдному слѣпцу съ величайшимъ сочувствіемъ, чѣмъ образумили и его дочь, переставшую стыдиться его безысходной нищеты.

Въ судьбѣ молодой дѣвушки приняла участіе нѣкто г-жа Фьюсонъ, урожденная Талызина, особа, извѣстная своей благотворительностью. Она взяла Адель Ч—ъ къ себѣ, занялась ея экипировкой и держала ее у себя до того времени, когда она, по именному повелѣнію императора Николая, оставлена была при Смольномъ въ качествѣ учительницы рукодѣлія.

Такъ называемые инспекторскіе экзамены прошли тревожно. Нашъ классъ, отличавшійся очень блестящими особами въ смыслѣ внѣшней красоты, а равно и въ смыслѣ свѣтскости и талантовъ, насчитывавшій нѣсколько прекрасныхъ пѣвицъ и очень хорошихъ музыкантшъ,—особенной ученостью не отличался, и наши преподаватели танцевъ и прочихъ arts d'agrément были несравненно спокойнѣе за исходъ экзаменовъ, нежели наши профессора.

Въ общемъ все сошло относительно благополучно и съ окончаніемъ инспекторскихъ экзаменовъ фактически окончился и весь нашъ курсъ наукъ.

Оставались только публичные императорскіе экзамены, къ которымъ и готовиться почти не приходилось, такъ какъ почти всѣ заранѣе знали, что именно онѣ будутъ говорить и на какіе вопросы имъ придется отвѣчать.

Съ окончаніемъ инспекторскихъ экзаменовъ началась относительно и наша свободная жизнь, до нѣкоторой степени внѣ строгихъ законовъ, которымъ намъ до того дня приходилось обязательно подчиняться.

Мы вставали нѣсколько позднѣе, имѣли право опаздывать къ общей молитвѣ, классовъ для насъ уже не полагалось и, проведя день въ свободномъ чтеніи книгъ, съ почти безконтрольнымъ личнымъ выборомъ, мы ложились значительно позднѣе, нежели полагалось по строгимъ, до того дня обязательнымъ для насъ, правиламъ.

Костюмъ нашъ иллюстрировался «своими» платками и шалями, цвѣтъ которыхъ нами самими выбирался, и здѣсь впервые, въ этой крошечной подробности туалета, проявилась уже и суетность, и разница средствъ, и почти разница общественныхъ положеній дѣвочекъ. Являлось уже неравенство, а съ нимъ и неизбѣжная, еще дѣтская, но уже ѣдкая зависть и почти ненависть бѣдныхъ къ богатымъ.

Здѣсь же, въ эту пору первой въ жизни относительной свободы, проявлялось и затаенное долгіе годы чувство непріязни нашей къ бывшимъ нашимъ мучительницамъ, класснымъ дамамъ, отъ которыхъ намъ въ дѣтствѣ приходилось такъ много терпѣть и которымъ теперь, по закону возмездія, приходилось не мало переносить отъ насъ.

При выпускѣ отъ казны выдавалась каждой изъ насъ извѣстная сумма денегъ на первоначальное обзаведеніе и на экипировку, и деньги эти, по очень странному распоряженію, выдавались не роднымъ нашимъ, а намъ самимъ, причемъ цифра, назначенная къ выдачѣ, была заранѣе извѣстна каждой изъ насъ.

Денежныя выдачи были не равныя: онѣ варьировали между 150 и 700 рублями, смотря по степени успѣшнаго ученія, а главное смотря по тому, на чей счетъ воспитывалась награждаемая институтка. Тѣ, которыя были своекоштными воспитанницами, не получали, само собою разумѣется, никакой награды; тѣмъ, которыя состояли пансіонерками кого-либо изъ членовъ императорской фамиліи, выдавались награды отъ тѣхъ, на чье иждивеніе онѣ учились, причемъ все-таки совершенно изъяты были изъ числа награждаемыхъ денежно всѣ тѣ, родственники которыхъ могли считаться совершенно обезпеченными людьми.

Помню, что это послѣднее обстоятельство послужило поводомъ къ нѣсколькимъ пререканіямъ, глубоко удивившимъ въ то время насъ, совершенно незнакомыхъ съ жизнью. Такъ, въ томъ классѣ, въ которомъ воспитывалась я, были двѣ сестры Д..., отецъ которыхъ въ то время командовалъ или гвардейскимъ полкомъ, или цѣлой дивизіей. Воспитывались онѣ, въ уваженіе заслугъ отца, на казенный счетъ, но награждать ихъ денежно или, точнѣе, помогать ихъ экипировкѣ начальство наше справедливо нашло совершенно излишнимъ, о чемъ имъ было объявлено черезъ классную даму.

Не берусь описать того гнѣва, какой это распоряженіе вызвало со стороны генерала, пріѣхавшаго навѣстить дочерей и узнавшаго отъ нихъ о томъ, что онѣ никакой денежной награды не получатъ. Напрасно объясняли ему, что бѣдныя дѣвочки тутъ не причемъ, что деньги эти выдаются не въ награду за успѣхи, а скорѣй въ видѣ вспомоществованія, генералъ не хотѣлъ ничего слышать, и, если я не ошибаюсь, кончилось тѣмъ, что требованіе его было удовлетворено и дочери его получили что-то около 200 или 300 руб. на двоихъ, что при его наличныхъ средствахъ являлось дѣйствительно совершеннымъ пустякомъ.

День выпуска нашего былъ назначенъ на 4-е или 5-е марта, въ точности не припомню. Этому должны были предшествовать публичные и императорскіе экзамены.

Первые прошли обычнымъ порядкомъ, не оставивъ ни въ комъ изъ насъ никакихъ особыхъ воспоминаній или впечатлѣній, что же касается вторыхъ, то, конечно, изъ памяти всѣхъ смолянокъ не изгладится никогда ни чудный вечеръ, проведенный нами во дворцѣ, ни ласковое обращеніе съ нами императрицы, ни минута прощанія нашего съ нею, минута дотого горькая для всѣхъ насъ, что, видя наши непритворныя слезы, императрица сама заплакала и обѣщала

намъ пріѣхать еще разъ проститься съ нами на другой день послѣ нашего выпуска, когда мы, по разъ навсегда принятому обыкновенію, съѣзжаемся въ Смольный, чтобы въ послѣдній разъ поблагодарить наше бывшее начальство за данное намъ воспитаніе, въ сущности же для того, чтобъ прихвастнуть другъ передъ другомъ и нашими туалетами, и экипажами, въ которыхъ мы пріѣхали, и нѣсколько преувеличенными разсказами о проведенномъ наканунѣ первомъ вечерѣ «дома».

Нашъ императорскій экзаменъ, за которымъ обыкновенно слѣдовалъ форменный балъ, гдѣ съ нами танцовали и великіе князья, и иностранные принцы, и лица свиты—на этотъ разъ назначенъ былъ не въ Зимнемъ дворцѣ, а въ Аничковскомъ, потому что въ Смольномъ, въ маленькомъ классѣ, въ это время ходила корь, и императрица боялась близости нашей въ Зимнемъ дворцѣ къ августѣйшимъ дѣтямъ наслѣдника.

Экзаменъ сошелъ очень удачно, солистки пѣли очень мило, хоръ тоже мастерски справился съ своимъ дѣломъ, а относительно танцевъ за насъ не боялся никто... Въ этомъ отношеніи воспитаніе наше шло совершенно успѣшно.

По окончаніи характерныхъ танцевъ послѣдовала раздача наградъ, которыя императрица сама вручала воспитанницамъ, и затѣмъ, удалившись ненадолго и предоставивъ намъ въ ея отсутствіи напиться чаю, императрица вернулась сама въ бальномъ туалетѣ и въ брилліантахъ и разрѣшила великимъ князьямъ открыть балъ.

Тутъ случилось маленькое происшествіе, въ ту минуту выросшее въ нашихъ дѣтскихъ глазахъ въ цѣлое событіе, теперь же, когда и главныхъ дѣйствующихъ лицъ уже давно нѣтъ на свѣтѣ, я вспоминаю объ этомъ съ искренней и непритворной улыбкой.

Дѣло въ томъ, что приглашенія на всѣ легкіе танцы предоставлялись личному выбору нашихъ августѣйшихъ кавалеровъ, что же касается кадрилей, то онѣ входили въ «церемоніалъ», то есть: первую кадриль старшій изъ великихъ князей долженъ былъ танцовать съ воспитанницей, получившей первый шифръ, слѣдующій великій князь со вторымъ шифромъ и такъ далѣе. Воспитанницы, въ «церемоніалъ» не вошедшія, танцовали по приглашенію съ кавалерами изъ свиты.

Балъ открылся вальсомъ, втеченіе котораго покойный великій князь Николай Николаевичъ почти не отходилъ отъ очень хорошенькой воспитанницы Л..., не получившей никакой награды и потому въ «церемоніалъ» не вошедшей вовсе. Старшимъ изъ танцующихъ великихъ князей въ то время былъ Константинъ Николаевичъ. Наслѣдникъ, впослѣдствіи императоръ Александръ II-й,— уже не танцовалъ, по крайней мѣрѣ съ нами.

Состоялась первая кадриль. Великіе князья протанцовали ее по указанію церемоніймейстера, и затѣмъ, послѣ слѣдовавшей за нею польки-мазурки, оркестръ проигралъ ритурнель второй кадрили, которую великій князь Николай Николаевичъ долженъ былъ танцовать съ воспитанницей, удостоенной одной изъ самыхъ почетныхъ наградъ, но замѣчательно некрасивой собой. Она, предупрежденная

о томъ, что танцуетъ съ великимъ княземъ, сидитъ и ждетъ своего кавалера. Никто другой ее, конечно, не приглашаетъ, а между тѣмъ всѣ остальныя воспитанницы уже приглашены, всѣ стоятъ въ парахъ, а великаго князя Николая и въ поминѣ нѣтъ. Бѣдная шифристка сидитъ и чуть не плачетъ... Кадрили не начинаютъ... Ждутъ его высочество... Всѣ пары стали по мѣстамъ... Одна бѣдная обойденная приглашеніемъ Ш... сидитъ на мѣстѣ.

Государь, стоявшій неподалеку, видитъ замѣшательство и освѣдомляется о причинѣ его. Ему докладываютъ, что ждутъ великаго князя Николая, который долженъ танцовать съ указанной ему, по росписанію, воспитанницей.

Государь отдаетъ приказъ найти и пригласить въ залу великаго князя, а тѣмъ временемъ окидываетъ залу пристальнымъ взглядомъ и вдали, въ одномъ изъ заднихъ каре, видитъ великаго князя Николая, преспокойно примостившагося за стуломъ хорошенькой Л..., которой онъ что-то нашептываетъ и которая ему улыбается...

Государь сдвигаетъ брови и подзываетъ наслѣдника. Тотъ, выслушавъ отца, моментально отстегиваетъ оружіе и, направляясь къ обойденной шифристкѣ, приглашаетъ ее на кадриль. Та встаетъ, вся блѣдная, вся растерянная...

По окончаніи кадрили, наслѣдникъ доводитъ свою даму до ея мѣста, а государь тѣмъ временемъ посылаетъ пригласить къ себѣ великаго князя Николая и, сдвинувъ брови, говоритъ ему нѣсколько словъ.

Тотъ покорно отходитъ, надѣваетъ оружіе, что значитъ, что танцовать онъ больше не будетъ, и садится сзади императрицы.

Та качаетъ головой и въ отвѣтъ на что-то, что онъ ей убѣдительно объясняетъ, разводитъ руками.

Очевидно, рѣчь идетъ о томъ, чтобы испросить у государя разрѣшеніе вновь принять участіе въ танцахъ... Но императрица знаетъ, что все будетъ напрасно и что государь не согласится простить сына и вновь позволить ему танцовать.

Часть бала прошла для великаго князя въ такомъ досадномъ бездѣйствіи и только передъ ужиномъ, въ отвѣтъ на настоятельныя просьбы императрицы, государь разрѣшаетъ сыну танцовать. Одинъ мигъ... и великій князь вновь подлѣ хорошенькой Л... и опять нашептываетъ ей продолженіе прерваннаго объясненія...

Все это было такъ молодо, такъ безобидно, такъ свѣжо, той первой свѣжестью минутнаго, юнаго увлеченія, что и сердиться за это нельзя было...

Танцы прерваны были ужиномъ, за которымъ ни государь, ни императрица за столъ не садились, обходя занятые нами столы и радушно насъ угощая.

Послѣ выпитаго за наше здоровье шампанскаго поданы были громадные подносы съ лежавшими на нихъ красивыми и богатыми бонбоньерками, которыя раздавали намъ сами молодые великіе князья, Николай и Михаилъ Николаевичи.

Мы встали изъ-за стола около 12 часовъ ночи и все-таки, по настоятельной просьбѣ великихъ князей, танцы возобновились и окончились довольно долго длившейся и очень оживленной мазуркой.

Съ послѣднимъ раздавшимся аккордомъ всѣ какъ-то вздрогнули, точно будто какая-то связь съ прошлымъ порвалась и на насъ всѣхъ повѣяло чѣмъ-то невѣдомымъ.

Мы откланялись съ августѣйшими хозяевами и отбыли изъ дворца въ придворныхъ каретахъ такъ-же, какъ и туда пріѣхали.

Вернувшись въ институтъ, мы почти не ложились спать, всю ночь обмѣниваясь вынесенными впечатлѣніями...

Хорошенькая Л... горько плакала, пресерьезно упрекая своего отца за то, что онъ не дослужился ни до какихъ придворныхъ чиновъ и что, «благодаря» такой его оплошности, она лишена возможности въ теченіи всей жизни танцовать съ великимъ княземъ Николаемъ. Ей въ ту минуту пресерьезно казалось, что можно дѣйствительно «всю жизнь протанцовать».

Впрочемъ, ея жизнь и на дѣлѣ сложилась вѣчнымъ праздникомъ.

Совершенно бѣдная, почти сирота, потому что она совсѣмъ не знала матери, Л... вышла вскорѣ замужъ за очень богатаго человѣка, владѣльца золотыхъ пріисковъ въ Сибири, и изо всѣхъ ея смѣлыхъ мечтаній и запросовъ къ жизни не сбылось одно только, а именно то, что съ великимъ княземъ ей никогда больше встрѣтиться не пришлось.

Послѣ императорскаго экзамена до выпуска оставалось только два или три дня... Всѣмъ привозили уже наряды... дортуары наши съ утра до ночи были переполнены модистками и портнихами... Жизнь вступала въ свои, покуда еще только суетныя права...

Послѣдній день передъ выпускомъ былъ проведенъ какъ бы во снѣ... Всѣ собирались группами... Говорили... плакали... клялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ... Въ послѣднюю ночь почти никто не ложился спать.

Какъ теперь помню я самый день выпуска... Погода была холодная... скорѣй осенняя, нежели весенняя... Мелкій дождь моросилъ съ утра... Всѣ поднялись до свѣта... Многія и вовсе не ложились... Къ 12-ти часамъ назначенъ былъ съѣздъ родныхъ въ большую мраморную залу... Въ томъ же часу мы собрались въ своей рекреаціонной залѣ, чтобы идти въ церковь, гдѣ насъ ожидалъ нашъ законоучитель отецъ Красноцвѣтовъ, чтобы въ послѣдній разъ помолиться вмѣстѣ съ нами на порогѣ новой жизни.

Одѣты мы были въ этотъ день еще всѣ одинаково, въ бѣлыя кисейныя платья, тѣ самыя, въ которыхъ мы были во дворцѣ и которыя были сдѣланы отъ казны, но на деньги каждой изъ насъ отдѣльно уплаченныя.

Въ церковь мы прошли однѣ, безъ родныхъ, и въ послѣдній разъ размѣстились на клиросѣ, чтобы самимъ пропѣть молебенъ; но пѣть мы почти не могли... Горло сжималось отъ слезъ... и что-то непривычной, пророческой тоскою давило душу...

Въ церкви вмѣстѣ съ нами было все наше начальство, и Леонтьева, и тетка, кстати сказать, горько плакавшая, потому что одновременно съ нами и она прощалась и разставалась съ Смольнымъ монастыремъ, въ которомъ протекла вся ея долгая жизнь.

Тутъ же на-лицо были и всѣ наши профессора, съѣхавшіеся также, чтобы проститься съ нами.

Всѣ казались глубоко растроганными... Всѣ съ чѣмъ-то безповоротно, безнадежно разставались... и всѣмъ было мучительно жаль этого, навѣки отходившаго «чего-то».

Особенно грустенъ былъ нашъ инспекторъ, старикъ Тимаевъ. Его, нѣкогда ярко блиставшая звѣзда тоже какъ будто закатывалась... Раньше онъ былъ преподавателемъ исторіи при великихъ княжнахъ, дочеряхъ императора Николая Павловича; съ окончаніемъ ихъ ученія его роль при дворѣ была окончена, и онъ какъ-то не сохранилъ съ прежнимъ никакой связи...

Онъ отошелъ отъ двора и весь отдался служенію Смольному монастырю, куда назначенъ былъ на не столько почетное, сколько отвѣтственное мѣсто инспектора классовъ.

Позднѣе, за его смертью, мѣсто это какъ бы по наслѣдству перешло къ его старшему сыну, котораго мы оставили еще студентомъ.

Воспитанницы, на этотъ разъ, стояли въ церкви группами, кто гдѣ хотѣлъ, и не по ранжиру, какъ выстраивались обыкновенно.

Нѣкоторые изъ отцовъ и матерей, въ видѣ особаго почета и по особому приглашенію Леонтьевой, присутствовали вмѣстѣ съ нами за послѣднимъ, прощальнымъ молебномъ, но на этотъ разъ они были почти лишними между нами.

По окончаніи молебна отецъ Красноцвѣтовъ обратился къ намъ съ прощальнымъ, напутственнымъ словомъ, которое мы всѣ выслушали со слезами.

Горе постепенно охватывало всѣхъ... Не оставалось въ душѣ мѣста ни для новизны впечатлѣній, ни для незнакомаго, но радостнаго ощущенія свободы... ни для молодого задора, отъ котораго такъ широко вѣяло избыткомъ юныхъ силъ...

На всѣхъ глазахъ были непритворныя слезы, во всѣхъ молодыхъ сердцахъ было искреннее горе... и одно только горе!...

Благословивъ каждую изъ насъ отдѣльно и каждой вручивъ по изящно переплетенному маленькому Евангелію,—отецъ Красноцвѣтовъ, съ высоты амвона, еще разъ перекрестилъ всѣхъ насъ однимъ общимъ крестомъ и, внятно, но съ дрожью въ голосѣ проговорилъ:

— Съ Богомъ... на новый, широкій жизненный путь!... Благослови васъ Господи!... Прощайте!...—торопливо удалился въ алтарь.

Въ корридорахъ, куда мы устремились толпою, происходило наше прощанье съ профессорами, которые всѣ тутъ же разъѣзжались, не возвращаясь съ нами въ актовую залу и не дожидаясь нашего отъѣзда.

Одинъ Тимаевъ только остался съ нами до послѣдней минуты и роздалъ или, лучше сказать, продиктовалъ намъ стихи, тутъ же имъ написанные, подъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ, торжественныхъ минутъ. Стихотвореніе было полное чувства, ума и души, какъ все то, что когда-либо говорилъ и писалъ этотъ замѣчательный человѣкъ.

Всего стихотворенія я не помню, но начиналось оно словами:

„Склонясь предъ образомъ главами,
Внимая пастыря словамъ,
Вы плакали... я плакалъ съ вами...
Но слезы сладки были намъ!...“

Но молодость брала свое, и вновь живой, кипучею волной вбѣжали мы всѣ въ большую залу, гдѣ, уже начиная терять терпѣніе, ждали насъ родные...

Тутъ началось настоящее, послѣднее прощанье... Слышались поцѣлуи, рыданія... а мѣстами лучемъ свѣта прорывался взрывъ молодого, беззаботнаго смѣха... Родные торопили насъ. Ихъ дома ждали обычныя, ежедневныя заботы... намъ еще незнакомыя.

Весь нашъ міръ былъ еще по сю сторону институтскихъ дверей...

Но вотъ въ дверяхъ этихъ появился нашъ «Скалозубъ», полицей-мейстеръ баронъ Г..., въ своемъ парадномъ мундирѣ, съ султаномъ изъ пѣтушиныхъ перьевъ на треугольной шляпѣ... Онъ сдѣлалъ знакъ нашему старому швейцару Антону, облеченному въ красную придворную ливрею... Тотъ широко отворилъ обѣ половинки массивныхъ, тяжелыхъ дверей... и молодая толпа, живымъ, веселымъ роемъ, хлынула за заповѣдный порогъ навстрѣчу новой, невѣдомой жизни...

Тутъ, на первыхъ же порахъ, еще у самаго институтскаго порога, уже рѣзко обозначились жизненныя ступени... на ожидавшей всѣхъ насъ общественной лѣстницѣ.

Однѣмъ раззолоченные, ливрейные лакеи почтительно подавали дорогія собольи шубы; другимъ на плечи набрасывались болѣе дешевые, лисьи мѣха; были и такія, на которыхъ, поверхъ бѣлыхъ бальныхъ платьевъ, натягивались простыя и дешевыя суконныя шубки.

Кареты ожидали почти всѣхъ, но и экипажи такъ же разнились одинъ отъ другого, какъ и шубы. Была масса своихъ, дорогихъ лошадей... были и дешевые извозчичьи экипажи, на часы взятые съ дешевыхъ биржъ...

Баронъ Г... съ своей треуголкой и съ пѣтушинымъ султаномъ своимъ, все время стоялъ на парадной лѣстницѣ, почтительными поклонами и привѣтливыми улыбками провожая весь этотъ сонмъ взрослыхъ дѣвицъ, которыхъ онъ, за девять лѣтъ передъ тѣмъ, встрѣчалъ тутъ же такими маленькими, безпомощными дѣвочками...

Старый Антонъ тоже кланялся намъ, усердно моргая своими подслѣповатыми глазами...

Экипажи одинъ за другимъ отъѣзжали отъ подъѣзда...

Изъ оконъ высовывались молодыя головки...

Веселыя, молодыя личики, свѣтлой улыбкой, издали, въ послѣдній разъ прощались съ институтомъ...

Императрица Александра Ѳеодоровна сдержала данное намъ слово, и, когда мы, на другой день послѣ выпуска, всѣ съѣхались къ 12 часамъ въ Смольный, уже въ нарядныхъ городскихъ туалетахъ,—государыня пріѣхала тоже и прошла въ большую актовую залу, въ которой мы всѣ ее ожидали.

Она съ обычной своей милостивой лаской поздоровалась съ нами, съ улыбкой осматривала насъ въ нашихъ «свѣтскихъ» туалетахъ и, въ послѣдній разъ простившись съ нами, уѣхала, пожелавъ всѣмъ намъ много счастья на порогѣ новой жизни.

Не для всѣхъ это милостивое желаніе сбылось... не всѣхъ улыбкой встрѣтила судьба...

Но всѣ мы съ одинаковой горячей благодарностью вспоминаемъ о родныхъ стѣнахъ Смольнаго монастыря и въ сердцахъ всѣхъ живетъ неизмѣнно кроткій и граціозный образъ незабвенной императрицы Александры Ѳеодоровны.

Вспоминая о послѣднемъ, прощальномъ визитѣ императрицы, не могу не вспомнить и объ оригинальной выходкѣ одной изъ только что выпущенныхъ институтокъ, хорошенькой и неугомонно-веселой Катеньки Т—ъ, полькѣ по рожденію и, главнымъ образомъ, по привязанности къ родинѣ, которую она любила съ какимъ-то слѣпымъ обожаніемъ. Это не мѣшало ей также преданно и безгранично любить и всю царскую фамилію, безъ изъятія; мы были вообще плохіе политики!

Катенька была круглая сирота; гдѣ-то въ Польшѣ у нея была бабушка, которая ее выростила, но которая пріѣхать за ней въ Петербургъ, ко дню ея выпуска, не могла, почему Катѣ и пришлось изъ Смольнаго на время переселиться къ какой-то двоюродной теткѣ.

И вотъ на другой день, къ часу, назначенному императрицей, въ числѣ прочихъ явилась и Катенька Т—ъ, сразу поразившая насъ всѣхъ оригинальностью своего туалета. Платье на ней было новенькое и очень щегольское, шляпка бѣлая, очень элегантная и нарядная и... ко всему этому на плечахъ у нея оказалась громадная турецкая шаль, быть можетъ, и очень дорогая, но надѣтая вкривь и вкось и вовсе не шедшая къ ея шаловливому, молодому личику. Она на ходу какъ-то неловко куталась въ эту злополучную шаль, то волоча ее по полу, то наступая на нее.

Мы всѣ обратили вниманіе на несообразность ея наряда, но спросить объясненія никто не рѣшался.

Бросился этотъ оригинальный нарядъ и въ глаза императрицѣ, и она, лично знавшая живую шалунью Катю, подозвала ее и съ улыбкой спросила, что на ней за дорогой, но старушечій нарядъ? (шаль, кстати сказать, оказалась турецкой и очень дорогой).

На вопросъ императрицы Катя покраснѣла и еще плотнѣе закуталась въ свою дорогую шаль.

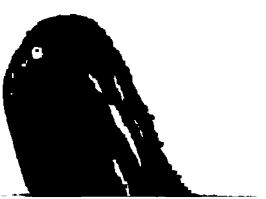
Императрица повторила вопросъ.

Молодая шалунья неудержимо расхохоталась.

Государыня, сама смѣясь, приказала ей снять глупую шаль, но... это оказалось неисполнимымъ!

На повѣрку выяснилось, что Катенька, проспавъ утромъ и испугавшись, что не поспѣетъ въ Смольный къ часу, назначенному императрицей, вскочила и, на-скоро накинувъ на себя едва зашнурованное вкривь и вкось платье, прикрыла безпорядокъ своего туалета наудачу схваченной у тетки шалью и въ этой аммуниціи незамѣтно шмыгнула въ карету, такъ какъ всѣ мы, въ этотъ день, пріѣзжали въ Смольный однѣ въ сопровожденіи только лакеевъ на козлахъ.

Императрица очень смѣялась, велѣла молодой шалуньѣ пройти въ свой бывшій дортуаръ и тамъ одѣться, какъ слѣдуетъ, и, когда она вернулась, смѣясь, спросила ее:



— Что, поправила ты свой «гибельный» туалетъ?

Эпитетъ этотъ оказался пророческимъ, и впослѣдствіи туалетъ Катеньки Т—ъ оказался дѣйствительно «гибельнымъ» не только для нея, но и для ея мужа.

Вскорѣ послѣ выпуска она вышла замужъ за молодого человѣка Б—го, который, быстро идя по службѣ, въ концѣ 50-хъ годовъ былъ уже вице-губернаторомъ, а въ 1862 году назначенъ былъ губернаторомъ одной изъ центральныхъ губерній.

Катенька Б—ая горячо любила мужа, но еще сильнѣе любила свою родную Польшу и во время возстанія 1863 года она, не взирая на постъ занимаемый мужемъ, облеклась въ глубокій трауръ, распустила длинный черный шлейфъ и надѣла на руки черныя католическія четки съ большимъ крестомъ. За эту неразумную фантазію мужъ ея поплатился мѣстомъ.

Этимъ днемъ послѣдняго визита въ Смольный порвалась навсегда личная моя связь съ институтомъ. Отсутствуя изъ Петербурга въ первые годы послѣ выпуска, я позднѣе уже не бывала въ Смольномъ потому, что весь наличный штатъ института перемѣнился.

Всякая связь съ прошлымъ порвалась...

Отъ этого прошлаго остались только однѣ мертвыя каменныя стѣны института... да и тѣ, съ теченіемъ времени, и постарѣли, и измѣнились, и наново перестроились!...

Полвѣка прошло со дня моего выпуска изъ Смольнаго монастыря... а полвѣка времени много!...

А. Соколова.

Прогрессъ и личность *).

К. Д. Кавелинъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской науки и публицистики, университетской жизни и крестьянской реформы. Въ свое время, каждая его сколько-нибудь замѣчательная статья возбуждала оживленную журнальную полемику, которая, по признанію автора, многое уясняла и для него самого, и для читателя. Но эта частичная, болѣе или менѣе спеціальная критика не могла тогда обрисовать въ законченныхъ очертаніяхъ его индивидуальнаго историко-философскаго пониманія. Пора подвести хотя бы главнѣйшіе итоги оставленнаго имъ для русской публики литературнаго наслѣдства.

Высокодаровитая и необыкновенно симпатичная личность профессора - публициста являлась живымъ связующимъ звеномъ между многими поколѣніями и общественными кружками съ вершинами правительственной власти. Собственно профессорская дѣятельность Кавелина относится къ разнымъ эпохамъ русской общественности. Въ періодъ литературно-философскихъ кружковъ славянофиловъ и западниковъ, съ 1844 по 48 годъ, онъ читаетъ лекціи въ Московскомъ университетѣ; въ періодъ высшаго подъема общественнаго настроенія и подготовки реформы, съ 1857 по 1861-й годъ,—въ Петербургскомъ университетѣ; во время общественной смуты и „малыхъ дѣлъ", съ 1877 по 85-й годъ,—въ военно-юридической академіи, — и здѣсь находитъ „то же восторженное къ себѣ отношеніе со стороны молодежи, какое питали къ нему студенты двухъ университетовъ". Наканунѣ освободительныхъ реформъ Кавелинъ

*) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Т. I. Монографіи по русской исторіи. Т. II. Публицистика. Т. III. Наука, философія и литература. Т. IV. Этнографія и правовѣдѣніе. СПБ.—1897 1900.

былъ въ прямомъ смыслѣ „живымъ двигателемъ“ общественныхъ представленій, дѣятелей и событій. Въ популярнѣйшемъ журналѣ того времени „Современникѣ“ Н. Г. Чернышевскій даетъ такой отзывъ о сочиненіяхъ Кавелина: „Его статьи принадлежатъ къ небольшому числу тѣхъ изысканій, на которыя опираются господствующія нынѣ понятія о ходѣ и характерѣ русской исторіи“. Популярный дѣятель освобожденія крестьянъ, авторъ извѣстной „Записки“, приглашается вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ для частныхъ собесѣдованій и убѣжденій членовъ „Комитета“ въ необходимости освобожденія крестьянъ. Даже въ бѣгломъ очеркѣ его жизни выступаетъ сама собою непрерывная связь отношеній между лучшими представителями разныхъ поколѣній. Бывшій ученикъ В. Г. Бѣлинскаго, подготовлявшаго его въ университетъ, профессоръ Кавелинъ приглашаетъ въ учителя къ своему сыну критика Н. А. Добролюбова, тогда какъ самъ опредѣляется въ наставники къ наслѣднику цесаревичу; а позднѣе одинъ изъ близкихъ его друзей Г. Г. Даниловичъ становится воспитателемъ царствующаго нынѣ Государя Императора. Въ частной жизни Кавелинъ объединялъ около себя самое разнообразное общество. Въ воспоминаніяхъ о немъ г. Спасовичъ говоритъ: „Никогда не видалъ я салона, который былъ бы живѣе, занимательнѣе и заманчивѣе и по предметамъ бесѣдъ, и по выдающимся качествамъ лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Общество было почти исключительно мужское. Тутъ бывали люди всевозможныхъ оттѣнковъ и мастей, которые впослѣдствіи разошлись другъ съ другомъ по діаметрально противоположнымъ направленіямъ. Сюда заглядывали военные и статскіе, судьи и администраторы, профессора и артисты, пріѣзжіе изъ Москвы, напримѣръ—С. Соловьевъ, Б. Чичеринъ, Бабстъ, Дмитріевъ и Побѣдоносцевъ; государственные люди—Н. Милютинъ, Заблоцкій-Десятовскій, Стояновскій, братья Гроты, Константинъ и Яковъ, офицеры, напримѣръ: Г. Г. Даниловичъ и М. Драгомировъ, писатели, напримѣръ: И. С. Тургеневъ, журналисты—Валентинъ Коршъ, Чернышевскій, Вейнбергъ и дѣлавшій тогда первые шаги на общественномъ поприщѣ, много обѣщавшій Добролюбовъ, профессора Борисъ Утинъ, Стасюлевичъ, Пыпинъ, Березинъ, Савичъ; всѣхъ бывавшихъ нѣтъ возможности перечесть. Главнымъ руководителемъ бесѣдъ былъ самъ хозяинъ, всегда занятый самыми свѣжими, самыми новыми и насущными вопросами текущаго дня. Мы изумлялись дѣятельности его, поистинѣ поразитель-

ной". Оставаясь „неоффиціальнымъ" дѣятелемъ освободительныхъ реформъ, Кавелинъ къ концу 50-хъ годовъ достигъ необычайной популярности въ литературной, общественной и политической сферахъ.

Затѣмъ начинаетъ быстро суживаться кругъ его общественной дѣятельности. Возстановленные противъ него вліятельные крѣпостники, рутинеры-профессора и администрація народнаго просвѣщенія не опускали поводовъ къ разнымъ инсинуаціямъ, клеветамъ и преслѣдованію. Въ апрѣльской книжкѣ „Современника" за 1858 г. было напечатано извлеченіе изъ его „Записки" объ освобожденіи крестьянъ. „Вліятельные его враги изъ высшихъ сферъ—разсказываетъ его біографъ г. Корсаковъ—нашли направленіе этой статьи вреднымъ и идущимъ въ разрѣзъ съ правительственными мѣропріятіями по крестьянскому дѣлу. Цензурное вѣдомство и редакція „Современника" были подвергнуты взысканію, а Кавелинъ, оклеветанный предъ императоромъ Александромъ II, оказался вынужденнымъ оставить мѣсто наставника цесаревича Николая Александровича; при этомъ онъ отказался какъ отъ предложенной ему пенсіи, такъ и отъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а позднѣе, въ 1862 г., при празднованіи тысячелѣтія Россіи, онъ отклонилъ представленіе о себѣ къ наградѣ орденомъ за ученыя заслуги. Менѣе чѣмъ черезъ три года по увольненіи Кавелина отъ преподаванія великому князю Николаю Александровичу освобожденіе крестьянъ облечено было въ форму положительнаго закона и совершилось именно на тѣхъ главныхъ началахъ, которыя были изложены въ „запискѣ" Кавелина и которыя въ 1858 году были признаны „вредными" и несогласными съ правительственными мѣропріятіями (Т. I, XXV). Въ декабрѣ 1861 года вслѣдствіе волненій въ Петербургскомъ университетѣ и несогласія съ распоряженіями высшей администраціи профессора: К. Д. Кавелинъ, М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ, В. Д. Спасовичъ и Б. И. Утинъ оставили каѳедры. При новомъ министрѣ Кавелинъ получаетъ командировку за границу для изученія „университетскаго вопроса" въ виду предстоящей реформы. До конца 1864 г. Кавелинъ изучаетъ постановку высшаго образованія въ Германіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи. Собранный имъ матеріалъ былъ только отчасти использованъ въ журнальныхъ статьяхъ, но практическаго примѣненія не имѣлъ, такъ какъ министерство слишкомъ поторопилось съ новымъ университетскимъ уста-

вомъ. Въ 1865 году, послѣ продолжительной и упорной борьбы съ бюрократическимъ режимомъ, Кавелинъ навсегда покидаетъ министерство народнаго просвѣщенія. Возвратясь изъ-за границы, разсказываетъ его біографъ, — Кавелинъ „нашелъ занятія у своего друга, К. К. Грота, въ то время директора департамента неокладныхъ сборовъ въ министерствѣ финансовъ, при условіи, что онъ имѣетъ право не пользоваться преимуществами государственной службы, т. е. не будетъ получать ни чиновъ, ни орденовъ". Къ этому времени относится письмо его къ А. Л. Корсакову, въ которомъ онъ объясняетъ свое отношеніе къ современной ему русской общественной дѣйствительности.

Въ этомъ письмѣ намѣчается также политическая программа Кавелина; поэтому, приводимъ изъ него нѣсколько выдержекъ: „У насъ всѣ и все протестуетъ противъ бюрократіи; прогрессисты протестовали, дворяне протестовали, и всѣмъ рты были зажаты. Литература тоже протестовала, и ей былъ наложенъ намордникъ молчанія. Что же это показываетъ? То, что бюрократія есть страшная, громадная сила, сильнѣе всего остального, и что съ этой силой надо считаться... Бюрократія останется все та же, мотовство все то же, произволъ администраціи и безалаберщина — тѣ же, пока у васъ, въ провинціяхъ, не образуется просвѣщенный, умный, честный, достаточный классъ, около котораго сгруппируются мѣстные элементы, къ которому мѣстная и центральная бюрократія, волей-неволей, должны будутъ относиться съ нѣкоторымъ уваженіемъ... Нужна среда, слой, элементъ, который бы представлялъ практическіе интересы, имѣлъ бы независимое и видное положеніе, на первый разъ хоть въ провинціи только, и настолько былъ бы образованъ и уменъ, чтобы понимать, что, защищая общественную пользу и интересы всѣхъ классовъ, отстаивая законъ, права, образованность для всѣхъ и каждаго въ данной мѣстности,—что только этимъ способомъ онъ можетъ что-нибудь сдѣлать, до чего-нибудь доработаться. Къ такой средѣ, слою, элементу примкнуло бы быстро все: и масса мужиковъ, и тѣ носящіеся всюду въ русскомъ обществѣ отдѣльные атомы знанія, таланта, образованности, которые теперь испаряются совершенно безплодно, потому что они безсильны, не имѣютъ никакой точки опоры". Впослѣдствіи такой общественный классъ можетъ пріобрѣсти значеніе и въ центральномъ управленіи государствомъ (т. II, ст. 1538).

Но пока не сложился въ Россіи экономически сильный и

просвѣщенный общественный классъ, „цѣлую четверть вѣка, полный силъ Кавелинъ—говоритъ другой его біографъ,—оставался не у дѣлъ, совершенно въ сторонѣ отъ большихъ теченій общественной жизни". Публицистическія статьи его начинаютъ все замѣтнѣе окрашиваться славянофильствомъ, все слышнѣе звучитъ въ нихъ призывъ къ культу личности, нравственному совершенствованію, какъ панацеѣ отъ общественнаго зла. Самой естественной политической формой для Россіи онъ начинаетъ признавать „крестьянскую общину, вполнѣ автономную во всѣхъ дѣлахъ, до ея одной касающихся; затѣмъ союзы общинъ уѣздные и губернскіе или областные со своими выборными представителями, а цѣлое завершится общимъ земскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ самодержавнаго наслѣдственнаго царя. Для того наслѣдственнаго, чтобы не было борьбы партій и смуты при его избраніи, для того самодержавнаго, чтобы онъ могъ быть всегда царемъ *всѣхъ*, а не только случайнаго большинства, благодаря которому онъ бы царствовалъ" [1]). Подобно Ю. Ѳ. Самарину, для Кавелина „въ идеалѣ русскомъ представляется самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая общественнымъ мнѣніемъ". Общій ходъ русской исторіи обрисовывается для него въ законченной схемѣ. Въ стихійно-историческомъ процессѣ первоначальный славяно-русскій общинно-родовой бытъ смѣнился постепенно, путемъ нарастанія населенія и расхожденія и ослабленія родовыхъ связей, семейно-вотчиннымъ порядкомъ, который послужилъ переходнымъ звеномъ къ началамъ государственности; въ московскій періодъ государство, организовавшееся по типу пирамидальнаго строенія, создало только общую формулу личности, въ ея непосредственныхъ отношеніяхъ къ государству; содержаніе было дано романо-германской культурой; въ петербургскій періодъ началось сверху освобожденіе гражданской личности, постепенно переходя къ низшимъ сословіямъ, и завершилось освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; основною задачею по-реформеннаго періода является подготовка нравственной личности къ сознательно-активной роли въ обществѣ и государствѣ и организація народнаго хозяйства. Такимъ образомъ, намѣчаются три большихъ основныхъ періода въ русскомъ историческомъ процессѣ: органическій, освободительный и сознательно-волевой или имманентно-телеологическій. Въ свою очередь они разбиваются на подго-

[1]) Т. II, стр. 1012.

товительные и переходные періоды, которые Кавелинъ пытается болѣе подробно обрисовать, фактически и схематически, въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій.

Въ его теоретическихъ построеніяхъ преобладаетъ апріорный методъ нѣмецкой идеалистической философіи съ нѣкоторыми поправками французскаго позитивизма. Начало его нравственныхъ идей восходитъ къ В. Г. Бѣлинскому. „Образъ его я ношу въ своей головѣ и въ своемъ сердцѣ“, заканчиваетъ онъ свои воспоминанія о великомъ русскомъ критикѣ. Представленіе о достоинствѣ человѣка и діалектическіе пріемы мышленія, воспринятые и взрощенные въ тѣсномъ общеніи западническихъ и славянофильскихъ кружковъ, Кавелинъ перенесъ въ своихъ ученыхъ работахъ на профессорскія каѳедры и, позднѣе, не ограничиваясь средствами устной рѣчи, передалъ всей русской читающей публикѣ. Переживъ большую часть своихъ сверстниковъ, онъ среди новыхъ поколѣній являлся достойнымъ представителемъ умственныхъ теченій сороковыхъ годовъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ, онъ пытается выяснить въ наукѣ и жизни общія руководящія начала и принципы, оставаясь на протяженіи десятилѣтій неизмѣннымъ въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ. Посвящая въ 1872 г. „Задачи психологіи“ памяти Грановскаго, Кавелинъ говоритъ: „Въ 1847 году, въ очеркѣ юридическаго быта древней Руси, я указалъ на юридическое и политическое ничтожество у насъ личности. Черезъ двадцать пять лѣтъ возвращаюсь опять къ той же темѣ — указываю на нравственное ничтожество у насъ личности и стараюсь объяснить причину этого явленія, именно, ошибочное пониманіе психической жизни и ея значенія посреди окружающаго матеріальнаго міра“. Затѣмъ, еще черезъ двѣнадцать лѣтъ, 5-го августа 1885 года, окончательно приготовивъ къ печати рукопись „Задачи этики“, Кавелинъ пишетъ проф. Корсакову: „Съ моей совѣсти гора свалилась. Теперь я все сдѣлалъ, что могъ сдѣлать хорошаго, и умри я завтра, нельзя было бы сказать, что я унесъ съ собой недосказанную мысль“... Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ законченнымъ міровоззрѣніемъ и послѣдовательно выдержаннымъ отношеніемъ къ русской дѣйствительности, съ личностью, которая дѣйствительно можетъ, по счастливому выраженію г. Кони, послужить „учителемъ права и правды“.

I.

Критическая литература о Кавелинѣ чрезвычайно обширна. Особенно радушный пріемъ оказанъ былъ его историко-юридическимъ изслѣдованіямъ. Общій планъ объясненія русской исторіи изъ началъ внутренняго быта сложился почти одновременно у Кавелина и Соловьева. Тогда какъ первый развивалъ его болѣе путемъ логическихъ построеній, второй, дорожа фактическими подробностями, представилъ его въ конкретной картинѣ. Данная историческая схема чрезвычайно проста и наглядна. Ходъ русской исторіи изображенъ въ видѣ послѣдовательной смѣны формъ общественнаго быта: первоначальный родовой бытъ съ общинной собственностью смѣнился вотчиннымъ порядкомъ съ наслѣдственной собственностью, который, въ свою очередь, привелъ къ активной роли личность въ правовомъ государствѣ.

Въ „Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи“ И. Е. Забѣлинъ горячо привѣтствуетъ новую школу въ исторіографіи: „Органическій взглядъ на русскую исторію съ особенной глубиной и жизненностью пониманія выступаетъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ сочиненіяхъ Кавелина. Время покажетъ, на чьей сторонѣ правда, и мы убѣждены, что правда будетъ на сторонѣ пониманія исторіи, какъ физіологическаго жизненнаго процесса, на сторонѣ болѣе яснаго, болѣе осязательнаго представленія народа живымъ единствомъ, живою личностью, такъ и всего человѣчества“ (т. III, стр. 30—5). Съ неменьшею силою характеризуетъ школу родового быта А. Н. Пыпинъ въ „Изученіи русской этнографіи“: „Это не была внѣшне-историческая, живописующая и морализующая манера Карамзина, которая оцѣнивала событія по ихъ внѣшней яркости, анекдотической занимательности, историческихъ дѣятелей—по ихъ добродѣтелямъ и порокамъ; здѣсь открывалась критика внутренняго смысла этихъ событій, разыскивались физіологическія основанія быта, событіямъ и лицамъ опредѣлялись ихъ мѣсто и значеніе по ихъ связи съ органическимъ движеніемъ исторіи“ (т. II, 18). Наконецъ, историкъ новѣйшей формаціи П. Н. Милюковъ отводитъ школѣ Кавелина почетное мѣсто въ русской исторіографіи: „Юридическая школа легла между нами и своими противниками, навсегда избавивъ насъ и отъ науки Погодина, и отъ философіи славянофильства“. Такимъ образомъ, даже изъ внѣшняго обзора отзывовъ объ историческихъ работахъ Кавелина видно, что онѣ представляютъ со-

бою несомнѣнно поступательное движеніе въ русской исторіографіи и, если не вполнѣ и многое совсѣмъ не такъ объяснили, то, тѣмъ не менѣе, пролили цѣлые потоки свѣта на отдѣльныя эпохи и общій ходъ русской исторіи.

Главнѣйшій его трудъ „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ напечатанъ въ 1847 году въ первой книжкѣ „Современника“. Въ сжатомъ очеркѣ изложенъ планъ курса по исторіи русскаго законодательства, читаннаго имъ въ Московскомъ университетѣ. Послѣдующія его критическія статьи о сочиненіяхъ Соловьева, Устрялова, Чичерина подробнѣе развиваютъ и обосновываютъ общія идеи, первоначально высказанныя во „Взглядѣ“. Въ этомъ очеркѣ рѣзко выступаютъ три логическіе пріема, которыми намѣчается все его содержаніе: опредѣленіе „личности“, схематическое и фактическое построеніе историческаго процесса. Не вдаваясь въ подробности, ознакомимся съ наиболѣе существеннымъ въ его историческихъ представленіяхъ, отмѣчая въ нихъ фактическія ошибки и неправильности въ построеніи.

Въ древнемъ мірѣ, говоритъ Кавелинъ, человѣчество, подавленное природой или художественно, но безсознательно съ нею уравновѣшенное, не знало понятія о человѣческомъ достоинствѣ „помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей и гражданства“. Господствующія религіи носили исключительно мѣстный или національный характеръ. Впервые „христіанство открыло въ человѣкѣ и глубоко развило въ немъ внутренній, невѣдомый духовный міръ и поставило его безконечно высоко надъ внѣшнимъ матеріальнымъ міромъ. Идея безусловнаго достоинства человѣческой личности впервые провозглашена христіанствомъ“. Такова предпосылка его историческаго взгляда, къ которой онъ любитъ часто возвращаться. Но такъ какъ онъ не ограничиваетъ своего обобщенія новѣйшими европейскими народами, то, очевидно, опускаетъ изъ виду болѣе древнюю буддійскую религію, которая многими вѣками раньше христіанства поставила „духовный міръ“ безконечно выше всѣхъ „матеріальныхъ“ благъ; кромѣ того, положеніе его противорѣчитъ общему факту, установленному научными историками вѣрованій, именно, что „развитіе религіи идетъ рука объ руку съ движеніемъ цивилизаціи“ [1]); въ

[1]) Напр., см. „Исторію религіи“ А. Мензиса. Очеркъ первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899.

довершеніе всего, онъ оставляетъ въ сторонѣ многочисленныя философскія, нравственно-эстетическія и эмпирическія попытки примиренія личныхъ интересовъ и общества, возникшія еще на зарѣ соціальной жизни человѣчества. Справедливо замѣчаетъ Штейнъ: „Непрестанная борьба интересовъ свирѣпствуетъ въ исторіи человѣчества съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ общественные союзы, и отражается въ философіи особенно со времени появленія стоиковъ". Отъ неяснаго понятія о личномъ достоинствѣ, впервые проявившагося въ ученіи стоиковъ, „до позднѣйшаго опредѣленія единой личности Зиммелемъ въ исторіи философіи мы встрѣчаемъ безчисленныя пониманія этой проблемы"—примиренія столкновеній интересовъ личности и общества („Соціальный вопросъ", стр. 455). Въ защиту предпосылки Кавелина можетъ служить только то, что идея человѣческой личности, провозглашенная христіанствомъ, получила болѣе широкое и глубокое признаніе. Совсѣмъ съ другой стороны подошли къ этому вопросу оппоненты Кавелина среди славянофиловъ. Въ статьѣ, первоначально помѣщенной въ „Москвитянинѣ" подъ иниціалами М. З. К. и впослѣдствіи перепечатанной въ собраніи сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, указывается, между прочимъ, на односторонность взгляда Кавелина на историческую роль христіанства. „Изъ опредѣляемаго человѣкъ сталъ опредѣляющимъ, сказали вы,—слѣдовало бы дополнить: и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленнымъ. „Христіанство внесло въ исторію идею о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ", говорите вы, отрекающагося отъ своей личности, прибавляемъ мы, и подчиняющаго себя безусловно цѣлому". И затѣмъ: „Общинный бытъ славянъ основанъ не на отсутствіи личности, а на свободномъ и сознательномъ ея отреченіи отъ своего полновластія". Исключительному развитію личнаго начала Самаринъ противополагаетъ общину съ родовой нормой личности, абсолютнымъ закономъ, передъ которымъ всѣ добровольно и сознательно преклоняются.

Въ своемъ „Отвѣтѣ „Москвитянину" Кавелинъ возражаетъ противъ общей формулы Самарина: „Я бы попросилъ высказать мнѣ эту родовую норму личности и этотъ абсолютный законъ. Правда или нѣтъ, что она различна у одного и того же народа въ разныя эпохи? Какъ въ человѣкѣ измѣняется сознаніе о томъ, что хорошо и что дурно, такъ и въ народѣ и въ цѣломъ человѣчествѣ". Во всякомъ обществѣ интересы людей различны и часто непр Спраши-

вается, какая родовая норма будетъ такъ всѣмъ имъ близка, что они ей подчинятся сознательно и добровольно... Укажите намъ на человѣческое общество, въ которомъ всѣ до единаго были бы готовы на самоотреченіе и самопожертвованіе,—мы хоть и не признаемъ нормы, между ними господствующей, за абсолютную родовую норму личности, однако не усомнимся признать ихъ устройство за самое вожделѣнное. Но, покуда такое общество не отыскалось, позвольте мнѣ и со мною, конечно, многимъ другимъ остаться при мысли, что то общественное устройство—возможно лучшее, въ которомъ для человѣка, его желаній и дѣятельности открыто самое широкое поприще, словомъ, такое устройство, гдѣ абсолютная норма, о которой вы говорите, вовсе не существуетъ" (т. I, 74). И объясняетъ свой взглядъ: „Я не знаю абсолютной, родовой нормы личности и не признаю ея существованія; знаю, что человѣкъ былъ и до сихъ поръ находится въ столкновеніяхъ съ другими людьми, въ недобровольной зависимости отъ нихъ, тягостной для него и не только для него совершенно безполезной, но и положительно вредной; чрезъ всю исторію видно стремленіе отдѣлаться отъ этой зависимости если не совсѣмъ, то какъ можно болѣе ограничить ее самымъ необходимымъ и неизбѣжнымъ; чѣмъ ближе человѣкъ подходитъ къ этой цѣли, тѣмъ онъ миролюбивѣе относится къ другимъ людямъ, потому что вражда имѣетъ менѣе основанія, поводовъ и причинъ". Такимъ путемъ, создаются исторически условія новаго быта. „Человѣкъ безпрестанно ищетъ и безпрестанно находитъ: удовлетвореніе смѣняется неудовлетвореніемъ и такъ далѣе до безконечности". Почему же такъ? Требованія, лежащія въ немъ, безпрестанности измѣняются: „Человѣкъ создаетъ свои опредѣленія изъ себя: не будь въ немъ этихъ требованій, онъ вѣчно оставался бы однимъ и тѣмъ же, какъ окружающая его природа, строго и безусловно повинующаяся внѣшнему закону" (84). Иными словами, историческое движеніе вызывается приспособленіемъ къ измѣняющимся человѣческимъ потребностямъ и представленіямъ о лучшемъ и должномъ внѣшнихъ условій общественной среды и физической природы.

Первобытное, еще вполнѣ не опредѣлившееся, сознаніе личности въ древнемъ человѣчествѣ преобразовано христіанствомъ въ религіозное представленіе о безусловномъ человѣческомъ достоинствѣ. Германскія племена, наслѣдовавшія новую религію и культурныя начала греко-римскаго міра, принесли съ собой сильно развитое, но въ грубыхъ и дикихъ

формахъ, начало личности, положенное въ основаніе ихъ многочисленныхъ союзовъ. Представленіе о человѣческомъ достоинствѣ изъ религіи стало проникать постепенно въ гражданскія отношенія: „чисто-историческія опредѣленія, въ которыхъ сознавала себя личность, какъ излишнія и ненужныя, падаютъ и разрушаются въ различныхъ государствахъ различно“ (I, 17). Многочисленные въ нихъ частные союзы замѣняются и поглощаются общимъ политическимъ союзомъ, государствомъ, цѣлью котораго становится „всестороннее развитіе человѣка, воспитаніе и поддержка въ немъ нравственнаго достоинства“ (17). Для народовъ, призванныхъ ко всемірно-историческому дѣйствованію въ новомъ мірѣ, существованіе безъ начала личности невозможно. „Иначе они должны бы навсегда оставаться подъ гнетомъ внѣшнихъ, природныхъ опредѣленій, жить, не живя умственно и нравственно“ (18). Представленіе о нравственномъ достоинствѣ и правахъ на развитіе человѣческой личности становится лозунгомъ новой исторіи, тѣмъ соціальнымъ центромъ, около котораго вся она вертится; такъ всѣ европейскія націи согласно идутъ къ одной общей цѣли, но только не одинаковыми путями, безконечно разнообразными, какъ вообще народная жизнь и сама природа.

По „Взгляду“ Кавелина историческая судьба славяно-русскаго племени складывалась много иначе, нежели германцевъ. Главное различіе состояло въ томъ, что германцамъ пришлось только развить историческую личность, которую они принесли собою на порогъ христіанской цивилизаціи, тогда какъ славянамъ предстояло создать общечеловѣческую личность, которая еще совсѣмъ не проявлялась въ условіяхъ славянскаго общинно-родового быта. Остатки этого первоначальнаго быта онъ находитъ въ выраженіяхъ и понятіяхъ русскихъ крестьянъ. Такъ, въ словахъ: робята и молодки, дядья и тетки, дѣды и бабки, сестры и братья, которыми крестьяне называютъ и посторонніхъ лицъ, отношенія между неродственниками сознаются ими подъ формами родства или прямо изъ него вытекающими старшинства или меньшинства. Однако, еще Самаринымъ было указано, что тѣ же самыя наименованія встрѣчаются въ каждомъ простонародьѣ: такъ, французы часто называютъ старуху la vieille, или la mère, старика—le père и т. д.; въ средневѣковыхъ нѣмецкихъ торговыхъ и ремесленныхъ товариществахъ—Brüderschaften—мужчины назывались братьями, женщины—сестрами и т. д. Не отрицая общеизвѣстныхъ

фактовъ, Кавелинъ возражаетъ, что они доказываютъ только существованіе первоначальнаго родового быта у всѣхъ народовъ, но что сохранилось до сихъ поръ у славянъ, о томъ у другихъ европейскихъ народовъ остались одни воспоминанія. Когда-то „всѣ и неродственныя отношенія опредѣлялись у насъ по типу родственныхъ, по началамъ кровнаго старшинства или меньшинства. А это неизбѣжно приводитъ насъ къ другому заключенію, что въ древнѣйшія времена русскіе славяне имѣли исключительно родственный, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; что въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія, и потому, когда они появились, подвели и ихъ подъ тѣ же родственныя отношенія. Выражаясь какъ можно проще, мы скажемъ, что у русскихъ славянъ былъ, слѣдовательно, первоначально одинъ чисто-семейный родственный бытъ, безъ всякой примѣси; что русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключительно однимъ путемъ *нарожденія*. Это совершенно согласно и съ первыми историческими извѣстіями“ (т. I, 11). Но историческихъ показаній онъ не приводитъ, да и трудно было бы отыскать ихъ для до-историческихъ формъ жизни. „Показанія источниковъ—остроумно замѣчаетъ г. Мякотинъ по поводу ярко набросанной Кавелинымъ картины бытовыхъ отношеній въ эпоху, предшествовавшую самому образованію племенъ русскихъ славянъ—замѣняются при этомъ логическими формулами, развитіе которыхъ не встрѣчаетъ себѣ при такихъ условіяхъ никакихъ препятствій“ (Р. Б., 98 г., 2, 106). Была ли въ исторіи развитія человѣчества, а въ частности, и славянскаго племени, ступень, предшествующая образованію патріархальнаго рода? спрашиваетъ г. Кулишеръ. На это современная этнографія отвѣчаетъ: да, была. „Это именно то, что, въ противоположность патріархальному или отцовскому роду, именуется материнскимъ родомъ и что я называю „братствомъ“. Кавелинъ объ этихъ примитивныхъ группахъ и господствовавшихъ въ нихъ отношеніяхъ не зналъ. Но замѣчательно вотъ что. Въ то время, какъ современный историкъ древняго права англійскій ученый Мэнъ, несмотря на обиліе доказательствъ, представленныхъ въ настоящее время въ пользу гипотезы о существованіи болѣе примитивной формы общежитія, чѣмъ патріархальный родъ, не признаетъ этой формы, Кавелинъ болѣе 30 лѣтъ тому назадъ почти предугадывалъ эту примитивную форму на основаніи нѣкоторыхъ остатковъ, найденныхъ имъ въ современныхъ нравахъ

и обычаяхъ. Такъ, напримѣръ, ознакомившись, что въ Малороссіи „наперекоръ всѣмъ народамъ“ не мужчины сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы за мужчинъ, а также съ нѣкоторыми свадебными обрядами Малороссіи, въ которыхъ невѣста играетъ роль жениха, Кавелинъ предугадываетъ нынѣшнюю теорію материнскаго рода, или гетаризма. Но еще болѣе замѣчательно такое признаніе г. Кулишера: „Не могу не обратить вниманіе и на слѣдующее мѣсто, въ которомъ Кавелинъ предугадываетъ развитіе позднѣйшихъ формъ брака изъ той формы, которая у современныхъ этнографовъ получила названіе коммунальнаго брака, или гетаризма. Дѣлаю я это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что мысль о томъ, что эта форма брака пріурочена къ извѣстнымъ временамъ года, высказанная мною въ 1876 году въ статьѣ, напечатанной въ „Zeitschrift für Ethnologie“, и усвоенная затѣмъ однимъ изъ лучшихъ представителей этнографіи въ Англіи, Тейлоромъ, очевидно, возникла у меня подъ вліяніемъ идей Кавелина, хотя въ то время, когда я писалъ статью, я не имѣлъ въ виду гипотезы, которая изложена Кавелинымъ въ нижеслѣдующихъ словахъ: „Въ незапамятныя времена — говоритъ онъ,— свадьбы были существенною частью извѣстныхъ языческихъ праздниковъ, можетъ быть, даже развились изъ вакханалій, которыми сопровождались эти праздники. Не смѣемъ утверждать этого положительно; но нѣкоторыя данныя какъ будто подтверждаютъ догадку. Всѣмъ извѣстно классическое свидѣтельство Нестора о бракахъ у сѣверянъ, радимичей и древлянъ. Едва ли можно сомнѣваться, что лѣтопись говоритъ здѣсь объ языческихъ вакханаліяхъ, служившихъ уже тогда началомъ послѣдующихъ брачныхъ отношеній. Вспомнимъ и то, что и теперь, по народнымъ понятіямъ, есть въ году времена, слывущія временемъ свадебъ: такъ Красная горка. Должна же быть этому причина“. Это объясняется тѣмъ, что первоначальный бытовой фактъ, обусловленный дикимъ состояніемъ племени, становится учрежденіемъ, впослѣдствіи освящаемымъ религіей [1]). Такимъ образомъ, ко „Взгляду на юридическій бытъ древней Россіи“ тѣсно прилегаютъ его изученія русской этнографіи.

Первая статья Кавелина по этнографіи посвящена разбору книги Терещенки „Бытъ русскаго народа“, вышедшей въ 1848 г. Затѣмъ даны были имъ критическія статьи объ этнографическомъ матеріалѣ Императорскаго русскаго географи-

[1]) „К. и русская этнографія“ М. Кулишера, „В. Евр.“.

ческаго общества и о трудахъ Сахарова и Афанасьева. По отзывамъ гг. Пыпина и Кулишера, Кавелинъ является однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей по научно-теоретической разработкѣ русской бытовой этнографіи. Основное правило относительно способовъ и метода разъясненія бытового матеріала, данное имъ, до сихъ поръ остается руководящимъ началомъ для научныхъ изслѣдователей въ области этнографіи. „Ищите, говоритъ Кавелинъ, въ основаніи обрядовъ, повѣрій, обычаевъ, былей, когда-то живыхъ фактовъ, ежедневныхъ, нормальныхъ, естественныхъ условій быта“ (т. IV, 50). Въ то же время онъ внесъ въ изученіе бытовыхъ данныхъ идею „историческаго развитія“. Относительно вліянія заимствованій на развитіе народной жизни онъ высказалъ вѣрную мысль, что народъ беретъ не все, что видитъ у другого народа, и заимствованіе перерабатываетъ сообразно своему состоянію въ данный моментъ. Онъ обратилъ вниманіе изслѣдователей на тѣ „слѣды“ и „остатки“, которые сохраняются въ обычаяхъ, обрядахъ и вѣрованіяхъ, подобно окаменѣлостямъ отдаленныхъ вѣковъ. „Чтобы внести сколько-нибудь свѣта въ эту массу отрывочныхъ, отчасти искаженныхъ и обезсмысленныхъ фактовъ, остается одно средство: разобрать ихъ по эпохамъ, къ которымъ они относятся, по элементамъ, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались, и потомъ съ помощью способовъ, на которые указываетъ историческая критика, возстановить, сколько возможно, внутреннюю связь этихъ эпохъ и послѣдовательность преемственнаго вліянія этихъ элементовъ. По примѣру геологіи, критика должна найти ключъ къ этимъ ископаемымъ исчезнувшаго историческаго міра“ (т. III, 34). Въ начертаніи схемы до-исторической жизни народовъ онъ пытается прослѣдить всюду вліяніе объединенія родовъ и распаденія на семьи въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. И хотя многія его обобщенія и догадки, съ накопленіемъ этнографическаго матеріала, частью значительно дополнены, а частью и совсѣмъ видоизмѣнены, въ свое время они послужили живительнымъ толчкомъ для многихъ плодотворныхъ изученій русской этнографіи.

Возвратимся къ его основному историческому взгляду: „Наша древняя, внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго, родственнаго быта“. Первоначальныя формы исторической жизни сохранились у насъ особенно долго потому, что „никогда иноплеменные завоеватели не селились между нами, и потому не могли придать

нашей исторіи свой національный характеръ". Но „если нашъ бытъ былъ исключительно семейный, родственный, измѣнялся безъ рѣшительнаго историческаго вліянія, слѣдовательно, свободно, самъ собою, то и смыслъ этихъ измѣненій должно искать въ началахъ того же семейнаго быта, а не въ чемъ другомъ". Все первобытное славянское населеніе Россіи представляется огромнымъ деревомъ, спокойно выросшемъ изъ одного зерна; поселенія и племена—его вѣковыя вѣтки и отпрыски. Но созданныя природой, а не мыслью и сознаніемъ, которыя могли бы придать взаимнымъ отношеніямъ даже членовъ родственнаго союза постоянство и опредѣленность, естественныя кровныя связи слишкомъ непрочны, въ особенности при возрастающемъ родственномъ союзѣ, чтобы сохранить и развить общественный порядокъ. Всякій родовой союзъ носитъ въ себѣ зародышъ разрушенія и рано или поздно долженъ принять тѣ или другія юридическія формы. „Это основано на непреложномъ законѣ распаденія рода на линіи, отрасли, которыя съ теченіемъ времени утрачиваютъ всякое единство и вступаютъ во вражду между собою". Размноженіе семей вызываетъ потребность поддерживать связь между ними сходбищами съ цѣлью совѣщаній о важнѣйшихъ дѣлахъ рода-племени. „Съ большимъ ослабленіемъ единства поселенія, котораго старѣйшина былъ представителемъ, семьи мало-по-малу становятся главными дѣятелями, и власть ихъ общаго старѣйшины ослабѣваетъ. Образуются въ поселеніяхъ общія совѣщанія—*вѣча* (отъ вѣщать), такія же неопредѣленныя, юридически неустановленныя собранія, какъ и весь тогдашній бытъ" (22). Отдѣльныя поселенія разрастаются въ *общины*, но внутреннее устройство ихъ мало усложняется: попрежнему для рѣшенія общихъ дѣлъ существуютъ только вѣчевыя собранія, на которыхъ происходятъ нескончаемыя междоусобицы; „не было у нихъ правды — говоритъ лѣтописецъ, — и всталъ родъ на родъ; были у нихъ усобицы, и начали они воевать другъ противъ друга". Органическая связь внутри племени была утрачена, политическаго единства въ цѣломъ славяно-русскомъ племени не устанавливалось... Первые начатки государственнаго порядка принесены нами призванными варяжскими князьями, которые приводятъ съ собою дружину, „учрежденіе не русско-славянское, основанное на началѣ личности", установляютъ новую систему правленія, преслѣдованіе послѣ смерда, начало виръ или денежныхъ платежей за преступленіе и т. д. Но не прошло вѣка,—и варяги потеряли свою національность.

Ярославъ Мудрый, уже чисто-русскій князь, основываетъ государственное единство на туземномъ, родовомъ началѣ. Но удѣльная система не успѣла вполнѣ развернуться, не была еще обработана юридически, какъ „возникло колебаніе между территоріальнымъ началомъ и личнымъ, родовымъ и семейнымъ,—колебаніе, которое окончилось разрушеніемъ политическаго единства Россіи“ (27). Князья стараются удержать за собою наслѣдственные удѣлы; родовое начало вытѣсняется семейно-вотчиннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, русская земля распадается на нѣсколько политически независимыхъ территорій... Въ этой своей части историческая схема Кавелина типична только для древнѣйшаго періода, но для послѣдующихъ она обходитъ многія формы общественнаго и политическаго быта. Наряду съ патріархальными родами существовали многочисленныя общины, не связанныя родственными связями, а только экономическими интересами, особенно общины заемщиковъ, осѣдающихъ на новой землѣ, общины колонизаторовъ и т. д. Тоже и политическіе союзы того времени не основывались исключительно на родственныхъ отношеніяхъ. Такъ, на вѣчѣ, напримѣръ, каждому „мужу“ принадлежало право устраивать свои собственныя дѣла. Родовыя начала не проводились послѣдовательно и въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Такъ, кромѣ князей, наслѣдовавшихъ удѣлы по старшинству въ родѣ, встрѣчались князья, призванные городскими общинами съ ихъ волостями, и князья-завоеватели, которые столы не наслѣдовали, а добывали. Иначе говоря, для междукняжескихъ отношеній удѣльнаго періода обычно было наслѣдованіе, но часто они основывались „на рядѣ“, нерѣдко разрѣшались „судомъ Божіимъ“, войной. Исходя изъ такихъ фактовъ, нѣкоторые юристы-историки приходятъ къ выводу, совершенно обратному заключенію Кавелина, именно, что время до Іоанна III было господствомъ личнаго произвола, пока не организовалась государственная власть.

Въ статьѣ, посвященной разбору сочиненія С. Соловьева „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, Кавелинъ говоритъ: „Вся русская исторія, какъ древняя, такъ и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, въ особенномъ, намъ однимъ свойственномъ значеніи этого слова. Областная, провинціальная жизнь еще не успѣла сложиться, когда стало зачинаться и расти государство. Его возникновеніе опредѣлилось, какъ и слѣдовало, тогдашнимъ мѣстнымъ развитіемъ. Какъ послѣднее было бѣдно и слабо, видно

съ одной стороны изъ шаткости внутренняго быта тѣхъ немногихъ общинъ, которыя, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, долго не были вовлечены въ общую жизнь и на просторѣ, безъ помѣхи, продолжали свое особенное существованіе,—съ другой—изъ быстраго уничтоженія ихъ „старины“ вслѣдъ за уничтоженіемъ ихъ политической самостоятельности. Тѣмъ полнѣе, шире, безграничнѣе развивалось государство. Конечно, нѣтъ христіанской страны, гдѣ бы оно принесло себѣ столько жертвъ; нѣтъ новой исторіи, которая бы представляла такое цѣлостное поглощеніе провинціализма государственными интересами“ (I, 277). Чѣмъ же вызвано преобладаніе государственнаго элемента въ русской исторіи?

Въ удѣльно-вѣчевой періодъ политическое единство Руси поддерживалось единствомъ княжескаго рода. Территоріальное подраздѣленіе соотвѣтствовало тогда іерархіи старшинства князей въ родѣ. Въ политической сферѣ повторяется тотъ же процессъ, что и въ племени. Рюриковъ домъ распадается на отрасли рода, расходящіяся линіи, которыя, утрачивая постепенно сознаніе единства, начинаютъ преслѣдовать интересы семьи, наслѣдственной собственности, и вступаютъ другъ съ другомъ въ безпощадную борьбу. „Обращеніе владѣній въ собственность князей началось уже въ юго-западной Россіи; уже здѣсь появляются завѣщанія; князья всячески стараются удержать за собой отцовскіе удѣлы; дѣлежи владѣній происходятъ большей частью на основаніи вотчиннаго начала; князья даютъ удѣлы большей частью сыновьямъ своимъ, а не боковымъ родственникамъ: только начатое на юго-западѣ совершилось окончательно на сѣверо-востокѣ Россіи. Такимъ образомъ періодъ удѣловъ, въ отношеніи къ государственному устройству, представляетъ постепенное и непрерывное развитіе одного начала: ослабленіе общиннаго быта и, вслѣдствіе этого, усиленіе власти князя“ (I, 267). Переходной ступенью отъ общинно-родового быта послужило вотчинное начало, т. е. представленіе о княжескомъ удѣлѣ, какъ наслѣдственной территоріальной собственности.

Во владимірской Руси, въ области, молодое населеніе которой не слишкомъ держалось за древній вѣчевой порядокъ, матеріальное благосостояніе князей повело къ дальнѣйшему усиленію государственной власти, которая нашла себѣ еще болѣе благопріятную почву въ московской Руси. „Въ исторіи образованія Московскаго государства—говоритъ Кавелинъ,—не столько важно стѣсненіе и покореніе удѣловъ, принадлежа-

щихъ не московскимъ князьямъ, сколько постепенное увеличеніе части, оставляемой великому князю, и уменьшеніе частей прочихъ князей, его братьевъ: то было дѣломъ возрастающей силы, это актомъ сознанія... Кровные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ; держава, ея нераздѣльность и сила поставлены выше семьи... На сцену выступаетъ личность. Она непроизвольно выходитъ изъ кровнаго союза, ставитъ себя выше семьи: она отрицаетъ ихъ во имя идеи, и эта идея — государство. Появленіе государства было вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіемъ отъ исключительно кровнаго быта, началомъ самостоятельнаго дѣйствованія личности, слѣдовательно, началомъ гражданскаго, юридическаго, на мысли и нравственныхъ интересахъ, а не на одномъ родствѣ, основаннаго общественнаго быта". Одержавъ побѣду въ болѣе широкой политической сферѣ, государственное начало продолжало борьбу съ кровными родовыми интересами въ болѣе узкой административной сферѣ и общественномъ строѣ, представлявшемъ „лѣстницу родовъ, которой низшія ступени терялись въ простомъ народѣ, высшія оканчивались у подножія царскаго престола" (49). Свой взглядъ на строеніе Московскаго государства Кавелинъ выражаетъ съ большей отчетливостью и силой въ рѣчи, прочитанной въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ: „Историческій типъ, который легъ въ основаніе этого новаго государственнаго тѣла, есть типъ des Guts und Hausherrn. Въ этой чистотѣ и послѣдовательности онъ нигдѣ и никогда не былъ проведенъ въ исторіи". Главнѣйшія черты московскаго типа: 1) дружина свободная обратилась въ дворъ и дворню; слуга—высшій титулъ и награда; названіе холопъ (Knecht) стало общимъ для всѣхъ служащихъ московскому царю, не исключая высшихъ сановниковъ; 2) масса народа называлась, въ отношеніи къ царю, сиротами: этимъ выражалось, что царь былъ ихъ защитникомъ, опекуномъ, оберегателемъ отъ сильныхъ людей, своихъ дворовыхъ; 3) царь былъ государь—безусловный господинъ и наслѣдственный владѣлецъ земель; 4) въ XVII вѣкѣ строго проведено начало обязанности всѣхъ и каждому нести личную службу или отбывать натуральную повинность. Корень и сущность этого типа—частно-владѣльческій взглядъ на государственную власть. До нѣкоторой степени этотъ частно-владѣльческій характеръ государственной власти не отрицается и новѣйшей юридической школой въ русской исторіи. Такъ, профессоръ Сергѣевичъ говоритъ: „Живучесть старины видна и въ томъ, что новорожденное го-

сударство очень долго, безъ малаго втеченіе 200 лѣтъ, не имѣло своего собственнаго имени; а обозначалось перечисленіемъ составныхъ частей своихъ" („Русскія юридическія древности", стр. 19). Иванъ Грозный первый даетъ новорожденному собственное имя. Въ завѣщаніи онъ отказываетъ своему старшему сыну: „Царство Русское, чѣмъ его благословилъ отецъ его, князь великій Василій, и что ему далъ Богъ" (80). Въ той же духовной встрѣчаемъ и терминъ „государство". Старшему сыну, Ивану, царь отказываетъ „государство", младшему Ѳедору—удѣлъ. Въ памятникахъ XVI и XVII вѣка встрѣчаемъ терминъ „Московское государство" уже въ смыслѣ всего Россійскаго государства.

Только мимоходомъ указываетъ Кавелинъ на участіе другихъ элементовъ въ преобразованіи власти князя-вотчинника, Guts und Hausherrn, во власть государя-самодержца. Къ представленію о царской власти примѣшались, правда, „смутныя воспоминанія западно-русскаго развитія, татарскаго господства, византійскіе элементы, польско-аристократическія черты; но всѣ эти элементы играли очень второстепенную роль и остались на поверхности". Такимъ образомъ, въ развитіи Московскаго государства отводится слишкомъ мало вліянія этническому составу, географическимъ, экономическимъ и соціально-политическимъ условіямъ. Изъ популярныхъ историковъ, профессоръ Ключевскій даетъ наиболѣе научное объясненіе происхожденію Московскаго государства. Княжество московское лежало какъ разъ на водораздѣлѣ трехъ великихъ рѣчныхъ системъ: Днѣпровской, Невской и Волжской и на рубежѣ сѣверной, юго-западной и сѣверо-восточной Руси. Благодаря своему выгодному центральному положенію эта область стала убѣжищемъ окраиннаго населенія, всюду тѣсниmаго внѣшними врагами. Сосѣднія княжества, Рязанское, Нижегородское, Ярославское, Смоленское, прикрывали Московское княжество отъ вторженія враговъ и соединеннаго съ нимъ разоренія и опустошенія области. Въ то же время транзитное движеніе по этой области оживляло торговлю и промышленность и содѣйствовало росту экономическаго благосостоянія края. Путемъ колонизаціи въ немъ слагался новый этническій элементъ въ составѣ славянскаго племени: великорусская народность. Сельско-хозяйственный промыселъ создалъ въ крестьянскомъ населеніи надежную основу для политическаго объединенія. До половины XV вѣка великорусская народность все еще распадается на нѣсколько обособленныхъ

частей; но прочія условія благопріятствуютъ политическому объединенію. Границы государства рано или поздно должны были совпасть съ предѣлами распространенія великорусской народности. Вліянія генеалогическія, іерархическія и политическія ускорили процессъ территоріальнаго собиранія сѣверо-восточной Руси. Московскіе князья, принадлежа къ младшей линіи Всеволодова племени, не могли разсчитывать на наслѣдованіе великокняжескаго престола по старшинству и должны были обезпечить себя искусной политикой: сдѣлками, договорами, въ удобную минуту захватомъ и насиліемъ. Успѣху этой политики много благопріятствовало то обстоятельство, что во главѣ московской вотчины стоялъ рядъ умныхъ и дѣльныхъ князей, установившій порядокъ нераздѣльнаго наслѣдованія. Слабое развитіе въ молодомъ населеніи края вѣчевыхъ и общинныхъ началъ не ставило никакихъ существенныхъ препятствій къ усиленію княжеской власти. Затѣмъ, переселеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву создало въ послѣдней центръ религіознаго объединенія Руси. Наконецъ, и полученіе великокняжескаго стола стало опредѣляться не традиціями удѣльной системы, а политикой въ Золотой Ордѣ. Московскіе князья, искусно пользуясь властью хана, округляли свои вотчины владѣніями удѣльныхъ князей и сѣверной Руси. Процессу собиранія русской земли много помогало религіозное и національное чувство: для освобожденія отъ монгольскаго ига должно было организоваться сильное государство военнаго типа. Такимъ образомъ, власть князя-вотчинника, хотя бы и достигшаго великокняжескаго стола, могла превратиться во власть государя-самодержца только при наличности экономически и этнографически однороднаго населенія и общей потребности въ защитѣ народности и православія отъ внѣшняго иноплеменнаго врага. Приходится только удивляться, почему Кавелинъ умаляетъ вліяніе татарскаго ига на организацію московской власти, цитируя, напримѣръ, такіе факты: „по смерти Калиты всѣ русскіе князья отправились въ Орду; ханъ объявилъ Симеона московскаго великимъ княземъ владимірскимъ; благодаря усиленію Москвы это уже былъ теперь пустой титулъ, но чего опасались князья еще со временъ Мстислава Храбраго, то исполнилось,—они перестали быть *родичами* и стали подручниками: *„и вси князи Русскіе подъ руци его даны“*. Мы видѣли, что, съ уничтоженіемъ родового единства, всѣ старшіе князья отдѣльныхъ родовъ принимали титулъ великихъ, который именно и означалъ только старшаго

въ извѣстномъ родѣ. Теперь же князь московскій и владимірскій, взявъ подъ свои руки всѣхъ другихъ князей великихъ, называетъ уже себя великимъ княземъ всея Руси и, такимъ образомъ, отдѣляетъ равныя понятія отъ государственныхъ, „оставляетъ другимъ князьямъ названіе великихъ, но себѣ беретъ титулъ начальника не рода княжескаго, но всей Русской земли, государства“ (т. I, 377). Въ то же время православное духовенство, воспользовавшись фактомъ единовластія московскихъ князей, старается освятить его религіознымъ авторитетомъ (см. „Власть московскихъ царей“ г. Дьяконова). Древне-русская проповѣдь и письменность заранѣе подготавливаетъ умы къ воспріятію новыхъ политическихъ началъ. „Царь и князья—внушали пастыри церкви—не должны предавать стадо Христово на расхищеніе звѣрямъ, т. е. іудеямъ, еллинамъ, еретикамъ, отступникамъ и всѣмъ невѣрнымъ“. Послѣ флорентійскихъ уній великій князь московскій названъ „царемъ истинныя вѣры православія“. Заимствуя идеи и примѣры изъ ветхозавѣтной и византійской литературы, православные публицисты создаютъ теорію русскаго царства. Великій князь Василій пишетъ митрополиту Кипріану: „вы поставлены къ миру и любве учите, мнѣ же имѣніе собирати и возноситеся“. Иванъ III титулуетъ себя: „Божіей милостью единый правый государь всея Руси и самодержецъ“. Съ пріѣздомъ Софіи Палеологъ московское единовластіе пріобрѣтаетъ авторитетъ византійскаго самодержавія. Только монгольское и византійское вліяніе могло преобразовать князя-вотчинника въ московскаго самодержца. Эти вліянія были внѣшнія, и, слѣдовательно, нельзя утверждать, что московская форма была исключительнымъ развитіемъ началъ внутренняго быта славяно-русскаго племени.

Типъ государства Guts und Hausherrn, говоритъ Кавелинъ, „развивался неудержимо и совершенно выработался въ мельчайшихъ подробностяхъ въ XVII вѣкѣ“. Это тоже не вяжется съ историческими данными. Послѣ смутнаго времени власть московскихъ царей не могла опираться на вотчинныя преданія уже потому, что первоначальная династія прекратилась и земскій соборъ выбралъ родоначальника новой династіи не изъ потомковъ удѣльно-княжескихъ родовъ, а изъ знатнаго служилаго дворянства, имѣющаго дальнее свойство съ грознымъ царемъ: собственно родственныя отношенія Романовыхъ къ московскимъ самодержцамъ ограничивались только тѣмъ, что Анастасія изъ ихъ рода была одной изъ женъ царя Іоанна IV.

Поэтому, если типъ Guts und Haushern можетъ еще характизовать великихъ московскихъ князей то не имѣетъ никакого реальнаго отношенія къ династіи Романовыхъ. Какъ скоро пресѣклась древняя московская династія, объ этомъ типѣ остались одни воспомнанія. Въ дѣйствительности, не только типъ князя—вотчинника, но и восточнаго владыки, созданнаго монгольскимъ и византійскимъ вліяніями, вполнѣ исчерпалъ свое содержаніе въ личности Іоанна Грознаго и окончательно выродился въ его сынѣ: этотъ типъ закончился въ исторіи физическою смертью послѣдняго представителя родовитой династіи. На историческую сцену выходитъ средній человѣкъ; въ строеніи государства принимаетъ участіе народная масса, движимая интересами экономическими, религіозными и политическими. Въ смутномъ времени Кавелинъ не видитъ историческаго событія, оказавшаго рѣшительное вліяніе на весь ходъ соціально-политической жизни. „Вскорѣ потомъ, т. е. послѣ царствованія Іоанна IV—наступаетъ эпоха внутреннихъ смутъ, неустройствъ и волненій. Ими начался XVII вѣкъ. Поводъ ихъ былъ случаенъ, исходъ не принесъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ прежнемъ бытѣ. Послѣ 1612 года все пришло въ прежній порядокъ“ (54—5, т. I). Это одно изъ тѣхъ коренныхъ заблужденій, которыя создали извращенное представленіе объ общемъ направленіи русской исторіи. Чтобы убѣдиться въ ложности взгляда Кавелина, достаточно сопоставить его поверхностный отзывъ о событіяхъ начала XVII вѣка съ изслѣдованіемъ новѣйшаго историка этой эпохи: „Не рискуя много ошибиться,—говоритъ проф. Платоновъ,—можно сказать, что смута сдѣлала почти всю нашу исторію XVII вѣка“. Тщательно провѣренные исторической критикой факты приводятъ къ такого рода заключеніямъ: во время смуты „въ обществѣ крѣпло чувство національнаго и раціональнаго единства, слагались болѣе отчетливыя представленія о государствѣ. Въ XVI вѣкѣ оно еще не мыслилось, какъ форма народнаго общежитія, оно казалось вотчиной государевой, а въ XVII вѣкѣ, по представленію московскихъ людей, это уже „земля“, т. е. государство. Общая польза, понятіе не совсѣмъ свойственное XVI в., теперь у всѣхъ русскихъ людей сознательно стоитъ на первомъ планѣ: своеобразнымъ языкомъ выражаютъ они это, когда въ безгосударственное время заботятся о спасеніи государства и думаютъ о томъ, „что земскому дѣлу пригодится“ и „какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе“... При прежнемъ господствѣ частно-правовыхъ понятій, еще и въ XVI вѣкѣ

неясно отличали государя, какъ хозяина—вотчинника, занятаго со своими совѣтниками управленіемъ страны, какъ бы личнымъ дѣломъ, и государя, какъ верховнаго представителя государства: „теперь въ XVII вѣкѣ очень ясно сознается, что государственное дѣло не только и государево дѣло“, но и „земское“; такъ и говорятъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ, что это „великое государево и земское“ дѣло. „Созданное средними слоями населенія на ихъ земскомъ соборѣ и даже въ отсутствіи боярской седьмичисленной думы, новая династія была тѣсно связана съ избравшею ее средою и дѣйствовала съ ея постоянной поддержкой. Царь и земскій соборъ составляли единое и вполнѣ согласное правительство, главною заботою котораго было поддержать и укрѣпить возстановленый государственный порядокъ. Обѣ силы дорожили одна другою, соборъ былъ *единственною опорою власти*, дѣйствовавшей въ растроенномъ государствѣ, а царь былъ внѣшнимъ символомъ народой независимости и порядка... Къ полной солидарности власть и ея совѣтъ приводились сознаніемъ общей пользы и взаимной зависимости. Поэтому политика правительства царя Михаила совпадаетъ со стремленіями земскаго собора, служившаго органомъ господствовавшихъ въ странѣ классовъ“ (С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ. XVI—XVII в. Стр. 569 и др.). Земскіе соборы стали терять свою силу только во вторую половину царствованія Алексѣя Михайловича, когда до нѣкоторой степени возстановленъ былъ порядокъ въ государствѣ и внѣшніе враги были изгнаны изъ его предѣловъ; полные земскіе соборы болѣе не собирались, а имѣли мѣсто только совѣщанія правительства съ отдѣльными сословіями.

Такимъ образомъ, въ XVII вѣкѣ общинно-родовые и вотчинные порядки окончательно были вытѣснены изъ сферы государственныхъ отношеній сословными и соціально-экономическими классовыми интересами; верховный политическій принципъ XVII вѣка: польза „государева и земскаго“ дѣла не такъ отдалена отъ принципа верховной власти начала XVIII вѣка: „польза государства и благо народа“, чтобы возможно было отрицать вліяніе національнаго сознанія въ послѣдовавшемъ преобразованіи государства. Между тѣмъ, Кавелинъ доводитъ господство частно-правовыхъ представленій о государствѣ до порога XVIII вѣка. „Внутренній бытъ Россіи, въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ XVII вѣкѣ, представляетъ округленное и законченное цѣлое. Московское

государство было азіатской монархіей, въ полномъ смыслѣ слова. Односложная формація осуждала его на совершенную неподвижность, впредь до внутренняго распаденія вслѣдствіе собственной дряхлости... Вся организація Великороссіи, въ XVII вѣкѣ, представляется (ему) въ такомъ видѣ: въ частномъ быту, — полновластный глава семейства и дома, и господинъ надъ холопами; въ общественномъ, — значительная часть населенія подвластна частнымъ владѣльцамъ и духовенству; весь остальной народъ раздѣленъ на наслѣдственные „чины“ или разряды, пріуроченные къ извѣстнымъ надобностямъ царской службы, и находится въ такой же подчиненности своему разряду, какъ помѣщичьи и вотчинные крестьяне своему владѣльцу; въ администраціи—воеводы и разные царскіе слуги, съ такою же точно властью надъ подчиненными имъ городами (ставшими съ Алексѣя Михайловича исключительно царскими) и сельскимъ населеніемъ; все государство представляетъ колоссальный домъ или дворъ, подвластный московскому царю, который завѣдуетъ имъ посредствомъ своихъ слугъ... „Остановись мы на этомъ и не иди далѣе,—„трудно было бы сказать, что выиграла Великороссія передъ западной Россіей и прочими славянами, покоренными чужеземному игу или принявшими исподволь нравы и языкъ другихъ народовъ, болѣе образованныхъ. Самостоятельность на манеръ персидской или китайской едва ли чѣмъ лучше несамостоятельнаго участія въ жизни другихъ народовъ, которые играютъ роль во всемірной исторіи и общемъ ходѣ культуры“ (стр. 636—46, т. I). Но къ концу XVII вѣка начинается „перемѣна, если въ нее вдуматься хорошенько, поразительная. Наша жизнь усложняется новымъ факторомъ; въ нее внесенъ европейскій идеалъ, во имя котораго меньшинство русскихъ людей стало расходиться съ окружающей дѣйствительностью, относиться къ ней отрицательно, иногда враждебно, и во всякомъ случаѣ критически и свободно. Каковъ бы ни былъ этотъ идеалъ, но онъ представляетъ новую силу, введенную въ нашу жизнь со времени Петра Великаго. Съ тѣхъ поръ, въ ней выступаетъ на первый планъ личная инициатива, индивидуальность выдается впередъ изъ народной массы, въ которой она ступевывалась. Древняя русская исторія, по своей простотѣ и правильному развитію, принадлежитъ какъ бы къ области естественной исторіи... Все это измѣняется съ преобразованіемъ Петра. Точно въ жизнь вошелъ новый дѣятель, призванный всюду и во всемъ произвести разладъ. Въ русскомъ народѣ, одно-

сложномъ по своему составу, по складу жизни, по единству соціальнаго типа, выдѣляется цѣлая среда, — образованный классъ,—которая живетъ чужою жизнью, принимаетъ чужіе нравы, мѣняетъ свой языкъ начужой, прилѣпляется къ идеаламъ, взглядамъ, требованіямъ, выработаннымъ чужою жизнью" (648—9). Но тѣмъ не менѣе, „мы заимствовали у Европы не ея исключительно національные элементы; тогда они уже исчезли или исчезали. И у ней, и у насъ здѣсь рѣчь шла тогда о *человѣкѣ*; сознательно или безсознательно — это все равно. Большая развитость, высшая степень образованія, большая сознательность была причиной, что мы стали учиться у ней, а не она у насъ. Но это не измѣняетъ ничего въ сущности. Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка: мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ, только что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ предыдущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задачи, стремленія, дальнѣйшій путь одинъ" (I, 66).

Итакъ, непрерывность развитія русской исторіи изъ началъ внутренняго быта нарушается вмѣшательствомъ внѣшняго дѣятеля, не политическаго, не экономическаго, а новаго идеала, элемента, вліяющаго прежде всего на сознаніе. Такова особенность историческаго взгляда Кавелина, придающаго психическому факту рѣшающее вліяніе на ходъ событій.

При такомъ взглядѣ Кавелинъ не могъ обойтись безъ чрезмѣрной идеализаціи исторической роли Петра Великаго, какъ будто сознательно и преднамѣренно, по нравственнымъ мотивамъ, преобразующаго себя, народъ и государство. Такъ, онъ говоритъ: „Въ сферѣ политической и государственной личность на русской почвѣ ранѣе стала независимою; поэтому она впервые въ ней начала дѣйствовать неограниченно и подъ европейскимъ вліяніемъ. Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національныхъ опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ" (58). Между тѣмъ, какъ, въ дѣйствительности, передъ Петромъ Алексѣевичемъ лежали неотложныя задачи культурнаго и политическаго развитія страны и менѣе всего у него оставалось времени на нравственное самосовершенствованіе, глав-

нымъ движущимъ рычагомъ въ его преобразовательной дѣятельности была война,—вызвана она была, конечно, практической необходимостью, а не сознательнымъ нравственнымъ мотивомъ. „Военной реформой началось дѣло Петра,—формулируетъ проф. Ключевскій историческое наблюденіе — къ реформѣ финансовой оно направлялось; всѣ отдѣльныя мѣры были либо неизбѣжными слѣдствіями начальнаго дѣла, либо подготовительными средствами къ достиженію конечной цѣли. Самъ Петръ ставилъ свою преобразовательную дѣятельность въ такую связь съ веденной имъ войной. Въ послѣдніе годы жизни, собирая матеріалы о шведской войнѣ, онъ обдумывалъ планъ ея исторіи. Въ оставшихся послѣ него замѣткахъ по этому дѣлу читаемъ: „Вписать въ исторію, что въ сію войну сдѣлано, какихъ когда распорядковъ земскихъ и воинскихъ и духовныхъ, такожъ строеніе фортецъ, гавановъ, флотовъ, корабельнаго и галернаго, и мануфактуръ всякихъ". Значитъ, въ исторію войны предполагалось ввести какъ дѣла, тѣсно съ нею связанныя, мѣры для устройства не только военныхъ силъ, но и порядка земскаго и духовнаго, равно какъ и мѣры для развитія промышленности и торговли. Само собой разумѣется, что въ свободной отъ узконаціональныхъ опредѣленій геніальной личности Петра выразился необыкновенно сильно психологическій фактъ, отмѣченный Кавелинымъ, но не въ отвлеченно-сознательной формѣ, а въ живой конкретной дѣйствительности, и могъ онъ проявиться только въ условіяхъ исторической дѣйствительности, въ зависимости отъ текущихъ общественныхъ и государственныхъ потребностей и развитія соціальныхъ и матеріальныхъ силъ страны.

Преобразовательное движеніе захватило прежде всего тѣхъ, кто стоялъ въ центрѣ соціально-политическихъ событій. „Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской исторіи" (58). Затѣмъ, потребность въ идеалѣ, взятомъ изъ европейской жизни, всего болѣе сказалась въ тѣхъ слояхъ общества, на первый разъ меньшинства высшихъ сословій и въ правительственныхъ сферахъ, которые чаще другихъ наталкивались на неудовлетворительность низшихъ формъ культуры и быта и были доступны вліянію чужихъ странъ, которые ближе видятъ и лучше понимаютъ практическій ходъ государственныхъ и административныхъ дѣлъ, чѣмъ остальныя массы народа. Иностранный образецъ послужилъ такой же закваской для внутренняго развитія односложнаго общества,

какою у другихъ служитъ присутствіе въ составѣ общества разнородныхъ элементовъ, соціальныхъ группъ или экономическихъ классовъ. Исторически преобразованіе началось у насъ сверху и постепенно распространялось на массы народа; съ царя-работника, который наблюденіемъ, опытомъ и нуждой приведенъ былъ къ безповоротному рѣшенію преобразовать себя и Россію по европейскому образцу, преобразованіе перешло на дворянство и духовенство, захватило купечество и разночинцевъ и, наконецъ, распространилось на низшіе городскіе классы и крестьянство. Такимъ образомъ, прекращеніе крѣпостного права было „заключительнымъ послѣднимъ явленіемъ въ ряду цѣлаго историческаго нашего движенія втеченіе XVIII и XIX в., котораго существенный смыслъ—водвореніе на нашей почвѣ личнаго начала, нравственной почвы и условія развитія и упраздненія историческаго типа, подъ которымъ сложилось русское государство. Процессъ начался сверху и шелъ постепенно внизъ, въ массы, пока не совершился вполнѣ въ наше время“ (I, 5804). Итакъ, новый идеалъ, представленіе о человѣческомъ достоинствѣ и практическая потребность въ высшихъ формахъ культуры и быта пробудили къ самостоятельной дѣятельности всѣ живыя силы страны русскаго народа.

Проводя сравненіе между умственнымъ и соціальнымъ строемъ Россіи и западно-европейскихъ странъ, Кавелинъ устанавливаетъ два первоначально особыхъ типа историческаго развитія, которые впослѣдствіи сближаются и выравниваются. „Наше движеніе историческое—совершенно обратное съ европейскимъ. Послѣднее началось съ блистательнаго развитія индивидуальнаго начала, которое болѣе и болѣе вставлялось, вдвигалось въ условія государственнаго быта; у насъ исторія началась съ совершеннаго отсутствія личнаго начала, которое мало-по-малу пробудилось и подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи начало развиваться“ (581). Втеченіе многихъ столѣтій, колонизировавъ огромное пространство и образовавъ могущественное государство, русскій народъ успѣлъ выработать только кое-какіе зачатки гражданскаго общежитія и сбросить съ себя историческую форму безличности. Выработавши почву, возможность нравственнаго развитія свободной личности, мы начинаемъ внутреннюю жизнь, духовное и гражданское развитіе, не имѣя строго разграниченныхъ сословій, не имѣя за собой преданій сильной аристократіи, самостоятельной церкви со свѣтской властью, промышленной бур-

жуазіи. По составу населенія, экономическому и государственному быту, Россія — „царство мужицкое". „Сельская масса была у насъ издавна и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе опредѣляющимъ началомъ, камертономъ внутренней жизни, хотя и безсознательно, пассивно. Ею опредѣляется весь строй русской исторіи, хотя она нигдѣ до сихъ поръ не выступала впередъ, на первый планъ" (581). Отмѣна крѣпостного права не стоитъ у насъ особнякомъ, какъ только юридическая мѣра, но вызвала глубокія перемѣны въ хозяйственномъ, общественномъ и государственномъ быту; болѣе, освобожденіемъ крестьянъ окончился на нашихъ глазахъ второй періодъ русской исторіи, „исчерпался совсѣмъ, и для насъ начинается другое время, другая жизнь" (I, 584). Теперь „требованія времени настоятельно толкаютъ насъ на развитіе нравственной личности, самостоятельной и самодѣятельной, — этой основы не только гражданскаго и общественнаго, но и вообще всякаго человѣческаго существованія" (т. III, 877). Новый наступающій историческій періодъ характеризуется развитіемъ юридически признаннаго индивидуальнаго начала и сознательнымъ соціально-политическимъ творчествомъ.

Въ нашу задачу не входятъ воспроизведеніе и объясненіе важнѣйшихъ моментовъ въ политической и соціальной исторіи Россіи: преобразованіе и реформы. Для насъ вполнѣ достаточно было указать здѣсь на главнѣйшіе недочеты и погрѣшности въ разсматриваемомъ историческомъ построеніи. Кавелинъ воспользовался только рессурсами школы родового быта, совершенно оставивъ въ сторонѣ—даже въ позднѣйшихъ статьяхъ—новѣйшія теоріи о происхожденіи государства: экономическую, соціальную или групповой борьбы и международныхъ столкновеній или политическую. Индивидуальность трактуется имъ внѣ реальныхъ отношеній человѣка къ обществу и, въ свою очередь, развитіе общества—внѣ международныхъ отношеній. Это объясняется отчасти его предвзятымъ взглядомъ и апріорнымъ методомъ, отчасти малымъ знакомствомъ съ фактической исторіей народнаго хозяйства, гражданскаго общества и политической жизнью государства. Для него, напримѣръ, расчлененіе русскаго населенія на общественныя группы или, что то же, общественное раздѣленіе труда,—и вмѣшательство въ усложненную общественную жизнь внѣшняго агента—и то не экономическаго или политическаго, а только интеллектуальнаго или нравственнаго, началось съ Петра Великаго, тогда какъ экономическая исторія, въ собственномъ смыслѣ, для

него отождествляется съ „крестьянскимъ вопросомъ“. Состояніе русской исторической науки даже въ его время не допускало подобныхъ ограниченій. Но онъ не считался съ фактами; его больше всего интересовала, такъ сказать, психологія исторіи. Но въ другомъ мѣстѣ онъ, тѣмъ не менѣе, утверждаетъ, что одной идеологіей ничего не создается. Такъ, въ письмѣ къ А. Л. Корсакову онъ краснорѣчиво выражаетъ эту мысль: „Никогда, ни въ какой странѣ въ мірѣ, обществомъ и государствомъ не двигали безплатныя идеи. Когда говорятъ, что философы и безбожники подготовили французскую революцію, то вѣдь это курамъ на смѣхъ! Ее подготовило положеніе дѣлъ, а они только ее высказали въ литературной или научной формѣ. Только интересы, положеніе дѣлъ приводятъ за собой перемѣны, а отнюдь не книжки и мысли. Такъ и у насъ; освобожденіе крестьянъ вынуждено обстоятельствами; нынѣшнему царствованію принадлежитъ только честь и заслуга, что оно ихъ поняло. Земскія учрежденія— то же порожденіе обстоятельствъ, результатъ совершенной невозможности вести дѣло одной бюрократіей, невозможности громадному государству существовать и управляться безъ всякаго участія заинтересованныхъ въ управленіи лицъ, по крайней мѣрѣ, на мѣстахъ, въ провинціяхъ. И, пока земскія учрежденія не сложатся, не принесутъ пользу странѣ, не выкажутъ пониманія мѣстныхъ интересовъ и умѣнія вести ихъ хорошо, до тѣхъ поръ я не жду никакой хорошей перемѣны въ центральномъ управленіи государствомъ“ (II, 157). Однако, въ построеніи русскаго историческаго процесса онъ то и дѣло, вмѣсто эволюціи фактовъ и закона причинности, подставляетъ діалектическое развитіе „идей-силъ“ и „нравственную необходимость“, подкрѣпляя свои пространныя разсужденія рѣдкими ссылками, въ видѣ иллюстраціи, на „ходъ вещей“, т. е. объективную обусловленность явленій, и „требованія времени“, въ смыслѣ сознанныхъ общественныхъ и государственныхъ потребностей. Органическій и освободительный періоды въ русской исторіи завершились, выдвинувъ двухъ новыхъ дѣятелей: государство и личность, ихъ взаимодѣйствіемъ опредѣлится по-реформенный періодъ, къ которому относятся уже его публицистическія статьи по общественнымъ вопросамъ и опыты психологіи и ученія о личной нравственности.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

И. М. Новъ.

Декабристы въ современной имъ русской литературѣ.

Общепринято мнѣніе, что о декабристахъ въ промежутокъ времени съ 1826 по 1856 годъ, кромѣ нѣсколькихъ замѣтокъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, оффиціальнаго „Донесенія слѣдственной комиссіи“, да ряда намековъ въ проповѣдяхъ Филарета, митрополита московскаго — въ русской печатной литературѣ ничего не появлялось, и только со времени Герцена заговорили о нихъ сперва въ заграничной— „Полярная Звѣзда“—а потомъ и въ отечественной печати, особенно съ изданія историческихъ журналовъ „Русскій Архивъ“, „Русская Старина“ и пр. Въ настоящее время, благодаря значительному количеству матеріаловъ, нравственный обликъ большинства декабристовъ для насъ ясенъ. Мы видимъ, что это были люди, хотя и заблуждающіеся, но глубоко убѣжденные, преданные до самозабвенія поглотившей ихъ идеѣ,— чистые, честные и великодушные.

Однако, оказывается, что существуетъ рядъ русскихъ печатныхъ изданій временъ Николая I, въ которыхъ событіе 14 декабря разбирается, конечно, съ извѣстной точки зрѣнія, высказываются причины возникновенія этого движенія, произносится надъ нимъ безпощадный, безжалостный приговоръ. Такими изданіями являются произведенія духовныхъ лицъ, служившихъ въ войскахъ. Намъ удалось найти въ настоящее время всего лишь три книги, но нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе тщательныхъ розыскахъ откроются еще и другія. Эти книги

представляютъ собою или слова, произнесенныя въ извѣстные дни года, или рядъ поученій, собранныхъ въ одну книгу [1]). Такъ какъ упоминаніе о декабристахъ встрѣчается лишь въ книгахъ, которыя предназначались для военныхъ, то можно предположить—не существовало ли распоряженія отъ синода священникамъ войсковыхъ частей, чтобы они съ извѣстной точки зрѣнія освѣщали событіе 14 декабря и такимъ образомъ предупреждали возможность повторенія его. Положительно удостовѣрить это мы не можемъ, но отчасти подтверждаетъ нашу мысль то обстоятельство, что въ рядѣ книгъ, трактующихъ о томъ же самомъ предметѣ—о должностяхъ и обязанностяхъ воина, но написанныхъ свѣтскими лицами, нѣтъ ни малѣйшаго намека на декабристовъ [2]); кромѣ того, въ одной изъ разсматриваемыхъ нами книгъ [3]) проповѣдникъ, прямо высказываетъ желаніе повліять на своихъ слушателей — солдатъ, чтобы они не увлекались впредь подобными заблужденіями:

> „Съ наступившимъ Новымъ годомъ да обновится духъ вашъ, яко юность орля, любовію и вѣрностію къ нашему благочестивому Государю! Да гремитъ немолчное проклятіе изъ устъ вашихъ на соблазнителей, адомъ на погибель вашу изверженныхъ, и нынѣ Правосудіемъ небеснымъ паки во адъ низвергаемыхъ! Да будутъ руки ваши готовы изыскивать и карать тѣхъ, которые можетъ быть еще во тьмѣ и прахѣ пресмыкаются. Преслѣдуйте ихъ неутомимо; ибо они хотѣли сдѣлать васъ орудіемъ діавола, *иже бѣ убійца искони;* они хотѣли *и душу и тѣло ваше погубить въ геенѣ огненной* (стр. 10).

Къ сожалѣнію, у насъ очень мало обращали вниманія на подобныя произведенія духовныхъ писателей. Между тѣмъ для составленія правильнаго взгляда на ходъ развитія русскаго общества, на образованіе извѣстныхъ теченій необходимо имѣть въ виду подобныя произведенія. Они сыграли очень большую роль, и вліяніе ихъ ощущается еще и до сихъ поръ; многія теченія въ изящной русской литературѣ—какъ, напримѣръ, „квасной патріотизмъ“, творенія Погодина и пр.,

---

[1]) Именно: 1) Григорій Мансветовъ. Слово къ православнымъ воинамъ на новый 1826 годъ. Спб. 1826 г. 2) Алексѣй Маловъ. Письма къ воинамъ. Часть первая. Спб. 1831 г. 3) Прохоръ Прокоповичъ. Духовный подарокъ рекрутамъ или бесѣды полкового священника въ кругу воиновъ о главныхъ ихъ обязанностяхъ. Изд. 2-е, Спб. 1844 г.

[2]) Намъ удалось въ настоящее время просмотрѣть слѣдующія книги: 1) А. Кисловъ. Военная нравственность. Спб. 1838 г. 2) Путь чести или совѣты молодому офицеру. Москва. 1837 г. 3) Наста[illegible] моему крестнику, поступившему въ военную службу въ рядо[illegible]ва. 1840 г.

[3]) Слово къ православнымъ воинамъ на новый [illegible]

берутъ свое начало прямо изъ этихъ произведеній. Такъ какъ всѣ они носили характеръ изданій на половину оффиціальныхъ, то была масса лицъ, обязанныхъ ихъ покупать,—распространеніе ихъ было обезпечено. При книгѣ „Духовный подарокъ рекрутамъ“ приложенъ списокъ лицъ и учрежденій, подписавшихся на 2-е изданіе этой книги съ 5 апрѣля по 15 сентября 1844 года: оказывается, что по подпискѣ разошлось 1.350 экземпляровъ—число немаленькое по тому времени, и книга попала въ такіе глухіе уголки, какъ Усть-Каменогорскъ, Усть-Лабинскъ, Нерчинскъ, Омскъ и пр.

Въ настоящей статьѣ мы, на основаніи имѣющагося у насъ матеріала, хотимъ дать понятіе, что говорилось духовенствомъ съ церковной каѳедры о декабристахъ, какое давалось объясненіе этому,—къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ въ деталяхъ невыясненному событію, несмотря на то, что успѣло пройти 75 лѣтъ и всѣ участники его давно уже легли въ землю.

II.

Одинъ изъ ораторовъ — Григорій Мансветовъ — въ своемъ словѣ на новый 1826 годъ поясняетъ, какимъ образомъ возникло событіе 14 декабря. Это поясненіе—которое, къ сожалѣнію, очень часто и въ наше время извѣстнымъ кругомъ русскихъ людей употребляется при толкованіи различныхъ событій дня – заключается въ чужеземномъ, западно-европейскомъ вліяніи. Давъ въ началѣ своей проповѣди понятіе о революціи, понятіе общее тому времени, духовный пастырь продолжаетъ такимъ образомъ:

„Скажу только, что въ то самое время, когда вы, Христоименитые воины! въ лицѣ Наполеона карали перерожденные въ преобладаніе и тиранство остатки ея (революціи), она какъ многоглавная гидра успѣла бросить ядовитое свое сѣмя въ королевствѣ Неаполитанскомъ и Гишпанскомъ и возродилась тамъ подъ другимъ именемъ, подъ именемъ какой-то *конституціи*. Захохоталъ и восплескалъ отъ радости діаволъ, восплакали святые ангелы, хранители царствъ и народовъ. Что же дѣлали буйныя изчадія возрожденной гидры! Благотворную власть королей стѣснили, вѣрныхъ слугъ престола начали истреблять тайно и явно. Войска повиновались не власти *сущей отъ Бога*, но разбойникамъ и убійцамъ. Народъ, управляемый самозванцами, блуждалъ какъ стадо подъ руководствомъ наемника, которому овцы не свои (Іоаннъ глава 10, ст. 12). Междуусобіе изъ одной области въ другую бросало ад-

скихъ пламенникъ; настали кровавые дни; обезоруженные цари проливали слезы сострадания о несчастныхъ народахъ, не имѣя возможности укротить мятежниковъ. Уже готовы были обрушиться на сіи державы тѣ же ужасы, какіе прежде потрясали Францію" (стр. 13—14)е

Изобразивъ такимъ образомъ картину революціи, Мансветовъ доказываетъ, что она не могла имѣть распространенія благодаря императору Александру I, который своевременно оказалъ помощь, и вслѣдствіе этого:

„Народы опять благословили власть Божію въ лицѣ своихъ монарховъ; воинства окружили и возстановили почти опроверженные престолы. Европа прославляла нашего царя" (стр. 16).

Но эта революція или, какъ называетъ проповѣдникъ, „конституція", конечно, не могла примириться съ своимъ пораженіемъ и такъ какъ для дѣятелей ея было ясно, что „нельзя испровергнуть прочія царства, не испровергнувъ Россію, защитницу всѣхъ царствъ", то они и принялись за нее:

„Какъ змія уязвляетъ пяту путешественника изъ-подъ цвѣтовъ, такъ они уязвили нашихъ молодыхъ дворянъ изъ-подъ личины къ ихъ просвѣщенію: уловили сердца ихъ обольстительнымъ именемъ *преобразователей;* и сіи недостойные дѣти достойныхъ родителей сдѣлались слѣпыми, но круто направленными оружіями, дѣйствующими сокровенною силою машины, извнѣ устроенной" (стр. 16—17).

Такимъ образомъ первый изъ разсматриваемыхъ нами духовныхъ проповѣдниковъ объясняетъ движеніе декабристовъ исключительно иноземнымъ вліяніемъ. Далѣе слѣдуетъ картина постепеннаго развитія этого движенія у насъ въ Россіи и, наконецъ, приведены нѣкоторыя картины изъ описанія самаго дня 14 декабря:

„Чудовища конституціи скрывались въ Россіи подъ мракомъ тайны десять лѣтъ, непрестанно умножая свое скопище, особенно членами изъ воинскаго сословія" (стр. 17).

Смерть Александра I ускорила дѣйствія мятежниковъ:

„Мысль, что престолъ, неутвержденный еще временемъ, испровергнуть не трудно, перемѣнила чертежъ ихъ дѣйствій, они въ одну минуту рѣшились дѣйствовать явно и въ свое орудіе избрали васъ, Христоименитые воины!" (стр. 19).

Далѣе идутъ описанія слѣдующаго рода:

„Вспомните, въ чью защиту ослѣпленные ваши собратія вопіяли ваше любимое ура! и въ славу какого ч[illegible] то же восклицали ихъ путеводители. Они хотѣли [illegible] васъ звукоподобіемъ конституціи съ именемъ [illegible]

священнымъ. О, дерзость неслыханная! Они смѣшивали свѣтъ со тьмою, небо со адомъ, Христа съ вемаромъ. Едва ли дерзостнѣе говорилъ и дѣйствовалъ самъ змій едемскій. Знамена ваши они хотѣли обратить въ знаки безчинія, крамолы, убійства и опустошенія. Боже отцовъ нашихъ! Самое имя ваше, имя защитниковъ отечества они хотѣли предать потомству на проклятіе, яко имя злодѣевъ и отцеубійцъ" (стр. 20—23).

III.

Такъ представляетъ Мансветовъ это событіе русской исторіи. Другой проповѣдникъ Алексѣй Маловъ избралъ нѣсколько иной образъ дѣйствія. Въ своей книгѣ „Письма къ воинамъ"—написанной, какъ онъ говоритъ, однимъ благочестивымъ старцемъ, бывшимъ военнымъ, къ своимъ дѣтямъ, а имъ, Маловымъ, только изданной—онъ помѣщаетъ въ письмѣ шестомъ разговоръ объ истинной преданности одного благоразумнаго офицера съ маіоромъ-помѣщикомъ (стр. 308—330).

Благоразумный офицеръ во время своего путешествія попадаетъ въ одну деревню, владѣлецъ которой, отставной маіоръ, приглашаетъ этого офицера къ себѣ въ домъ, офицеръ пробываетъ тамъ два дня и знакомится съ маіоромъ, его семействомъ, состоящимъ изъ жены, двухъ сыновей и дочери. Такъ какъ этотъ маіоръ, по мнѣнію автора книги, является идеальнымъ лицомъ, то мы позволимъ себѣ нѣсколько на немъ остановиться. Офицеръ, при входѣ въ гостиную особенное вниманіе обративъ на шкафы съ книгами и замѣтивъ, что:

„въ одномъ изъ нихъ хранились книги священныя, нравственныя, историческія и литературныя" [1],

тутъ же спѣшитъ успокоить читателя, что среди литературныхъ книгъ *„романовъ ни одного"*. Такимъ образомъ романы подвергаются осужденію и не должны входить въ число книгъ, которыя можетъ читать „истинный христіанинъ и настоящій вѣрноподданный"—такъ какъ таковымъ, по словамъ автора, былъ маіоръ. Здѣсь помѣщена и критика на современное (1831) общество: гостиная этого маіора

„ни мало не походитъ на тѣ гостиныя, въ которыхъ все дышитъ мотовствомъ, суетою, глупымъ, а часто и соблазнительнымъ мотовствомъ".

Все времяпрепровожденіе у этого маіора совершенно не походитъ, какъ увѣряетъ авторъ, на современное,

[1] Алексѣй Маловъ. Письма къ воинамъ, часть I. Спб. 1831, стр. 305.

оно дышитъ патріархальностью, напоминаетъ старое, доброе время. Вотъ какъ заканчиваетъ день это семейство:

„маіоръ, его жена и сыновья стояли на колѣняхъ, а дочь бывшая напереди читала въ слухъ вечернія молитвы. По окончаніи молитвъ, все семейство перекрестясь поклонились въ землю предъ святыми иконами, а потомъ только уже не крестясь поклонились въ поясъ предъ портретомъ государя императора царствующаго, предъ портретами другихъ государей, съ особенными чувствами посмотрѣли на портреты своихъ предковъ, и наконецъ дѣти, поцѣловавъ руки родителямъ, а родители перекрестивъ дѣтей и поцѣловавъ другъ друга, всѣ разошлись по спальнямъ. Утромъ я увидѣлъ такое же зрѣлище“ (стр. 322).

Крестьяне у этого маіора живутъ безбѣдно, припѣваючи, чуть ли не катаясь какъ сыръ въ маслѣ. И дѣйствительно, маіоръ очень заботится о нихъ, въ деревнѣ у него есть больница, а

— „близъ дома Божія былъ и домъ образованія, въ которомъ сыновья и дочери крестьянъ учились чтенію, письму и еще что для нихъ нужнѣе, такимъ ремесламъ и рукодѣліямъ, которыя необходимы для деревенскаго быта и съ которымъ мужикъ всегда будетъ съ вѣрнымъ кускомъ хлѣба“ (стр. 331).

На этомъ мѣстѣ стоитъ нѣсколько остановиться. На нашъ взглядъ достойно примѣчанія названіе школы — домомъ образованія, конечно, по аналогіи съ названіемъ церкви—домъ Божій. Это сравненіе школы съ церковью, указаніе такимъ образомъ на высокое значеніе школы— очень рѣдко встрѣчается въ литературѣ того времени и свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ „Писемъ къ воинамъ“ былъ незаурядный человѣкъ. Еще болѣе подтверждаетъ эту мысль и то, что въ „идеальной деревнѣ и у идеальнаго помѣщика“ не только мальчики, но и дѣвочки обучаются въ школѣ. Такимъ образомъ нарисованная Маловымъ картина высказываетъ требованія, стоящія выше уровня времени. Но въ то же время мы встрѣчаемся и со знакомымъ намъ взглядомъ, что „ремесло и рукодѣліе нужнѣе крестьянству, чѣмъ грамота и письмо“. Здѣсь Маловъ высказываетъ общераспр[остра]ненное тогда мнѣніе,—мнѣніе, нашедшее себѣ м[ѣсто] въ знаменитой перепискѣ Гоголя съ друзьями. [Мы] посмотримъ, какъ данный помѣщикъ разсуждаетъ [от]сительно крестьянъ; на вопросъ благоразумнаго оф[ицера] какой же оброкъ платятъ его крестьяне, онъ отвѣ[чаетъ]

— „Годъ на годъ не приходится, при хорошемъ урожаѣ, при счастливомъ приплодѣ скота и при благополучной распродажѣ избытковъ, они платятъ мнѣ по пятидесяти рублей въ годъ, но выше никогда; а въ годы несчастные въ половину и даже менѣе; я слыхалъ, что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ платитъ крестьянинъ по сту рублей и болѣе; мнѣ кажется, что это безбожно, сто рублей достать не всякому мужику возможно; мастеровые подгородные другое дѣло, но по отношеніи къ тѣмъ я бы совѣтовалъ помѣщикамъ помнить, что съ крестьянина должно брать столько, чтобы и у него что-нибудь оставалось, иначе или недоимка за недоимкою, или побѣги и воровство, или другія отчаянныя крайности“ (стр. 321).

Въ этомъ „идеалѣ существованія крестьянина“ особенно хороша, на нашъ современный взглядъ, фраза: „я бы совѣтовалъ помѣщикамъ помнить, что съ крестьянина *должно* брать столько, чтобы и у него что-нибудь оставалось!“ — Нѣтъ даже и намека на то, что крѣпостное положеніе является аномаліей, что безплатный трудъ одного человѣка (крестьянина) для поддержанія существованія другого (помѣщика) есть явленіе безнравственное и что служителю Христа, проповѣднику ученія любви и всепрощенія, какъ-то не идетъ защищать и идеализировать состояніе рабства. И между тѣмъ въ произведеніяхъ другихъ духовныхъ писателей мы встрѣчаемся съ нѣсколько инымъ взглядомъ. Признавая крѣпостное право, какъ нѣчто необходимое, существенно присущее русской жизни, эти писатели дѣлаютъ въ то же время сильныя нападки на него. Такъ, въ книгѣ „Обязанности домашняго общества по разуму исполнителей слова Божія древнихъ христіанъ“ протоіерея Мансветова (автора цитированнаго нами выше слова) мы читаемъ слѣдующія сильныя мѣста:

— „Они ваши рабы: но по разуму Евангелія христіанинъ не можетъ быть рабомъ; ибо Христосъ искупилъ его отъ рабства міра несравненно дороже, нежели за сколько выкупаютъ знаменитѣйшихъ плѣнниковъ, искупилъ пречистою своею кровью; они ваши рабы, но они также люди по об[illegible]лію; они ваши рабы, но призываютъ на помощ[illegible] съ вами Отца: Отче нашъ иже еси на небес[illegible] ваши рабы, но наслѣдники того же царс[illegible]и рабы, но кто знаетъ? можетъ быть гос[illegible]ь нѣкогда просить своего раба, чтобъ обс[illegible] свой въ студеной водѣ и прохладилъ его; они ваши рабы: нѣтъ! *они ваши* [illegible]ельзя въ этомъ не признаться. Высокая [illegible] только отличіе свѣта: а мы рождаемся и живѣта“ [1]).

[1]) [illegible]нія общества по разуму исполнителей слова [illegible], Спб. 1825 г., стр. 136 и 137.

Надо сознаться, что это мѣсто не напоминаетъ собою защиты рабства, защиты крѣпостного права, и появленіе его въ печати въ 1825 году было своего рода подвигомъ—это время было время Аракчеева, Шишкова и Фотія.

Возвращаемся къ прерванному изложенію. Между благоразумнымъ офицеромъ и маіоромъ происходитъ разговоръ, причемъ маіоръ, критикуя современное положеніе вещей, восхваляя старину, говоритъ слѣдующее:

— „Ну, не стыдъ ли для Россіи, и не поношеніе ли для Русскаго воинства то, что случилось у васъ въ недавнія времена? Какъ дойти русскимъ до мятежа противу помазанника Божія и дойти до онаго тѣмъ, которые сыты по горло и осыпаны честями и другими царскими милостями; правду говорили наши предки, что есть собаки, которыя съ жиру *бѣсятся*. Конечно, бывали возмущенія во времена стрѣльцовъ, но тогда были времена *невѣжества*, а нынѣ, какъ говорятъ, всѣ просвѣтились, образовались и утончились: какъ же съ сею образованностію рѣшиться на дѣло приличное грубому варварству“ [1]).

Такимъ образомъ дѣло объясняется очень просто: собаки съ жиру бѣсятся, такъ взбѣсились и декабристы. Это объясненіе вполнѣ напоминаетъ извѣстную эпиграмму Ростопчина, что въ Европѣ возмущается сапожникъ, потому что хочетъ быть бариномъ, а наши бары возмутились, вѣроятно, потому, что захотѣли быть сапожниками.

IV.

Мы видимъ, что у Мансветова гораздо болѣе подробно объяснено возникновеніе движенія декабристовъ, чѣмъ это дѣлаетъ Маловъ, но у послѣдняго зато гораздо обстоятельнѣе отвѣтъ на вопросъ, чего же хотѣли достигнуть декабристы этимъ возмущеніемъ. Тотъ же маіоръ поясняетъ слѣдующее:

Знаю, что вмѣсто того, чтобы съ истинною благодарностію въ сердцѣ наслаждаться тою славою, покоемъ и благоденствіемъ, которыми дарятъ насъ великіе Государи, они (декабристы) подъ видомъ ложнаго, мечтательнаго и небывалаго блаженства, желали: одинъ насытить свое *честолюбіе*, другой *корыстолюбіе*, а третій другую какую-либо толико же беззаконную и для общества погибельную, *личную* страсть (стр. 314).

Изъ многочисленныхъ записокъ какъ самихъ декабристовъ, такъ и ихъ современниковъ [illegible] знаемъ, что

[1]) Письма къ воинамъ. Часть первая. Спб. [illegible]ексѣя Малова, стр. 313.

въ чемъ угодно, но только не въ стремленіи удовлетворить личную страсть можно упрекнуть этихъ людей. Именно о себѣ-то они вовсе не думали, а заботились только о пользѣ общественной.

Мансветовъ, въ своемъ объясненіи цѣлей декабристовъ, тоже высказываетъ рядъ ни на чемъ не основанныхъ догадокъ:

> Чѣмъ же хотѣли они увѣнчать свои предпріятія, если бы Господь допустилъ ихъ получить успѣхъ? Се вѣнецъ Горгоны, сплетенный изъ шипящихъ и вкругъ главы ея вьющихся змѣй! Послушайте, любезные воины, сколь убійственны были ихъ предположенія. Одни изъ нихъ хотѣли воцарить надъ нами трехъ подобныхъ имъ злодѣевъ, другіе въ мысляхъ своихъ уже раздробляли отечество наше на малыя царства и отдавали каждое изъ нихъ особенному изъ среды ихъ тирану; нѣкоторые желали отторгнуть цѣлыя области и предать сосѣдямъ, дабы не препятствовали имъ терзать утробу страны родимой. Во всѣхъ сихъ случаяхъ Россія погибла бы невозвратно; а вы—что были бы вы!.. [1]).

Таковы были желанія декабристовъ, по мнѣнію духовныхъ писателей того времени.

V.

Кромѣ выясненія общихъ причинъ, всѣ трое изъ указанныхъ нами писателей не поскупились на темныя краски для описанія декабристовъ. Такъ, Прокоповичъ въ своемъ „Духовномъ подаркѣ рекрутамъ“ на стр. 25 пишетъ:

> Между вами однако нашлись и здѣсь неблагомыслящіе люди, кои не уважали новоизбраннаго царя своего и таковыхъ Духъ Божій въ Священномъ писаніи называетъ сынами погибельными. Воины, имѣяй уши слышати, да слышитъ!

Это патетическое обращеніе къ воинамъ подтверждаетъ на нашъ взглядъ высказанное нами въ началѣ статьи предположеніе.

Маіоръ, авторъ книги „Письма къ воинамъ“, говоритъ слѣдующее:

> Знаю, что въ ней (крамолѣ) участвовали большею частію буйные и недоученные воспитанники рукъ чужеземныхъ), знаю, что въ злобнѣйшихъ изъ нихъ не было ни вѣры, ни здраваго смысла, ни совѣсти, но при всемъ томъ мнѣ и всякому истинно русскому прискорбно мыслить, что въ сонмѣ дворянъ, которые во всѣ времена были

[1]) Слово къ православнымъ воинамъ на новый 1826 г. Спб. 1826 г., стр. 24.

вѣрнѣйшими поборниками Престола и Отечества, явились нѣсколькіе *негодяи* (курсивъ нашъ) и что въ Святой Руси началъ было возникать тотъ кровавый потопъ, который нѣкогда потопилъ вашу, толико расхваливаемую Францію (стр. 314, 315).

Мансветовъ, какъ уже читатель могъ замѣтить изъ вышеприведенныхъ выдержекъ, сравниваетъ декабристовъ съ змѣемъ эдемскимъ. Не пощадивъ такимъ образомъ въ своихъ описаніяхъ декабристовъ, всѣ три духовные пастыря требуютъ жестокихъ наказаній. Наиболѣе строгъ въ своихъ требованіяхъ Прокоповичъ. Въ двухъ мѣстахъ своей книги (стр. 34 и 141) онъ убѣждаетъ воиновъ въ слѣдующемъ:

> Кто не питаетъ въ сердцахъ своихъ глубокихъ чувствъ искренняго почтенія и повиновенія къ власти, Богомъ поставленной въ Церкви Христовой или въ государствѣ, какъ въ народѣ Божіемъ, и кто бы ни былъ—должны быть судимы и наказаны въ сей жизни смертію, и въ будущую жизнь проводитъ ихъ проклятіе, анаѳема!

и далѣе:

> Какъ Содомъ, Гоморра и окрестные города, подвергшись казни огня вѣчнаго, поставлены въ примѣръ, такъ будетъ и съ тѣми мечтателями, которые начальство пренебрегаютъ и злословятъ свои власти: *горе имъ*...!

Мансветовъ въ своемъ словѣ отмѣчаетъ на страницѣ 9-ой:

> Волненіе вашихъ собратій произошло отъ коварства, отъ обольщенія, отъ двусмысленныхъ воплей крамолы: но оно было волненіе, влекущее за собою пагубныя слѣдствія. Необходимость строгаго примѣра требовала ихъ казни.

Понятно, что, излагая данное событіе, авторы имѣли въ виду вывести изъ него какія-либо заключенія. Маловъ, въ концѣ своего разсказа о маіорѣ, находитъ еще одну причину этого прискорбнаго явленія, причину, заключающуюся, по его мнѣнію, въ дурномъ современномъ воспитаніи, а отсюда слѣдуетъ необходимость замѣнить это воспитаніе настоящимъ русскимъ, древнимъ, благочестивымъ:

> Что есть ли бы вмѣсто испорченнаго моднаго воспитанія—заключаетъ благоразумный офицеръ свой разсказъ о маіорѣ,—которое раститъ намъ только или недоученныхъ повѣсъ, или буйныхъ болтуновъ и попугаевъ, всѣ родители воспитывали дѣтей своихъ, доколѣ они остаются дома, по сей методѣ? тогда бы отцы и матери не плакали, юноши не погибали, имѣнія не разорялись, и вѣра въ Бога и церковь еще болѣе свѣтила въ рядахъ боярскихъ; тогда бы любовь къ государямъ, царствующая въ Россіянахъ и при дурномъ воспитаніи многихъ, явилась въ

высотѣ совершеннѣйшей и Россія, радуясь о своихъ юношахъ и гордясь сынами ея достойными, никогда бы не увидала того, что, къ стыду нынѣшняго просвѣщенія, она увидѣла въ недавнія времена [6]).

Такимъ образомъ Маловъ выводитъ изъ даннаго случая урокъ всему русскому обществу: Мансветовъ и Прокоповичъ не расширяли такъ своей задачи, не выходили изъ рамокъ своего поученія. Они говорили „христоименитому воинству“ и показывали, что должно запомнить послѣднее, къ какимъ придти выводамъ. Мансветовъ полагаетъ, что главная причина этого заблужденія хранилась въ томъ, что декабристы мало обращали вниманія на служеніе Богу, а потому:

> Христоименитые воины! Вы будете истинными подвижниками Царя земного, если будете также и подвижниками Царя небеснаго. А для сего нужно къ вещественному вашему орудію присоединить оружіе духовное. Сію необходимость доказываетъ горестное происшествіе, котораго вы были свидѣтелями. Заблудшіе братія ваши не могли противостать кознямъ діавольскимъ: отъ чего же? Вѣрно отъ того, что въ небреженіи оставили то оружіе, которое дается намъ вмѣстѣ съ именемъ Христіанинъ (стр. 34—35).

Средствами для полученія этого оружія будутъ служить:

> Въ свободное отъ службы время читайте священное писаніе, книги церковныхъ учителей, столько извѣстный вамъ уставъ [2]) воинскій, слушайте наставленія духовныхъ пастырей, внушеніе благонамѣренныхъ начальниковъ, совѣты богобоязненныхъ товарищей (стр.38).

Въ этомъ отрывкѣ есть маленькое противорѣчіе съ обыкновенными совѣтами, встрѣчающимися въ подобныхъ книгахъ, и вызванное исключительно временемъ. Къ слову „начальникъ“ поставленъ эпитетъ „благонамѣренный“—въ послѣдующихъ книгахъ этотъ эпитетъ исчезаетъ и пастыри требуютъ безпрекословнаго повиновенія, не разбирая, каковъ начальникъ, благонамѣренъ или нѣтъ. Понятно, что эта прибавка произошла потому, что большинство декабристовъ были начальники. Прокоповичъ изъ событія 14 декабря выводитъ необходимость усиленія дисциплины:

> Всякое начальство наше, отъ высшаго до низшаго, отъ Бога учинено надъ нами и кто противится начальству, тотъ тяжкій грѣхъ себѣ пріемлетъ. Посему, воины, когда кто изъ васъ самихъ, положимъ, десяти человѣкъ высшимъ начальствомъ избирается одинъ быть унтеръ-

[1]) Письма къ воинамъ и пр., стр. 325.
[2]) Замѣчательное сопоставленіе.

офицеромъ, уже другіе должны повиноваться ему и притомъ *не за гнѣвъ*, не изъ страха, *а за совѣсть*; этого отъ васъ требуетъ всесвятая, всесовершеннѣйшая и спасительная воля Божія. Можетъ быть между вами явятся такіе люди, которые дозволятъ себѣ мыслить: онъ такой же солдатъ, какъ и я, такъ что тутъ за грѣхъ, ежели я не въ точности исполню волю его? Кто помыслилъ бы такъ, тотъ знай, что онъ тяжко грѣшитъ передъ Богомъ и долженъ будетъ дать отвѣтъ Богу не только за себя, но за тѣхъ, которые, слушая таковой разговоръ, могли бы онымъ соблазниться въ святой покорности своему начальству. Онъ точно такой же солдатъ, но онъ заслужилъ довѣріе у своего Богомъ поставленнаго начальства и посредствомъ таковаго начальства отъ самого Бога облеченъ властію, соразмѣрно заслуженному довѣрію; посему другіе должны слушать его и повиноваться ему и исполнять приказанія его, какъ волю своего начальства, какъ волю цареву, какъ волю Божію [1]).

VI.

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать на маленькую, какъ бы незначительную подробность. Нашествіе Наполеона, войны 12—15 годовъ породили у насъ безчисленное количество словъ, произнесенныхъ различными священниками на различные эпизоды изъ этой войны. Если начать сравнивать эти слова съ только что нами разобранными мы будемъ поражены сходствомъ между описаніями Наполеона и описаніями декабристовъ. Пастыри церкви снабжаютъ какъ Наполеона, такъ и декабристовъ почти совершенно одинаковыми эпитетами, приводятъ чуть ли не одинаковые тексты, и выводы, дѣлаемые ими изъ своихъ рѣчей, одинаковые: данныя войны должны усилить въ воинахъ дисциплину, подчиненность. Чтобы не быть голословными, мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ „Рѣчи на случай возвращенія побѣдоноснаго Россійскаго Воинства изъ Парижа и Франціи, говоренной въ Ораніенбаумѣ при встрѣчи полковъ Императорской лейбъ-гвардіи предъ начатіемъ благодарственнаго Господу Богу молебствія, Святѣйшаго Правительствующаго Синода и Комиссіи Духовныхъ Училищъ Членомъ, Арміи и Флота Оберъ-Священникомъ и Кавалеромъ Іоанномъ Державинымъ, Іюля 18 дня 1814 года.“

Въ этой рѣчи про Наполеона говорится, что онъ „лютый хищникъ престоловъ, злодѣй вселенной, бичъ человѣчества, мнившій въ дерзости своей носить на

[1]) Духовный подарокъ рекрутамъ и пр., стр.

раменахъ своихъ судьбы свѣта“ [1]); нашествіе Наполеона характеризуется какъ „сильное и жестокое наводненіе вѣроломнаго буйства и нечестія, грозившаго поглотить свободу и цѣлость благосостоянія Имперіи (стр. 6), а общій выводъ таковъ: неуклонное исполненіе обязанностей вашихъ по званію, исполненіе правилъ закона и добродѣтели (стр. 8).

Алексѣй Маловъ — законоучитель училищъ инженернаго, артиллерійскаго, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, кавалерійскихъ юнкеровъ; Григорій Мансветовъ — протоіерей придворнаго собора; Прохоръ Прокоповичъ — протоіерей лейбъ-гвардіи Уланскаго полка; таково было соціальное положеніе авторовъ разобранныхъ нами книгъ, въ то время, когда они писали эти книги.

Конечно, нельзя было и ожидать въ тѣ времена иного отношенія къ виновникамъ 14 декабря. Общество было охвачено паникою, наступила сильная реакція, все трепетало за свою участь или за участь своихъ ближнихъ. И въ то время, когда пастыри церкви объясняли данное событіе съ исключительной точки зрѣнія—только у великаго поэта земли русской хватило гражданскаго мужества послать томящимся въ Сибири свой привѣтъ:

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
. . . . . .
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли.

П. Столпянскій.

---

[1]) Цитированное выше въ текстѣ сочиненіе стр. 4, у Мансветова въ его словѣ есть такое обращеніе къ Александру I: „Праведный Духъ носившій до общаго пробужденія плоти! Ты видѣлъ съ высоты святыя сіе звѣронеистовство“.

Беатриче Ченчи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Переводъ съ итальянскаго Г. Львовича и Э. Русаковой.

(Продолженіе).

XVIII.

Красный плащъ.

— Проигрышъ! Снова перетасуешь карты.

— Но, донъ Олимпіо, ты знаешь, какъ долго мы уже играемъ! отвѣтилъ партнеръ полудружественнымъ, полусердитымъ тономъ.— Вчера вечеромъ мы сѣли, когда звонили къ ave Maria,—теперь звонятъ уже къ утреннему ave Maria. Я сгораю отъ нетерпѣнія, точно лежу на сковородѣ св. Лаврентія.

— Я только что заткнулъ тебѣ дукатомъ глотку, а ты уже снова воешь! Чортъ возьми,—опять проигралъ.

— Не хотѣлъ бы я и вашихъ денегъ, лишь бы вы сами скорѣе убрались отсюда.

— Ба! Мнѣ лишь бы вернуть мой проигрышъ, а потомъ хоть забирай обѣ Сициліи въ свое исключительное владѣніе.

— Подумай, что мы играемъ уже семь часовъ послѣ дозволеннаго вице-королемъ срока. Если начальникъ полиціи захватитъ меня, то мнѣ лучше привязать камень на шею и броситься въ воду,—съ нимъ у меня есть старые счеты.

— Ахъ, ты Іуда Искаріотъ! снова проворчалъ Олимпіо, ударивъ кулакомъ о столъ:—опять проигрышъ! Деньги уходятъ у меня, какъ вино изъ открытой бочки.

Игрокъ, по обыкновенію, солгалъ: съ начальникомъ полиціи онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ, доносилъ ему обо всемъ, что узнавалъ въ игорномъ домѣ, и въ награду за это здѣсь позволялось играть дольше установленнаго времени.

— Теперь кончено, воскликнулъ наконецъ Олимпіо:—я проигралъ все!

— Не унывай,—перенеси дѣло во вторую инстанцію: завтра отыграешься. Ты каждый день приходишь съ новыми деньгами...

— Марціо мнѣ уши прожужжалъ, что моя роль уже кончена, что и его тысяча цехиновъ уже приходитъ къ концу.

— Тысяча да еще тысяча будетъ двѣ тысячи... Откуда же ты получилъ такія деньги?

Вопросъ игрока былъ очень рискованный, но Олимпіо пилъ такъ много, что утратилъ всякую осторожность и самообладаніе. Вскорѣ игрокъ вывѣдалъ отъ Олимпіо, что Марціо зазнался, не даетъ ему денегъ, но что ему обязано также давать деньги семейство Ченчи и обязано именно потому, что онъ знаетъ, кто убилъ стараго графа. Въ эту минуту открылась дверь и вошелъ человѣкъ въ красномъ плащѣ. Игроки привѣтствовали его по имени. Марціо пристально взглянулъ на Олимпіо и отвѣтилъ:

— А, мнѣ очень пріятно, что меня здѣсь уже знаютъ!

— Синьоръ Марціо, сказалъ игрокъ,внимательно присматриваясь къ нему:—снимите прежде плащъ. Право, его стоитъ поберечь: такой плащъ можно развѣ получить въ подарокъ по случаю смерти какого-нибудь князя, маркиза или, по крайней мѣрѣ, графа.

Марціо снова пристально взглянулъ на Олимпіо, затѣмъ спокойно снялъ плащъ и подсѣлъ къ игрокамъ. Съ нимъ игрокамъ не такъ легко было управиться, какъ съ Олимпіо. Проигравъ нѣсколько часовъ, онъ простился и ушелъ. Олимпіо, ожидавшій, что Марціо станетъ искать примиренія и дастъ ему денегъ, обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и тоже ушелъ вслѣдъ за Марціо. Игрокъ также вышелъ и сталъ осторожно пробираться за ними.

Марціо, замѣтивъ, что кто-то быстро идетъ за нимъ, остановился, положилъ руку на рукоятку кинжала и спросилъ:

— Кто тамъ идетъ?

— Это я, Марціо. Не безпокойтесь: я не съ дурными намѣреніями иду за вами.

— Хороши ваши намѣренія или дурны, это мнѣ все равно. Чего вы хотите отъ меня?

— А вы не сердитесь. Пойдемъ вмѣстѣ и поговоримъ спокойно.

Они пошли вмѣстѣ. Игрокъ осторожно шелъ за ними.

— Находите ли вы, началъ Олимпіо:—что это по-товарищески—оставить меня безъ гроша денегъ? Вы спасли меня отъ голодной смерти, не хотите ли теперь, чтобы я умеръ отъ жажды?

— Олимпіо, я тысячу разъ говорилъ вамъ, что вы можете приходить ко мнѣ, когда угодно, что въ пищѣ и напиткахъ у васъ не будетъ недостатка. Однако, я не могу позволить вамъ тратить остатокъ моихъ денегъ на вино, игру и другія прихоти. Свою часть вы получили, отчетъ я вамъ далъ и доказалъ, что еще за вами болѣе 200 дукатовъ моихъ денегъ; вы не могли отрицать этого. Какое же право имѣете вы еще требовать отъ меня денегъ?

— Да не спрашиваютъ о правѣ, а только о силѣ: въ этомъ отношеніи я не уступлю вамъ. Но, когда силы равны, тогда рукамъ воли не даютъ, а только языку.

— Развѣ языкъ не наноситъ болѣе глубокихъ ранъ, чѣмъ руки?..

— Олимпіо, прервалъ его Марціо:—я слыхалъ отъ этого игрока нѣсколько словъ, которыя заставляютъ меня опасаться, что вы совершили величайшее безразсудство... Если это вѣрно, то мы оба погибли...

— О, конечно! мы вѣдь лишь вчера родились...

— Не притворяйтесь, Олимпіо;—очень возможно, что наша тайна стала извѣстной еще кому-нибудь постороннему; вы знаете, какъ часто мнѣ приходилось исправлять ошибки, сдѣланныя вами: подумайте,—отъ этого зависитъ наша жизнь.

Олимпіо опомнился и долженъ былъ сознаться, что Марціо правъ; имъ овладѣлъ страхъ за свою шкуру, и онъ съ волненіемъ заговорилъ:

— Дѣйствительно... я припоминаю... дѣйствительно, Марціо... да, вы должны помочь мнѣ поправить ошибку... Словомъ... у меня сорвалось выраженіе... изъ котораго можно вывести... можно заподозрить... что мы оба участвовали въ убійствѣ графа Ченчи...

— Вы шутите? Въ такомъ случаѣ мы погибли...

— Нѣтъ... Я не шучу... но люди, которые слыхали меня, кажутся мнѣ хорошими, надежными людьми. Конечно, если бы я не сказалъ этого... Или, можетъ быть, вы укажете мнѣ средство, которое заставитъ ихъ забыть слышанное... чтобы они не могли разсказать другимъ...

— Какъ? Письма запечатываютъ сургучною печатью, а на уста надо накладывать свинцовую печать,—тяжелую, какъ при папскихъ буллахъ...

— Ахъ, что тамъ! Есть путь и короче... бываетъ печать и желѣзная.

— Это вѣрно, отвѣтилъ Марціо и посмотрѣлъ въ глаза Олимпіо, который, казалось, готовъ былъ на все.

На дорогѣ было совершенно тихо. Тѣмъ временемъ они подошли къ капеллѣ съ изображеніемъ Мадонны, передъ которымъ висѣли двѣ лампады. Олимпіо, шедшій съ лѣвой стороны, поднялъ руку, чтобы снять шляпу передъ священнымъ изображеніемъ. Въ эту минуту Марціо быстро повернулся и вонзилъ ему въ бокъ кинжалъ по самую рукоятку. Олимпіо упалъ и воскликнулъ:

— Марціо! Что ты дѣлаешь? О, святая Дѣва!...

Марціо повалился на него со словами:

— Ты самъ сказалъ, что болтливый ротъ нужно запечатать желѣзомъ... этого пока довольно!

Онъ еще нѣсколько разъ вонзилъ кинжалъ въ грудь Олимпіо, затѣмъ всталъ, вытеръ кинжалъ о платье умирающаго и ушелъ.

Придя домой, онъ немедленно сложилъ свои вещи, оставилъ на столѣ деньги, слѣдовавшія съ него за квартиру, и ушелъ, чтобы переночевать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, рѣшивъ утромъ уѣхать на первомъ кораблѣ, какой снимется съ якоря въ гавани.

Когда Марціо ушелъ, игрокъ, видѣвшій издали всю эту сцену, подбѣжалъ къ Олимпіо, когда тотъ уже былъ при послѣднемъ издыханіи.

— Олимпіо, воскликнулъ онъ:—Марціо убилъ тебя! Не правда ли,—изъ опасенія, чтобы ты не выдалъ тайны относительно убійства Ченчи, не правда ли?

Игрокъ опустился на землю около умиравшаго. Олимпіо съ трудомъ открылъ глаза и, узнавъ игрока, снова закрылъ ихъ. Но игрокъ не отставалъ.

— Месть, месть! говорилъ онъ:—Если ты хочешь отомстить, разскажи мнѣ все...

Олимпіо ничего уже не видѣлъ, но могъ еще слышать. Когда на порогѣ вѣчности сознаніе на минутку вернулось къ нему, онъ понялъ, что Марціо былъ правъ. Уста его раскрылись и онъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ. Игрокъ припалъ къ умиравшему и, чтобы хоть что-нибудь услышать, приложилъ ухо къ его губамъ.

— Гнусный... Іуда... Искаріотъ... такія слова услыхалъ игрокъ.

Въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи онъ не замѣтилъ, какъ ухо его попало между зубовъ умирающаго. Олимпіо напрягъ послѣднія силы, крѣпко сжалъ зубами его ухо и испустилъ духъ. Когда игрокъ съ большими усиліями освободилъ свое ухо изъ зубовъ умершаго, онъ сталъ растирать его рукою, чтобы утишить боль, и затѣмъ быстро побѣжалъ въ городъ.

На другой день раннимъ утромъ Марціо отправился на пристань и взошелъ на судно, готовившееся къ отплытію въ Трапани. Когда онъ былъ уже на ступенькахъ судна, красный плащъ его упалъ въ море. Пока матросы старались вытащить баграми плащъ изъ воды, на пристани показалась подозрительная группа людей, направлявшихся къ судну. Марціо закричалъ матросамъ, чтобы они оставили плащъ и скорѣе подняли якорь, но было уже поздно: пришедшіе задержали судно именемъ вице-короля. Марціо хотѣлъ броситься въ море, но судебные служителя уже схватили его за платье.

— Воля Божья! воскликнулъ Марціо и безъ сопротивленія отдался сбирамъ.

Сбиры заковали его въ кандалы, набросили на него добытый изъ воды красный плащъ и увели въ городъ.

Когда Марціо привели въ управленіе, намѣстникъ очень обрадовался, надѣясь, что это дѣло вернетъ ему утраченную милость вице-короля. Это было для него тѣмъ важнѣе, что въ послѣднее время, когда вице-король посѣтилъ управленіе, помощникъ намѣстника униженно ухаживалъ за нимъ и, очевидно, пріобрѣлъ его расположеніе. Намѣстникъ сейчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— Капитанъ, спросилъ онъ начальника сбировъ:—хорошо ли вы заковали преступника, нѣтъ никакой опасности?

— О, да! отвѣтилъ капитанъ:—я самъ надѣлъ на него кандалы.

Послѣ этого намѣстникъ обратился къ Марціо:

— Такъ это вы тотъ безбожный преступникъ, который осмѣлился совершить страшныя убійства во владѣніяхъ его католическаго величества, государя нашего, короля Филиппа... и еще въ эту ночь звѣрски и святотатственно убилъ человѣка передъ изображеніемъ Пресвятой Дѣвы...

Марціо стоялъ, точно оглушенный. Намѣстникъ бросилъ на него уничтожающій взглядъ. Тѣмъ временемъ секретарь обратился къ

Марціо съ обычными вопросами относительно его личности, обстоятельствъ преступленія и т. д. Послѣ этого намѣстникъ снова обратился къ обвиняемому съ такими словами:

— Марціо, заявляю вамъ, что вы обвиняетесь въ слѣдующихъ преступленіяхъ, которыя уже совершенно доказаны дѣлопроизводствомъ: 1) Вы, вмѣстѣ съ товарищемъ вашимъ Олимпіо, варварски и съ предварительнымъ намѣреніемъ убили графа Франческо Ченчи въ его замкѣ; 2) убійство это вы совершили по порученію всего семейства Ченчи или какого-либо изъ его членовъ; 3) въ награду за него вы получили 2000 цехиновъ; 1000 для себя и 1000 для вышеупомянутаго Олимпіо; 4) у убитаго графа Ченчи вы украли красный плащъ, обшитый золотой бахрамой, съ которымъ вы были арестованы; 5) въ прошедшую ночь вы измѣнически убили кинжаломъ вашего товарища, Олимпіо Джерако. Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ вы должны сознаться подъ присягою, причемъ ваше сознаніе нужно не потому, чтобы судъ нуждался еще въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, а лишь для вашего блага, какъ въ сей земной жизни, такъ и въ будущей.

Секретарь взялъ распятіе и протянулъ его обвиняемому со словами:

— Говорите: клянусь передъ изображеніемъ распятаго Христа...

Однако, Марціо отказался дать присягу.

— Вы, конечно, не захотите подвергнуться этимъ испытаніямъ... сказалъ секретарь, указывая глазами на орудія пытки.

— Какое вамъ до этого дѣло! сердито прервалъ его намѣстникъ.—Это его неотъемлемое право! Я понимаю, обратился онъ къ Марціо:—вы хотите воспользоваться правомъ, предоставленнымъ вамъ закономъ. Палачъ Джачинто, теперь очередь за вами.

Палачъ съ ловкостью художника взялся за дѣло и съ помощью своихъ слугъ моментально раздѣлъ Марціо, связалъ и поднялъ за руки вверхъ. Марціо выносилъ самыя страшныя мученія, не издавъ ни одного вздоха. Когда его постепенно опустили на землю, вся его жизнь моментально вспомнилсаь ему: печальная, тяжелая жизнь, полная невзгодъ и несчастій.

— Черезъ четверть часа, Джачинто, вы начнете пытку посредствомъ встряхиванія, сказалъ намѣстникъ.—Если обвиняемый до тѣхъ поръ захочетъ пить, дайте ему воды съ уксусомъ. Проговоривъ эти слова, намѣстникъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ удалиться.

— Синьоръ намѣстникъ! воскликнулъ Марціо слабымъ голосомъ, съ трудомъ удерживаясь отъ рыданія.—Если бы я сознался, могу ли я разсчитывать на милость?

— Сынъ мой, мягко отвѣтилъ намѣстникъ:—я сдѣлаю, что могу. Я буду просить вице-короля; герцогъ, государь нашъ, великодушенъ. А вы, секретарь, занесите въ протоколъ, что обвиняемый рѣшился сознаться, слѣдовательно, обвиненія вѣрны и основательны. Чего же ты хочешь, сынъ мой? Откройся предо мною, какъ предъ роднымъ отцомъ.

— Если я сознаюсь, скоро ли я тогда умру?

— О, въ этомъ отношеніи ты можешь [illegible]ложиться на вице-короля... Я съ своей стороны также [illegible] тебѣ...

— Въ такомъ случаѣ у меня лишь одно желаніе... пусть меня казнятъ не черезъ повѣшеніе, а чрезъ отсѣченіе головы...

— Послушай меня: что касается твоего перваго желанія, чтобы тебя казнили возможно скорѣе, то въ этомъ отношеніи ты можешь быть спокоенъ,—это я беру на себя; о второмъ же твоемъ желаніи я долженъ еще снестись съ вице-королемъ: это не малая привилегія, отсѣченіе головы! Здѣсь это привилегія дворянства и оно вполнѣ основательно дорожитъ ею. Но, чтобы доставить тебѣ удовольствіе, мой милый, я попрошу вице-короля.

Марціо опустилъ голову: глаза его были закрыты, но изъ нихъ катились слезы...

— Ну, говори теперь, продолжалъ намѣстникъ:—изложи свое сознаніе...

Марціо стоялъ, точно во снѣ, и молчалъ. Намѣстникъ схватилъ его за плечо. Марціо открылъ глаза и спросилъ:

— Чего вы хотите отъ меня?

— Исполни свое обѣщаніе, сознайся.

— Какъ сознаться? Такъ скоро? Гдѣ же священникъ?

— Дѣло идетъ не объ исповѣди, мой милый: она будетъ позже. Теперь дѣло идетъ о сознаніи передъ судомъ: сперва молнія, а громъ будетъ послѣ,—понимаешь?

— Но въ чемъ же мнѣ собственно сознаться?

— Хорошо сказано! А въ томъ, что я тебѣ раньше прочелъ, мой милый. Или, можетъ быть, прочесть тебѣ еще разъ?

— Ахъ, нѣтъ! Какъ бы тамъ не было, смерть я все равно заслужилъ.

— Такъ сознайся же и подтверди всѣ обвиненія.

— Хорошо, если вы этого хотите, только скорѣе, казните меня.

— Попробуй, другъ мой, не сможешь ли ты подписать свое имя на этой бумагѣ. Дайте сюда перо! Такъ, возьми его... медленно... тремя пальцами, мой милый...

Но пальцы Марціо были слабы: перо выскользнуло изъ нихъ, причемъ онъ зѣвнулъ и проговорилъ:

— Насколько великодушнѣе убійцы въ лѣсу, чѣмъ въ судѣ... Нѣтъ, я не могу подписать...

— Вы, другъ Джачинто, могли бы обращаться съ обвиняемымъ нѣсколько мягче во время пытки, сказалъ намѣстникъ, взглянувъ на палача съ выраженіемъ упрека.

— Что вы говорите, эччеленца? Я обращался съ нимъ такъ нѣжно, какъ невѣста съ женихомъ. Право, если бы мнѣ даже васъ пришлось пытать, я не могъ бы работать чище.

Намѣстникъ, занятый Марціо, не обратилъ вниманія на эти слова. Но такъ какъ Марціо не удалось принудить подписать свое имя, то намѣстникъ велѣлъ закончить обвинительный актъ надлежащими формулами, восполняющими подпись обвиняемаго. Когда протоколъ былъ составленъ, подписанъ, снабженъ печатью и посыпанъ пескомъ, намѣстникъ сложилъ его и спряталъ въ карманъ.

— Теперь позаботьтесь объ этомъ бѣдномъ человѣкѣ, сказалъ онъ уходя:—помните, что онъ такой же христіанинъ, какъ и вы.

Если земное правосудіе не можетъ его простить, то, можетъ быть, проститъ его правосудіе небесное. Кто знаетъ! Можетъ быть, мы будемъ нуждаться въ его заступничествѣ на небѣ... Покормите его,—необходимо, чтобы онъ былъ живъ.

Марціо впалъ въ прежнее полубезсознательное состояніе.

Намѣстникъ поспѣшилъ въ палаццо неаполитанскаго вице-короля, дона Пьетро Джиронэ, герцога Осунскаго. Проходя чрезъ переднія, онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что стража не спѣшитъ доложить о его приходѣ: если его не уважаютъ, какъ синьора Дженнаро Боккале, то, по крайней мѣрѣ, должны бы бояться, какъ человѣка, который во всякую минуту можетъ отправить ихъ на висѣлицу. Но еще большее оскорбленіе ожидало его въ послѣдней комнатѣ, гдѣ лишь нескоро-нескоро подошелъ къ нему секретарь и спросилъ, что ему нужно. Намѣстникъ отвѣтилъ, что желаетъ видѣть вице-короля по особенно важному дѣлу. Секретарь сказалъ, что вице-король занятъ еще болѣе важными дѣлами и поэтому не можетъ дать аудіенціи.

— Но дѣло, по которому я пришелъ, касается охраны порядка въ королевскихъ владѣніяхъ.

— Пусть такъ; но все это не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ важностью тѣхъ дѣлъ, которыми теперь занятъ милостивый герцогъ, вице-король.

Намѣстникъ иронически улыбнулся и сказалъ:

— Я позволю себѣ спросить, откуда же вы узнали, по какому именно дѣлу я пришелъ?

Придворный находчиво отвѣтилъ:

— Вашего дѣла я не знаю, но мнѣ извѣстно, чѣмъ занятъ вице-король. Я знаю, что мало такихъ дѣлъ, которыя по важности могли бы сравняться съ его занятіями, а важнѣе ихъ, разумѣется, не можетъ быть ничего.

Этотъ отвѣтъ совершенно обезоружилъ намѣстника.

Намѣстникъ вынужденъ былъ изложить секретарю дѣло, по которому онъ пришелъ; секретарь спокойно выслушалъ его, взялъ у него бумаги, повернулся и ушелъ.

— Кто васъ звалъ, Иниго? спросилъ вице-король вошедшаго секретаря.

Придворный почтительно отвѣтилъ:

— Свѣтлѣйшій герцогъ, пришелъ намѣстникъ и настаиваетъ, чтобы я доложилъ вашей свѣтлости о его дѣлѣ, отъ котораго, по его словамъ, зависитъ безопасность государства. Я съ трудомъ помѣшалъ ему ворваться сюда и взялъ у него бумаги, чтобы избавить вашу свѣтлость отъ этого назойливаго посѣщенія.

— Мы привыкли, величественно отвѣтилъ герцогъ:—отказывать себѣ въ томъ, что въ изобиліи есть у всѣхъ,—въ минутахъ отдыха. Изложите, донъ Иниго, въ чемъ дѣло?

— Свѣтлѣйшій герцогъ, бандитъ изъ Церковной области въ позапрошлую ночь убилъ своего товарища у капеллы Пресвятой Дѣвы. Арестованный на слѣдующее утро, онъ во время пытки со-

знался въ своихъ преступленіяхъ. Намѣстникъ, въ виду добровольнаго сознанія преступника, приговорилъ его безъ дальнѣйшаго разбирательства дѣла къ смертной казни.

— Развѣ это пустое дѣло подписать смертный приговоръ? Обречь кого-либо на смертную казнь и подвергнуться ей—какое различіе, какая пропасть раздѣляетъ эти два положенія!—Онъ обмокнулъ перо въ чернила, повернулся къ балкону, поднялъ глаза вверхъ и продолжалъ:—Ахъ, солнце, зачѣмъ ты такъ безконечно прекрасно, когда мы такъ скоро не будемъ видѣть тебя! Твой свѣтъ долженъ бы падать лишь на то. что достойно тебя. Только ночь должна видѣть наказаніе преступленій, совершенныхъ въ ея мрачномъ лонѣ, и я, право, не знаю, зачѣмъ омрачать ясный день карой за преступленія, которыхъ онъ не освѣщалъ своимъ свѣтомъ.

Герцогъ сталъ внимательно читать акты, но затѣмъ оставилъ ихъ и сказалъ:

— Вы заставляете меня читать акты, которыхъ вы сами не читали, хотя обязаны были прочесть. Дѣло это, можно сказать, еще и не началось. Человѣка этого нужно отослать подъ конвоемъ въ Римъ; пошлите также докладъ, но составьте его такъ, чтобы его святѣйшество былъ доволенъ. Подумайте: хотя преступленіе совершено на нашей территоріи, но въ дѣло, повидимому, замѣшаны высокопоставленные и вліятельные люди въ самомъ Римѣ. Что же касается намѣстника, то я какъ-то посѣтилъ управленіе и замѣтилъ, что онъ часто отлучается, отчего не могутъ не страдать дѣла. Къ тому же онъ кажется мнѣ слишкомъ разсѣяннымъ и затѣмъ старость ослабила его умъ, который, впрочемъ, и въ молодые годы былъ не особенно великъ. Приготовьте распоряженіе объ увольненіи его въ отставку... Мѣсто его пусть займетъ теперешній помощникъ намѣстника, человѣкъ подходящій и благовоспитанный...

Секретарь вышелъ отъ герцога, сильно угнетенный. Недовольство начальника чиновникъ обыкновенно даетъ почувствовать подчиненнымъ, тѣ—своимъ подчиненнымъ и т. д., и т. д. Оно, какъ камень, брошенный съ горы, катится все дальше и дальше до самаго низкаго пункта—или нѣтъ: искра начальническаго гнѣва скорѣе всего проникаетъ въ самый отдаленный пунктъ, гдѣ она разсыпается на столько частей, что на нее уже не обращаютъ вниманія. Раздраженный секретарь прошелъ мимо намѣстника и только проговорилъ: «подождите!» Минутъ черезъ двадцать онъ снова прошелъ мимо намѣстника въ комнату вице-короля и еще болѣе недовольнымъ тономъ сказалъ: «подождите!» Проходя мимо него въ третій разъ, онъ опять проворчалъ: «подождите!». Какъ цвѣтокъ подсолнечника обращается во всѣ стороны къ солнцу, такъ и голова намѣстника, только гораздо быстрѣе, обращалась къ дверямъ комнатъ то вице-короля, то секретаря. Наконецъ, секретарь появился въ четвертый разъ, подалъ намѣстнику запечатанный пакетъ и молча удалился. Намѣстникъ ушелъ.

Вернувшись въ управленіе, онъ сѣлъ на свое судебное мѣсто. По сторонамъ сѣли: помощникъ намѣстника, секретари, писцы; затѣмъ вошли сбирры, палачъ; служители привели или, точнѣе, внесли на рукахъ обвиняемаго, такъ какъ онъ, измученный пыт-

кою, не могъ держаться на ногахъ и лежалъ, свѣсивъ голову, какъ пьяный. Намѣстникъ поднялъ голову и, увидѣвъ, что всѣ взоры обращены на него, высокомѣрно посмотрѣлъ кругомъ, вскрылъ пакетъ, наклонился, чтобы прочесть бумагу, и только воскликнулъ:

— Какъ?.. Что?.. Какое предательство!..

— Въ чемъ дѣло? Что случилось? послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Меня предали хуже, чѣмъ самого Христа!.. воскликнулъ намѣстникъ и закрылъ глаза руками.

Помощникъ намѣстника, сидѣвшій возлѣ него, какъ шакалъ возлѣ гіены, взглянулъ на бумагу и, увидѣвъ тамъ свое имя, сразу догадался, въ чемъ дѣло. Онъ схватилъ бумагу, прочелъ ее: оказалось, что это распоряженіе объ увольненіи дона Дженнаро Боккале и о назначеніи намѣстникомъ его бывшаго помощника. Онъ едва не подскочилъ отъ радости, разсмѣялся, всплеснулъ руками, но затѣмъ, овладѣвъ собою, многозначительно взглянулъ на своего бывшаго начальника и проговорилъ:

— Адвокатъ Боккале (онъ сразу лишилъ его прежняго титула), будьте увѣрены, что я глубоко тронутъ вашимъ несчастьемъ,—тѣмъ болѣе, что я вынужденъ просить васъ завтра же очистить и передать мнѣ вашу квартиру.

— Я знаю, господинъ помощникъ, что на васъ надѣяться невозможно. Впрочемъ, я уйду изъ квартиры по лѣстницѣ: смотрите, какъ бы вамъ не пришлось вылетѣть изъ нея черезъ окно.

Съ этими словами донъ Дженнаро поднялся и вышелъ изъ управленія съ видомъ Сципіона, отправляющагося въ изгнаніе. Новый намѣстникъ прочелъ постановленіе объ отправкѣ Марціо подъ конвоемъ къ губернатору Рима и исполнилъ его со всей точностью, по пословицѣ: новая метла чисто мететъ.

ГЛАВА XIX.

Пытка.

Беатриче любила осеннее солнце, вечернія сумерки и длинныя тѣни солнечнаго захода. Часто ходила она съ донной Луизой по улицамъ Рима въ сопровожденіи лакеевъ и слугъ, какъ это было тогда принято у римскихъ патриціевъ. Гуляя такъ, онѣ однажды попали на площадь Фарнезэ и оттуда по Савельской улицѣ дошли до via Iulia. Посреди нѣ этой улицы онѣ увидѣли большое зданіе безъ оконъ съ низкими воротами и распятіемъ надъ ними. Это была тюрьма, произведшая на Беатриче крайне тяжелое впечатлѣніе. Къ вечеру онѣ вернулись домой. Графъ Джакомо переѣхалъ со своимъ семействомъ въ старый замокъ Ченчи, и такимъ образомъ теперь всѣ жили вмѣстѣ. Какое-то тяжелое предчувствіе подавляло Беатриче.

Ченчи имѣли широкій кругъ знакомыхъ, но въ этотъ вечеръ никто еще къ нимъ не пришелъ, хотя на колокольняхъ пробило уже восемь. Семейство Ченчи скучало, и донна Луиза стала

читать вслухъ. Въ эту минуту вошелъ безъ доклада молодой человѣкъ красивой наружности со свѣтлыми волосами и темными глазами. Онъ молча остановился у порога и смотрѣлъ на присутствующихъ. Онъ хотѣлъ уже уйти, чтобы не мѣшать чтенію, но графъ Джакомо замѣтилъ его и удержалъ.

На монсиньора Гвидо Гверру смотрѣли въ семьѣ Ченчи, какъ на жениха Беатриче: въ Римѣ это было извѣстно, и римская молодежь завидовала ему. Въ семействѣ Ченчи знали, что папа отнесется къ этому неодобрительно. Кардиналъ Маффео Барберини, человѣкъ очень вліятельный, былъ сердечно расположенъ къ Гвидо и постоянно сообщалъ ему о настроеніи двора, и Гвидо уже зналъ, чего ему держаться. Узнавъ отъ этого своего друга, что просьба Беатриче отклонена папой. Гвидо старался не попадаться ему на глаза, чтобы не возбудить какого-либо подозрѣнія.

Теперь онъ подошелъ къ Беатриче, сѣлъ возлѣ нея и хотѣлъ взять ее за руку, но Беатриче встала и увела его въ сторону, въ оконную нишу, гдѣ они скрылись за широкими занавѣсками. Не больше одной минуты пробыли они тамъ и за эту минуту отношенія ихъ совершенно измѣнились. Беатриче какъ топоромъ перерубила цѣпь, связывавшую ихъ, высказавъ свое сомнѣніе, что если бы она отдала свою руку убійцѣ отца, то не было ли бы это участіемъ въ отцеубійствѣ.

Гвидо, взволнованный ея словами, пробылъ нѣсколько минутъ, чтобы скрыть свое волненіе, и затѣмъ, придумавъ благовидный предлогъ, ушелъ. Онъ уже былъ въ отдаленной улицѣ, какъ одинъ изъ слугъ догналъ его и сказалъ:

— Кардиналъ Маффео прислалъ отъ губернатора лакея и велѣлъ передать вамъ эти шпоры.

— Шпоры? А не сказалъ онъ ничего?

— Да, онъ говорилъ, что кардиналъ, вернувшись изъ деревни, отправился въ палаццо монсиньора Таверны, который ожидалъ его: они пробыли нѣсколько времени наединѣ, затѣмъ кардиналъ пріотворилъ дверь, далъ лакею шпоры, сказавъ: „возможно скорѣе передай монсиньору Гверрѣ“, и снова заперъ за собою дверь.

Гвидо стоялъ нѣсколько времени, погрузившись въ размышленія; затѣмъ вдругъ воскликнулъ:

— Да, понимаю!..

Послѣ ухода Гвидо, въ домѣ Ченчи воцарилась какая-то грусть; всѣ молчали: тишина прерывалась лишь шелестомъ занавѣски, когда снаружи дулъ тихій вѣтерокъ. Каждый изъ присутствовавшихъ желалъ удалиться къ себѣ, но, по обыкновенію, никто не рѣшался сдѣлать это первымъ. Вдругъ, послышался какой-то странный шумъ... Онъ все усиливался... можно уже было разслышать шаги значительнаго числа людей и бряцанье оружія. Графъ Джакомо всталъ и не безъ изумленія подошелъ къ двери, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Въ это время дверь съ шумомъ отворилась, и толпа сбировъ наполнила не только комнату, въ которой были Ченчи, но и весь домъ. Нѣкоторые изъ нихъ стали съ обнаженными шпагами у дверей, чтобы никто не могъ выйти изъ комнаты.

— По приказанію монсиньора Таверны, вы арестованы! про-

кричалъ какой-то маленькій, уродливый человѣкъ, подбоченившись для большей важности.

— По какой причинѣ? спросилъ Джакомо, тщетно стараясь придать своему голосу выраженіе спокойствія и самоувѣренности.

— Это вы узнаете въ свое время и въ своемъ мѣстѣ... А теперь позвольте...

Онъ проговорилъ послѣднія слова точно въ насмѣшку, потому что, не дожидаясь позволенія, сейчасъ же обыскалъ Джакомо съ головы до ногъ и затѣмъ шутливо спросилъ:

— Вы не носите при себѣ оружія? Скажите правду для вашей же пользы.

— Вы, кажется, собственными руками могли убѣдиться въ этомъ, отвѣтилъ Джакомо.

Другіе сбиры съ такой же наглостью тщательно обыскивали Лукрецію и Беатриче, которыя, растерявшись отъ этой неожиданности, не сопротивлялись, а только плакали. Одинъ грубый и пьяный сбиръ протянулъ руку, чтобы притронуться къ груди Беатриче, но, раньше чѣмъ онъ могъ сдѣлать это, она со всею силою ударила его по щекѣ. Товарищи сбира засмѣялись и одинъ изъ нихъ сказалъ, точно въ утѣшеніе:

— Пощечина, данная женщиной, не оставляетъ слѣдовъ!

— Чортъ возьми! Кошка царапается, отвѣтилъ получившій пощечину съ притворной веселостью.

Другой сбиръ, отъ котораго страшно разило табакомъ и еще какимъ-то непріятнымъ запахомъ, назойливо пытался обыскать донну Луизу, но начальникъ крикнулъ:

— Оставь ее: относительно нея не было приказанія.

Дѣти, спавшія въ сосѣдней комнатѣ, проснулись отъ этого шума и стали громко плакать. Донна Луиза направилась туда, но сбиръ, стоявшій у дверей, поднялъ обнаженную шпагу и проговорилъ:

— Не велѣно пускать!

Однако, донна Луиза отвела рукою шпагу и прошла къ дѣтямъ.

Когда все было обыскано, начальникъ сбировъ велѣлъ отправляться въ путь.

— Куда же вы насъ ведете? спросили арестованные.

— Это вы сами увидите.

Донна Луиза хотѣла обнять и утѣшить мужа, но сбиръ сурово оттолкнулъ ее.

Во дворѣ стояло нѣсколько каретъ съ опущенными занавѣсками. Арестованныхъ усадили въ эти экипажи и въ сопровожденіи отряда сбирровъ отправили въ тюрьму. Эти экипажи проѣхали мимо Гвидо, шедшаго въ сопровожденіи слуги. Узнавъ отъ собравшейся толпы, въ чемъ дѣло, Гвидо хотѣлъ было броситься къ экипажамъ, но слуга удержалъ его.

Вернувшись къ себѣ, Гвидо написалъ прощальное письмо къ матери, переодѣлся, взялъ съ собою достаточное количество денегъ и вышелъ потайнымъ ходомъ на улицу. Вскорѣ онъ встрѣтилъ толпу сбировъ, шедшихъ по направленію къ его дому, но они не узнали его. Гвидо отпустилъ своего слугу и окольными улицами направился къ Porta Angelica. Проходя по отдаленнымъ улицамъ Р[illegible]чывая все-

возможные планы, онъ замѣтилъ свѣтъ въ окнѣ подвальнаго этажа одного дома. Заглянувъ въ это окно, онъ увидѣлъ группу угольщиковъ, кутившихъ за столомъ. Гвидо вспомнилъ о хозяинѣ гостинницы Ферраты, вспомнилъ также лозунгъ, сообщенный ему тогда хозяиномъ, и пошелъ къ угольщикамъ. Когда онъ вошелъ, угольщики съ испугомъ вскочили; Гвидо произнесъ условленный лозунгъ и далъ надлежащіе отвѣты на предложенные ему, условленные вопросы.

— Хорошо, сказалъ одинъ изъ угольщиковъ,—больше ничего не надо. Меня только удивляетъ ваше появленіе среди насъ, людей бѣдныхъ, несчастныхъ и угнетенныхъ. Можетъ быть, вы спасаетесь отъ преслѣдованія? Чего вы хотите? Какой помощи вы желаете отъ насъ? Пойдемъ въ болѣе укромное мѣстечко.

Гвидо не зналъ, какъ понимать эти слова, потому что въ подвалѣ не было другихъ дверей, однако вскорѣ дѣло разъяснилось. Угольщики разгребли большую кучу угля, вынули изъ пола большую четыреугольную плиту и подъ нею оказался потайной ходъ въ другое помѣщеніе. Гвидо съ однимъ угольщикомъ спустился туда, послѣ чего ходъ былъ снова закрытъ плитой и ее снова завалили углемъ. Въ этомъ второмъ помѣщеніи оказалось множество дорогихъ вещей. Угольщики съ незапамятныхъ временъ состояли въ сношеніяхъ съ бандитами; нѣкоторые изъ нихъ занимались одновременно обоими этими ремеслами. Награбленныя драгоцѣнности отправлялись въ городъ, здѣсь серебро сплавлялось и сбывалось черезъ надежныхъ посредниковъ.

Гвидо сообщилъ своему новому другу, въ чемъ дѣло, какая опасность угрожаетъ ему, и просилъ совѣта и помощи. Угольщики, обыкновенно, дважды въ недѣлю отправлялись въ городъ: когда одинъ караванъ приходилъ съ грузомъ въ городъ, другой возвращался въ Кампанью. Угольщикъ, съ которымъ говорилъ Гвидо, лишь наканунѣ прибылъ въ Римъ и готовился отправиться въ обратный путь только черезъ три дня вечеромъ. Поэтому онъ сдѣлалъ Гвидо такое предложеніе:

— Завтра я пошлю нашихъ людей къ городскимъ воротамъ, нѣтъ ли чего новаго. Вы тѣмъ временемъ остригите волосы и бороду и переодѣньтесь въ наше платье,—тогда вы и сами себя не узнаете. Потомъ одинъ изъ нашихъ то варищей хромаетъ: онъ научитъ васъ, что сдѣлать, чтобы вы по походкѣ и голосу были совершенно похожи на него. Завтра на разсвѣтѣ вы возьмете двухъ муловъ и повезете уголья на продажу: разговаривать много съ покупателями не приходится, къ тому же вы можете взять въ ротъ нѣсколько камешковъ, отчего щеки ваши станутъ полнѣе. Люди примутъ васъ за нашего хромого и во всякомъ случаѣ привыкнутъ видѣть васъ: этимъ способомъ я, съ Божьею помощью, спасу васъ.

Гвидо скоро остригъ волосы и бороду и переодѣлся. На слѣдующее утро этотъ красивѣйшій изъ римскихъ аристократовъ ходилъ по городу въ видѣ отвратительнаго угольщика, хриплымъ голосомъ предлагалъ покупателямъ уголья и приэтомъ страшно хромалъ.

Черезъ три дня угольщики безпрепятственно вышли изъ воротъ Рима; съ ними былъ и Гвидо.

Кареты, въ которыхъ везли арестованныхъ Ченчи, остановились. Едва Беатриче вышла изъ кареты, она при свѣтѣ фонарей, которые несли служителя, увидѣла распятіе надъ низкими воротами тюрьмы, на которое она еще нѣсколько часовъ тому назадъ смотрѣла съ via Iulia. Ее провели въ ворота. Обернувшись, чтобы взглянуть на своихъ родныхъ, она увидѣла, что ихъ уже отдѣляетъ отъ нея значительное разстояніе, наполненное вооруженными сторожами; какъ потерпѣвшіе крушеніе, окруженные морскими волнами, родственники перекликнулись прощальными словами, которыя какъ-то особенно печально прозвучали въ корридорахъ этой обширной тюрьмы.

Беатриче еще долго вели по корридорамъ, то поднимавшимся вверхъ, то опускавшимся внизъ; наконецъ, ее привели въ назначенное ей помѣщеніе. Дверь захлопнулась; засовъ со скрипомъ задвинулся и дважды щелкнулъ замокъ. Беатриче очутилась въ темномъ, холодномъ, сыромъ помѣщеніи; она не рѣшалась сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ и не знала, въ какую сторону идти. Съ тяжелыми мыслями она оперлась о стѣну. Вдругъ, дверь съ шумомъ, извѣстнымъ только въ тюрьмѣ, снова отворилась, вошла толпа грязныхъ людей съ водою и другими необходимыми принадлежностями; затѣмъ, люди эти, не говоря ни слова, удалились и съ грохотомъ заперли дверь. Беатриче замѣтила у стѣны скамью, подошла ощупью и опустилась на нее, но вдругъ вскочила, испуганная страшнымъ шумомъ. Это ворвались прежніе люди; они принесли соломенный тюфякъ, покрытый шкурами, и затѣмъ снова ушли. Беатриче легла на это ложе безъ всякихъ мыслей и желаній, подавленная и безпомощная. Невыплаканныя слезы душили ее. Ночью ей послышались какіе-то стоны; они становились все тише и тише; наконецъ, Беатриче послышалась тихая молитва умирающаго. Это не было обманомъ чувствъ: въ сосѣдней камерѣ ночью умеръ одинъ заключенный. Время отъ времени раздавался бой часовъ, назойливо выбивавшихъ каждую четверть часа. Когда же Беатриче, послѣ мучительно-безсонной ночи, къ разсвѣту закрыла глаза, зазвенѣлъ колокольчикъ, послышался топотъ трехсотъ человѣкъ, грохотъ столькихъ же дверей, лязгъ кандаловъ и ключей. Затѣмъ поднялся шумъ и стукъ рабочихъ инструментовъ, а когда работы арестантовъ прекратились, снова раздался прежній топотъ и грохотъ въ перемежку съ лязгомъ желѣза. Все это доносилось среди глубокаго мрака, такъ что Беатриче не знала, ослѣпла ли она, или ее обрекли на вѣчное пребываніе въ темнотѣ. Осматривая свою камеру, она замѣтила, что это помѣщеніе имѣло шесть шаговъ въ длину и ширину; съ четырехъ сторонъ поднимались высокія стѣны, сходившіяся вверху подъ тупымъ угломъ; на самомъ верху находилось отверстіе, но оно было заложено толстыми желѣзными жердями, такъ что неба нельзя было видѣть. Въ такой норѣ августовскаго полудня невозможно отличить отъ декабрьскаго вечера. Беатриче поняла, что въ царствѣ зла двѣ вещи не имѣютъ предѣловъ: мученія ада на томъ свѣтѣ, а на этомъ—изобрѣтательность людей въ придумываніи мукъ для своихъ ближнихъ.

Позже Беатриче принесли хлѣбъ, плохое вино и отвратительный

супъ. Беатриче рѣшилась взглянуть на лица тюремныхъ сторожей. Къ какому классу животныхъ принадлежатъ эти люди,—кто можетъ опредѣлить? Одинъ изъ нихъ напоминалъ собою египетскій іероглифъ съ головой ястреба на человѣческомъ туловищѣ; другой былъ похожъ на гнилой помидоръ, запачканный известью; такъ изуродовала злокачественная сыпь его лицо. Въ этой страшной тюрьмѣ все подходило одно къ другому, все было одинаково отвратительно.

Много странныхъ фигуръ пронеслось передъ глазами Беатриче въ этотъ печальный день. Вотъ входитъ человѣкъ, прилично одѣтый съ большими ушами, похожими на морскія раковины, со вздернутымъ носомъ и толстыми губами, выступающими впередъ, какъ у обезьяны. Осмотрѣвъ внимательно камеру, онъ велѣлъ перевесть Беатриче въ лучшее помѣщеніе и обставить ее большими удобствами въ дозволенныхъ предѣлахъ.

На четвертый день въ камеру Беатриче вошли два человѣка, одѣтые въ черное платье. Одинъ изъ нихъ, повидимому, человѣкъ сострадательный, назвалъ себя тюремнымъ врачемъ, предложилъ Беатриче нѣсколько вопросовъ относительно ея здоровья, внимательно осмотрѣлъ ее, пощупалъ пульсъ. Затѣмъ эти люди ушли. Это былъ врачъ и сопровождавшій его секретарь суда.

— Я сразу же убѣдился, что нѣтъ основанія сомнѣваться въ ея здоровьѣ, но я хотѣлъ удостовѣриться, потому что—понимаете?—гуманность прежде всего, сказалъ врачъ.—Она въ состояніи вынести пытку,—пульсъ правиленъ и исключаетъ всякое подозрѣніе относительно беременности.

— Будьте любезны, отвѣтилъ секретарь:—напишите надлежащее свидѣтельство для пріобщенія къ дѣлу.

Секретарь со свидѣтельствомъ въ рукахъ направился въ помѣщеніе, гдѣ производились допросы. Это была большая комната; въ ней стоялъ большой столъ, покрытый чернымъ сукномъ, такого же цвѣта была и обивка стульевъ; за предсѣдательскимъ мѣстомъ висѣло на стѣнѣ огромное распятіе изъ чернаго дерева.

Изъ судей еще не было никого, и секретарь разставилъ стулья, положилъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ свидѣтельство врача и затѣмъ принялся очищать отъ воска большіе бронзовые подсвѣчники и распятіе изъ того же металла, стоявшее между ними на столѣ. Это распятіе раньше бывало раскаляли и давали цѣловать лицамъ, обвинявшимся въ ереси: когда обвиняемые, цѣлуя его, отшатывались, то, это служило несомнѣннымъ доказательствомъ, что они отвергаютъ Спасителя, а Спаситель отвергаетъ ихъ. Затѣмъ секретарь привелъ въ порядокъ чернильницы, очинилъ нѣсколько перьевъ и разставилъ ихъ на столѣ.

Недалеко отъ судейскаго мѣста была желѣзная рѣшетка, отдѣлявшая залу отъ другого помѣщенія, въ которомъ тоже появился человѣкъ и приводилъ въ порядокъ принадлежности своего ремесла: это былъ знаменитый римскій палачъ Алессандро. Здѣсь стояли столбы, соединенные поперечной перекладиной; въ верхнихъ частяхъ ихъ были прикрѣплены блоки, съ которыхъ спускались веревки. На полу лежали куски свинца, которые посредствомъ веревки

опускали съ большей или меньшей быстротой на ноги подвѣшеннаго человѣка для сотрясенія его тѣла. Затѣмъ здѣсь были всякія иныя приспособленія для пытокъ, какія только могла придумать грубость и жестокость людей. Все это палачъ Алессандро осматривалъ, разставляя вещи въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ употреблялись, и вытирая кровь, оставшуюся отъ прежнихъ пытокъ.

Тѣмъ временемъ вошелъ второй секретарь и двое судей, вѣжливо привѣтствуя другъ друга и разговаривая о погодѣ, о здоровьѣ и о своихъ женахъ. Одинъ изъ судей Чезаре Лючіани имѣлъ отвратительную наружность: голова его была похожа на коробку, а лицо имѣло зеленоватый цвѣтъ, какъ испорченное сало, смѣшанное съ купоросомъ. Онъ жаловался на ревматизмъ, на кашель, и секретарь Рибальделла, видѣвшій въ немъ своего покровителя, трогательно умолялъ его беречь свое здоровье. У другого судьи, который считался добрымъ и мягкимъ, было багровое лицо, похожее на большую бутылку, наполненную краснымъ винóмъ.

Когда они весело болтали, привратникъ возвѣстилъ о приходѣ предсѣдателя. Всѣ смолкли и обернулись въ ту сторону, гдѣ имѣло появиться это свѣтило. Улиссэ Москати приближался медленными, тяжелыми шагами. Какъ ни привыкъ этотъ человѣкъ къ исполненію своихъ обязанностей, ужасъ и отвращеніе постоянно овладѣвали имъ, когда онъ занималъ свое судейское мѣсто. Онъ былъ человѣкъ добрый по природѣ, но семейныя соображенія заставили его взять эту должность, какъ ни противна была она ему. Не имѣя достаточно силы воли, чтобы обуздывать другихъ, онъ предоставлялъ имъ дѣлать, что угодно. Такіе чиновники были особенно пріятны теократическому правительству.

Обмѣнявшись привѣтствіями съ товарищами и подчиненными, Москати сѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Увидѣвъ медицинское свидѣтельство о состояніи здоровья Беатриче, онъ дважды прочелъ его и затѣмъ сказалъ:

— Обвиняемую, очевидно, можно подвергнуть пыткѣ, насколько это окажется нужнымъ.

— О, да, конечно!.. воскликнулъ Лючіани.

— Я только не увѣренъ, замѣтилъ Москати:—нѣтъ ли препятствій со стороны закона,—обвиняемой минуло всего лишь пятнадцать лѣтъ...

— О, у меня съ этой стороны нѣтъ никакихъ сомнѣній. Во-первыхъ, извѣстно, что при тяжкихъ преступленіяхъ возрастъ обвиняемаго вовсе не принимается въ соображеніе. Затѣмъ, по нашимъ законамъ, мужчина совершеннолѣтенъ въ четырнадцать лѣтъ, а женщина уже въ одиннадцать. Но насколько вообще здѣсь возрастъ неваженъ, это доказываетъ слѣдующій примѣръ: когда папѣ Сиксту V однажды доложили, что обвиняемаго нельзя приговорить къ смертной казни, потому что онъ еще не достигъ установленнаго закономъ возраста, святой отецъ мудро отвѣтилъ: если преступнику не хватаетъ только лѣтъ, то можете смѣло казнить его, такъ какъ я охотно уступлю ему съ десятокъ изъ своихъ лѣтъ.

Судья Валентино Туки прибавилъ:

— Я замѣчу еще, что случай, по которому были сказаны эти слова, не представлялъ собою такого тяжкаго преступленія, какъ настоящее.

— Совершенно вѣрно, сказалъ Лючіани, удивляясь, какъ ему раньше не пришло въ голову это соображеніе.

Предсѣдатель ничего не могъ возразить противъ этихъ доводовъ; онъ опустилъ глаза и велѣлъ привести обвиняемую. Она вошла, окруженная сбиррами, посмотрѣла на столъ, на судей, не замѣчая страшныхъ орудій пытки, стоявшихъ въ сторонѣ. Секретарь Рибальделла предложилъ ей обычные вопросы относительно ея личности; на нѣкоторые она отвѣтила спокойно, съ тѣмъ достоинствомъ, какое можетъ дать лишь сознаніе невинности.

— Дайте присягу, сказалъ Москати.

Рибальделла грубо протянулъ крестъ. Беатриче положила на него руку и проговорила слова присяги.

— Беатриче Ченчи, началъ Москати,—вы обвиняетесь—и обвиненіе достаточно доказано—въ томъ, что вы въ сообществѣ съ вашей мачихой и братьями посягнули на жизнь вашего отца. Что вы скажете на это?

— Это неправда, отвѣтила Беатриче.

— Что? Неправда? проворчалъ Лючіани, услыхавъ ея отвѣтъ.

— Вы обвиняетесь—и обвиненіе достаточно доказано—въ томъ, что, въ сообществѣ съ вышеупомянутыми родственниками вашими, вы поручили бандитамъ Марціо и Олимпіо убить графа Ченчи, за что обѣщали имъ восемь тысячъ дукатовъ.

— Это неправда.

— Сейчасъ мы увидимъ, насколько это неправда, прошипѣлъ Лючіани.

— Вы обвиняетесь—и обвиненіе достаточно доказано—въ томъ, что упомянутому Марціо вы, сверхъ вознагражденія, подарили красный плащъ съ золотой бахрамой, принадлежавшій раньше убитому графу Ченчи.

— Это неправда. Плащъ этотъ отецъ самъ подарилъ Марціо еще передъ своимъ отъѣздомъ изъ Рима въ Петреллу.

— Вы обвиняетесь—и обвиненіе достаточно доказано—въ томъ, что 9 сентября 1598 г. совершили отцеубійство. При этомъ графа сперва напоили виномъ, смѣшаннымъ съ опіемъ; когда онъ уснулъ, Олимпіо и Марціо вошли къ нему съ цѣлью убійства, но, не рѣшаясь убить спящаго, вернулись. Вы же съ Лукреціей Петрони, Джакомо и Бернардино Ченчи ожидали въ другой комнатѣ. Увидѣвъ вернувшихся убійцъ, вы стали стыдить ихъ, послѣ чего они снова вошли въ комнату, въ которой лежалъ графъ Франческо Ченчи, затѣмъ одинъ изъ нихъ приложилъ большой гвоздь къ глазу спящаго, а другой ударилъ по немъ молотомъ, такъ что гвоздь прошелъ сквозь голову и шею. Послѣ этого, получивъ плату, бандиты ушли, а вы съ вашей мачихой и братьями взяли тѣло вашего отца и бросили его въ клоаку. Что вы скажете на это?

— Синьоры, все это неправда, я все это отрицаю.

— Вы обвиняетесь—и обвиненіе достаточно доказано—въ томъ, что дали Лукреціи Кортезэ, по прозванію Манчина, для стирки

простыню съ кровавымъ пятномъ, сказавъ, будто эта кровь появилась вслѣдствіе извѣстныхъ женскихъ отправленій, затѣмъ вы обвиняетесь въ томъ, что поручили Марціо убить Олимпіо изъ опасенія, какъ бы онъ не донесъ властямъ о вашихъ преступленіяхъ. Отвѣчайте!

Беатриче стала говорить. Она указала на свою молодость и неспособность совершить такое страшное преступленіе, на отсутствіе всякихъ мотивовъ, которые могли бы побудить ее къ этому, на несообразность обвиненія, по которому убійство, будто бы, поручалось бандитамъ, когда проще было бы прибѣгнуть къ яду, тѣмъ болѣе, что и въ самомъ обвиненіи говорится, будто графа напоили опіемъ. Она говорила далѣе, что было бы странно, если бы бандиты, люди вооруженные и привыкшіе владѣть кинжалами, стали вбивать какой-то гвоздь въ голову графа, что кровавое пятно находилось на такомъ мѣстѣ простыни, на которомъ не могла лежать голова спящаго человѣка, и что было бы очень странно, если бы она съ донной Лукреціей относила трупъ графа въ клоаку, когда въ домѣ, будто бы, были бандиты.

Все это она произнесла такъ хорошо и внушительно, что присутствующіе съ изумленіемъ слушали ее. Наконецъ, Лючіани воскликнулъ:

— Чему только нельзя научиться въ школѣ діавола!

— Предупреждаю васъ, сказалъ Москати:—вы должны помнить присягу и говорить правду. Другіе обвиняемые уже сознались и ихъ показанія подтверждены пыткой...

— Какъ неужели они испугались пытки и запятнали себя ложью? О, пытка не можетъ подтвердить истинность показаній...

— Что? Пытка не подтверждаетъ показаній? воскликнулъ Лючіани, задѣтый за живое.

Если бы задѣли честь его жены, дѣтей, это не такъ оскорбило бы его. Но пытка, пытка, говорятъ, не доказываетъ истины!..

Беатриче покачала головой и продолжала:

— Донна Лукреція, женщина уже пожилая, разбитая жизнью, могла не выдержать мученій и подтвердить несправедливое обвиненіе, лишь бы избавиться отъ нихъ. Бернардино еще ребенокъ: для него не надо пытки, его конфектами можно соблазнить признать, что угодно. Джакомо жизнь давно надоѣла,—онъ радъ избавиться отъ нея. Таковы люди, подвергавшіеся пыткѣ,—неужели вы дѣйствительно думаете, что добыли у нихъ истину?

— Это еще не всѣ, замѣтилъ Москати:—еще одинъ участникъ сознался въ преступленіи.

— Кто такой?

— Марціо.

— Хорошо,—такъ пусть Марціо явится сюда и скажетъ мнѣ это въ глаза. Правда, я должна считать его способнымъ на самый дурной поступокъ, если вѣрно, что онъ далъ ложное показаніе по моему дѣлу.

Беатриче повернулась и увидѣла адскія приспособленія для пытки, которыхъ она раньше не замѣчала. Тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди. Затѣмъ она увидѣла Марціо и вздрогнула.

Закованный въ кандалы, онъ стоялъ подъ висѣлицей или, вѣрнѣе,— это была лишь тѣнь его. Исхудалое, изможденное тѣло его напоминало скелетъ, обтянутый кожей, только глаза блестѣли, точно стекляные. Можно было бы подумать, что онъ уже повѣшенъ и умеръ. Но вотъ этотъ мертвецъ пытается освободиться отъ своихъ цѣпей и броситься къ ногамъ Беатриче. Ноги его прикованы, онъ не можетъ двигать ими и падаетъ ницъ на землю. Беатриче смотрѣла на него; гнѣвъ овладѣлъ ею и она едва не оттолкнула его ногой, но сейчасъ же гнѣвъ ея смѣнился состраданіемъ, она протянула ему руку и помогла встать.

— О, синьора, проговорилъ Марціо слабымъ голосомъ: —неужели я все еще достоинъ вашего состраданія? О, синьора Беатриче, ради Бога, сжальтесь надо мною, я такъ несчастенъ... глубоко несчастенъ...

— Марціо, зачѣмъ вы взвели на меня ложное обвиненіе? Что сдѣлала я вамъ?..

— О, тяжело поразила меня рука Господня... За свои преступленія я долженъ понести наказаніе, но каково же тѣмъ, которые невинны!.. Я убилъ Олимпіо, потому что боялся, какъ бы онъ своей наглостью не погубилъ и васъ. Послѣдствія оказались иныя... Клянусь, что я не хотѣлъ принести вамъ вреда. Измученный жизнью, доведенный пыткою почти до безсознательности, я ничего не понималъ изъ того, что мнѣ читали, что у меня спрашивали. Я подтвердилъ все, чего хотѣли отъ меня, желая лишь одного, чтобы меня скорѣе убили. Они обѣщали мнѣ это и не сдержали обѣщанія, а мои слова лишь послужили имъ оружіемъ противъ невинныхъ...

— Синьоръ предсѣдатель, прервалъ его Лючіани:—мы пришли сюда не затѣмъ, чтобы слушать эти трогательные разговоры.

— Я вполнѣ согласенъ съ замѣчаніемъ аудитора Лючіани, проговорилъ судья Валентино Турки.

— Имѣйте терпѣніе, синьоры, спокойно отвѣтилъ Москати.— Мы здѣсь не затѣмъ, чтобы слушать лишь то, что намъ пріятно. Въ нашихъ рукахъ страшная власть,—не будемъ же лишать несчастныхъ хоть того утѣшенія, какое могутъ доставить имъ жалобы и слезы.

— Выплакаться они будутъ имѣть достаточно времени въ тюрьмѣ. Мы здѣсь уже два часа и еще ничего не сдѣлали... Если вы будете и дальше вести дѣло такъ медленно, то я попрошу позволенія уйти,—у меня есть иныя дѣла.

— Идите съ Богомъ...

Однако, Лючіани не воспользовался этимъ позволеніемъ и остался на своемъ мѣстѣ. Москати обратился къ Марціо и сказалъ:

— Обвиняемый, желаете ли вы подтвердить свое прежнее показаніе въ присутствіи обвиняемой Беатриче Ченчи,—или нѣтъ?

— Синьоры судьи, началъ Марціо:—скоро я предстану на судъ Божій, гдѣ не нужно ни показаній, ни свидѣтелей.

Онъ сталъ говорить о преступленіяхъ убитаго графа Ченчи, объ убійствѣ имъ невѣсты Марціо, дѣвушки изъ Виттаны. Затѣмъ Марціо разсказалъ, что онъ съ цѣлью мести поступилъ на службу въ домъ Ченчи, вкрался въ довѣріе графа, но Беатриче помѣшала

ему выполнить его намѣреніе и онъ оставилъ палаццо, разсчитывая убить графа при другихъ обстоятельствахъ. Графъ подарилъ ему красный плащъ и послалъ, будто бы, съ порученіемъ въ Рокка Петрелла, въ дѣйствительности же онъ заподозрилъ Марціо, хотѣлъ отдѣлаться отъ него посредствомъ убійства, нанялъ уже убійцъ и красный плащъ долженъ былъ служить для нихъ примѣтою.

— Я разстроилъ этотъ планъ, продолжалъ Марціо,—и съ своей стороны придумалъ свой планъ, когда графъ былъ увѣренъ въ томъ, что меня уже нѣтъ на свѣтѣ. Подобравъ товарищей, я напалъ на графа во время его переѣзда въ Петреллу; мы схватили его и отвели въ пещеру близъ Тальякоццо. Никакая человѣческая сила не могла бы уже спасти его, онъ долженъ былъ умереть. Но мы выпили вино, которое графъ смѣшалъ съ опіемъ, и уснули. Въ это время графа вывела и спасла дочь его, синьора Беатриче. теперь она здѣсь, передъ вами... Послѣ этого я взялъ двухъ товарищей и ночью отправился въ замокъ Петреллу. Я пробрался съ ними въ домъ черезъ окно нижняго этажа. Одинъ изъ моихъ товарищей замѣтилъ здѣсь какую-то тѣнь, онъ спрятался и увидѣлъ, какъ эта тѣнь опустилась по лѣстницѣ внизъ, отперла дверь въ одно помѣщеніе и вошла туда, оставивъ дверь отпертой. Товарищъ мой поспѣшилъ туда и увидѣлъ, что это графъ Ченчи прошелъ въ помѣщеніе, въ которомъ онъ заперъ свою дочь... Говорить ли, зачѣмъ старый негодяй пошелъ туда? Вы,какъ отцы семействъ, пришли бы въ ужасъ, если бы я сказалъ вамъ это... Товарищъ мой вынулъ кинжалъ и убилъ графа не изъ мести, а чтобы предотвратить страшное преступленіе. И хорошо онъ сдѣлалъ.—кто изъ васъ поступилъ бы иначе?.. Тогда мы взяли трупъ и выбросили въ клоаку. Простыня была запачкана кровью графа, но Беатриче этого не видала, потому что она потеряла сознаніе въ своей тюрьмѣ. Олимпіо я убилъ,—по какой причинѣ, это я уже говорилъ. Всѣ показанія, данныя мною въ Неаполѣ, не вѣрны: они вымучены пыткой... Правда лишь то, что я теперь говорю... А теперь дѣлайте со мною, что хотите...

Марціо, обезсиленный длинной рѣчью, опустился на землю, но палачъ Алессандро ловко подхватилъ и поддержалъ его.

— Скажите, синьоръ предсѣдатель, прошепталъ Лючіани на ухо Москати:—не правда ли, она околдовала этого человѣка?

Предсѣдатель пожалъ плечами.

— Такъ вы не вѣрите... продолжалъ Лючіани.—Это кажется вамъ сказкой... Смотрите, какъ бы васъ не опутала ересь нашего вѣка

Москати оскорбило это замѣчаніе, выражавшее сомнѣніе относительно его вѣры. Въ тѣ времена вѣра въ колдовство была общераспространена и обязательна. Поэтому Москати съ неудовольствіемъ отвѣтилъ:

— Синьоръ аудиторъ, на какомъ основаніи вы полагаете, будто я не вѣрю въ колдовство? Я, конечно, вѣрю, только мнѣ кажется, что это не относится къ дѣлу. Обвиняемый, продолжалъ онъ обращаясь къ Марціо:—такъ вы отказываетесь отъ своихъ прежнихъ показаній?

Марціо утвердительно кивнулъ головою.

— Окончательная пытка, проговорилъ Лючіани:—нѣтъ иного выхода...

— Да, иного выхода нѣтъ: окончательная пытка, повторилъ Валентино Турки.

Москати вынулъ платокъ, вытеръ потъ съ лица и обратился къ секретарю:

— Секретарь, предупредите обвиняемаго, что если онъ будетъ настаивать на отказѣ отъ своихъ прежнихъ показаній... Разъясните ему, что при противорѣчіи въ показаніяхъ законъ предписываетъ окончательную пытку... окончательную... которая состоитъ въ томъ... Словомъ, скажите ему, что если онъ будетъ настаивать на отказѣ, то мы должны будемъ выполнить предписаніе закона.

Старикъ проговорилъ эти слова прерывающимся голосомъ. Секретарь повторилъ ихъ Марціо, прибавивъ, что подъ названіемъ: „окончательная пытка“ понимаются мученія почти до смерти. Марціо, будучи не въ силахъ говорить, утвердительно кивнулъ головою. Составленъ былъ, подписанъ и прочитанъ декретъ, послѣ чего секретарь Рибальделла, перемигнувшись съ судьей Лючіани, сказалъ палачу Алессандро:

— Теперь дѣло за вами.

Палачъ загнулъ руки Марціо за спину, связалъ ихъ, потянулъ веревку, чтобы удостовѣриться, хорошо ли она движется въ блокѣ, снялъ свою шапочку и спросилъ:

— Свѣтлѣйшіе синьоры, со встряской или безъ встряски?

— Чортъ возьми! конечно, со встряской и настоящей! воскликнулъ Лючіани.

Палачъ Алессандро съ своими помощниками медленно поднялъ Марціо вверхъ до самой перекладины, на высоту шести локтей, и затѣмъ выпустилъ веревку. Марціо упалъ съ высоты и повисъ, не доставая нѣсколькихъ дюймовъ до земли. Сотрясеніе было страшное; слышно было, какъ кости Марціо хрустнули, онъ широко раскрылъ глаза и ротъ: изо рта его вырвался хрипъ и показалась кровь. Это была одна изъ самыхъ сильныхъ встрясокъ, какія палачъ когда-либо производилъ въ своей жизни.

— Такъ, Алессандро, браво!.. Ну, еще разъ, съ хорошей встряской, воскликнулъ Лючіани, приподнявшись въ своемъ креслѣ и опираясь на его ручки.

— Теперь это уже безполезно, свѣтлѣйшій синьоръ, отвѣтилъ палачъ:—онъ отъ первой встряски умеръ.

— Что? Какъ? проворчалъ Лючіани.—Онъ умеръ? Какъ вы допустили это? И еще раньше, чѣмъ онъ взялъ свои слова назадъ!..

Палачъ молча пожалъ плечами. Лючіани продолжалъ:

— Попробуемъ, посмотримъ, дѣйствительно ли онъ умеръ, сожмите его прессомъ, или разложите подъ его ногами огонь!

Лючіани поднялся, точно желая идти на помощь палачу. Москати сердито схватилъ его за руку и сказалъ:

— Ради Бога! Не забывайте достоинства вашего сана! Судья вы или палачъ?

Но Лючіани вырвался, подбѣжалъ къ палачу, приложившему руку къ сердцу Марціо, и спросилъ:

— Ну, что?

— Свѣтлѣйшій синьоръ, какъ я говорилъ,—онъ уже умеръ.

Разсвирѣпѣвшій Лючіани обратился къ трупу:

— А, такъ ты вырвался изъ моихъ рукъ, негодяй! Ты умеръ,—лишилъ судъ показаній, а палача Алессандро 50 скуди, которые онъ имѣлъ получить за повѣшеніе...—Затѣмъ Лючіани сердито обратился къ Москати:—Ну. теперь, синьоръ предсѣдатель, надѣюсь, дѣло пойдетъ быстрѣе! Нужно ковать желѣзо, пока горячо: нужно воспользоваться страхомъ обвиняемой. Послушаемъ, что она теперь запоетъ!

— На этотъ разъ довольно, серьезно отвѣтилъ Москати:—дѣлопроизводство веду я. Объявляю засѣданіе оконченнымъ.

Судьи встали и направились къ выходу. Беатриче, блѣдная, какъ полотно, едва держалась на ногахъ: губы ея посинѣли, глаза безцѣльно блуждали по комнатѣ; она съ трудомъ могла идти, когда ее уводили изъ залы суда.

ГЛАВА XX.

Судьи.

Предсѣдатель суда Улиссэ Москати былъ угнетенъ чувствомъ безпомощности, сознаніемъ, что всѣ его усилія не приведутъ ни къ чему. Два часа уже онъ ожидалъ въ Ватиканѣ, пока камердинеръ папы не пригласилъ его войти къ святому отцу.

Климентъ сидѣлъ въ папской бархатной мантильѣ, пурпурнаго цвѣта, обшитой горностаемъ, красной шапочкѣ, въ стихарѣ изъ тончайшихъ кружевъ, сутанѣ, чулкахъ и туфляхъ изъ бѣлаго шелка; на туфляхъ его вышиты были золотомъ кресты. За нимъ стояли кардиналы: Чинчо Пассэро и Пьетро Альдобрандино. Свѣтъ канделябра падалъ внизъ, освѣщая ногу „раба рабовъ божіихъ“, покоившуюся на роскошной подушкѣ. Нога эта, казалось, говорила: поцѣлуй меня. Москати былъ слишкомъ хорошимъ католикомъ, чтобы не внять этому голосу. Старыя кости его съ трудомъ сгибались, но все же онъ опустился или, вѣрнѣе, упалъ на колѣни и припалъ своей сѣдой головой къ ногѣ папы такъ сильно, что святой отецъ, страдавшій подагрой, почувствовалъ боль и сказалъ нѣсколько раздражительно: встаньте! Старикъ оперся руками о землю и съ усиліемъ поднялся. Затѣмъ онъ сталъ говорить папѣ о процессѣ семейства Ченчи, указалъ на шаткость доказательствъ, недостовѣрность показаній, молодость большинства обвиняемыхъ. Онъ, Москати, самъ уже не знаетъ, что дальше дѣлать. Особенно же его мучитъ совѣсть за то, что Бернардино, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, тоже былъ подвергнутъ пыткѣ первой степени.

Когда Москати это говорилъ, кардиналы гнѣвно посматривали на него. Самъ папа нѣсколько разъ наморщилъ чело. но, какъ человѣкъ опытный, не высказалъ своего мнѣнія. похвалилъ Москати за его добрыя чувства, обѣщалъ взвѣсить подробности дѣла, велѣлъ ему снова придти на слѣдующій день и, благословивъ, отпустилъ его.

Москати изъ многолѣтняго опыта зналъ, какъ измѣнчиво настроеніе папскаго двора, и возвратился съ тяжелымъ предчувствіемъ, что всѣ его усилія не приведутъ ни къ чему. На слѣдующій день онъ снова явился. Камердинеръ, встрѣтившій Москати съ особеннымъ низкопоклонствомъ, сообщилъ, что высокопреосвященный кардиналъ ди Санъ-Джорджо, племянникъ святого отца, уже ждетъ его въ своихъ комнатахъ. Это было очень дурное предзнаменованіе, но что же человѣкъ можетъ сдѣлать противъ судьбы? Кардиналъ очень вѣжливо принялъ Москати и, пригласивъ его сѣсть, сталъ говорить, какъ понравились папѣ его вчерашнія сообщенія и намеки, какъ непріятны святому отцу суровыя мѣры. Однако, продолжалъ кардиналъ, обязанности папы не позволяютъ ему быть и слишкомъ мягкимъ, поэтому онъ не можетъ одобрить мягкости, проявленной Москати въ данномъ дѣлѣ. Тутъ кардиналъ остановился и затѣмъ уже другимъ тономъ сказалъ:

— Отеческое сердце святѣйшаго папы скорбитъ, что такой достойный и заслуженный чиновникъ, какъ синьоръ предсѣдатель, могъ забыться до такой степени...

Москати отвѣтилъ, что онъ слишкомъ усталъ, измученъ жизнью и не надѣется уже ни на какую признательность отъ людей. Кардиналъ, воспользовавшись этимъ, замѣтилъ, что измученному непосильны тяжелыя обязанности судьи, что ему слѣдуетъ предпочесть созерцательную жизнь, и сталъ расхваливать разные монашескіе ордена. Москати отвѣтилъ, что онъ вскорѣ подастъ святому отцу прошеніе объ отставкѣ...

— Къ чему же медлить, зачѣмъ откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня? сказалъ кардиналъ и предложилъ ему написать прошеніе и теперь же.

Москати написалъ прошеніе и вручилъ его кардиналу. Впослѣдствіи онъ сожалѣлъ, что такъ поторопился, но возвращеніе было уже невозможно; онъ удалился въ монастырь, не принявъ, впрочемъ, монашества.

Когда на слѣдующій день кардиналъ ди Санъ-Джорджо представилъ святому отцу прошеніе Москати, широкій ротъ папы растянулся до самыхъ ушей: это имѣло означать улыбку.

Предсѣдателемъ суда былъ назначенъ Лючіани, обрадовавшійся этому не меньше, чѣмъ самъ папа и его племянники-кардиналы.

Въ ближайшій день съ разсвѣтомъ Лючіани отправился въ камеру Беатриче въ сопровожденіи двухъ отвратительныхъ старухъ. Дѣвушка лежала точно оглушенная: тяжелыя мысли подавляли ее и никакого выхода изъ этого ужаснаго положенія она не видѣла. Вдругъ дверь отворилась, и вошелъ страшный Лючіани со своими спутницами. Новый предсѣдатель сказалъ ей въ короткихъ и рѣзкихъ словахъ, что онъ пришелъ изслѣдовать ее, не найдется ли у нея чего-нибудь, имѣющаго связь съ колдовствомъ. Затѣмъ онъ отошелъ въ уголъ и велѣлъ старухамъ взяться за свое дѣло. Несмотря на сопротивленіе Беатриче, старухи насильно раздѣли ее и стали осматривать. Однако, самый тщательный осмотръ не могъ открыть ничего. Наконецъ, нашли на одной ногѣ родимое

пятнышко, только оно было желтое, а не бѣлое или черное, какія, по повѣріямъ того времени, производились нечистой силой.

— А, это пустое, воскликнулъ Лючіани:—не надо забывать, что для злого духа никакія правила не обязательны!

Одна изъ старухъ вынула длинную желѣзную иглу, погрузила ее въ сосудъ съ водою—это была святая вода—и, бормоча какія-то заклинанія, стала колоть родимое пятно.

— Такъ, такъ, кричалъ Лючіани,—уничтожьте клеймо діавола!

Беатриче плакала отъ оскорбленія и гнѣва: она защищалась всѣми силами, но безуспѣшно. Когда старухи дѣлали свое дѣло, Лючіани, стоя въ углу, читалъ одну изъ тѣхъ безчисленныхъ молитвъ, которыя начинаются формулой: «во имя Отца и Сына, и Святого Духа», а кончаются словами: «во вѣки вѣковъ, Аминь». Окончивъ молитву, онъ воскликнулъ:

— Слава Богу! теперь я спокоенъ,—былъ ли въ ней діаволъ, или нѣтъ. Если былъ, то онъ теперь изгнанъ и бѣжалъ въ адъ.

Затѣмъ онъ со старухами оставилъ камеру Беатриче, бесѣдуя о силѣ злого духа и благости Божьей. Но, прибѣгая къ помощи Бога, онъ не оставилъ безъ вниманія и земныхъ средствъ. На слѣдующій день онъ раннимъ утромъ явился, вмѣстѣ съ другими судьями. въ савельскую тюрьму. На мѣсто аудитора, которое занималъ прежде Лючіани, назначенъ былъ теперь другой человѣкъ, можетъ быть, и не злой, но очень глупый, безстыдный и корыстолюбивый.

Беатриче стояла передъ предсѣдателемъ суда Лючіани.

— Обвиняемая, сказалъ предсѣдатель:—вы уже слышали пункты обвиненія противъ васъ. Нужно ли ихъ повторить вамъ?

— О, нѣтъ, отвѣтила Беатриче:—кто разъ слыхалъ эти обвиненія, тотъ уже никогда не забудетъ ихъ.

— Въ особенности же, когда они вѣрны, замѣтилъ Лючіани.—Я напомню вамъ, что вы совершенно уличены сознаніемъ и показаніями другихъ участниковъ преступленія и что судъ имѣетъ право смягчать наказанія, если обвиняемые окажутся достойными этого. Сознайтесь. Вы знаете, что кто перейдетъ въ вѣчность нераскаяннымъ, тотъ погибъ навѣки.

— Я сказала правду. Ложнаго показанія, какое вамъ желательно, вы не вынудите у меня.

— А, это мы увидимъ! воскликнулъ Лючіани.—Секретарь Рибальделла, пишите.

Онъ продиктовалъ постановленіе о назначеніи обвиняемой предварительной пытки посредствомъ лишенія сна втеченіе сорока часовъ. Постановленіе это было предложено для подписи остальнымъ членамъ суда, которые мирно дремали, не интересуясь ничѣмъ,—какъ всегда въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ: двое спятъ, а третій распоряжается всѣмъ по своему произволу.

Лишеніе сна, какъ особый видъ пытки, состояло въ томъ, что обвиняемаго сажали на неудобное сѣдалище, привязывали его, причемъ ноги обвиняемаго не касались земли; время отъ времени обвиняемаго толкали, чтобы онъ не могъ уснуть ни на минутку. Мы не станемъ описывать мученій этой пытки, которую Беатриче вынесла стойко и мужественно.

На третій день сбиры снова явились и повели Беатриче на новыя мученія.

Судьи оживленно бесѣдовали въ залѣ засѣданій.

— Напрасно, сказалъ Валентино Турки:—не велѣли остричь ей волосы.

— Я не велѣлъ ее остричь, отвѣтилъ Лючіани,—потому, что такіе авторитеты, какъ Дель-Ріо, Бедино и другіе, писавшіе много о вліяніи злого духа, не говорятъ, что онъ проявляетъ свою силу въ волосахъ.

— Обыкновенно,—нѣтъ, отвѣтилъ Турки:—но вспомните, что Богъ помѣстилъ страшную силу Самсона въ волосахъ, а діаволъ подражаетъ Богу, только со злыми намѣреніями.

— Ваше замѣчаніе не лишено основанія; мы теперь...

Тутъ секретарь Рибальделла поспѣшно написалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько словъ и показалъ ихъ Лючіани. Предсѣдатель прочелъ и съ злорадствомъ продолжалъ:

— Да, да, вашимъ предложеніемъ можно было бы воспользоваться, если бы это не лишало насъ возможности произвести «turtura capillorum»; вамъ извѣстно, что эта пытка почти всегда даетъ хорошіе результаты.

Секретарь именно написалъ на бумажкѣ: a «turtura capillorum?»

Ввели Беатриче. Предсѣдатель Лючіани обратился къ ней съ притворно-ласковыми словами, убѣждая ее сознаться и не доводить судъ до крайности. Однако, слова его не имѣли успѣха. Онъ разсвирѣпѣлъ и закричалъ:

— Начинайте пытку... turtura capillorum! Гдѣ палачъ Алессандро? Какъ это, судъ засѣдаетъ и нѣтъ палача!

Дѣйствительно, палача Алессандро не было. Ему представился случай отправиться по дѣламъ службы въ Бакано, и онъ съ радостью воспользовался имъ. Лючіани велѣлъ произвести пытку помощникамъ палача.

Помощники палача привели въ безпорядокъ волосы Беатриче, связали ихъ веревкою, прикрѣпленною къ блоку, и подняли дѣвушку вверхъ. Она повисла въ воздухѣ; кожа на лицѣ ея натянулась, глаза сузились, ротъ открылся. Страшно и представить себѣ эту ужасную пытку,—каково же было вынести ее! Лючіани, опершись руками о столъ, все повторялъ:

— Сознайтесь, скажите правду!

— Я не виновна, отвѣчала Беатриче.

— А! встряхните ее... еще разъ... ну, еще разъ... сознайтесь

— Я невиновна.

— А! не хотите сознаться? Хорошо же!

Назначена была tigatura canubis. Помощникъ палача обмоталъ руку Беатриче пенькою и сталъ крутить ее, какъ прачки выкручиваютъ бѣлье при стиркѣ. Кости хрустнули, вышли изъ суставовъ, мускулы разорвались и подъ кожей появились кровавые подтеки. Лючіани смотрѣлъ на эти мученія, не спуская глазъ, и кричалъ:

— Сознайтесь въ вашемъ преступленіи!

— О, Боже мой, Боже мой... стонала Беатриче.

— Сильнѣе, крутите сильнѣе... Такъ, хорошо... еще сильнѣе...

Беатриче не сознавалась

— Сильнѣе!.. кричалъ Лючіани:—сломайте ей кости!.. Сознайтесь... Соз... соз... Лючіани закашлялся; казалось, эти слова душатъ его.Но затѣмъ,откашлявшись, онъ попрежнему продолжалъ:— Соз... соз... сознайтесь, несчастная!

— Я невиновна!

— А!.. въ такомъ случаѣ давайте шнурки... пытка посредствомъ шнурковъ!..

Всѣмъ уже становилось въ тягость это мучительство, сами палачи утомились. Беатриче была едва жива.

— Шнурки, говорю я... давайте шнурки, кричалъ Лючіани, скрежеща зубами.

Палачи стояли, точно не желая повиноваться. Можно было думать, что предсѣдатель сошелъ съ ума: пытка посредствомъ шнурковъ состояла въ томъ, что человѣка обвивали множествомъ тонкихъ рѣжущихъ шнурковъ, разрывавшихъ мышцы, жилы и нервы; все тѣло превращалось въ сплошную рану и ясно было, что измученная дѣвушка не вынесетъ этой пытки.

Въ эту минуту на порогѣ показался палачъ Алессандро. Онъ постоялъ немного, посмотрѣлъ на эту сцену: будучи палачемъ, онъ не лишенъ былъ состраданія. Застегивая свой красный плащъ, онъ не попадалъ въ петли. Затѣмъ онъ съ притворнымъ равнодушіемъ подошелъ къ Беатриче, осмотрѣлъ ее и сказалъ, обращаясь къ Лючіани:

— Свѣтлѣйшій синьоръ, благоволите сказать, желаете ли вы, чтобы она осталась въ живыхъ, или чтобы она умерла?

— Чтобы умерла? Теперь?.. Не дай Богъ, нужно только, чтобы она созналась...

— Въ такомъ случаѣ я долженъ заявить, что сегодня она уже не вынесетъ никакой пытки.

Такъ въ тѣ времена палачъ могъ обуздать судей...

Секретарь Рибальделла поднялся и прошепталъ что-то предсѣдателю на ухо; Лючіани обрадовался и сказалъ:

— Палачъ Алессандро, повремените съ пыткой. Вы, синьоры судьи, подождите: я сейчасъ вернусь.

Съ этими словами онъ вышелъ. Прошло нѣсколько минутъ и съ корридора послышался лязгъ цѣпей. Дверь отперлась, вошли Джакомо и Бернардино Ченчи и Лукреція Петрони, измученные, изможденные; за ними шелъ Лючіани, какъ пастухъ, гонящій скотъ на бойню. Со времени ареста обвиняемые не видались; теперь они встрѣтились при такихъ страшныхъ обстоятельствахъ, и эта встрѣча произвела на нихъ потрясающее впечатлѣніе. Желая воспользоваться этимъ впечатлѣніемъ, Лючіани ласково сталъ говорить, что Беатриче своимъ упрямствомъ лишь ухудшаетъ положеніе, тогда какъ сознаніе дало бы возможность кончить дѣло и позволило бы святому отцу излить на виновныхъ свою милость. Онъ, судья, дескать, неохотно исполнялъ свои суровыя обязанности и сейчасъ же оставитъ пытки, если только родные смягчатъ сердце Беатриче, побудятъ ее сознаться. Тогда онъ самъ будетъ ходатайствовать за нихъ передъ святымъ отцомъ.

Какъ часто хитрость обманываетъ и подкупаетъ! Братья Ченчи

и Лукреція Петрони совершенно отдались Лючіани, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщалъ ходатайствовать о нихъ. Они бросились къ ногамъ Беатриче, умоляли ее признать преступленіе и этимъ облегчить свою и ихъ участь. Беатриче глазамъ своимъ не вѣрила, когда увидѣла родныхъ. Глубокая скорбь овладѣла ею, но, услыхавъ ихъ просьбы, она собралась съ силами, стала упрекать ихъ въ томъ, что они признали ложное обвиненіе, и наотрѣзъ отказалась послѣдовать ихъ примѣру. Слова ея произвели на родныхъ такое впечатлѣніе, что и тѣ стали отказываться отъ своихъ прежнихъ показаній. Лючіани увидѣлъ, что его хитрость не только не помогла, но даже повредила ему. Онъ пришелъ въ ярость.

— Съ вами я скоро посчитаюсь, сказалъ онъ роднымъ Беатриче.—А вы, палачъ Алессандро, подвергните допрашиваемую пыткѣ посредствомъ tаxillo.

— Не ослышался ли я, свѣтлѣйшій синьоръ предсѣдатель,— посредствомъ tаxillo?

— Да, посредствомъ tаxillo; развѣ вы находите въ этомъ что-нибудь особенное?

— О. нѣтъ,—я только хотѣлъ удостовѣриться, не ослышался ли я.

Tаxillo—это тонкія клинообразныя палочки изъ сосноваго дерева, заостренныя съ одного конца, пропитанныя терпентиномъ и смолою. Самъ діаволъ придумалъ эту пытку.

Братья Ченчи и Лукреція Петрони смотрѣли на все совершающееся передъ ихъ глазами какъ во снѣ. Однако, когда палачъ Алессандро взялъ tаxillo и воткнулъ его глубоко подъ ноготь большого пальца Беатриче,—ужасъ охватилъ ихъ. Алессандро вынулъ восковую свѣчу, зажегъ ее на лампадѣ, поднесъ огонь къ tаxillo, который моментально воспламенился и сталъ горѣть съ сильнымъ трескомъ. Мученія, причиняемыя этой страшной пыткой, не поддаются описанію. Джакомо Ченчи бросился къ Беатриче, хотѣлъ зубами вырвать изъ раны горящій tаxillo, но лишь обжегъ себѣ ротъ. Даже Лукреція Петрони не могла удержаться на мѣстѣ, всѣ бросились къ Лючіани, точно желая растерзать его, хотя ихъ гнѣвъ былъ безсиленъ, такъ какъ они были скованы. Лючіани вскочилъ отъ страха и закричалъ:

— Ради Бога, не пускайте ихъ! Держите ихъ! Эти Ченчи— бѣшенные люди!

Палачъ Алессандро воспользовался этимъ замѣшательствомъ, выдернулъ tаxillo изъ-подъ ногтя Беатриче и бросилъ на землю.

Лючіани уже не могъ продолжать засѣданіе и велѣлъ увести обвиняемыхъ въ камеры. Беатриче вынесли безъ чувствъ; призвали врача, который заявилъ, что она не можетъ быть подвергнута дальнѣйшей пыткѣ раньше, какъ черезъ недѣлю.

Ф. Гверацци.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НАПОЛЕОНЪ I.

Историко-біографическій очеркъ.

(*Продолженіе*).

XVI. Египетская экспедиція. 1798—1799.

„Груша не созрѣла“.—Безбрежныя мечты.—Снаряженіе; Клеберъ.—Захватъ Мальты.—Бѣдствіе у Абукира.—Битва у Пирамидъ.—Подвиги въ Сиріи.—Катастрофа подъ Акрой.—Побѣда у Абукира.—Покинутая армія.—Великій „дезертиръ“.—Жозефина: „покровъ разорванъ“.

Египетская экспедиція—самый любопытный, но и самый мудреный эпизодъ въ исторіи Наполеона I. Даже теперь трудно уяснить его во всѣхъ подробностяхъ. Мы уже не говоримъ о подвигахъ и бѣдствіяхъ въ Египтѣ: здѣсь, вѣроятно, навсегда останется много сказочнаго; по крайней мѣрѣ историку все еще приходится ограничиваться старымъ и ненадежнымъ матеріаломъ—письмами самого Бонапарта и Нельсона, да мемуарами Евгенія Богарнэ. А рядомъ сколько баснословныхъ преданій, въ которыхъ если и есть историческая основа, то ее трудно установить документально! Но даже въ политической сторонѣ дѣла нельзя еще пренебрегать этими преданіями. Нужно только остерегаться тѣхъ историковъ старой школы, которые пользуются ими для своей излюбленной теоріи „героепоклонства“. Такъ они воображаютъ, будто Бонапартъ самъ подстроилъ ту великую бурю, которая чуть не погубила Францію въ его отсутствіе, и предначерталъ событія 1799 года. Мы видѣли (гл. XIII и XV), какъ исторія шла своимъ чередомъ. Наполеонъ только умѣлъ пользоваться ея велѣніями и был[illegible]рокъ.

Въ то время, какъ чуть не всѣ утѣшались всеобщимъ замиреніемъ, онъ замѣчалъ, что готовится новая грозная коалиція, которая заставитъ вспомнить разгромителя Австріи: на вопросъ Бурьена, долго ли онъ останется въ Египтѣ, генералъ отвѣчалъ: „Нѣсколько мѣсяцевъ или шесть лѣтъ; все зависитъ отъ обстоятельствъ“. А брату Жозефу онъ сказалъ, намекая на то, что директорія остается ободранная какъ липка: „Отправляюсь на Востокъ со всѣми средствами, обезпечивающими успѣхъ. Если Франція будетъ нуждаться во мнѣ, если вспыхнетъ война и пойдетъ несчастливо, тогда я возвращусь и буду болѣе, чѣмъ теперь, увѣренъ въ общественномъ мнѣніи“.

Все дѣло было въ томъ, что Бонапартъ еще не былъ увѣренъ во французахъ. Его положеніе было еще шатко. Директоромъ нельзя было сдѣлаться: годами не вышелъ. Захватить диктатуру, совершивъ государственный ударъ? Такъ и совѣтовалъ Баррасъ, надѣясь подѣлить власть съ этою силой, съ которой онъ былъ связанъ роковымъ образомъ. Но шею сломишь. Парижане уже подозрительно поглядывали на бездѣйствіе человѣка народа и опять припоминали генерала Вандемьера; а роялисты негодовали на полководца, не спѣшившаго взяться за роль Монка. Появлялись булавочные уколы памфлетистовъ. Рано было еще и давать „лучшіе законы“. Среди директоровъ сидѣли упорные якобинцы. Тамъ несомнѣнно происходили непріятныя для героя сцены. Существуетъ весьма правдоподобное преданіе о томъ, какъ директорія отвергла его предложеніе вернуться въ Раштаттъ, чтобы смирить заупрямившихся нѣмцевъ. Бонапартъ пригрозилъ отставкой. „Ну, такъ что жъ! Пишите прошеніе. Вотъ вамъ перо. Вамъ и въ самомъ дѣлѣ полезно будетъ отдохнуть“, сказалъ Ревбель. Но Мерленъ выхватилъ перо изъ рукъ Ревбеля. Наполеонъ выбѣжалъ изъ засѣданія и тогда-то пробормоталъ сквозь зубы: „Груша еще не созрѣла“. Вслѣдъ затѣмъ Баррасъ сказалъ ему наединѣ: „Послѣдуйте моему доброму совѣту. Уѣзжайте какъ можно скорѣе изъ Франціи“.

Поведеніе Барраса, который былъ уже въ душѣ монархистомъ и сносился съ Орлеанами, и подобныя же отношенія къ генералу Сіейса, который также въ сущности мечталъ о какомъ-то монархизмѣ, показываютъ, что тогда всѣ брались за разные концы, не зная хорошенько, который изъ нихъ притянетъ ихъ къ личному благополучію. Тѣмъ болѣе плановъ кипѣло въ геніальной головѣ прожектера, который самъ говорилъ о

себѣ: „у меня всегда двѣ тетивы на лукѣ“. Бонапартъ, понявшій, что ему нужно на время удалиться и что онъ скоро понадобится, счелъ Египетъ узломъ паутины тревожныхъ событій. Въ самомъ дѣлѣ, сбитая съ толку Англія сосредоточила теперь всѣ свои морскія силы въ Ламаншѣ, чтобы отразить „высадку“, и можно проскользнуть по свободному Средиземному морю. Затѣмъ ея корабли бросятся къ Египту, и очистится путь для высадки. Съ другой стороны, изъ Египта можно будетъ „взять Европу съ тылу“, если состоится новая коалиція. Бонапартъ былъ увѣренъ въ Портѣ. Уже конвентъ старался подчинить султана своему вліянію, чтобы пользоваться турками какъ противъ Англіи, такъ и противъ Россіи, которую онъ хотѣлъ принудить отказаться отъ только что завершеннаго раздѣла Польши (1795). Султанъ уже поручилъ французскимъ офицерамъ свою армію. Бонапартъ увѣрялъ его, что, какъ „добрый другъ турокъ“, онъ намѣренъ смирить мамелюковъ, которые лишь по имени признавали власть Порты, поднять благосостояніе его египетскихъ подданныхъ и возвысить значеніе ислама.

На Бонапарта дѣйствовала еще психологическая сила, которую тутъ необходимо брать въ разсчетъ. Эпоха была полна фантастичности. Она окружила все предпріятіе сказочнымъ сумракомъ. Это ясно и изъ массы картинъ крупныхъ художниковъ, и изъ легендъ въ африканскихъ пустыняхъ и пѣсенъ бедуина. А пылкому „роковому человѣку“ не было и тридцати лѣтъ. Тотъ же сказочный мотивъ слышится въ его словахъ, сказанныхъ г-жѣ Ремюза: „Въ Египтѣ я чувствовалъ себя свободнымъ отъ тѣсныхъ узъ цивилизаціи. Я мечталъ о чемъ угодно и видѣлъ средства къ осуществленію моихъ мечтаній. Я видѣлъ себя творцомъ новой религіи. Я видѣлъ себя на пути въ Азію, верхомъ на слонѣ, съ тюрбаномъ на головѣ, съ новымъ Алкораномъ въ рукѣ, начертаннымъ мною самимъ. Въ моемъ предпріятіи я соединялъ опытъ двухъ міровъ, пользовался наслѣдіемъ всей исторіи, касался могущества Англіи въ Индіи и этимъ пріобрѣтеніемъ скрѣплялъ мои связи съ старою Европой“. Въ воззваніи къ солдатамъ звучитъ искренняя вѣра въ звѣзду: „Мы побѣдимъ, судьба за насъ! Первый городъ на нашемъ пути построенъ Александромъ. На каждомъ шагу мы будемъ встрѣчаться съ воспоминаніями о великихъ дѣяніяхъ, достойныхъ подражанія французовъ“. Наполеонъ до самой смерти думалъ, что, если бы не англичане, онъ создалъ бы изъ Александріи блестящій центръ міра, пе-

редъ которымъ потускнѣли бы Парижъ, Лондонъ и Римъ. Невольно вспоминается 27-лѣтній Петръ въ своихъ „потѣхахъ“: большой корабль „Слонъ“, Лефортъ-адмиралъ онъ самъ—капитанъ,—и Турція въ карманѣ!

Когда дѣло было рѣшено, Бонапартъ самъ написалъ себѣ приказъ — разрушить въ Египтѣ и на Красномъ морѣ вліяніе Англіи, прорыть Суэзскій перешеекъ и „освободить“ туземцевъ отъ „тираніи“ мамелюковъ. Мамелюки дѣйствительно были бичемъ покорныхъ, трудолюбивыхъ феллаховъ-землепашцевъ и арабовъ-купцовъ. Эти „купленные рабы“, названные такъ ихъ господами, сельджукскими турками, были татары или монголы. Со временъ Чингисхана они составляли гвардію каирскихъ халифовъ, которые прибавили къ нимъ еще ловкихъ горцевъ Кавказа. Вскорѣ мамелюки низвергли своихъ господъ и стали „царями-рабами“ Египта. Они оказались очень воинственными, захватили даже Сирію и Палестину. Только новые турки, османліи, остановили ихъ успѣхи и обратили ихъ въ своихъ вассаловъ. Но мамелюки все еще представляли силу, образуя родъ феодальной знати въ странѣ фараоновъ. Это была блестящая, многолюдная конница, славившаяся своей дикой отвагой и восточнымъ богатствомъ.

Бонапартъ снарядился съ невиданнымъ даже у него рвеніемъ, всего въ 6 недѣль. Онъ забралъ съ собой всѣ силы геніальной Франціи конца вѣка и все награбленное революціей за ея предѣлами. Были отобраны лучшіе солдаты, ветераны итальянскаго похода, и самые талантливые сподвижники. Тутъ видимъ Мюрата, Даву, Ланна, Дезэ, Мармона, Жюно и Бессьера. Красой богатырей былъ 46-лѣтній герой и республиканецъ въ каждой жилкѣ, левъ по мужеству, силѣ и громовому голосу въ битвахъ, *Клеберъ*. Этотъ великанъ съ открытымъ, выразительнымъ лицомъ и ласковымъ обращеніемъ вызывалъ всеобщее почтеніе, какъ избранная душа въ необычайно крѣпкомъ и здоровомъ тѣлѣ. Сынъ каменщика, онъ воспитывался въ мюнхенскомъ корпусѣ и началъ съ австрійской службы. Но, ставши усыновленникомъ Франціи, увлекшись ея революціей, Клеберъ не зналъ уже ничего, кромѣ блага своего новаго отечества. На одномъ фейерверкѣ солдаты хотѣли изобразить огнями: „Клеберъ—нашъ всеобщій отецъ“. Но генералъ воскликнулъ: „Нигдѣ не должно быть моего имени. Пишите лучше: отечество бодрствуетъ надъ нами“. Клеберъ усмирилъ вандейцевъ и побилъ нѣмцевъ, а въ Египтѣ отечески заботился объ ученыхъ и называлъ

счастье туземцевъ „самымъ дорогимъ изъ всѣхъ своихъ правъ начальника“. Простая, чистая душа, особенно ненавидѣвшая лесть, Клеберъ не долюбливалъ Бонапарта; но послѣ Абукира онъ бросился въ его объятія со словами: „Вы велики, какъ міръ!“

Была набрана также добрая сотня лучшихъ ученыхъ, механиковъ, инженеровъ, археологовъ, въ томъ числѣ Монжъ и Бертолетъ: они должны были подготовить канализацію и прорытіе канала, а также изучить природу и іероглифы загадочной страны. Захватили и хорошую библіотеку. Здѣсь, рядомъ съ „Элоизой“ и „Вертеромъ“, Оссіаномъ и Тассомъ, Гомеромъ и Виргиліемъ, Бекономъ и г-жей Сталь, находились, въ отдѣлѣ „политики“, Библія, Коранъ и Веды. Но преобладали историческія сочиненія, во главѣ которыхъ видимъ „Индію“ Рэналя и Арріановы „Походы Александра“. Масса золота была взята въ Бернѣ и Римѣ. Всѣ приготовленія къ сказочному походу были сдѣланы геніально. Они совершались такъ быстро и таинственно, что самъ военный министръ видѣлъ въ тулонской эскадрѣ „правое крыло англійской арміи“. Никто и не помышлялъ объ Египтѣ: уже приближалась пора разлитія Нила.

При всемъ томъ, для успѣха безумнаго предпріятія требовалось особое счастье. Оно и покровительствовало „роковому человѣку“, какъ никогда: Нельсонъ, стоявшій на пути съ сокрушительнымъ флотомъ, три раза проходилъ мимо врага, не замѣтивъ его за туманомъ и бурями. Фортуну изображаютъ капризницей: человѣкъ прикованъ къ ея колесу, какъ влюбленный къ юбкѣ женщины. Но нѣтъ ли и въ немъ силы, привлекающей красавицу? Наполеонъ никакъ не могъ справиться съ собственною женщиной, которая уподоблялась вору съ милліономъ. Передъ отъѣздомъ въ Египетъ, Бонапартъ радовался, что окончательно устроилъ своихъ: всѣ члены клана были уже большими чванными барами, вполнѣ обезпеченными людьми; тогда на земельныя пріобрѣтенія только Жозефа и Люсьена было истрачено болѣе милліона. Не радовала его лишь Жозефина. Она обѣщала пріѣхать къ мужу „потомъ“, но не спѣшила. Креолка зацѣпилась за стараго друга. Когда Наполеонъ внезапно возвратился съ осмотра береговъ Ламанша, она написала секретарю Барраса слогомъ, понятнымъ для знатока кокетокъ: „Бонапартъ возвратился этой ночью. Передайте Баррасу мое сожалѣніе, что не могу обѣдать у него. Пусть не забываетъ меня. Вамъ лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно мое положеніе. Преданный другъ“.

Въ маѣ 1798 г. изъ Тулона вышла небывалая у французовъ эскадра—до 500 судовъ, въ томъ числѣ 33 военныхъ, съ 2.000 пушекъ. На нихъ плыло до 40.000 молодцовъ, которыхъ герой воспламенилъ вѣрой въ то, что они „освободятъ“ море и каждый вернется домой съ капитальцемъ, на который можно будетъ купить 3 десятины пашни. Безъ выстрѣла Бонапартъ захватилъ о. Мальту, эту богадѣльню для сынковъ знати, не представлявшихъ собой ничего рыцарскаго, кромѣ имени рыцарей ордена іоаннитовъ. Ея крѣпость, которую называли „цитаделью Средиземнаго моря“, была неприступна; но гроссмейстеръ ордена, ничтожный Гомпешъ, отворилъ ворота за 300.000 фр. ежегодной пенсіи. Бонапартъ оставилъ въ ней сильный гарнизонъ и безпрепятственно пошелъ дальше.

Почти такъ же легко высадился онъ у устьевъ Нила и занялъ Александрію. Французы тотчасъ двинулись впередъ, а три дня спустя подъ Абукиромъ явился Нельсонъ, напрасно искавшій ихъ по всему Средиземному морю. „Завтра я удостоюсь или пэрства, или гробницы въ Вестминстерѣ“, воскликнулъ однорукій, кривой герой морей и бросился на врага, который былъ сильнѣе его и занималъ отличную позицію. Въ „невиданной водами битвѣ“, гдѣ обѣ стороны являли образцы мужества, были истреблены почти всѣ французскія суда.

Отрѣзанный отъ міра Бонапартъ сталъ еще отчаяннѣе. „Солдаты! воскликнулъ онъ. Прежде чѣмъ умертвить Англію, вы наносите ей чувствительный ударъ. Передъ нами томительные походы, рядъ битвъ; но вездѣ будетъ удача! Англичане заставятъ насъ совершить болѣе великіе подвиги, чѣмъ мы предполагали“. Вѣдь, ихъ вождь „соединялъ въ себѣ опытъ двухъ міровъ и наслѣдіе всей имперіи!“ какъ говорилъ онъ самъ про себя. Французы двинулись къ Каиру подъ палящимъ солнцемъ, увязая въ жгучихъ пескахъ. Лишь напротивъ этой столицы, у Нила, подлѣ Пирамидъ, встрѣтила ихъ блестящая и огромная конница мамелюковъ, предводимая главой Египта, надменнымъ и богатѣйшимъ беемъ Мурадомъ. „Солдаты! Не забудьте, что сорокъ вѣковъ глядятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ!“ сказалъ вождь—и мамелюки были истреблены, почти безъ урона для побѣдителей, благодаря впервые употребленному тогда построенію пѣхоты въ *каррэ*, при натискахъ конницы. Мурадъ исчезъ гдѣ-то въ Нубіи. Солдаты штыками выуживали изъ Нила трупы, пояса

которыхъ были наполнены червонцами. „Армія начала примиряться съ Египтомъ“, замѣтилъ Бонапартъ.

Побѣдитель спѣшилъ перестроить свое новое завоеваніе, возродить Востокъ. Онъ началъ съ типографіи и Египетскаго Института, этого отца археологіи Востока. Затѣмъ было обнародовано Объявленіе Правъ, и всѣ народности были допущены къ мѣстному самоправленію. Но основы старины были пока удержаны. Въ особенности чтили французы исламъ Ласково болтая съ феллахами ихъ цвѣтистымъ языкомъ, Бонапартъ восклицалъ: „Вѣдь и мы—мусульмане! Не мы ли уничтожили папу, который проповѣдывалъ войну съ исламомъ, и мальтійскихъ рыцарей, которые безумно воевали съ мусульманами?“ Онъ клялся кораномъ и „нашимъ пророкомъ“, надѣлъ тюрбанъ и ходилъ въ мечеть; онъ до того широко понялъ магометанство, убѣдившись тогда въ невѣрности Жозефины, что стало зазорно даже его наперсникамъ. Многіе офицеры совсѣмъ омусульманились.

Но ничто не дѣйствовало на отупѣлаго египетскаго „каналью“: онъ бунтовалъ, подъ вліяніемъ своихъ муфтіевъ и дервишей; только картечь смиряла его.

То было первое предостереженіе смѣльчаку. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ бѣдствій. Пришла вѣсть объ Абукирѣ. Бонапартъ ободрялъ наперсниковъ словами: „Быть можетъ, намъ суждено измѣнить лицо Востока и поставить наше имя наряду съ тѣми дѣятелями древней и средней исторіи, великія отличія которыхъ запечатлѣлись въ нашей памяти“. Но онъ видѣлъ, что Абукиръ разрушилъ его планы: султанъ тотчасъ увѣровалъ въ силу англичанъ и русскихъ и объявилъ войну Франціи. Побѣдители были отрѣзаны отъ Европы, а покоренные оказались нищими полудикарями: у нихъ не было даже мельницъ и печей. Поднялся и достойный врагъ—непреодолимая африканская природа, съ ея песками и зноемъ, жаждой и лихорадкой, съ этою безпредѣльностью пустынь, гдѣ погибло уже столько завоевателей. Впервые, какъ въ лагерѣ Александра, послышался ропотъ среди доблестныхъ ветерановъ, въ рядахъ которыхъ явились даже самоубійства. „Это — твоя работа!“ шептали умиравшіе на глазахъ своего кумира. „Войско приносится въ жертву искателю приключеній!“ громко говорилъ Клеберъ.

Въ началѣ 1799 г. дерзкій поклонникъ своей „звѣзды“ поспѣшилъ увести свою армійку (15.000 солдатъ съ 50 пушками) въ Сирію, гдѣ скоплялось турецкое воинство. Онъ мечталъ: „Тамъ разрушу Турецкую имперію, создамъ

на Востокѣ новое великое царство, которое упрочитъ мое мѣсто въ потомствѣ, и возвращусь, быть можетъ, черезъ Адріанополь и Вѣну, уничтоживъ Австрійскій домъ".

Въ чистомъ полѣ Бонапартъ легко разсѣивалъ полчища врага, причемъ прославились Клеберъ, Мюратъ и Жюно. Но все дѣло было въ столицѣ сирійскаго паши, въ знаменитой со времени крестовыхъ походовъ Сенъ-Жанъ д'Акрѣ, которая считалась ключемъ Палестины, Египта и Индіи. А это была приморская крѣпость, которую защищали одинъ эмигрантъ, школьный товарищъ Бонапарта, и англичане, богато снабдившіе ее всѣми боевыми припасами. У Наполеона же не было даже осадныхъ орудій: онъ послалъ ихъ моремъ, но догадливые британцы перехватили ихъ. На помощь Акрѣ шла еще цѣлая турецкая армія. Бонапартъ, какъ подъ Мантуей, внезапно бросился изъ-подъ крѣпости и сокрушилъ ее въ сказочной битвѣ у горы Ѳавора, гдѣ 1 истомленный французъ дрался съ 10-ю свѣжими и отборными воинами ислама. Затѣмъ онъ удвоилъ свое рвеніе подъ Акрой. Но напрасно французы мучились цѣлыхъ два мѣсяца, отчаянно бросаясь на приступъ день за днемъ, и иногда дрались уже на улицахъ города; напрасно они отразили 26 вылазокъ непріятеля. Имъ, наконецъ, нечѣмъ было стрѣлять: Бонапартъ платилъ солдатамъ за сборъ на полѣ ядеръ врага. А къ осаждавшимъ подходили моремъ все новыя подкрѣпленія и запасы; лучшая турецкая армія плыла къ Абукиру; изъ-за Нила надвигались цѣлыя племена варварійцевъ, подстрекаемыхъ англичанами; Мурадъ выросъ, какъ изъ земли, съ своими мамелюками, которые живописно гарцовали впереди французовъ и пощипывали имъ бока. Наконецъ, въ лагерѣ французовъ открылась азіатская чума. Солдаты взроптали: въ ихъ рядахъ слышалось, что нужно поставить „батюшку" Клебера на мѣсто Бонапарта.

„Эта лагуна помѣшала мнѣ вступить въ Индію и нанести англичанамъ смертельный ударъ. Здѣсь умерли мои мечты о міродержавіи!" признавался потомъ Бонапартъ. Онъ поплелся назадъ всего съ 8.000 полуживыхъ солдатъ. Чтобъ облегчить отступленіе, онъ, хотя и послѣ трехдневныхъ колебаній, уступилъ военному совѣту, приговорившему къ избіенію 4.000 плѣнныхъ, которыхъ не на кого было размѣнивать. Въ Яффѣ Бонапартъ прошелся по лазарету своихъ зачумленныхъ и самъ предложилъ врачу отравить ихъ, но тотъ отвѣчалъ, что его долгъ—спасать, а не умерщвлять людей. Дрожь про-

сдѣлать эти бездарности, стоящія
ва? Вѣдь это одно только невѣже-
а взяточничество! Я, одинъ я все
ахъ и поддерживалъ это правитель-
рывными успѣхами; безъ меня оно
лось бы и не утвердилось. Съ моимъ
жно было пойти прахомъ. Не ждать
льнаго разрушенія! Во Франціи въ одно
о моемъ возвращеніи и объ истребленіи
подъ Абукиромъ. Мое присутствіе ободъ-
духомъ, внушитъ войскамъ утраченную
ь, возродитъ у благонамѣренныхъ
жду на лучшее будущее".

ли снаряжены два фрегата. На нихъ по-
лыя орудія и драгоцѣнности Востока. Ихъ
отни отборныхъ гвардейцевъ и наперсники
Мармонъ, Мюратъ, Ланнъ, Бертье, Монжъ
ь. Англійскому адмиралу не приходило въ
обы вождь ушелъ безъ арміи: онъ отплылъ
за припасами. Тотчасъ же, въ ночь на 22-е
799 года, фрегаты пустились въ море, несмотря
й противный вѣтеръ.

льникомъ покидаемой арміи былъ назначенъ
, котораго Бонапартъ считалъ бѣльмомъ на сво-
азу за его гордую прямоту и талантливость, за
солдатъ къ нему. Несчастному не оставили ни
. На него свалили еще долги: одно задержанное
ванье войскамъ равнялось четыремъ милліонамъ.
апно узнавъ, въ чемъ дѣло, смутился безстрашный
вститель героя, отрѣзанный отъ міра среди песчаной
стыни, кишѣвшей массою враговъ. Отправивъ въ Па-
жъ рѣзкій протестъ противъ бѣжавшаго начальника,
ъ предложилъ англичанамъ почетную сдачу. Но они
отребовали плѣна. Тогда Клеберъ воскликнулъ: „Сол-
даты! на такую наглость отвѣчаютъ только побѣдами.
Приготовьтесь къ бою!" И онъ началъ бить англичанъ,
турокъ, мамелюковъ, одинъ противъ десяти. Затѣмъ по-
шло образцовое устройство „французской колоніи": оно
сдѣлало имя французовъ обаятельнымъ въ Египтѣ. Но
нашелся нищій фанатикъ, который закололъ благодѣтеля
страны. „Ну, что жъ, однимъ соперникомъ меньше!" во-
скликнулъ Бонапартъ. Остатки египетской арміи, таявшей
отъ зноя, голода и заразы, сдались на условіи, чтобы
англичане отвезли ихъ домой со всѣми военными по-
честями.

„Дезертиръ, предатель!" восклицаютъ „хулители"

Наполеона. Выше мы уяснили смыслъ египетской экспедиціи: ея развязка также требуетъ историческаго освѣщенія. Не должно забывать, что Бонапартъ былъ не только полководцемъ, но и важнымъ орудіемъ міровой политики, гдѣ египетское дѣло служило лишь мимолетнымъ эпизодомъ. Онъ былъ правъ, говоря, что съ его удаленіемъ „все пошло прахомъ". Наполеонъ сознавалъ свою историческую „миссію". И еще вопросъ, гдѣ его особа была безопаснѣе—на безпомощномъ ли суденышкѣ въ бурномъ морѣ, усѣянномъ англійскими крейсерами, или въ Египтѣ, гдѣ, полгода спустя, Клеберъ разбилъ вшестеро сильнѣйшую армію турокъ? Но для историка простѣйшіе документы важнѣе самыхъ остроумныхъ соображеній. А они говорятъ намъ слѣдующее.

Директорія отпускала Бонапарта въ Египетъ лишь до осени 1798 года, когда имѣлось въ виду ввѣрить ему „англійскую" армію. Его же „экспедиціонный корпусъ" предполагалось именно оставить въ странѣ фараоновъ для насажденія тамъ колоніи и культуры. Въ ноябрѣ 1798 года директорія съ большой тревогой извѣщала Наполеона, что уже вспыхнула война съ новой коаліціей. Предоставляя ему полную свободу дѣйствій, она подавала ему только такой совѣтъ: „Такъ какъ сію минуту трудно возвратиться во Францію, то, намъ кажется, вамъ предстоятъ три пути: или оставаться въ Египтѣ, принимая мѣры противъ всякаго нападенія турокъ, хотя вы, конечно, должны имѣть въ виду, что тамъ бываютъ гибельныя для иноземцевъ времена года; или пробираться къ Индіи; или же двинуться въ Константинополь навстрѣчу угрожающему врагу". Бонапартъ случайно получилъ эту депешу въ мартѣ 1799 года, подъ Акрой: отсюда его безумные приступы на эту твердыню, а также неоднократныя публичныя заявленія о намѣреніи поскорѣе возвратиться на помощь правительству. Послѣ присланныхъ англичанами газетъ было тѣмъ болѣе естественно и казалось тѣмъ законнѣе самое поспѣшное возвращеніе домой перваго полководца директоріи. И онъ недаромъ ссылался на то, что абукирская побѣда надолго обезпечиваетъ безопасность покидаемой арміи.

Но не легко было на душѣ вождя, бросавшаго на произволъ судьбы доблестныхъ, преданныхъ, измученныхъ ветерановъ, которыхъ онъ самъ завелъ въ ловушку, какъ покорныхъ исполнителей своего честолюбиваго плана. Онъ не посмѣлъ проститься съ своимъ преемникомъ, ведомымъ на закланіе: назначивъ свиданіе Кле-

беру, онъ бѣжалъ нѣсколькими часами раньше, оставивъ ему запечатанный конвертъ.

И что сулили Бонапарту ближайшіе дни? Скорѣе всего, англійскій плѣнъ, если не разстрѣлъ, или же гибель на поляхъ утраченной „Красавицы Италіи". Вѣрно было одно. Собственная, законная прелестница не встрѣтитъ объятіями измученнаго героя. Жозефины уже не существовало для Наполеона. Нѣжная супруга и не думала исполнять своего обѣщанія пріѣхать къ мужу въ Египетъ новою Клеопатрой. Она, на послѣднія силенки, начала такъ развлекаться въ Парижѣ, что ея Евгеній, сопровождавшій вотчима, предостерегалъ ее: онъ извѣщалъ ее, что Жюно и другіе товарищи итальянской кампаніи раскрыли мужу глаза на все, особенно на Шарля, который и тогда состоялъ при особѣ неунывающей креолки. И разорвалось любящее сердце. Жозефъ получилъ такія строки отъ брата, писанныя въ іюлѣ 1798 года, послѣ битвы у Пирамидъ: „У меня большое домашнее горе: *покровъ разорванъ окончательно*. Ты одинъ остаешься у меня на землѣ. Дорога мнѣ твоя дружба: недостаетъ только потерять и ее, быть обманутымъ тобой, чтобы стать совершеннымъ мизантропомъ. Тяжкое дѣло—положить всѣ чувства своего сердца на одну особу...: ты понимаешь меня. Устрой такъ, чтобы, при возвращеніи, у меня была дача подъ Парижемъ или въ Бургундіи, куда я забился бы на зиму. Мнѣ опротивѣла человѣческая природа! Мнѣ нужны уединеніе и замкнутость. Величіе наводитъ на меня скуку; мои ощущенія притупѣли; слава опротивѣла. Я вышелъ весь въ 29 лѣтъ; остается стать прямо-таки эгоистомъ. Думаю оставить за собой мой домъ: никогда не отдамъ его никому".

Наполеонъ сталъ презирать женщинъ, какъ простое орудіе сладострастія, въ которое онъ погрузился съ тѣхъ поръ. Еще онъ считалъ ихъ годными на политическія интриги. Эта роль и выпала теперь на долю Жозефины. Когда возвратился мужъ, котораго съ трепетомъ ожидала вся нація, жены не оказалось дома. Она разъѣхалась съ нимъ, бросившись къ нему навстрѣчу. Ее опередили Жозефъ и Люсьенъ, которые чуяли, что послѣ такого пыла страсти, какъ у Наполеона, всегда остается искорка подъ пепломъ. Жозефина не оправдывалась. Она обнаруживала пламеннѣйшую любовь, оглашала покои рыданіями и мольбами: есть красивая картина, изображающая Жозефину, валяющуюся, въ изящной позѣ, у дверей кабинета Наполеона. Но двери не отворялись нѣсколько часовъ. Наконецъ, просьбы Гортензіи и Евгенія

смягчили душу оскорбленнаго супруга: онъ расплакался. Жозефина превратилась въ вѣрную и заботливую жену, особенно со времени консульства, когда высокій постъ налагалъ на нее извѣстныя узы въ глазахъ самого „свѣта“, а увядшія прелести уже не отуманивали даже Шарлей. Она зеленѣла отъ злобы даже при мимолетныхъ страстишкахъ своего Зевса. То была ревность къ власти: Жозефина боялась развода, такъ какъ сбылось пророчество Летиціи объ ея безплодіи. Эта запоздалая преданность когда-то дорогого существа, а также вѣра, что его счастье связано съ первою страстью, долго удерживали Бонапарта отъ развода. Счастье Жозефины, что роковое письмо къ Жозефу не попало въ руки къ этому старѣйшинѣ мстительнаго клана: оно было перехвачено англичанами и пропечатано въ газетахъ. Страсть Наполеона угомонилась: онъ завелъ первую постоянную любовницу, по образцу оффиціальныхъ „метрессъ“ стараго порядка.

XVII. Мятежникъ—„спаситель“. 1799.

Захваты директоріи.—Орудіе промысла противъ „необузданнаго своеволія мысли“.—Вторая коалиція и Суворовъ.—Возвращеніе „спасителя“.—Банкротство директоріи.—Ея государственные удары.—Сіейсъ и „реформисты“.—Кланъ и Жозефина.—„Всѣ на удочкѣ“.—Великая опасность.

Бонапартъ не считалъ себя дезертиромъ: онъ летѣлъ спасать отечество „отъ непоправимой бѣды“.

Въ его отсутствіе отъ Франціи и вправду отвернулось счастье. Упорной Англіи удалось-таки образовать новую коалицію.

Дѣло было почти невозможное. Избитая Австрія не смѣла пошевелиться. Она переносила даже такой позоръ, какъ раштатскій конгрессъ, который былъ „чисто торговою биржей“, по словамъ австрійскаго посла: такъ тамъ унижались фюрсты передъ представителями директоріи, выпрашивая у нихъ землицъ изъ Нѣмецкой имперіи, подъ видомъ „индемнизаціи“ или вознагражденія за лѣвый берегъ Рейна. Австрія только выказала свою злобу гнуснымъ преступленіемъ: она дала французскимъ посламъ охранную грамоту, если они уѣдутъ; а какъ только они покинули Раштатъ, венгерскіе гусары изрубили ихъ, на глазахъ ихъ семействъ, и ограбили, ища бумагъ. Пруссія продолжала сочувствовать Франціи. Ея новый король, Фридрихъ-Вильгельмъ III, рѣшился держаться нейтралитета во что бы ни стало. Уже не было

на свѣтѣ Екатерины II, которая передъ смертью выступила, наконецъ, для „обузданія революціи“, послала эскадру на соединеніе съ англійскимъ флотомъ и велѣла Суворову готовиться въ походъ, чтобы стать диктаторомъ Франціи. Ея сынъ, Павелъ I, осудилъ „виды пріобрѣтенія“ своей матери и вступилъ въ переговоры съ Парижемъ: пылкіе республиканцы даже перевели „Права Человѣка“ для этого новаго друга Просвѣщенія. И опальный Суворовъ, изнывавшій въ своей деревнѣ безъ дѣла, собирался идти въ монахи.

Но Питта вывезли счастливыя обстоятельства. Прежде всего, ему помогла сама директорія. Вообразивъ себя всемогущей послѣ побѣдъ Бонапарта, она начала поступать, какъ римскій сенатъ, въ костюмъ котораго облеклись ея правители. Тогда-то съ особенной яркостью обнаружилась революціонная политика завоевательной пропаганды. Директорія старалась всюду подымать демократическія волненія и извлекать изъ нихъ собственную пользу. Къ 1798 году относится возникновеніе республикъ-сестеръ Римской, Гельветской и „новой“ Батавской, которая была замаскированнымъ присоединеніемъ Голландіи къ Франціи; Вильгельмъ голландскій влачилъ жалкое существованіе у своихъ родственниковъ въ Берлинѣ. Въ 1799 г. та же участь постигла Неаполь, причемъ пострадала надменная дщерь Габсбурговъ, Каролина, сестра казненной Маріи-Антуанеты.

Одолѣваемая словно личной ненавистью къ Просвѣщенію, Каролина съ самаго 1789 г. покрывала абсолютизмъ новымъ позоромъ, ударившись въ бездну реакціи и безумной политики. Она старалась создать очагъ „контр-революціи“ изъ своего кружка, во главѣ котораго стояли ея фавориты — ирландецъ Актонъ, кардиналъ Руффо, начальникъ политической инквизиціи, и фаворитка, красивая леди Гамильтонъ, которая была сначала натурщицей, потомъ женой англійскаго посланника и любовницей Нельсона. Каролина возликовала, „какъ пьяная“, узнавъ объ абукирской побѣдѣ „своего спасителя“, Нельсона. Она, вмѣстѣ съ нимъ, признала необходимымъ двинуть въ Римъ свои войска, поручивъ ихъ „первому военному генію“, австрійскому генералу Маку,—самому тупоумному и трусливому изъ царедворцевъ. Безъ всякихъ поводовъ армія неаполитанскаго короля, Фердинанда IV, внезапно выступила противъ французовъ, которыхъ было вдвое меньше; но она позорно разсѣялась при первыхъ выстрѣлахъ, а Макъ сбѣжалъ въ лагерь непріятеля, спасаясь отъ собственнаго

воинства. Французы вступили въ Неаполь, а Каролина, съ мужемъ и своимъ кружкомъ, спаслись на корабль Нельсона, который отвезъ ихъ въ Палермо. Неаполитанское королевство превратилось въ Парѳенопейскую республику (1799), къ радости интеллигенціи и буржуазіи: только знать да монахи вступили въ заговоръ противъ нея; но онъ былъ открытъ, благодаря простой дѣвушкѣ, Санфеличе.

Тогда же, благодаря пронырливости Люсьена Бонапарта, начались волненія въ Пьемонтѣ, среди народа, узнавшаго о сношеніяхъ своего короля съ Каролиной. На помощь возставшимъ пришли французы — и страна была обращена въ департаменты Франціи, а ея король Карлъ-Эммануилъ II бѣжалъ на о. Сардинію, подъ охрану англійскаго флота. Затѣмъ, великій герцогъ Тосканы, Фердинандъ III, принужденъ былъ бѣжать въ Вѣну, къ своему брату, Францу II. Наконецъ, директорія напомнила захваты Людовика XIV. Среди мира, безъ всякихъ поводовъ, она присоединила, какъ „клинья", къ французской землѣ Мюльгаузенъ и Монбельяръ, принадлежавшіе Швейцаріи и Вюртембергу, а затѣмъ—даже Женеву, которая столько вѣковъ была независимой республикой.

Земельная алчность директоріи, въ связи съ революціонной пропагандой, возбуждала чувство самосохраненія у всѣхъ монарховъ. Жалкая участь Каролины задѣла за живое Франца II, который доводился ей племянникомъ и былъ женатъ на ея дочери. Императоръ оправился отъ страха, съ удаленіемъ Бонапарта и съ появленіемъ нежданнаго союзника, который толкалъ его впередъ.

Екатерина II скончалась. Съ нею исчезало на время и дипломатическое преданіе Россіи, выразившееся въ „вооруженномъ нейтралитетѣ" 1780 года. А эта „лига нейтральныхъ" имѣла міровое значеніе: направленная противъ морского владычества Англіи, она подготовляла сближеніе между Россіей и Франціей и новую постановку восточнаго вопроса; она содѣйствовала появленію Соединенныхъ Штатовъ Америки. Патріотка, всегда имѣвшая въ виду выгоды Россіи, Екатерина старалась вовлекать другихъ въ борьбу съ революціей, а сама устранялась. Она хотѣла имѣть свободныя руки въ Польшѣ, Турціи и Швеціи, а монархамъ говорила, что оказываетъ имъ гораздо большую услугу, „содержа всѣ свои силы въ полномъ ополченіи, дабы воздерживать зло распространенія заразы неистовствъ и развратовъ французскихъ". Лишь подконецъ Екатерина, испугавшись этого зла,

склонилась на сторону коалиціи. Оттого-то Павелъ I, изъ духа противорѣчія, а не въ сознаніи выгодъ Россіи, началъ съ возстановленія прежней политики своей матери. Но вскорѣ, устрашенный миромъ въ Кампо-Форміо, онъ горячо ухватился за систему конца царствованія Екатерины. Павелъ даже счелъ себя орудіемъ Провидѣнія для спасенія „праваго дѣла“, т. е. стараго порядка. Онъ возненавидѣлъ Бонапарта не только, какъ „исчадіе революціи“, но и какъ оскорбителя папы и іоаннистовъ. Онъ сталъ даже гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена, уставъ котораго представлялъ хорошее средство противъ „необузданнаго своеволія мысли“. Россія одна признала „Людовика XVIII“ и содержала его въ Митавѣ. Царь даже выдалъ свою дочь, Александру Павловну, замужъ за непріятнаго ему эрцгерцога Іосифа. Все это для того, чтобы выступить въ походъ противъ „издыхающаго богомерзкаго правленія“ во Франціи [1]).

Россія, наравнѣ съ Англіей, стала душой *второй коалиціи* (1799), вовлекши въ нее Австрію и даже Турцію, встревоженную появленіемъ Бонапарта въ Египтѣ. Ея черноморскій флотъ, вмѣстѣ съ турецкимъ, поплылъ къ Іоническимъ островамъ; балтійскій флотъ перевезъ отрядъ войскъ въ Голландію на помощь англичанамъ; другой отрядъ, съ Корсаковымъ во главѣ, двинулся поддержать австрійцевъ въ Швейцарію. Но главная армія пошла, съ австрійцами, въ Италію, подъ начальствомъ 70-лѣтняго героя, которому Павелъ написалъ: „Суворовъ не нуждается въ лаврахъ, но отечество нуждается въ Суворовѣ“. Такъ какъ австрійцы только мѣшали нелѣпыми распоряженіями своего завистливаго военнаго совѣта въ Вѣнѣ, то этотъ блестящій походъ былъ исключительно славой русскихъ; и Суворовъ вполнѣ заслужилъ званіе „князя Италійскаго“.

Вторая коалиція была болѣе слажена и грозна, чѣмъ первая. Союзъ монархій выставилъ 350.000 штыковъ, чтобы охватить смѣлую республику со всѣхъ сторонъ и разомъ вторгнуться въ нее черезъ Бельгію, Эльзасъ, Швейцарію и Италію. И ея главныя силы вели такіе герои, какъ Суворовъ, эрцгерцогъ Карлъ и Нельсонъ. Республика также выставила свѣтила битвъ—Массену, Макдональда, Моро, Журдана, Бернадота, Брюна, Жубера. Она ввела тогда всеобщую воинскую повинность и „вспомогательные легіоны“ изъ покоренныхъ—батав-

[1]) *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. 70, IV—XII.

скіе, гельветскіе, итальянскіе, мальтійскіе, египетскіе (мамелюки), а также польскіе. При всемъ томъ, набралось всего 170.000; да и тѣ пришлось разбить на 5 армій. Оттого французы сразу проиграли кампанію. Эрцгерцогъ Карлъ въ нѣсколько недѣль освободилъ отъ нихъ южную Германію и восточную Швейцарію: его задержалъ у Цюриха одинъ Массена, на долю котораго выпала и главная тяжесть борьбы, и высшая слава. Въ Италіи роль Массены сыгралъ Моро, спасшій армію, разстроенную до него австрійцами. Но не успѣлъ онъ оправиться, какъ нагрянулъ Суворовъ съ 18.000 русскихъ.

То былъ единственный полководецъ, который могъ помѣряться геніемъ съ Бонапартомъ. Одно его имя стоило арміи: его называли Непобѣдимымъ. И Францъ II поставилъ его командованіе условіемъ своего вступленія въ коалицію. Этотъ старикъ напоминалъ Наполеона юношескимъ пыломъ, быстротой, личной отвагой, орлинымъ взглядомъ, даже ненавистью къ военной рутинѣ. У него была и та же революціонная тактика оглушенія врага обходами и внезапнымъ скопленіемъ силъ: только онъ былъ пѣхотинецъ, полагался больше на штыкъ, чѣмъ на огнестрѣльное оружіе; зато, самъ мужикъ и казакъ душой, онъ былъ ближе къ сердцу солдата. И его воины были такъ же одушевлены, какъ французы, хотя иными идеями: „Мы пришли бить нечестивыхъ безбожниковъ!“ сказалъ онъ имъ теперь. И старый чародѣй совершилъ чудеса военнаго искусства, которыя заставили міръ забыть на минуту подвиги его юнаго соперника. Въ полгода почти вся Италія была освобождена отъ французскаго владычества.

Побѣдилъ геній реакціи—и въ Италіи все перевернулось вверхъ дномъ. Рухнули республики Цизальпинская, Римская и Партенопейская. Всюду подымались волненія въ пользу старины. Суворовъ шелъ возстановлять сардинскаго короля и уничтожить Лигурійскую республику. Русско-турецкій флотъ захватилъ Іоническіе острова. Англичане взяли Мальту. Нельсонъ совершилъ преступленіе противъ человѣчества, почти безпримѣрное даже въ исторіи англійскаго звѣрства и вѣроломства. Когда Макдональдъ покинулъ Неаполь, оставивъ ничтожный гарнизонъ, грубый, отчаянный фанатикъ, кардиналъ Руффо, поднялъ лаццароновъ и крестьянъ противъ „безбожниковъ и цареубійцъ“. Съ помощью шайки разбойника Фра-Дьяволо, онъ истребилъ массу друзей республики. Погибла и Санфеличе, которую Фердинандъ не хотѣлъ пощадить „ни за что на свѣтѣ“:

она стала героиней романовъ и трагедій. Стойкій гарнизонъ сдался на почетныхъ условіяхъ. Онъ отправился во Францію съ друзьями республики. Нельсонъ схватилъ ихъ въ морѣ и частью казнилъ, частью сослалъ или заточилъ въ тюрьму. Вотъ когда Бонапарту слѣдовало спасать республику!

Но вслѣдъ затѣмъ картина стала измѣняться. Злодѣянія реакціонеровъ раскрывали міру глаза на „бѣлый терроръ", въ случаѣ ихъ побѣды. А пока они способствовали гибели коалиціи, разоблачивъ личность и коварство британца. Англія превращала Неаполь въ своего вассала и не думала передавать Мальту ея петербургскому „гроссмейстеру іоаннитовъ". Тогда же она старалась вытѣснить изъ Средиземнаго моря флотъ русскаго царя и погубила его армію въ Голландіи. Съ помощью русскихъ, она безъ выстрѣла овладѣла флотомъ Батавской республики; а затѣмъ ея бездарный, надменный герцогъ Іоркскій споилъ ихъ генераловъ и перевелъ 6.000 солдатъ и казаковъ, съ 239 офицерами, на островъ Джерси. Тамъ несчастные голодали 9 мѣсяцевъ: они пили масло изъ фонарей и ходили по огородамъ, прося „лучку".

Это довершило судьбу союзниковъ. Безкорыстный романтикъ „реставраціи" стараго порядка и „вторженія" во Францію, Павелъ I возненавидѣлъ коалицію, которая уже вызвала его справедливый гнѣвъ съ другого конца. Габсбургъ также хотѣлъ воспользоваться русской кровью, чтобы возвратить утраченное въ Италіи съ лихвой—съ присоединеніемъ къ Австріи Пьемонта, Тосканы и Церковной области. Для этого нужно было выпроводить оттуда своихъ спасителей: и изъ Вѣны явился приказъ Суворову идти въ Швейцарію, чтобы уничтожить Мальту. Знаменитый переходъ русскихъ черезъ С.-Готардъ и ихъ безпримѣрное отступленіе въ Баварію спасли честь коалиціи. Но было уже поздно. Вся кампанія была проиграна: Россія выступила изъ коалиціи.

Такъ Франція избавилась отъ „непоправимой бѣды", частью собственными силами, частью негодностью союзниковъ, и безъ Бонапарта. Но „роковой человѣкъ", именно тогда возвратившійся изъ Египта, нашелъ, что „груша созрѣла", и что ему пора выступить въ роли „спасителя" отечества.

Онъ былъ правъ, если имѣлъ въ виду внутреннее состояніе республики. Директорія окончательно испошлилась и запуталась. Она металась въ предсмертныхъ

судорогахъ. Если прежде она еще занималась нѣкоторыми реформами (гл. XIV), то теперь у нея насталъ періодъ государственныхъ переворотовъ, связанныхъ съ кознями партій. Это банкротство директоріи выражалось въ отчаянныхъ мѣрахъ, напоминавшихъ терроръ. Запрещались газеты. Производились домашніе обыски, съ помощью расцвѣтшаго шпіонства. Тюрьмы наполнялись „анархистами“, а больше всего—роялистами; вводились небывалые налоги, даже лотереи и принудительные займы. Наконецъ, была введена „конскрипція“—вродѣ нынѣшней всеобщей воинской повинности, по жребію, вмѣсто добровольцевъ: ей подвергались всѣ французы 20—25-ти лѣтъ, безъ замѣстительства, а во время войны—безсрочно. И вотъ, болѣе 100.000 состоятельныхъ людей эмигрировало; имущество остальныхъ сильно сократилось отъ принудительныхъ займовъ; государственный долгъ былъ доведенъ до $^1/_3$. Отсюда всеобщее недовольство. Снова выступали крайнія партіи. Возрождался якобинскій клубъ, съ Ожеро во главѣ. По всей Франціи вспыхивали мятежи роялистовъ; къ нимъ склонялись Моро и Массена, и самъ Баррасъ удостоился отъ Бурбоновъ титула „агента короля Франціи“. Нація задыхалась въ партійныхъ козняхъ; а тутъ распространялась голодовка. Конскрипція вызывала дезертирство, а оно питало разбойничество: росли шайки „поджигателей“, которые брали выкупы съ своихъ жертвъ, поджаривая имъ пятки. Изъ арміи же доносился паническій страхъ передъ „варварами“, которые идутъ во Францію, со своимъ непобѣдимымъ Суворовымъ во главѣ. Нація искала „спасителя“, который избавилъ бы ее и отъ „краснаго призрака“, и отъ „бѣлаго террора“, и отъ „нравственной гнили“, какъ всѣ называли директорію.

Онъ скрывался около полутора года въ таинственной дали Востока. Кто считалъ его павшимъ подъ ятаганами нехристей, кто толковалъ, что онъ „въ ссылкѣ“, „и будетъ ему хуже, чѣмъ Гошу“. Какъ вдругъ, среди унылаго общества, которое знало объ однихъ пораженіяхъ въ Европѣ, разнесся слухъ о сказочной побѣдѣ подъ Абукиромъ. Почти въ ту же минуту пришла вѣсть о чудесномъ спасеніи отъ англійской погони этого „рокового человѣка“, безъ котораго все въ Европѣ переворачивается вверхъ дномъ.

48 дней носился новый Одиссей по морю, при противныхъ вѣтрахъ, обходомъ, у пустынныхъ береговъ Африки, плывя больше по ночамъ, безъ фонарей, чтобы

ускользнуть отъ англичанъ и избавиться отъ сѣверо-западнаго вѣтра, который днемъ иногда относитъ парусные фрегаты миль на 10 назадъ. Наперсники Бонапарта были, какъ приговоренные къ смерти: одинъ онъ сохранялъ бодрость и спокойствіе на кораблѣ, который несъ „Цезаря и его судьбу“. Задержанный противнымъ вѣтромъ, онъ даже весело охотился на своей Корсикѣ, которую видѣлъ въ послѣдній разъ. Здѣсь же Наполеонъ узналъ про положеніе директоріи—и измѣнилъ свой планъ. Сначала онъ думалъ явиться, какъ снѣгъ на голову, передъ побѣдоноснымъ врагомъ въ Италіи и разнести его: теперь нужно было спѣшить въ Парижъ. Уже въ виду Франціи наткнулись-таки на бдительную британскую эскадру. Бонапартъ собирался броситься въ шлюпку и плыть дальше одному. Но счастливца спасло такое расположеніе парусовъ, что непріятель ошибся въ направленіи его судна. Бонапартъ высадился во Фрежюсѣ, близъ Тулона, 9-го октября 1799 года.

„Почти по всей Франціи раздался крикъ радости спасенныхъ“, говоритъ Беранжэ. По всему пути народъ, не боясь азіатской чумы, стекался взглянуть на избавителя, прикоснуться къ его одеждѣ: его экипажъ съ трудомъ пробирался сквозь толпы. А по ночамъ всюду пылали иллюминаціи: желанный герой вноситъ свѣтъ во тьму. На одной стоянкѣ, членъ якобинскаго клуба воскликнулъ: „Побейте и изгоните непріятеля, генералъ,— и, если хотите, мы сдѣлаемъ васъ королемъ!“ Отсюда же Наполеонъ послалъ письмо директорамъ. Ссылаясь на ихъ ноябрьскую депешу (гл. XVI), онъ говорилъ, что только турки помѣшали ему тогда же возвратиться для войны съ коалиціей. Но онъ никогда не побоялся бы сдѣлать это, хотя бы пришлось плыть „на шлюпкѣ, въ одной шинели“. Конечно, письмо прославляло египетскіе подвиги Бонапарта. И оно было послано съ такимъ разсчетомъ, чтобы курьеръ доставилъ его лишь за нѣсколько часовъ до прибытія самого героя. Въ столицѣ искренній восторгъ охватилъ улицы, кофейни, театры. Газеты наполнялись длинными разсказами о каждомъ словѣ и движеніи генерала. Тогда не только благоговѣли передъ нимъ: его любили, ему довѣряли, на него надѣялись. Словомъ, „возвращеніе героя“ стало какъ бы лозунгомъ всей націи.

Это объясняется настроеніями въ обществѣ и въ директоріи въ ту, самую мудреную минуту жизни Наполеона, съ которой нелегко справиться и историку.

Огромное большинство націи жаждало любимца счастья, генія побѣдъ, чтобы избавиться отъ срама пораженій. Оно пуще всего боялось возвращенія краснаго террора: отсюда всеобщая ненависть къ директоріи, которая впадала въ якобинство послѣ 18-го фрюктидора. Всѣ мечтали о соблюденіи порядка и законности; но никто не видѣлъ опредѣленной формы желаннаго новаго правительства. Въ умахъ слагался идеалъ ограниченной монархіи; но не знали, откуда взять ее и какъ обставить, ибо требовались и свобода, и сильная власть. Отсюда колебанія даже у главныхъ политиковъ минуты. Баррасъ, Талейранъ, Фушэ думали то о Бурбонахъ, то объ Орлеанахъ. Сіейсъ одно время мечталъ даже о королѣ изъ Брауншвейговъ.

Во всякомъ случаѣ, прежде всего, нужно было раздѣлаться съ кошмаромъ якобинства, которое занимало даже 250 мѣстъ въ законодательныхъ совѣтахъ, особенно у Пятисотъ. Директорія прибѣгла для этого къ маленькимъ государственнымъ ударамъ или беззаконіямъ. Уже 22-го флореаля (мая) 1798 г. она выгнала 60 радикаловъ изъ парламента. 30-го преріаля (іюня) 1799 г., путемъ интригъ въ совѣтѣ Пятисотъ, обновилось правительство. Директорію составили: Баррасъ, Сіейсъ, Рожэ-Дюко, Гойе и Муленъ. Послѣдніе двое были убѣжденные якобинцы, но безвольныя посредственности; первые трое изображали собой умѣренность, стремившуюся къ измѣненію конституціи 1795 года для усиленія исполнительной власти. Сила минуты сосредоточилась въ этой троицѣ, къ которой склонялись и Жозефъ съ Люсьеномъ, и кружокъ г-жи Сталь съ Талейраномъ. Рожэ-Дюко былъ ничтожество, выдвинутое Сіейсомъ; Баррасъ запутался въ интригахъ и, преслѣдуемый всеобщимъ презрѣніемъ, удалился „отдыхать“ въ деревню. Передъ возвращеніемъ Бонапарта первая скрипка выпала на долю Сіейса.

Передъ революціей этотъ аббатъ прославился горячей и толковой брошюрой въ пользу третьяго чина, затѣмъ онъ сложилъ съ себя санъ, „навязанный суевѣріемъ“, и ораторствовалъ у якобинцевъ. Но во время террора онъ исчезъ. Когда его спрашивали потомъ, что онъ дѣлалъ, философъ отвѣчалъ: „я жилъ“. Послѣ 9-го термидора бывшій аббатъ вдругъ опять заговорилъ: онъ уже требовалъ положить конецъ „безобразной работѣ преступнаго отродья анархистовъ, лохмотниковъ, сволочи“. Сила Сіейса состояла въ умѣньи пускать пыль въ глаза таинственнымъ глубокомысліемъ: онъ считался вездѣ оракуу-

ломъ конституціонныхъ дѣлъ, въ карманѣ котораго всегда лежалъ запасъ благодѣтельныхъ уложеній для всего міра. Но это былъ тщеславный, алчный и слабохарактерный интриганъ, готовый прислониться ко всякой силѣ, умѣвшей вознаграждать его усердіе. Теперь онъ именно искалъ диктатора, способнаго и оцѣнить его, и расправиться со „сволочью". Онъ съ особенно глубокомысленнымъ видомъ носился съ какимъ-то таинственнымъ планомъ, высидѣвъ весьма сложную конституцію, съ „тремя консулами" во главѣ. И этому мудрецу, жаждавшему возстановленія порядка, повиновалось большинство обѣихъ палатъ—и совѣта Старѣйшинъ, и совѣта Пятисотъ. Этотъ могущественный кружокъ называлъ себя „реформистами".

Бонапартъ, понимавшій пустоту этого скучнаго, но цѣпкаго „идеолога", хотѣлъ-было расправиться съ нимъ по-военному — занять его мѣсто. Но ему указали на статью конституціи 1795 года, требовавшей сорока лѣтъ отъ директора. Тогда онъ рѣшилъ обойти „старую лису", которая думала, въ свою очередь, играть „наивнымъ героемъ", хотя и видѣла опасность. Сіейсъ сначала искалъ для своей конституціи меча „не столь длиннаго": онъ обращался къ Моро. Но этотъ флегма-медлитель стушевался, а потомъ сдался счастливому сопернику. Тогда Сіейсъ сказалъ двумъ своимъ пріятелямъ: „пойду заодно съ генераломъ Бонапартомъ: это самый гражданскій изъ всѣхъ солдатъ. Но я знаю, что ждетъ меня: послѣ побѣды, генералъ сдѣлаетъ вотъ такъ съ своими двумя товарищами". Тутъ онъ прошелъ между своими собесѣдниками, отстраняя ихъ руками назадъ, и остался одинъ посреди комнаты. Услыхавъ объ этомъ, Бонапартъ воскликнулъ: „да здравствуютъ умные люди! Это—хорошій знакъ!" Сіейсъ простеръ свою услужливость до того, что предлагалъ арестовать 40 стойкихъ республиканцевъ изъ Пятисотъ. „Я не боюсь такого слабаго врага, возразилъ генералъ: за нами нація; къ тому же я присягалъ защищать ея представителей".

Бонапартъ былъ правъ. Противъ ничтожной оппозиціи въ парламентѣ онъ опирался почти на всѣ силы страны. Мы видѣли настроеніе массъ во Франціи. Нечего и говорить про армію, гдѣ поневолѣ покорились даже роялистъ Моро, якобинцы Ожеро и Журданъ и самъ военный министръ, завистливый Бернадотъ, предлагавшій сначала арестовать соперника. Къ Наполеону склонялась журналистика и даже кружокъ г-жи Сталь, съ Талейраномъ и министромъ полиціи, Фушэ. За него

стали „реформисты“: самый опасный, по силѣ якобинства, противникъ, совѣтъ Пятисотъ избралъ Люсьена своимъ президентомъ. Знать и высшая буржуазія, эмигранты и банкиры обрабатывались братцами.

Корсиканскій кланъ былъ въ полномъ сборѣ и дѣйствовалъ на славу, подъ предводительствомъ Жозефа и Люсьена, которые уже пріобрѣли внѣшній лоскъ, начитанность, солидность. Ихъ дома, оживляемые женами-красавицами и салонницами, стали средоточіемъ сливокъ столичнаго общества. Эти отели, а лѣтомъ — замки-дачи, съ толпой слугъ, курьеровъ, сторожей, экипажей, составляли какъ бы вѣнецъ сіянія вокругъ двора Бонапарта, который былъ болѣе блестящъ и почетенъ, чѣмъ въ Монтебелло (гл. XIII). Въ отсутствіе своего Провидѣнія, ихъ господа кормили знаменитостей литературы и искусствъ и повелительно писали министрамъ. Они высоко носили головы, приписывая свою роль собственнымъ заслугамъ, а Жозефину держали въ черномъ тѣлѣ: она, съ своими алмазами, перлами живописи и антики, прибѣгала къ займамъ для своихъ оргій. Братцы воевали съ невѣсткой и изъ-за политики. Она держалась директоріи, съ которой былъ связанъ ея мужъ; а они вели свою линію. Жозефъ породнился съ Бернадотомъ. Люсьенъ, заодно съ послѣднимъ и Сіейсомъ, чернилъ Наполеона, подготовляя государственный ударъ для себя самого. Когда пріѣхалъ Бонапартъ, всѣ эти враги-интриганы соединились для помощи ему, покидая собственные замыслы. Жозефъ орудовалъ особенно у старѣйшинъ, Люсьенъ — у Пятисотъ. Жозефъ заставилъ даже своего шурина, Бернадота, хоть стушеваться на время. Онъ былъ также завсегдатаемъ салона г-жи Сталь. Мужъ Полины, старый офицеръ, повліялъ на Моро, а также на Ланна, Мюрата, Дюрока, Бертье и др. Наконецъ, юный Люи, наивно мечтавшій лишь о слѣдующемъ чинѣ, выражалъ, какъ всегда, свою преданность Наполеону, подстегивая старшихъ братьевъ своими горячими, искренними рѣчами. Жозефина же не только дѣйствовала на высшее общество и на Барраса, но склонила къ Бонапарту самого Гойе, очаровавъ его жену своими частыми визитами.

Но въ этой Мантуѣ политическихъ интригъ главная роль принадлежала, конечно, самому полководцу. А она была очень трудна. Бонапартъ долженъ былъ поддерживать сложившееся издали представленіе о себѣ; а онъ сталъ уже другой. Онъ самъ докладываетъ намъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ Востокъ, мнѣ опротивѣлъ

Руссо: дикарь, это — собака!" Одному поэту онъ сказалъ: „Тамъ вы увидѣли бы страну, гдѣ государь не ставитъ ни во что жизнь своихъ подданныхъ, да и подданный тоже: вы излечились бы отъ вашей филантропіи". Жозефина прибавляетъ: „Походъ въ Египетъ очень измѣнилъ его нравъ: онъ развилъ его обыденный деспотизмъ".

Бонапартъ мастерски разыгралъ свою роль. Въ своемъ штатскомъ сюртучкѣ съ турецкою саблей, съ своими уже стриженными волосами, съ своей доступностью и особеннымъ вниманіемъ къ ученымъ, онъ казался добродушнымъ, искреннимъ „гражданиномъ" и жрецомъ Музъ и больше прежняго напоминалъ Цинцината. Онъ опять сталъ скромнымъ семьяниномъ: „когда весь Парижъ занимается имъ, онъ проводитъ вечера въ игрѣ въ трикъ-тракъ съ своей женой", говоритъ очевидецъ. Онъ сумѣлъ, сохраняя сдержанность и таинственность, обворожить всѣхъ: съ честными онъ лицемѣрилъ, плутовъ подкупалъ золотомъ, а больше обѣщаніями, трусовъ запугивалъ краснымъ призракомъ, якобинцевъ увѣрялъ въ искорененіи роялизма. Онъ самъ говорилъ потомъ г-жѣ Ремюза: „Никогда я не велъ себя такъ ловко. Я обѣщалъ Сіейсу провести его многорѣчивую конституцію. Я принималъ вождей якобинцевъ и агентовъ Бурбоновъ. Я никому не отказывалъ въ совѣтахъ, но давалъ ихъ только въ собственныхъ выгодахъ. Я прятался отъ народа, зная, что изъ любопытства онъ послѣдуетъ за мной въ должную минуту. Всякій попадалъ мнѣ на удочку". Всѣ были обмануты до того, что республиканцы и либералы вѣрили въ упроченіе свободы, а де-Местръ и Питтъ видѣли въ Наполеонѣ Монка. Директорія же, заглядывавшая „за кулисы", не смѣла шевельнуться.

Тѣмъ не менѣе, дѣло было весьма опасное: все зависѣло отъ одной минуты. Нужно было спѣшить. Посланные доносили, что, въ виду новыхъ побѣдъ, во Франціи водворяется спокойствіе: полагали даже отмѣнять произвольныя мѣры директоріи. Страшенъ былъ Моро съ своими роялистическими замыслами; а Массена, говорили, походилъ на Монка даже нравомъ. Наконецъ, армія вообще еще помнила основы революціи; а въ совѣтѣ Пятисотъ было много республиканцевъ, которые могли поднять рабочихъ предмѣстій. Заговорщики переживали тяжелыя минуты. На одномъ банкетѣ, гдѣ присутствовалъ и Моро, Бонапартъ пилъ изъ собственной бутылки. Дня за два до событія, онъ засидѣлся за

полночь у Талейрана. Вдругъ — стукъ колесъ и конскій топотъ у воротъ. Собесѣдники поблѣднѣли. Хозяинъ погасилъ свѣчи и выбѣжалъ въ корридоръ, гдѣ увидѣлъ въ окно, что это не къ нимъ.

Бонапартъ понялъ, что груша созрѣла. И вотъ, ровно мѣсяцъ спустя по прибытіи Бонапарта во Францію, 9-го ноября 1799 года, міръ былъ пораженъ однимъ изъ величайшихъ государственныхъ переворотовъ въ исторіи, названнымъ, по республиканскому календарю, *18-мъ брюмера VIII года.*

А. Трачевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Карлъ Брюлловъ, Феделе Бруни и Александръ Ивановъ.

БРЮЛЛОВЪ и Бруни первые рускіе художники, воспитанники Петербургской академіи художествъ, имена которыхъ остались въ памяти широкаго круга русской публики. Александръ Ивановъ, ихъ младшій, но ближайшій сотоварищъ по образованію, принадлежитъ уже къ дальнѣйшему періоду, когда русское искусство вступило въ новый фазисъ, когда и въ русскомъ обществѣ и въ русскомъ искусствѣ зарождались новыя теченія, обусловившія дальнѣйшее его развитіе уже въ наши дни. Какъ Брюлловъ, такъ и Бруни получили художественное образованіе въ Россіи и затѣмъ отправились въ Италію для усовершенствованія. Въ Римъ они пріѣхали уже самостоятельными готовыми художниками и благодаря своимъ талантамъ, а также и хорошей подготовкѣ, быстро заняли почетныя мѣста среди римскаго международнаго и очень многочисленнаго общества художниковъ.

Карлъ Брюлловъ родился въ концѣ 1799 года, Бруни въ 1800 году, а Александръ Ивановъ въ 1806 году. Они всѣ трое попали въ академію дѣтьми и учились вмѣстѣ у однихъ и тѣхъ же профессоровъ: Андрея Иванова (отца Александра Иванова) и Егорова.

Преподаваніе въ академіи велось тогда безъ строго выработанной методы, но было довольно разностороннимъ и не лишено было практическаго смысла. Въ академіи тогда еще живы были традиціи, шедшія отъ временъ ея возникновенія. Академія была учреждена, чтобы способствовать достиженію общей идеальной и высокой цѣли — процвѣтанія искусствъ въ Россіи и затѣмъ для того, чтобы готовить хорошихъ *своихъ* масте-

ровъ, необходимыхъ для украшенія дворцовъ и казенныхъ зданій. Такъ Шуваловъ и писалъ въ своемъ докладѣ, проектируя учрежденіе академіи. Онъ указывалъ, что академія „великую пользу принесетъ казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные (художники) посредственнаго знанія, получая великія деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя по сіё время ни одного русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать".

Практическія цѣли, къ которымъ стремились руководители академіи въ первыя десятилѣтія ея существованія, принесли хорошіе плоды.

Достиженіе практической цѣли имѣть прежде всего искусныхъ художниковъ-мастеровъ повело къ тому, что преподаваніе велось по простымъ ремесленнымъ пріемамъ, но разумно. Въ первыя десятилѣтія существованія академіи образцы ложно-классическаго искусства, тогда моднаго въ Европѣ, считались верхомъ совершенства, затѣмъ по мѣрѣ большого развитія, какъ художниковъ, такъ и небольшого еще въ то время круга цѣнителей художественныхъ произведеній, предметомъ изученія и подраженія стали произведенія, великихъ италіанскихъ мастеровъ эпохи возрожденія. Работы Рафаэля, Леонардо да Винчи и даже Микель-Анджело, хотя этотъ послѣдній и пугалъ робкихъ петербургскихъ художниковъ своей яркой индивидуальностью и признавался ими дерзкимъ, стали предметомъ подражанія и, конечно, это принесло большую пользу русскимъ мастерамъ.

Практическая цѣль преподаванія въ академіи избавляла его отъ многихъ недостатковъ и главнымъ образомъ отъ самаго важнаго недостатка — теоретическихъ измышленій людей, неспособныхъ къ творческой дѣятельности. Искреннее желаніе преподавать такъ, чтобы ученики стали искусными мастерами, дало толчекъ развитію искусства въ Россіи и въ началѣ прошлаго, девятнадцатаго вѣка, оно имѣло у насъ представителей въ разнообразныхъ направленіяхъ. Брюлловъ и Бруни, чувствуя въ себѣ большія силы и повинуясь общему направленію, господствовавшему тогда въ Европѣ, посвятили себя отрасли, считавшейся наиболѣе благородной— историческому искусству.

Брюллова и Бруни обыкновенно считаютъ академистами и причисляютъ прямо къ тому академическому мертвящему направленію, которое начало господствовать у насъ съ 30-хъ годовъ. Это опредѣленіе

совершенно не выдерживаетъ критики и опровергается всѣми работами какъ Брюллова, такъ и Бруни.

Оба эти художника, совершенно своеобразные и имѣющіе мало общаго, служатъ исходной точкой для развитія русскаго искусства различныхъ направленій. Въ своей дальнѣйшей дѣятельности они соприкасаются со слѣдующимъ уже совершенно рутиннымъ періодомъ академическаго преподаванія, потому что работы ихъ указывались ученикамъ, какъ образцы искусства, но первоначально, въ молодые свои годы, въ то время, когда формировался ихъ талантъ, они принадлежатъ еще къ болѣе раннему, безсистемному, но зато и болѣе свободному академическому преподаванію, о которомъ я упоминалъ выше. Вотъ почему слѣдующіе за ними ученики академіи, несмотря на все стараніе преподавателей, никогда не могли съ ними сравняться, хотя повидимому только къ этому и направлись всѣ ихъ усилія.

Послѣ Брюллова, Бруни и Иванова, несмотря на то, что академія была окончательно организована, несмотря на постоянное покровительство правительства искусству, таланты какъ бы изсякаютъ въ Россіи, и нельзя уже указать изъ числа учениковъ академіи ни одного крупнаго художника вплоть до того времени, когда искусство перемѣнило совершенно свое направленіе и получило новое развитіе не подъ вліяніемъ академическихъ порядковъ, а вопреки имъ.

Интереснѣе всего то, что такое внезапное оскудѣніе академіи произошло именно тогда, когда русское общество въ правѣ было ожидать отъ нея и ожидало, дѣйствительно, съ полной увѣренностью за будущее, новыхъ успѣховъ на поприщѣ искусства. Начало тридцатыхъ годовъ, когда случился этотъ поворотъ въ дѣятельности академіи, не представляетъ уже такого глухого и темнаго времени въ исторіи общественной русской мысли, какъ XVIII столѣтіе и самое начало XIX. Въ это время художники и произведенія искусства не представляли уже невиданной рѣдкости. Появились русскіе художники, интересовавшіеся русскою дѣйствительностью, художники, по праву требующіе себѣ мѣста среди европейскихъ своихъ собратій. Русское общество начинало уже сознавать потребность въ художественныхъ произведеніяхъ и объ искусствѣ шли въ образованныхъ кругахъ споры и толки. Появилась потребность и въ систематическихъ свѣдѣніяхъ о томъ, что дѣлается въ Европѣ по части искусства. Появилась, наконецъ, и спеціальная литература объ этомъ предметѣ.

Кукольникъ издавалъ уже въ 1836 году свою знаменитую „Художественную Газету“ и помѣщалъ въ ней всѣ свѣдѣнія, какія зналъ самъ и могъ собрать у своихъ друзей, людей образованныхъ и начитанныхъ. Онъ поднималъ въ ней, въ замѣткахъ, обращенныхъ къ читающей публикѣ, вопросъ о томъ, что стыдно забывать своихъ художниковъ, просилъ сообщать ему свѣдѣнія о дѣятельности того или иного живописца, скульптора или архитектора. Въ статьяхъ своихъ онъ передавалъ также и мнѣнія наиболѣе вліятельныхъ лицъ того времени о томъ, какое направленіе должно быть присвоено образованію въ академіи и какими мѣрами можно достичь процвѣтанія искусства въ Россіи. Заслуга Кукольника для исторіи искусства прямо неоцѣнима. Онъ первый, разсчитывая на одни свои личныя усилія, принялся исполнять службу, которую несетъ для общества литература.

Изъ наиболѣе значительныхъ статей „Художественной Газеты“ ясно видно, какъ смотрѣли на задачи искусства самые вліятельные люди того времени, чего они отъ него ожидали, и какія мѣры принимались для его процвѣтанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣзкій поворотъ начала тридцатыхъ годовъ въ развитіи русскаго искусства произошелъ отъ вполнѣ ясныхъ причинъ, и причины эти легко обнаружить. Искусство не можетъ имѣть самостоятельной жизни и никогда и нигдѣ оя и не имѣло: оно всегда тѣсно связано со всею остальною общественною жизнью. Искусство выражаетъ тѣ мысли и стремленія, которыя волнуютъ общество, и нѣтъ ничего для него убійственнѣе теоріи, что художникъ можетъ и долженъ работать, живя отдѣльной отъ общества духовной жизнью. Эту старую истину необходимо повторить здѣсь еще разъ, потому что именно она была забыта въ періодъ упадка академическаго искусства.

Новая эра, эра упадка, обнаружилась не въ одной области художествъ. Напротивъ, художества, какъ удѣлъ немногихъ лицъ, живущихъ въ замкнутомъ, привилегированномъ кругу, могутъ быть позже другихъ областей общественной жизни почувствовали наступленіе эпохи мертвящаго холода. Вся русская жизнь со второй половины двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія испытывала гнетущее ига усиленной регламентаціи и самаго прямолинѣйнаго формализма, который грозилъ задавить все.

Россія вступила тогда на особый и неблагодарный путь. Явилась идея, что она призвана спеціально на то, чтобы задерживать развитіе Европы, останавливать новыя идеи, которыя разливались тогда широкимъ потокомъ

Вакханка поящая амура. — Ф. А. Бруни.

изъ Парижа. Всему французскому люди, которыхъ признавали тогда благонамѣренными, считали своею обязанностью ужасаться, и надъ каждымъ явленіемъ парижской жизни принято было свысока посмѣиваться. Этого тона придерживался и Кукольникъ. Онъ писалъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1836 года, говоря о выставкахъ: „Франція... какъ бы я желалъ никогда не говорить о Франціи въ художественномъ отношеніи, не слышать несправедливыхъ упрековъ въ пристрастіи, не оскорблять людей, привыкшихъ издали поклоняться гулу блистательнаго водопада, который сдѣланъ изъ картона, а за картономъ театральная машина съ погремушками".

Странно и непонятно, какимъ образомъ люди, открыто выступавшіе противъ прогресса и цивилизаціи, считали возможнымъ покровительствовать художествамъ. По какому недоразумѣнію можно было предполагать, что искусство—наиболѣе свободное проявленіе духовной жизни человѣка — можетъ процвѣтать подъ игомъ бездушнаго формализма? Положительно невѣроятно, чтобы люди неглупые и довольно освѣдомленные въ вопросахъ искусства могли искренно придерживаться такого убѣжденія, и потому здѣсь невольно напрашивается мысль о томъ, что всѣ ихъ теоріи имѣли источникомъ не столько заблужденіе, какъ намѣренную фальсификацію мнѣній и сужденій. Какъ въ баснѣ Крылова, тогда лису поставили воеводою надъ рыбами, и воевода заставлялъ своихъ подданныхъ веселиться и плясать.

Угнетеніе искусства, какъ это часто бываетъ, именно было достигнуто подъ видомъ упорядоченія, поднятія уровня и покровительства. Глубокомысліе въ оцѣнкѣ трудовъ художниковъ и систематичность преподаванія явились главными способами обузданія искусства. Съ виду требованія эти имѣли всѣ признаки просвѣтительныхъ усилій, и въ этомъ отношеніи они были такъ хорошо обставлены, что надолго эти антихудожественныя, нелѣпыя фантазіи отождествлялись русскимъ обществомъ съ самимъ искусствомъ, т. е. съ главнымъ художественнымъ теченіемъ—италіанскимъ искусствомъ.

И такимъ образомъ ненависть, совершенно справедливая къ гнету и канцелярщинѣ, ошибочно переносилась на самое высокое и благородное проявленіе художественнаго творчества. Потребовалось не мало времени и значительнаго распространенія образованія въ области художествъ, чтобы изгнать такія нелѣпыя выраженія, какъ *италіанщина*, которыми невѣжественные художники и критики одно время огульно называли какъ безсмыслен-

ные академическіе рецепты по части изготовленія шаблонныхъ картинъ, такъ и образцы великаго индивидуальнаго искусства, которое возникло въ Италіи въ эпоху Возрожденія и затѣмъ разлилось оттуда вмѣстѣ съ цивилизаціей по всѣмъ странамъ Европы. Нужно было обладать чрезмѣрнымъ непониманіемъ, чтобы смѣшать грубую формалистику съ постоянно живымъ источникомъ искусства, изъ котораго черпаютъ и будутъ черпать всегда всѣ школы Европы, пока развитіе личности, свобода индивидуальной умственной жизни будутъ дороги цивилизованному человѣку. Однако, непониманіе это захватило широкій кругъ русскаго общества, и слѣды его существуютъ и до сихъ поръ. Гнетъ формализма въ искусствѣ былъ такъ тяжолъ, что стали бояться не только самого формализма, но и всѣхъ словъ, которыя безъ всякаго основанія позволяли себѣ произносить фельдфебеля, вдругъ произведенные въ своего рода Вольтеры. Поэтому необходимо отмѣтить какъ можно яснѣе этотъ несчастный поворотъ назадъ въ развитіи русскаго искусства въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Только послѣ подробнаго изученія этого явленія станетъ понятнымъ, почему именно съ этого времени все, что имѣло талантъ, смыслъ и любовь къ искусству, всѣ лучшіе русскіе художники стали въ оппозицію новому, якобы улучшенному строю, и почему они всѣ такъ бѣдствовали, какъ матеріально, такъ и, главнымъ образомъ, нравственно.

Что же собственно было предпринято, и какія мѣры были применены, и кого взяли въ данномъ случаѣ за образецъ?

Въ „Художественной Газетѣ“, въ сентябрьскомъ нумерѣ 1836 года, есть любопытная статья, являющаяся драгоцѣннымъ историческимъ свидѣтельствомъ стремленій того времени. Статья эта озаглавлена: „Любопытныя рѣчи“. По мнѣнію Кукольника, эти рѣчи тогда были еще любопытны, потому что онѣ открывали то направленіе, которое приняло, сравнительно еще недавно, какихъ-нибудь десять лѣтъ, оффиціальное художество подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ начальства. Кукольникъ передаетъ разговоръ вліятельнаго сановника, не называя его по имени. Разговоръ зашелъ о знаменитомъ мудрецѣ дюссельдорфской школы, Вильгельмѣ Шадовѣ, который не столько заботился о собственной славѣ, сколько о томъ, чтобы преподать средства молодому поколѣнію сдѣлаться достойными художниками. Такъ аттестуетъ Шадова Кукольникъ. Вотъ какія любопытныя

рѣчи велъ ораторъ, такъ—Кукольникъ называетъ лицо слова котораго онъ приводитъ. Переданный Кукольникомъ разговоръ вѣроятно дѣйствительно происходилъ въ одной изъ петербургскихъ гостинныхъ, и Кукольникъ не называетъ дѣйствующихъ лицъ по именамъ только лишь изъ деликатности, зная боязнь особъ того времени попасть въ газету.

„Шадовъ у насъ мало извѣстенъ, а онъ едва ли въ художествахъ не самый полезнѣйшій человѣкъ. Посмотрите, что такое былъ Дюссельдорфъ до его пріѣзда: Корнеліусъ, не сдѣлавъ ничего, перебрался въ Мюнхенъ; даже порядочной галлереи не нашелъ Шадовъ и, несмотря на всѣ неудобства, въ нѣсколько лѣтъ образовалъ рядъ отличныхъ художниковъ, хотя у насъ и фамиліи ихъ неизвѣстны (перечисляетъ здѣсь около десятка фамилій, которыя въ большинствѣ и теперь остались въ неизвѣстности). Однимъ словомъ, сѣверо-германская школа создана однимъ Шадовымъ. Не одно руководство въ самомъ искусствѣ образовало художниковъ: Шадовъ умѣлъ удержать ихъ при себѣ столько времени, сколько механизмъ искусства требовалъ для того, чтобы сдѣлаться мастеромъ. Шадовъ понялъ главное: необходимость обезпечить жизнь художника, не допустить его работать на сторону для денегъ, пока не укрѣпится рука, не образуется умъ, не уразумѣетъ природы. И дѣльно".

Итакъ, главное—держать художника въ рукахъ, пока не укрѣпится его умъ и рука, и, конечно, надо его въ это время кормить, но въ то же время и требовать, чтобы онъ во всемъ подчинялся тому, чего отъ него требуютъ. Далѣе еще разъ описываются всѣ прелести обезпеченнаго положенія художника, и затѣмъ Кукольникъ говоритъ: „На лицѣ одного молодого человѣка, который, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, всегда и всѣмъ недоволенъ, показалась улыбка сомнѣнія, но отъ оратора не успѣла скрыться: глаза его засверкали сильнѣе обыкновеннаго; полилась рѣчь обильная, исполненная опытной мудрости. Я записалъ почти все; могутъ быть неточности въ слогѣ, но весьма немногія:

— „Сомнѣнія,—началъ онъ (ораторъ),—и невѣріе требуютъ причинъ, обвиненіе—доказательствъ, судъ—знанія. Посмотрите съ мое на художества и художниковъ,—не то заговорите, или, лучше, не то задумаете о нашихъ. Смѣло скажу вамъ, молодой человѣкъ, и прошу вѣрить моему слову: нигдѣ въ цѣлой Европѣ я не видѣлъ академіи, въ которой бы соединено было столько полезныхъ правилъ, ведущихъ прямо къ цѣли, безъ

изворотовъ. Замѣтьте, эти правила не мертвы: ихъ придумало знаніе и опытность попечительнаго правительства; эти правила удобно прилагаются къ практикѣ, и послѣдствія блистательно оправдываютъ необходимость ихъ существованія. Кромѣ того, правительство дало академіи многочисленныя средства не только къ пропитанію и содержанію большого числа художниковъ, но и способы къ развитію ихъ душевныхъ способностей"...

Затѣмъ, пространно хваля обезпеченность русскихъ академическихъ художниковъ, ораторъ начинаетъ воспѣвать регламентацію съ другой стороны. Онъ указываетъ на множество художниковъ въ Европѣ, которые, конечно, не всѣ равно талантливы, и, переходя къ Россіи, говоритъ: „Посредственныхъ (художниковъ) немного: они не могутъ существовать въ Россіи,—правительство предупредило эту заразу мудрыми постановленіями. Поѣзжайте же теперь во Францію, Германію, Англію, потрудитесь исчислить извѣстныхъ и посредственныхъ художниковъ: первое легко,—вы это сдѣлаете наизустъ, если знакомы хотя немного съ иностранными художествами; послѣднее едва ли возможно. На тысячу плохихъ, не знаю, найдете ли одного, по крайней мѣрѣ, замѣчательнаго".

— „Зато лучшіе, — отозвался молодой человѣкъ,— дѣлаются лучшими по призванію, а до прочихъ—что за дѣло!".

— „И весьма дѣло,—продолжалъ старикъ (ораторъ);— во-первыхъ, если они бросились на этотъ путь по призванію, такъ изъ нихъ, при хорошемъ ученіи, при обезпеченномъ содержаніи, могли быть художники, а не ремесленники; во-вторыхъ, ремесленники въ художествахъ, точно такъ же, какъ и въ литературѣ, живутъ на счетъ общественной нравственности; въ третьихъ, многочисленность этого класса людей правительству въ тягость... Я знаю, что вамъ нужно. Вы жалуетесь на недостатокъ художниковъ потому, что некому гравировать эфемерныя картинки, изобрѣтать орнаменты для обертки, которую завтра же уничтожитъ вашъ переплетчикъ, словомъ, вы именно жалуетесь на недостатокъ ремесленниковъ. Чудное противорѣчіе: какъ видно, что мы образованы на французскій ладъ. Но странное дѣло! Столько я помню исторію изящныхъ художествъ,—гдѣ истинно *процвѣтало* искусство, тамъ въ этихъ ремесленникахъ всегда былъ недостатокъ. Академія должна хранить чистоту и славу искусства и школы и отнюдь не должна заниматься приготовленіемъ сего класса работниковъ"...

Больше я не буду продолжать и безъ того уже длинныхъ выписокъ изъ статьи Кукольника, хотя въ ней и далѣе есть очень характерныя и важныя для уразумѣнія направленія того времени мысли и разсужденія. И того, что уже выписано, вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что статья эта—замѣчательная и что въ мнѣніи *оратора* высказывается вся академическая программа дѣятельности той эпохи. Академическая программа опеки надъ художниками и руководства искусствомъ не представляла чего-либо исключительнаго. Она была простымъ повтореніемъ въ области художественнаго воспитанія тѣхъ же правилъ, которыя примѣнялись тогда ко всѣмъ проявленіямъ русской жизни.

Наступило время реакціи послѣ прогрессивной эпохи начала столѣтія, и выразилась она въ отношеніи искусства введеніемъ особой системы для образованія улучшенныхъ художниковъ, которые должны были увлекаться искусствомъ не такъ, какъ имъ хотѣлось, а такъ, какъ ихъ учили. Всѣ внѣшніе пріемы и правила воспитанія взяты были изъ Германіи. Шадовъ казался идеаломъ художника. Хотя онъ самъ лично ничего выдающагося не сдѣлалъ, но какъ взгляды его на искусство, такъ и пріемы преподаванія признавались тогда самыми лучшими. Тогда вообще наступило всеобщее, давно уже отмѣченное исторіей увлеченіе нѣмцами реакціоннаго лагеря, которые въ Россіи пріобрѣли, благодаря отсутствію всякой оппозиціи, такое вліяніе на общественную жизнь, какимъ они не пользовались и у себя дома.

Съ такими неблагопріятными условіями пришлось встрѣтиться и бороться русскому, слабому еще, едва распустившему первые листы искусству. Искусство оказалось очень сильнымъ. Оно вышло побѣдителемъ изъ этой несправедливой борьбы, но отдѣльные художники пострадали сильно. Цѣлая плеяда молодыхъ художниковъ не безъ дарованія, слѣдовавшихъ непосредственно за указанными мною тремя корифеями—Брюлловымъ, Бруни и Ивановымъ—и даже современныхъ имъ, но имѣвшихъ меньше силъ, окончательно замерла и испортилась подъ вліяніемъ изсушающей рутины. Они обратились въ скучнѣйшихъ исполнителей казенныхъ заказовъ и работали всѣ одинаково скучно, гладко и ремесленно. Таковы: Марковъ, Шампинъ, Завьяловъ, Моллеръ и многіе другіе.

Конечно, и у этихъ художниковъ есть отличительныя индивидуальныя черты, но онѣ такъ незначительны и сами художники эти такъ мало имѣли значенія для

развитія русскаго искусства, что о нихъ не стоитъ подробно упоминать.

Живое русское искусство совершенно удалилось отъ академіи и избрало свой особенный путь помимо всякихъ плановъ, предначертанныхъ заранѣе.

Отъ предшествующей эпохи осталось три чрезвычайно талантливыхъ человѣка, которые и служатъ связующимъ звеномъ между искусствомъ начала столѣтія и послѣдующими его представителями. Художники эти—Брюловъ, Бруни и Ивановъ. Какъ таланты, такъ и душевный складъ ихъ были совершенно различны, почему и значеніе каждаго изъ нихъ въ исторіи русскаго искусства совершенно своеобразное.

Карлъ Павловичъ Брюловъ родился въ семьѣ художника. Отецъ его былъ академикомъ въ Петербургѣ по части рѣзьбы на деревѣ и по миніатюрной живописи. Маленькій Карлъ съ дѣтства былъ обучаемъ рисованію и дѣлалъ большіе успѣхи въ этомъ искусствѣ. Девяти лѣтъ онъ былъ опредѣленъ ученикомъ въ академію, гдѣ и получилъ художественное образованіе подъ руководствомъ профессоровъ: Андрея Иванова и Егорова. Брюловъ еще юношей сталъ выказывать необыкновенное дарованіе. Онъ быстро прошелъ весь курсъ академіи, получилъ медали за „Нарцисса“ и „Явленіе Аврааму трехъ ангеловъ у Мамврійскаго дуба“, программы, имѣющія дѣйствительныя художественныя достоинства. По окончаніи академіи Брюловъ былъ посланъ за границу на счетъ только что учрежденнаго Общества поощренія художниковъ. Пріѣхавъ въ Римъ, Брюловъ долго не присылалъ ничего выдающагося въ Россію, и его даже начали обвинять въ лѣности и сомнѣваться въ его способности написать крупную вещь, какъ по замыслу, такъ и по размѣрамъ. Но онъ не терялъ времени даромъ: кромѣ громадной копіи „Аѳинской школы“ Рафаэля, исполненной имъ превосходно, онъ занимался еще и самообразованіемъ. Свидѣтельство этому есть въ письмахъ Александра Иванова; между прочимъ,въ 1834 году онъ пишетъ въ Общество поощренія художниковъ: „Вообще надобно сказать, напрасно Брюлло (Брюллова) обвиняли въ потерѣ времени, въ лѣности и проч. Въ его время въ нашей академіи художествъ наука была въ совершенномъ разстройствѣ: надобно было изучить языки иностранные и начитаться всего того, что требуетъ нашъ вѣкъ отъ художника“. Наконецъ, Брюловъ въ Римѣ написалъ свою знаменитую картину: „Послѣдній день Помпеи“. Картина эта доставила ему европейскую из-

вѣстность, а для русскаго искусства имѣла громадное значеніе. Она впервые доставила русскому художнику общественное положеніе помимо его служебнаго мѣста. Брюлловъ—первый русскій художникъ, котораго русская публика полюбила за его талантъ. Имъ гордились русскіе люди, его уважали и цѣнили, и черезъ него и искусство перестало быть вещью неизвѣстной и стало возбуждать интересъ сравнительно обширнаго круга публики.

Я не буду повторять здѣсь, въ бѣгломъ очеркѣ, цѣль котораго не сообщеніе біографическихъ свѣдѣній, а указаніе преемственной связи въ послѣдовательномъ развитіи русскаго искусства въ творчествѣ отдѣльныхъ художниковъ, всѣхъ подробностей созданія и появленія передъ публикою въ Петербургѣ этой замѣчательной картины. Все это достаточно извѣстно. „Помпею“ русская публика ожидала. Ею гордились еще задолго до того, какъ ее увидѣли. Это были признаки новой невиданной въ Россіи умственной жизни публики. Картиной интересовались люди, которые раньше объ искусствѣ даже и не помышляли никогда. Чтобы удовлетворить любопытству невзыскательной публики, въ Москвѣ появилась даже домодѣльная копія картины, сдѣланная по описанію. На ней изображены всѣ эпизоды, которые находятся въ картинѣ Брюллова, но всѣ дѣйствующія лица одѣты въ современныя тогдашнія модныя платья.

„Помпея“ Брюллова не только для Россіи представляла „новое“ въ искусствѣ. Въ Италіи она тоже производила громадное впечатлѣніе, какъ блестящимъ исполненіемъ, такъ и силой общаго чувства. Въ ней есть уже признаки и очень значительные новаго тогда романтическаго направленія. Не даромъ мысль написать эту картину возникла подъ вліяніемъ увлеченія модной тогда оперой Пуччини „Послѣдній день Помпеи“.

Брюлловъ за „Помпею“ получилъ званіе профессора и былъ приглашенъ преподавать въ академіи. Это назначеніе казалось необходимымъ и неизбѣжнымъ: такой большой талантъ, признанный всей Европой, не могъ оставаться не у дѣлъ въ академіи. Но Брюлловъ оказался совершенно непригоднымъ для преподавательской дѣятельности, по крайней мѣрѣ, въ той обстановкѣ, въ которой ему пришлось быть профессоромъ. Брюлловъ былъ настоящимъ художникомъ, и ему невыносимо было участвовать въ какой-то мертвенной выправкѣ, которая въ Петербургѣ называлась преподаваніемъ искусства.

И самъ Брюлловъ, несмотря на свою славу, подвергся

... мучила; но, къ сожалѣнію, онъ ... яснымъ пониманіемъ жизни, ... отчетъ въ причинахъ своихъ ... далъ почетный заказъ: написать ... выбору изъ русской исторіи—„Осаду ... королемъ Стефаномъ Баторіемъ". Но ... этой колоссальной картины ему ... много непріятностей отъ посторон- ... въ его работу. Ему давались даже ука- ... конечно, поэтому онъ и не кончилъ этой кар- ... несмотря на то, что работалъ надъ ней шестнадцать ... все время пребыванія своего въ Петербургѣ ... возвращенія изъ-за-границы. Тяжелое состояніе ... постоянно выражалъ всѣмъ своимъ близ- ... говорилъ: „Нѣтъ, мнѣ не написать другой ... — меня здѣсь много сердятъ! А чудныя ми- ... пережилъ, писавши эту картину. Я здѣсь не ... еще: въ Италіи я опять начну работать, какъ ...".

„Осаду Пскова" онъ называлъ „Досада отъ Пскова" ... тѣмъ, кто справлялся, двигается ли впередъ ... „Картины нѣтъ и не скоро будетъ: не выхо- ... какъ надо и какъ хочется, и до конца еще ...". Всѣ эти фразы, рисующія мрачное состояніе ... Брюллова, записаны были его ученикомъ Мокриц- ..., который написалъ о немъ воспоминанія свои, ... интересныя по частностямъ, но въ которыхъ нѣтъ ... пониманія причинъ, мѣшавшихъ Брюллову ра- ..., какъ слѣдуетъ.

Несмотря, однако, на ненормальное положеніе, въ ... онъ сталъ въ Петербургѣ, несмотря на недугъ, ... отъ постоянныхъ нравственныхъ потрясеній ... безпорядочной жизни, которую тогда долженъ ... по волѣ злого рока вести талантливый художникъ, Брюлловъ за время своего пребыванія въ Россіи сдѣлалъ ..., изумительно много. Кромѣ громадныхъ ... въ Исаакіевскомъ соборѣ, онъ исполнилъ еще ... образовъ и между ними два громадныхъ: „Взятіе Богоматери на небо" для Казанскаго собора и „Распятіе" для лютеранскаго собора Петра и Павла, ... картинъ на разные сюжеты для частныхъ ..., большое количество портретовъ, среди ко- ... есть громадные, какъ портретъ графини Самой- ..., и множество рисунковъ карандашомъ и акварелью ... всевозможные сюжеты.

Богатъ Брюлловъ является несравненнымъ, удиви-

тельнымъ рисовальщикомъ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на-ряду съ лучшими художниками всѣхъ временъ и народовъ. Въ его рисункѣ необычайно много *силы*. Онъ не знаетъ трудностей и легко преодолѣваетъ всѣ препятствія. Особенно ярко и блестяще его исполненіе небольшихъ рисунковъ штрихомъ и акварелью. Здѣсь его удивительный карандашъ, шутя, преодолѣваетъ самыя большія трудности. Брюлловъ необыкновенно вѣрно, правдиво изображалъ все, что хотѣлъ нарисовать. Его рисунки способны удовлетворить всѣхъ: въ нихъ все вѣрно, все точно, все именно правдиво!

Колоритъ картинъ Брюллова блестящій. Онъ, какъ живописецъ, добивался того, чтобы картина была эффектна, и достигалъ этого вполнѣ. Еще тотчасъ по выѣздѣ заграницу онъ восхитился головою „Христа въ терновомъ вѣнцѣ“ Гвидо Рени и тогда же писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. „Я скопировалъ его, и сія копія да будетъ моимъ путеводителемъ въ вѣрѣ, головахъ и экспрессіяхъ“. Это первое впечатлѣніе очевидно не изгладилось у него во всю жизнь, и онъ, какъ живописецъ, остался вѣрнымъ послѣдователемъ Гвидо Рени. Этого нельзя поставить Брюллову въ укоръ, какъ потому, что Рени дѣйствительно имѣетъ громадныя достоинства, такъ и потому, что Брюлловъ не подражалъ ему рабски, а просто видѣлъ природу въ томъ тонѣ, какъ указалъ ему Рени въ своихъ картинахъ. Брюлловъ вообще не былъ строгимъ поборникомъ рутины и еще молодымъ художникомъ писалъ въ общество поощренія художниковъ, послѣ посылки въ Петербургъ своей второй небольшой картины „Италіанскій полдень“, изображающей италіанку, срывающую кисть винограда, „что въ картинѣ, посредствомъ красокъ, освѣщенія, перспективы, художникъ приближается болѣе (чѣмъ скульпторъ) къ натурѣ и имѣетъ нѣкоторое право иногда отступать отъ условной красоты формъ“, и далѣе: „Я рѣшился искать того предположеннаго разнообразія въ тѣхъ формахъ простой природы, которая намъ чаще встрѣчается и нерѣдко болѣе даже нравится, нежели строгая красота статуй“. Эти строки написаны имъ въ отвѣтъ на упрекъ въ томъ, что изображенная имъ женщина не является типомъ классической красоты.

Проведя шестнадцать лѣтъ въ Россіи и разстроивъ окончательно свое здоровье, Брюлловъ отправился умирать въ Италію, въ Римъ.

Послѣдніе годы и мѣсяцы своей жизни онъ все же продолжалъ работать и даже усиленно работать. За это

время сдѣлано имъ нѣсколько портретовъ и много превосходныхъ рисунковъ.

Брюлловъ не былъ въ состояніи измѣнить взглядовъ руководящихъ тогда въ Россіи сферъ на задачи искусства, да и никто, надо думать, не былъ тогда на это способенъ. Русское общество, благодаря Брюллову, было заинтересовано искусствомъ, но весьма еще поверхностно, и вообще тогда и въ голову не могло придти, что художникъ можетъ имѣть рѣшающее вліяніе въ направленіи какого-либо казеннаго учрежденія. Брюлловъ почувствовалъ себя больнымъ, побѣжденнымъ и поспѣшилъ укрыться на своей художественной родинѣ, въ Италіи. Онъ, однако, оказалъ громадное вліяніе на русское искусство уже по тому одному, что имѣлъ прямое и неоспоримое вліяніе на Иванова. Но объ этомъ я скажу ниже. Брюлловъ всю жизнь свою, несмотря на служебный успѣхъ и чрезмѣрное поклоненіе окружающихъ, несмотря на непріятности и затрудненія въ чисто-художественной сферѣ, всегда оставался истиннымъ художникомъ и не хотѣлъ, и не могъ обратиться въ чиновника по части искусства, чего отъ него такъ усердно добивались всѣ окружающіе, чего требовалъ строй окружающей среды.

Феделе Бруни былъ человѣкъ совершенно другого типа. Бруни былъ прежде всего иностранцемъ, иностранцемъ не только по крови, но и по духу. Хотя его называли Федоромъ Антоновичемъ, но онъ всегда оставался иностраннымъ художникомъ, состоящимъ на русской службѣ, потому что судьба случайно связала его съ Россіей.

Отецъ его, итальянскій швейцарецъ Антоній Бароффи-Бруни, пріѣхалъ въ Россію въ качествѣ живописца, и сынъ его продолжалъ лишь занятіе и карьеру своего отца. Обыкновенно говорили, что Феделе Бруни родился въ Москвѣ, но это оказывается невѣрнымъ. Онъ родился въ Миланѣ въ 1799 г. Вполнѣ понятно, что Бруни, обрусивъ для русской службы свое имя, охотно согласился съ тѣмъ, чтобы и мѣсто рожденія его было измѣнено.

Такія перемѣны именъ и мелкихъ біографическихъ подробностей, можно сказать, даже вошли въ обычай среди русскихъ чиновниковъ изъ иностранцевъ.

Бруни воспитывался въ петербургской академіи художествъ, куда онъ былъ опредѣленъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, вскорѣ по пріѣздѣ изъ-за-границы, такъ какъ отецъ его переселился въ Петербургъ въ

1807 году и занялъ мѣсто живописца при царскосельскихъ дворцахъ. Окончивъ съ успѣхомъ курсъ въ академіи, гдѣ онъ былъ ученикомъ Шебуева, Бруни въ 1818 году былъ посланъ своимъ отцомъ на собственный счетъ оканчивать художественное образованіе въ Италію. О жизни мальчика Бруни, конечно, мало извѣстно, но изъ тѣхъ немногихъ чертъ, которыя сохранились, даже только изъ тѣхъ фактовъ, которые приведены мною выше, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о точкѣ зрѣнія на окружающую русскую дѣйствительность молодого художника. Онъ, конечно, долженъ былъ чувствовать себя иностранцемъ. Онъ воспитывался въ русской академіи, потому что отецъ его по своему служебному положенію могъ его помѣстить туда, но ѣхалъ за-границу онъ уже на свой счетъ, какъ человѣкъ, не связанный съ мѣстными людьми, не имѣющій ни ихъ правъ, ни обязанностей.

Бруни поѣхалъ въ Римъ учиться искусству и тамъ немедленно примкнулъ въ кругу итальянскихъ художниковъ, группировавшихся вокругъ извѣстнаго въ свое время Коммучини.

Чувствуя въ себѣ силы таланта, Бруни вступилъ даже въ соперничество съ самимъ маэстро. Коммучини только что окончилъ тогда, приведшую въ восторгъ весь Римъ, картину „Смерть Регула“, и Бруни задумалъ написать какъ бы для сравненія съ ней—„Смерть Камиллы“. Вскорѣ картина эта была окончена и выставлена въ Римѣ. Весь художественный Римъ пришелъ отъ нея въ восторгъ; Коммучини превозносилъ своего соперника не менѣе, чѣмъ остальные знатоки и критики искусства. Наконецъ, за эту работу Римская академія художествъ избрала 23-лѣтняго Бруни своимъ членомъ.

Изъ этого факта тоже очевидно, что Бруни былъ принятъ въ Римѣ не совсѣмъ какъ иностранецъ, а почти какъ свой среди итальянскихъ художниковъ. „Смерть Камиллы“ была пріобрѣтена княземъ Барятинскимъ и увезена имъ въ одно изъ своихъ имѣній, затѣмъ уже, черезъ десять лѣтъ, она была куплена у него академіей художествъ. Окруженный славою, Бруни не могъ оставаться безъ заказовъ. Ему было поручено русскимъ правительствомъ скопировать двѣ фрески Рафаэля: „Торжество Галатеи“ во дворцѣ Фарнезина и „Изгнаніе Иліодора изъ храма“ въ Ватиканѣ, что онъ и исполнилъ. За эти работы онъ получилъ званіе академика петербургской академіи.

Исполнивъ эти работы, Бруни ѣздилъ на нѣкоторое

время въ Россію, а потомъ снова возвратился въ Римъ для того, чтобы оканчивать свою большую картину „Мѣдный змій". Послѣ громаднаго успѣха „Камиллы" Бруни получалъ уже правительственную субсидію, и потому, когда имъ была задумана и начата громадная картина „Мѣдный змій", онъ писалъ объ этой своей работѣ въ Общество поощренія художниковъ, сообщая отчетъ о своей дѣятельности.

Въ 1834 году Александръ Ивановъ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Рима: „Картина Бруни уже подмалевана,—прекрасное будетъ произведеніе. Я часто захаживалъ къ нему въ студію, чтобы напитаться и духомъ, и вкусомъ сего великаго художника". И дѣйствительно, Бруни нельзя отказать въ удивительномъ мастерствѣ, въ особенности, какъ рисовальщика. Жаль только, что Бруни при этомъ былъ человѣкомъ слишкомъ способнымъ въ дѣлѣ устройства своей карьеры. Эта способность, казавшаяся, вѣроятно, многимъ и часто очень завидною, принесла ему, какъ художнику, громадный и непоправимый ущербъ. Она натолкнула его на путь, доставившій ему прекрасное служебное положеніе, но умалившій до-нельзя его художественное значеніе въ той странѣ и средѣ учениковъ, гдѣ ему пришлось болѣе всего жить и работать. На-ряду съ необыкновеннымъ мастерствомъ художника, у Бруни были сильно развиты практическія способности, выдававшія его швейцарское происхожденіе. Эти черты его характера часто производили непріятное впечатлѣніе на близкихъ ему людей. Такъ, даже Александръ Ивановъ, несмотря на свою незлобивость, въ особенности въ молодости, въ 1834 году, очевидно, на запросъ Общества поощренія художествъ, пишетъ о русскихъ художникахъ такъ: „Всѣ русскіе художники въ Римѣ теперь одной мысли: начиная отъ Брюлло (Брюлловъ) до Виганда, каждый говоритъ: „Нѣтъ отрады другой для меня, какъ углубленіе въ занятія мои". Вслѣдствіе сего Брюлло оканчиваетъ картину свою, удивляющую уже Римъ, а слѣдовательно, и Европу. Бруни, несмотря на совершенную неудачу покупки картины „Горацій" *) и другихъ его произведеній, говоритъ: Употреблю всѣ мои деньги, полученныя за копію „Эліодора", на производство картины „Моисей въ пустынѣ", а тамъ—какъ разсудитъ императоръ: продолжить ли мнѣ пенсіонъ, или совершенно

*) „Горацiемъ" Ивановъ называетъ „Смерть Камиллы, сестры Горація".

меня оставить,—буди святая воля его. А я... я не могу быть безъ дѣла, я у-м-и-р-а-ю безъ дѣла". Въ послѣдней фразѣ, конечно, чувствуется нѣкоторая иронія, которая выдаетъ нерасположеніе Иванова, несмотря на то, что указаніе на дешевую продажу „Горація", купленнаго Барятинскимъ за очень небольшую сумму, какъ бы напоминаетъ Обществу, что Бруни нужно помочь въ матеріальномъ отношеніи.

Въ другомъ письмѣ, къ отцу своему, Ивановъ въ сентябрѣ 1835 года уже совершенно откровенно высказывается относительно Бруни. Онъ пишетъ: „Бруни ѣдетъ немедленно въ Петербургъ, чтобы захватить кучу работъ или кучу денегъ: его вызываютъ занять профессорское мѣсто въ академіи. Онъ ѣдетъ, чтобы, закутавшись въ личину любезнаго человѣка и покорнаго подданнаго русскаго, нахватать пенсій, крестовъ, почестей, денегъ и потомъ искуснѣйшимъ образомъ взять паспортъ и пожелать спокойной ночи воспитавшей его Россіи".

Правда, что эта характеристика несомнѣнно получила такую рѣзкую окраску потому, что въ это время старые профессора академіи, и въ ихъ числѣ и Андрей Ивановъ, потерпѣли ужасное пораженіе: работы ихъ были забракованы и замѣнены работами болѣе молодыхъ художниковъ, въ томъ числѣ и Бруни. Ивановъ въ томъ же письмѣ пишетъ: „Вы меня изрядно испугали, описавъ дѣло Троицкой церкви,—эта ужасная новость сломаетъ голову всякому художнику съ чувствомъ. Я чуть не плакалъ, видя васъ пораженнымъ; но, слава Богу, для васъ оно не худо кончилось".

Бруни до отъѣзда въ Россію въ 1836 году сдѣлалъ въ Римѣ еще нѣсколько вещей, а именно: „Божья Матерь въ небесахъ съ Младенцемъ", „Спаситель въ небесахъ" и „Христосъ въ вертоградѣ" или какъ обыкновенно называютъ эту картину „Моленіе о чашѣ". Сохранилось очень любопытное описаніе этихъ картинъ, сдѣланное римскимъ критикомъ Филиппо Меркури.

Меркури, конечно, очень хвалитъ изящество рисунка Бруни и особенно указываетъ на то, что Бруни нашелъ стиль, вполнѣ приличный для образовъ православной церкви, для которой они предназначены. Онъ сдѣлалъ золотые фоны и придалъ какъ фигурамъ, такъ и лицамъ необходимую строгость и величавость. Относительно „Моленія о чашѣ" Меркури говоритъ еще больше. Онъ опредѣленно высказываетъ тотъ взглядъ на работу Бруни, который повторялся впослѣдствіи всѣми и доставилъ

художнику и положеніе, и почетъ. Меркури говоритъ: „Особенная красота этой картины состоитъ въ выраженіи печали и томленія; поднявъ глаза къ небу, Сынъ Божій произноситъ, кажется: „Да мимо идетъ чаша сія". Замѣчательно, что въ эту картину авторъ умышленно не внесъ ничего посторонняго, чтобы сосредоточить все вниманіе зрителя на выразительномъ лицѣ Спасителя. Чаша, которая обыкновенно представляется въ рукахъ ангела, въ этой картинѣ скрывается въ таинственномъ облакѣ, болѣе какъ видѣніе чаши, нежели какъ чаша дѣйствительная. И вся эта темнота, и облачность чудесно способствуютъ къ возвышенію скорби и благоговѣнія, внушаемаго сею фигурою. Таинственное сіяніе, такъ искусно пропущенное, освѣщаетъ только лицо и руки, которыя положеніемъ своимъ способствуютъ къ выраженію скорби и страданій, испытанныхъ Спасителемъ. Въ сей картинѣ совершенно другимъ образомъ, нежели въ предыдущихъ, проявляется живописный стиль, широкій и величественный, и проницательность г. Бруни, который умѣетъ придавать характеръ, приличный каждому сюжету, и приноравливать тотъ стиль и тѣ формы, къ которымъ преимущественно долженъ стремиться каждый разсудительный художникъ въ исполненіи и въ выборѣ своихъ предметовъ".

Здѣсь все сказано и больше нечего прибавлять о характерѣ Бруни, какъ художника. Онъ сумѣлъ превосходно удовлетворить стремленію къ мистицизму и изящнымъ формамъ, которое было въ высшемъ придворномъ русскомъ обществѣ его времени, и потому, конечно, имѣлъ необычный матеріальный успѣхъ; но для русскаго искусства, для русскаго общества онъ ничего не сдѣлалъ и не пытался даже дѣлать, несмотря на свой умъ и прямо таки огромный талантъ, потому что онъ былъ совершенно чуждъ стремленіямъ этого, тогда еще маленькаго, только что нарождающагося русскаго общества.

Брюлловъ не сознавалъ, что нужно дѣлать, чтобы двинуть впередъ русское общественное самосознаніе, но онъ имѣлъ уже въ душѣ задатки для новой жизни, и потому ему было скверно и тяжело въ Петербургѣ, несмотря на всѣ внѣшніе успѣхи, но вслѣдствіе этого же онъ является звеномъ въ исторіи русскаго искусства. Ивановъ и послѣдующіе русскіе художники, двигавшіе искусство впередъ, всегда сознавали, что Брюлловъ— ихъ предшественникъ, близкій имъ человѣкъ. Бруни же оказался совершенно въ сторонѣ отъ общей жизни

и остался лишь иностранцемъ-виртуозомъ, сумѣвшимъ удовлетворить вкусу современнаго ему общества высшаго круга.

Русское общество всегда оставалось чуждо таланту Бруни во всемъ его объемѣ, и потому лучшая сторона этого большого таланта осталась въ тѣни. Бруни превозносился за картины религіознаго содержанія съ мистическимъ оттѣнкомъ, и его произведенія игриваго, блестящаго стиля считались шуткою, отдыхомъ отъ трудовъ, а между тѣмъ—это лучшія его вещи. Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ картина „Вакханка, поящая амура“ и другія аллегорическія композиціи декоративнаго характера.

Въ Петербургѣ Бруни, по пріѣздѣ изъ Рима, пробылъ всего два года. Онъ занимался составленіемъ картоновъ для образовъ строившагося тогда Исаакіевскаго собора; для этого собственно онъ и былъ вызванъ въ Россію. Въ 1838 году онъ опять поѣхалъ въ Римъ, гдѣ два года оканчивалъ „Мѣднаго змія“ и образъ „Покровъ Пресвятыя Богородицы“ для главнаго алтаря Казанскаго собора. Съ этими произведеніями онъ и вернулся снова въ Россію, окруженный ореоломъ европейской славы.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о „Мѣдномъ зміи“, этой колоссальной и столь прославленной картинѣ. „Мѣдный змій“ написанъ въ соревнованіе съ „Послѣднимъ днемъ Помпеи“, и это настроеніе автора наложило извѣстную печать на его картину. Она представляетъ цѣлый рядъ большихъ техническихъ трудностей рисунка, которыя блистательно побѣждены художникомъ. Общая мысль картины, говорятъ,—ужасъ, но это не ясно для зрителя. Картина въ общемъ холодна. Въ ней превосходны частности, превосходны отдѣльныя фигуры, нарисованныя ясными контурами, и не столько лица, какъ именно фигуры. Еще поразительнѣе, чѣмъ картина, рисунки къ ней. Рисунки производятъ больше впечатлѣнія своей виртуозностію, потому что въ нихъ уже нѣтъ никакого намѣренія занять вниманіе зрителя сюжетомъ или чѣмъ-либо постороннимъ, а блещетъ одно лишь чрезвычайное мастерство рисунка. По колориту картина „Мѣдный змій“ не эффектна: она темна и одноцвѣтна. Еще въ первый пріѣздъ свой изъ Италіи Бруни получилъ званіе профессора академіи, а въ 1855 году, послѣ смерти Шебуева, онъ былъ назначенъ ректоромъ академіи.

Итакъ, Бруни не вошелъ въ рядъ художниковъ, ознаменовавшихъ своими трудами послѣдовательныя движенія русскаго искусства. Напротивъ, своимъ талантомъ

онъ какъ бы прикрылъ убожество того направленія, которое пытались установить въ академіи художествъ, чтобы подъ видомъ глубокаго изученія и правильности взглядовъ на искусство стѣснить свободу художника, казавшуюся тогда опасной. Живое, связанное съ жизнію, съ тяжелой русской дѣйствительностію русское искусство одно время какъ бы совершенно замерло. Академическіе живописцы-чиновники и чуждый русской жизни, мистикъ и стилистъ Бруни занимали всю показную сторону русскаго искусства, вся же жизненность его сосредоточилась въ одномъ, правда, необыкновенномъ человѣкѣ — Ивановѣ. Жизнь и труды этого человѣка и художника представляютъ явленіе чрезвычайно важное, и о нихъ необходимо поговорить подробнѣе.

П. Ге.

Странички прошлаго.

Исторія Кульджинскаго ханства.

Послѣ подчиненія Джунгаріи, китайцы въ 1746 году основали у рѣки Или городъ Хой-Юанъ-Ченъ, болѣе извѣстный въ Средней Азіи подъ именемъ Новой Кульджи. Вмѣсто истребленныхъ джунгаръ появились переселенцы изъ Восточнаго Туркестана (около 7.000 семей). Но эти пришельцы, мусульмане, оказались далеко не надежными, и въ 1765 году они возстали противъ китайцевъ, въ наказаніе за что были закрѣпощены китайскимъ правительствомъ. Такъ какъ всѣ эти колонисты были земледѣльцами, то ихъ называли „таранчи" (отъ слова „tary"—просо). По необдуманности китайское правительство усилило мусульманскій элементъ переселеніемъ изъ провинціи Канъ-су дунганъ (китайцевъ-магометанъ); а ссылкой изъ Китая въ долину Или преступниковъ—увеличило вообще враждебный элементъ новой провинціи. Съ другой стороны для защиты страны китайское правительство переселило туда же дауровъ и манчжуръ, къ которымъ еще присоединились сарты, китайцы и калмыки.

Послѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка началось возстаніе дунганъ въ западномъ Китаѣ и тюрковъ въ восточномъ Туркестанѣ; въ это время гарнизоны въ Кульджѣ, Чугучакѣ и Баяндаѣ были очень слабы и насчитывали въ каждомъ не болѣе 1000—3000 человѣкъ и, вполнѣ представленные самимъ себѣ, съ 1862 года они не могли даже разсчитывать на подкрѣпленія изъ Китая. Послѣ перваго же столкновенія съ безпорядочными, плохо вооруженными войсками Небесной имперіи, возставшіе почувствовали свою силу и тогда, уже слѣдуя

ихъ примѣру, поднялось мусульманское населеніе долины Или— таранчи и дунгане.

Въ сентябрѣ 1864 года мятежники осадили Кульджу, въ крѣпости которой заперлись китайцы, продержавшіеся здѣсь до марта 1866 года. Послѣ взятія столицы, побѣдители обратили свое вниманіе на калмыковъ, которыхъ они съ помощью киргизовъ частью истребили, а частью вытѣснили на русскія границы.

Первыми, поднявшими возстаніе въ долинѣ Или — были дунгане. У нихъ, какъ и у большинства мусульманскихъ народностей Китая, огромнымъ вліяніемъ пользовалось духовенство, всѣми силами старавшееся разжигать фанатизмъ народныхъ массъ. Во главѣ возставшихъ сталъ Ягуръ-Ахунъ, видное духовное лицо города Кульджи; къ нему присоединился магометанинъ Мазамъ-Ханъ, знатный чиновникъ китайской службы, который желалъ отомстить за несправедливое заточеніе его въ тюрьму. Устранивъ коварнымъ убійствомъ ихъ прежняго генерала, онъ сталъ называть себя „султаномъ". Но не долго продолжалось его счастье: лѣтомъ 1865 года, когда онъ со своимъ войскомъ стоялъ передъ городомъ Курэ, онъ палъ отъ руки Почи, авантюриста, забравшагося ночью въ его палатку. Этотъ Почи, получившій отъ мятежниковъ почетное прозвище „Парчи-Ходжа", за умѣнье дѣлать деревянныя пушки, служившія для устрашенія трусливаго непріятеля, тоже недолго пользовался своей властью и черезъ пять дней послѣ смерти перваго „султана" былъ убитъ таранчей Ахметъ-Ханомъ. Подъ его предводительствомъ мятежники взяли столицу, но уже въ 1866 году ему пришлось разстаться съ жизнью; захваченный знатнымъ таранчей Ала-Ханомъ или Абилъ-Оглой, онъ былъ зашитъ въ мѣшокъ и утопленъ въ рѣкѣ Или.

Пока мусульманамъ угрожала опасность со стороны горсти императорскихъ воиновъ и ихъ буддистскихъ союзниковъ,— таранчи и дунгане были солидарны и признавали верховную власть дунганскаго князя („Hasret" обозначаетъ собственно величество) въ Урумчи. Но, какъ только истреблены были китайцы и подчинены калмыки, между дунганами и таранчами возникла кровавая битва изъ-за власти надъ долиной Или. Въ апрѣлѣ 1867 г. Ягуръ-Ахунъ, глава дунганскаго духовенства, двинулся со своимъ отрядомъ на Кульджу, но подъ самой Старой Кульджей войско его было разбито на голову Абилъ-Оглой и самъ онъ убитъ. Второй начальникъ дунганъ

Хиваса бѣжалъ черезъ русскую территорію въ Урумчи. Въ іюнѣ изъ Урумчи пришелъ сильный отрядъ въ 2.000 человѣкъ дунганъ, но при Баяндаѣ Абилъ-Огла обратилъ ихъ въ бѣгство, чѣмъ и способствовалъ укрѣпленію власти таранчей въ долинѣ Или. Это столь случайно основанное государство, занимавшее большее пространство, чѣмъ Бельгія и Нидерланды вмѣстѣ,—было населено весьма скудно, по оффиціальнымъ даннымъ изъ 100.000 человѣкъ было 38.000 таранчей и 5.000 дунганъ.

Новое ханство Кульджа представляло собой треугольникъ, одна сторона котораго (долина Или) входила въ русскія владѣнія, тогда какъ границами другихъ сторонъ являлись возвышенности Тянь-Шаня и Боро-Хоро. Климатъ страны умѣренный; средняя температура самаго холоднаго мѣсяца, января, 9,8° Ц., а самаго жаркаго мѣсяца, іюля, 24,8° Ц. Мѣстность эта богата минералами: встрѣчается каменный уголь [1]), желѣзо [2]), мѣдь и серебро. Половина добытаго серебра принадлежитъ султану. Главное занятіе таранчей и дунганъ составляетъ земледѣліе.

Благодаря хорошему орошенію и плодородной почвѣ, здѣсь растетъ пшеница, рисъ, ячмень, просо, ленъ, арбузы, дыни, лукъ, хрѣнъ, морковь и испанскій перецъ. Такъ какъ въ то время торговля еще не распространялась за предѣлы ханства, то все продавалось по баснословно дешевой цѣнѣ, напр., пудъ пшеницы стоилъ 20 копѣекъ, а пудъ риса 30 коп. Фруктовыя деревья, разросшіяся въ настоящіе лѣса во времена китайскаго владычества, были теперь поломаны и уничтожены, такъ что при господствѣ таранчей имѣлись только яблоки и груши низкаго сорта. Скотоводствомъ занимались кочевники—киргизы и калмыки. Во главѣ государства стоялъ таранчъ Ала-Ханъ, величественно называвшій себя „султаномъ“ Абилъ-Оглой. Султанъ велъ дѣла вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтомъ, состоявшемъ изъ четырехъ свѣтскихъ (казначи) и трехъ духовныхъ сановниковъ (ахунъ). До 1869 года во главѣ этого совѣта стоялъ сводный братъ султана Калпе, а послѣ смерти послѣдняго, старшій сынъ его Камберъ-Ахунъ.

Каждая народность раздѣлялась въ административномъ отношеніи самостоятельно: таранчи распредѣлялись по „10.000“

---

[1]) Пудъ каменнаго угля стоилъ тогда 1 коп., а послѣ оккупаціи Кульджи русскими уже 8 коп.

[2]) Пудъ желѣза стоилъ при султанѣ 80 коп.

по „1.000“, „100“ и „50“; во главѣ первой группы стояли шанъ-беги, второй—мурабъ-беги, третьей—джусъ-баши и четвертой—онъ-баши. Дунгане находились подъ вѣдомствомъ таранча Сайнала, которому помогали начальники дунганъ.

Государственные налоги состояли изъ: 1) пошлины на ввозимые и вывозимые продукты; 2) десятой части урожая; 3) сороковой части дохода отъ стадъ кочевниковъ. Отнятыя у китайцевъ золотыя и серебряныя вещи, также какъ и дорогія матеріи и китайскія мѣдныя пушки сохранялись въ военномъ депо въ Кульджѣ. Въ необходимыхъ случаяхъ ханство могло выставить войско въ 10.000 человѣкъ, но обыкновенно подъ оружіемъ находилось не болѣе 2.000, причемъ они же сами должны были доставлять лошадей и оружіе. Существовало и нѣчто вродѣ охраны изъ 500 всадниковъ, обязанныхъ дежурить при дворѣ султана и при военномъ депо (ханія).

Нашъ русскій уполномоченный, капитанъ генеральнаго штаба баронъ А. В. Каульбарсъ такъ описываетъ высланный въ 1870 году ему навстрѣчу почетный караулъ: „на лѣвомъ берегу Кургаша насъ ожидалъ отрядъ изъ 50-ти солдатъ; всѣ они спѣшились и стояли шпалерами передъ своими лошадьми. Здѣсь были таранчи, калмыки и киргизы. Я замѣтилъ среди нихъ стариковъ и даже мальчиковъ. Недурны и хорошо откормлены были лошади киргизской породы. Вооруженіе воиновъ состояло изъ копьевъ, топоровъ и палокъ; только у девяти были ружья. Одежда была самая обыкновенная, какую носятъ туземцы, а на ногахъ у большинства были надѣты лапти. Во главѣ отряда стоялъ таранчъ минъ-беги (начальникъ 1.000 человѣкъ) и калмыкскій офицеръ, которые привѣтствовали насъ отъ имени султана“.

Далѣе баронъ Каульбарсъ такъ описываетъ торжественную аудіенцію, которой его удостоилъ султанъ: „Въ 7 часовъ вечера явился къ намъ посланный съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ въ Кульджу султана и о желаніи его видѣть насъ завтра, въ среду—день приносящій счастье.

„Въ назначенный день въ 11 часовъ утра, все наше посольство, въ сопровожденіи четырехъ казаковъ въ парадныхъ мундирахъ, отправились ко дворцу, находившемуся въ сѣверо-западной части города. Нашъ путь проходилъ по главной улицѣ. Всюду толпилась масса народу, съ любопытствомъ разсматривая насъ, но чего-либо враждебнаго намъ мы не слышали. Мы въѣхали на коняхъ во дворъ султана, гдѣ насъ уже ожидали 4 казначи (члены государственнаго совѣта)

и другіе сановники. Они ввели насъ въ маленькую комнату, въ видѣ передней; о нашемъ пріѣздѣ было доложено султану, который тотчасъ же принялъ насъ.

„Пройдя маленькій внутренній дворикъ, мы вступили въ большую залу, гдѣ на стѣнахъ развѣшано было различное оружіе, среди котораго оказалась и наша казачья сабля и ружья нашихъ пѣхотинцевъ. Потолокъ и стѣны залы имѣли довольно неопрятный видъ; у противоположной отъ входа стѣны стояла большая тахта, покрытая коврами и мутаками. Въ дальнемъ углу комнаты сидѣли два сокола—любимцы султана. Султанъ принялъ насъ сидя на шелковыхъ подушкахъ, на тронѣ, около камина, топившагося каменнымъ углемъ. Одѣтъ онъ былъ очень просто. Почти все свободное пространство зала было переполнено чиновниками.

„Послѣ того, какъ мы поклонились султану, онъ подалъ намъ руку и поблагодарилъ за привѣтствіе, послѣ чего принялъ подарки семирѣченскаго губернатора, положенные мною на маленькій столикъ около султана. Затѣмъ онъ всталъ, и мы могли хорошо разсмотрѣть его. Лицо султана выражало доброту и чистосердечіе; голосъ у него мягкій, роста онъ средняго и черноволосый. Въ битвѣ при Баяндаѣ онъ былъ раненъ въ ротъ, вслѣдствіе чего лишился нѣсколькихъ зубовъ. Благодаря этому обстоятельству, онъ имѣлъ видъ уже пожилого человѣка, тогда какъ ему было всего 46 лѣтъ; но какъ только султанъ оживляется, глаза его начинаютъ блистать и впечатлѣніе добродушія исчезаетъ. Во время всей аудіенціи, продолжавшейся $1^1/_2$ часа, совѣтники и остальные сановники стояли, тогда какъ мы съ султаномъ сидѣли. Поблагодаривъ султана за хорошій пріемъ, оказанный намъ, я перешелъ къ цѣли пріѣзда, но султанъ тщательно избѣгалъ рѣшающаго отвѣта, подъ предлогомъ необходимости посовѣтоваться со своими чиновниками. Несмотря на внѣшній почетъ, оказываемый султану, и строгій этикетъ двора, мнѣ казалось, что онъ находится въ полной зависимости отъ совѣта; каждый разъ, какъ ему приходилось говорить о чемъ-нибудь особой важности, онъ посматривалъ на четырехъ казначи, какъ бы прося ихъ подтвержденія. При прощаніи онъ выразилъ надежду увидѣть насъ еще разъ. Члены совѣта проводили насъ до лошадей и послѣ этого сейчасъ же явились къ намъ, чтобы узнать, остались ли мы довольны пріемомъ султана“.

Ханство Кульджа, населеніе котораго едва достигало 100000

душъ, было государствомъ незначительнымъ, не имѣвшимъ никакого политическаго значенія и сохранившимъ свою кажущуюся независимость только благодаря внутреннимъ раздорамъ граничащихъ государствъ Урумчи и Кашгаріи. Эти два мусульманскихъ сосѣда были не особенно опасны для Кульджи, тогда какъ съ другой, открытой стороны находился болѣе могущественный сосѣдъ „Бѣлый Царь", войска котораго, расположенныя на разстояніи 150 верстъ отъ столицы Кульджи, смѣло могли въ какихъ-нибудь 2—3 дня очутиться въ центрѣ ханства и въ случаѣ войны съ Россіей участь этого маленькаго государства была бы рѣшена. Совѣтники султана ясно понимали необходимость поддерживать дружескія сношенія съ Россіей и потому старательно избѣгали всякихъ поводовъ къ столкновенію съ русскими. Несмотря на мирную политику султана, государство его оказывалось безпокойнымъ и неудобнымъ для Россіи благодаря киргизамъ, устраивавшимъ постоянные набѣги на наши границы и увлекавшимъ въ страну таранчей тѣхъ киргизовъ, которые остались вѣрны русскому правительству. Вскорѣ чуть не возникло столкновеніе изъ-за того, что наши войска, желая наказать киргизовъ за украденныхъ артиллерійскихъ лошадей, вошли въ долину рѣки Кургаша (1869 г.); фанатики же хотѣли заставить султана напасть на русскихъ у Борохуджира, но онъ отказался отъ этого. „Вотъ этотъ человѣкъ", говорилъ Абилъ-Огла нашему толмачу Бородину, указывая на начальника дунганъ Лью-Тцуна,—„просилъ меня позволенія напасть на войска русскихъ, но я этого не позволилъ, такъ какъ не желалъ никакой ссоры!"

Но киргизскіе перебѣжчики и фанатики государственнаго совѣта сдѣлали неизбѣжнымъ паденіе Кульджи. Въ апрѣлѣ 1871 г. губернаторъ Семирѣчья, генералъ Колпаковскій узналъ, что начальникъ киргизовъ — офицеръ русской службы, Таза-бегъ, находился въ сношеніи съ Кульджей и намѣренъ былъ эмигрировать со всѣми своими приверженцами. 1-го мая между ордой Таза-бега (состоявшей изъ 1000 семей) и 33 казаками маіора Герасимова произошла на границѣ битва, окончившаяся бѣгствомъ киргизовъ въ Кульджу. Губернаторъ тотчасъ же послалъ султану ультиматумъ съ требованіемъ выдачи въ семидневный срокъ Таза-бега; одновременно съ этимъ подполковникъ Жданъ-Пушкинъ получилъ приказъ со 140 казаками перейти границу Кульджи и отыскать бѣжавшихъ киргизовъ, причемъ старательно избѣгать какихъ-либо столк-

новеній съ таранчами. Но на границѣ Жданъ-Пушкинъ замѣтилъ собравшіеся отряды таранчей и узналъ кромѣ того, что Таза-бегъ направился со своей ордой въ столицу. А такъ какъ къ назначенному сроку на ультиматумъ не послѣдовало никакого отвѣта, то генералъ Колпаковскій приказалъ переступить границы ханства, что и было исполнено двумя колоннами русскихъ войскъ (первая подъ начальствомъ маіора Балицкаго состояла изъ двухъ ротъ пѣхоты, полъ сотни казаковъ, ополченія киргизовъ и четырехъ орудій, а вторая подъ начальствомъ полковника Михаловскаго изъ двухъ ротъ пѣхоты, сотни казаковъ и киргизской конницы съ четырьмя орудіями). Первое столкновеніе между войсками маіора Балицкаго и конными таранчами и киргизами произошло 19-го мая передъ крѣпостью Мазаръ и окончилось полнымъ пораженіемъ непріятеля и взятіемъ города русскими, среди которыхъ оказалось только два раненыхъ. Подполковникъ Елинскій съ двумя ротами пѣхоты, сотней казаковъ и двумя орудіями перешелъ 20-го мая Кетменскій переходъ и обратилъ въ бѣгство сильное войско таранчей (3000), причемъ самъ потерялъ двѣсти человѣкъ. Полковникъ Михаловскій имѣлъ небольшія сраженія съ таранчами 7-го и 8-го іюня; послѣ чего 9-го іюня приступомъ взялъ деревню Кетменъ, потерявъ одного убитаго и семь раненыхъ. Въ тотъ же день маіоръ Балицкій побилъ таранчей у развалинъ прежняго китайскаго военнаго поста Аккента.

13-го іюня большое войско таранчей осадило занятую русскими деревню Кетменъ, но было отражено послѣ отчаянной битвы, продолжавшейся $4^1/_2$ часа, причемъ потеря съ ихъ стороны доходила до 500, а мы лишились двухъ офицеровъ и 35 солдатъ. Маіоръ Балицкій, стоявшій у Аккента подвергся 16-го іюня нападенію таранчей изъ двухъ конныхъ колоннъ и одной пѣшей. Несмотря на усиленный огонь, таранчи долго держались, пока, наконецъ, послѣ атаки въ штыки не были оттиснуты назадъ. 17-го іюня къ войскамъ присоединился генералъ-губернаторъ Колпаковскій. 28-го іюня состоялся переходъ нашихъ войскъ черезъ рѣку Хоргосъ; авангардъ, состоявшій изъ двухъ ротъ, $1^1/_2$ сотни казаковъ и двухъ орудій, преслѣдуя таранчей (отъ 3000—4000 человѣкъ), занялъ непріятельскій лагерь у деревни Алимъ-Ту и захватилъ въ плѣнъ 140 воиновъ. 30-го іюня таранчи были разбиты при Чинъ-ча-Ходзи и, несмотря на высокія стѣны, городъ этотъ былъ взятъ. 1-го іюля русскіе обратили въ бѣг-

ство сильную конницу таранчей (5000 человѣкъ) при городѣ Сундунѣ, жители котораго добровольно открыли побѣдителямъ ворота. 3-го іюля пришло къ генералу Колпаковскому посольство отъ султана Абилъ-Оглы съ просьбою принять его въ Баяндаѣ для личныхъ переговоровъ; при этомъ таранчи выдали бѣжавшаго киргизскаго начальника Таза-бега. Вечеромъ того же дня въ русскій лагерь у развалинъ города Баяндая явился султанъ Абилъ-Огла въ сопровожденіи своихъ высшихъ сановниковъ и покорился русскому императору. 4-го іюля генералъ Колпаковскій, принявъ отъ отставленнаго султана ключи столицы, торжественно въѣхалъ въ Кульджу. Такъ окончилась независимость этого ханства.

Но болѣе десяти лѣтъ спустя, ловкому дипломату китайскаго посольства Ки-Тци маркизу Тценгъ удалось опять присоединить новую русскую провинцію къ Небесной имперіи, конечно, не безъ денежныхъ и территоріальныхъ уступокъ.

Морской портъ древняго Рима.

Первые результаты раскопокъ Геркулана и Помпеи произвели сильное возбужденіе среди всего образованнаго міра. Гораздо спокойнѣе отнеслись къ раскопкамъ Остіи, начавшимся въ 1783 году; а между тѣмъ городъ этотъ долженъ бы внушать больше интереса, чѣмъ незначительный провинціальный городокъ Помпея. Остія сотни лѣтъ была гаванью Рима, ведшаго обширную морскую торговлю со всѣми извѣстными тогда странами. Весьма вѣроятно, что Римъ никогда не занялъ бы столь виднаго мѣста въ исторіи, если бъ не Остія; поэтому исторія этого портоваго города должна составлять какъ бы дополненіе къ исторіи Рима. Основаніе города приписываютъ Анку Марцію. Но уже въ періодъ республики Остіи стала угрожать опасность со стороны Тибра, приносившаго съ собой много ила и песку и засорявшаго такимъ образомъ естественный портъ устья. Противъ чрезмѣрнаго засоренія боролись тѣми техническими средствами, которыя были тогда извѣстны; кромѣ того стали практиковать систему перегрузки товаровъ въ болѣе легкія суда, а также транспортировать ихъ сушей изъ Остіи въ Римъ. Но въ періодъ императоровъ понадобились болѣе рѣшительныя мѣры. Послѣ смерти Августа, когда государство взяло на себя прокормленіе 200.000 римскихъ гражданъ, понадобился особый флотъ для регулярнаго перевоза хлѣба изъ Египта и Африки, и тогда-то назрѣлъ

вопросъ о гавани. Большую заслугу оказалъ въ этомъ дѣлѣ императоръ Клавдій, устроивъ сѣвернѣе Остіи гавань по проекту Цезаря. Императоръ Траянъ для предупрежденія отъ заноса пескомъ велѣлъ прокопать каналъ, сдѣлавшійся съ теченіемъ времени главнымъ устьемъ Тибра. Затѣмъ послѣ прибавки еще одной новой гавани Остія потеряла свое прежнее значеніе, оставаясь тѣмъ не менѣе однимъ изъ самыхъ населенныхъ городовъ древности. Какъ вездѣ въ торговыхъ приморскихъ городахъ, такъ и здѣсь сталкивались различныя народности и потому неудивительно, что въ Остію проникли чужеземные нравы и обычаи, видоизмѣнившіе главнымъ образомъ религіозный культъ. Возникаютъ храмы въ честь самыхъ разнообразныхъ боговъ; особымъ почетомъ пользовался въ Остіи Вулканъ, затѣмъ Діоскуры, покровители мореплаванія, и Церера, какъ покровительница земледѣлія. Наряду съ этими туземными богами поклонялись также и фригійской magna mater Изидѣ и Серапису; въ храмѣ первой найдена была статуя Аттиса, малоазіатскаго бога лѣсовъ и полей—находящаяся въ настоящее время въ Латеранѣ. Впослѣдствіи появилось много поклонниковъ мистическаго бога Миѳра, культъ котораго переняли изъ Персіи; раскопками обнаружено два такихъ храма.

Но культъ Миѳра въ Остіи былъ послѣднимъ напряженіемъ духовныхъ силъ язычества. Послѣ краткаго процвѣтанія этой религіозной формы, въ Остію проникаетъ христіанство и въ скоромъ времени учреждается епископія. Константинъ Великій поставилъ здѣсь Іоанну Крестителю и одному изъ апостоловъ базилику. Древнѣйшая рукопись на латинскомъ языкѣ—апологія христіанскаго вѣроисповѣданія „Octavius“, написанная богатымъ адвокатомъ Минуціемъ Феликсомъ—мѣстомъ своего дѣйствія избрала берегъ Остіи. Здѣсь же умираетъ Моника, мать Августина, похороненная въ одной изъ церквей города. Остія попрежнему представляетъ изъ себя цвѣтущій городъ и связующее звено между Римомъ и моремъ. Но въ этомъ то и заключается ея будущее паденіе. Настали времена безсилія Римской имперіи, и морской портъ сдѣлался мѣстомъ, къ которому причаливали вандалы, готы и сарацины, для того чтобъ пограбить всемірную столицу и тѣмъ же путемъ безнаказанно возвратиться на корабли. Но какъ ни странно, а это самое обстоятельство способствовало сохраненію Остіи для нашего времени. Обыкновенно города, въ которыхъ появлялись варвары, покидались ихъ жителями,

возвращавшихся, однако, опять черезъ нѣкоторое время и строившихъ на развалинахъ стараго города новый. Не такъ было съ Остіей; благодаря неминуемому паденію города вслѣдствіе отсутствія силъ для поддержанія императорскихъ сооруженій и для борьбы съ Тибромъ, наносившимъ песокъ—жители, разъ покинувъ его, уже не возвратились болѣе. Варвары захватили съ собой все, что имѣло въ ихъ глазахъ цѣну: золотыя, серебряныя, мѣдныя и другія украшенія; мраморныхъ произведеній искусства они не тронули, также неповрежденными оставили стѣны дворцовъ и храмовъ.

Прошли годы; вѣтеръ, налетавшій песокъ, дождь и, наконецъ, сильныя и частыя наводненія и неутомимая работа волнъ привели къ тому, что памятники прежняго величія тихо скрылись подъ своимъ же прахомъ и покрылись зеленымъ ковромъ растительности.

Между тѣмъ, на разстояніи одного километра отъ древней Остіи, возникъ при Григоріи IV въ 830 г. новый городъ—Григоріополь, скоро, однако, возвратившійся къ названію Остіи, несмотря на то, что „устья“ находились теперь еще дальше, чѣмъ прежде. Попрежнему здѣсь останавливались корабли, привозившіе товары въ Римъ, и городъ снова пріобрѣлъ спокойствіе послѣ побѣды Льва IV надъ сарацинами въ 849 г. На значеніе Остіи въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія указываютъ такіе памятники, какъ постройка Сангалло—замокъ кардинала Guiliano della Rovere (позднѣе папы Юліана II)—образецъ въ художественномъ и архитектурномъ отношеніи.

Передъ самой Остіей посѣтитель въѣзжаетъ на каменный плотъ, гдѣ его поражаютъ результаты прогресса нашего времени. Еще недавно плотина эта проходила черезъ stango di Ostia, мутное болото, бывшее одной изъ главныхъ причинъ того, что Остія пустовала весь лѣтній періодъ, а населена была горстью земледѣльцевъ только въ прохладные безлихорадочные мѣсяцы. Въ настоящее время, благодаря предпринятымъ мѣрамъ для осушки болота, здѣсь образовалась земледѣльческая колонія, и это мѣстечко пріобрѣло свѣжій и цвѣтущій видъ, и жители его уже остаются въ немъ круглый годъ. Время отъ времени возникаютъ болѣе или менѣе фантастическіе проекты новой гавани для Рима, но правительство относится къ этому скептически—и вполнѣ основательно: экономическое положеніе Рима и Италіи, и въ особенности непобѣдимыя техническія затрудненія, уже доказанныя историческимъ опы-

томъ, не даютъ возможности привести эти планы въ исполненіе. Постоянная работа Тибра продолжается; попрежнему съ каждымъ годомъ наносится все больше и больше песку. Во всякомъ случаѣ для новой гавани пришлось бы прежде всего расчистить рѣку,—предпріятіе, которое обошлось бы въ нѣсколько милліоновъ.

Но всѣ эти впечатлѣнія, получаемыя при видѣ благосостоянія новой Остіи, смѣняются другими по мѣрѣ приближенія къ древнему городу. Къ самой Остіи ведетъ дорога, окруженная гробницами. Здѣсь начинаются раскопки Энія Квирино Висконти въ 1855 году при Піѣ IX-омъ; были и до этого археологическія изысканія, занимавшіяся въ 1800 году т. назыв. храмомъ Юпитера [1]), уже много столѣтій выступавшимъ своей вершиной надъ поверхностью и такимъ образомъ указавшимъ на существованіе забытаго города. Висконти началъ свои раскопки въ томъ направленіи, гдѣ предполагалась дорога съ гробницами, но такъ какъ результаты не обѣщали многаго, то онъ предпринялъ изслѣдованія съ противоположной стороны,—съ моря. Слѣдуя далѣе, по направленію найденной главной дороги, онъ натолкнулся на строенія, о которыхъ съ увѣренностью можно было сказать, что одно изъ нихъ служило для сохраненія товаровъ (emporium), другое, съ банями, было пристройкой дворца, а третье—святилище Миѳра. Затѣмъ до 1870 года работа сосредоточилась главнымъ образомъ на окончательномъ высвобожденіи храма Вулкана и его окрестностей. Со стороны моря онъ соединялся съ центромъ торговаго города при помощи портика (15-ти метровъ ширины), а со стороны главнаго фасада имѣлъ видъ на Magna mater. Когда итальянское государство стало продолжать раскопки, то удалось отрыть еще: одинъ театръ, казарму, второй храмъ бога Миѳра, вторую пристройку бань, затѣмъ форумъ постройки временъ Анка Марція и вторую улицу съ гробницами. Вообще, древняя Остія значительно обогатила насъ свѣдѣніями объ античномъ искусствѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ римскіе музеи, въ особенности Ватиканъ и Латеранъ.

---

[1]) Въ настоящее время обозначенъ какъ храмъ Вулкана.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Обзоры прошлаго вѣка.—XIX вѣкъ въ наукѣ.—Что говорятъ цифры о русской газетѣ.—„Греко-латинскіе дома“ въ оцѣнкѣ профессора Мара.—Кавказскія легенды о Прометеѣ.—Исторія, которая будетъ написана по особому *заказу*.

Среди характеристикъ только что истекшаго столѣтія, къ сожалѣнію, очень мало статей, которыя бы опредѣляли вѣкъ со стороны его политической и общественной жизни. На этихъ немногихъ, лучшихъ статьяхъ мы уже раньше останавливали вниманіе читателей. Въ наибольшемъ числѣ статей, наоборотъ, подводятся *итоги вѣка*, главнымъ образомъ, со стороны его научныхъ успѣховъ, преимущественно въ области положительнаго знанія и притомъ въ тѣхъ отдѣлахъ знанія, въ которыхъ добытые результаты подлежатъ наименьшимъ колебаніямъ впослѣдствіи; таковъ отдѣлъ положительнаго знанія—естественныя науки. Съ такими статьями мы встрѣчаемся въ „Русской Мысли“: „Очеркъ успѣховъ біологіи въ XIX столѣтіи“, М. А. Мензбира; „Біологическія воззрѣнія и вопросы науки. Школа XIX столѣтія“, Вл. Вагнера; „Очерки изъ исторіи электрохиміи за XIX вѣкъ“, И. А. Каблукова; и въ „Мірѣ Божьемъ“: „Развитіе біологіи въ XIX столѣтіи“, Оск. Гертвига. Мы остановимся только на той сторонѣ трактуемыхъ предметовъ, которая заявляла себя ощутительными результатами въ практической жизни, производила переломъ въ умственномъ міропониманіи значительной части людей, непосредственно вліяла на культурное развитіе человѣчества,—именно, на томъ движеніи мысли, при отсутствіи котораго политиче-

ская и соціальная исторія человѣчества несомнѣнно потекла бы по другому руслу и притомъ крайне медленно.

Начнемъ со статьи г. Мензбира. XIX столѣтіе только впослѣдствіи стали называть вѣкомъ разума. Въ дѣйствительности, научныя открытія того времени появлялись медленно и случайно и ни на какую будущность не претендовали. Недоставало вполнѣ вѣрнаго научнаго метода изслѣдованія, не было средствъ связать открытія въ одно цѣлое, сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ. Самыя знанія къ началу XIX ст. были крайне скудны. Напр., не имѣли яснаго представленія о земной корѣ, не знали, что въ недавнее время сѣверное полушаріе пережило ледниковый періодъ, предполагали, что измѣненія на поверхности земного шара сопровождаются періодическими катастрофами, не допускалось мысли, чтобы между растеніями, животными и человѣкомъ существовала какая-нибудь органическая связь, о микроскопическихъ же организмахъ, этомъ безконечно-разнообразномъ мірѣ, не существовало ни малѣйшаго представленія. Теперь нельзя безъ улыбки читать той наивной картины, которую рисовалъ Бюффонъ, тѣхъ сложныхъ измѣненій, которыя, по Бюффону, будто бы претерпѣло населеніе земного шара втеченіе „семи эпохъ“, и того „Опыта теоріи земли“ Кювье, въ которомъ онъ перечисляетъ всѣ пережитыя земнымъ шаромъ *страшныя катастрофы*, каждый разъ измѣняющія землю до полной неузнаваемости. XIX вѣкъ всѣ эти фантазіи похерилъ. „Теорія катастрофъ“ была разбита Ляйеллемъ, и для біологовъ исчезла надобность держаться взглядовъ о независимости творенія каждаго вида и о быстромъ исчезновеніи цѣлыхъ фаунъ и флоръ, а заурядный человѣкъ пересталъ безпокоиться за каждый мигъ своего существованія и готовиться къ свѣтопреставленію. Индуктивный методъ изслѣдованія Дарвина провелъ въ науку и общество идею о кровномъ родствѣ организмовъ, объ органической связи всего живущаго со всѣмъ существовавшимъ раньше. Пастеръ далъ полное представленіе о новомъ мірѣ—микроорганизмахъ и установилъ, что нигдѣ, ни въ растворахъ, ни въ воздушной средѣ, не происходитъ произвольнаго зарожденія организмовъ. Словомъ, XIX столѣтіе перевернуло всѣ наши воззрѣнія на жизнь организмовъ. По словамъ Гельмгольца, „біологія сдѣлала въ это время больше, чѣмъ въ предшествовавшія 2000 лѣтъ“.

Г. Мензбиръ рисуетъ крупными штрихами успѣхи біологіи, Оск. Гертвигъ останавливается на подробностяхъ. Величай-

шимъ завоеваніемъ біологіи слѣдуетъ считать открытіе въ организмахъ клѣтки. Анатомія и физіологія въ теоріи клѣтки и протоплазмы получила твердый фундаментъ, подобно тому, какъ химія въ ученіи объ атомахъ и молекулахъ. Былъ также всесторонне разработанъ вопросъ о природѣ процессовъ гніенія, броженія и тѣхъ растительныхъ и животныхъ болѣзней, причиною которыхъ оказались одноклѣточныя водоросли, грибы и микроорганизмы. Здѣсь возникла цѣлая наука—бактеріологія. Истекшій вѣкъ внесъ въ біологію также совершенно новую идею—эволюціонную, идею развитія. Эта идея проникла во всѣ безъ исключенія научныя области—въ философію, исторію, филологію, соціологію, геологію, и вездѣ она служила двигательнымъ факторомъ.

Гельмгольцъ, дю-Буа-Реймонъ, Фехнеръ, Веберъ, Людвигъ, Брюкке и Пфлюгеръ создали двѣ совершенно новыхъ науки: „біо-физику“ и „біо-химію“. Глазъ былъ объясненъ какъ камеръ-обскура, построенная по законамъ оптики; ухо—какъ физическій аппаратъ, приспособленный къ передачѣ звуковыхъ колебаній; гортань была сведена къ трубѣ съ язычкомъ, дающей подъ дѣйствіемъ легкихъ, какъ органнаго мѣха, различные тоны; поглощенія и выдѣленія въ организмахъ были объяснены посредствомъ законовъ фильтраціи и осмоса. Появилась масса разнообразнѣйшихъ, съ высокимъ остроуміемъ придуманныхъ инструментовъ. Съ помощью кимографа и міографа удалось обнаружить двигательные процессы живыхъ организмовъ, стѣнокъ сердца и сосудовъ, мышцъ и съ величайшей точностью графически измѣрить ихъ. Гальванометръ, реокордъ, тангенсъ-буссоль получили права гражданства, какъ инструменты, необходимые для изслѣдованія электрическихъ процессовъ въ мышечной дѣятельности и для измѣренія скорости нервнаго возбужденія. Офтальмоскопъ Гельмгольца и ларингоскопъ Чермака дали возможность заглянуть внутрь глаза и гортани. Наконецъ, Х-лучи Рентгена дали отчетливое представленіе скрытыхъ частей костной системы.

Какъ бы измѣнилась наша жизнь, если бы мы теперь лишились только что перечисленныхъ, добытыхъ одной біологіей научныхъ результатовъ! Знанія силъ природы, достигнутыя въ XIX вѣкѣ физиками, химиками и біологами, послужили исходнымъ пунктомъ въ технической борьбѣ съ природой, приведшей къ полному преобразованію жизни культурныхъ народовъ. Открытія въ этихъ областяхъ науки породили колоссальный ростъ индустріи, все болѣе и болѣе расширяя

размѣры міровой торговли; изъ открытій возникали разнообразные успѣхи техники, подчинившей человѣку пространство и время и безъ труда переносящей его силой пара черезъ обширные материки и съ быстротой молніи передающей его мысли черезъ океаны. Значеніе же открытій біологіи является важнѣе даже указанныхъ удобствъ. Біологія даетъ намъ въ руки предохранительныя средства для безпрерывной борьбы съ окружающей насъ природой, переполненной нашими видимыми и невидимыми врагами. Какая-нибудь антисептическая повязка Листера можетъ въ важности своей поспорить съ любымъ бросающимся въ глаза грандіознымъ открытіемъ, сберегая жизнь безчисленному множеству людей.

Переходимъ къ статьѣ Р. Каблукова. Девятнадцатому вѣку придаютъ множество названій, изъ коихъ каждое претендуетъ на исключительную монополію. Это—вѣкъ пара, вѣкъ буржуазіи, вѣкъ философіи, вѣкъ критики, вѣкъ борьбы за личность, эпоха „великаго томленія", властелинъ природы, вѣкъ свободы, вѣкъ индустріи, вѣкъ положительнаго знанія и даже ...вѣкъ таможенныхъ перегородокъ... Всѣ эти опредѣленія придаются XIX столѣтію вполнѣ основательно, всѣ они являются необходимыми. Но мы не исчерпали бы характеристики вѣка, если бы не прибавили сюда еще одного опредѣленія. Это былъ „вѣкъ электричества". Правда, мы не узнали природы электричества, но мы узнали почти всѣ его свойства. Благодаря этому знанію, мы теперь пользуемся телеграфомъ, телефономъ, электрическимъ освѣщеніемъ, даже электрическими часами и звонками и... электрокультурой (выращиваніе растеній при вліяніи на нихъ электричества), наконецъ, мы, при помощи электричества, передаемъ силу на разстояніе. Это все предметы, сдѣлавшіеся обиходными почти для каждаго человѣка. Эту новую могучую силу доставили намъ наканунѣ XIX столѣтія Гальвани и Вольтъ. Но изученіе электричества выразилось не въ одномъ только практическомъ его приложеніи. Изученіе электричества открыло новые научные горизонты, благодаря которымъ развились новыя отрасли науки. Среди такихъ наукъ одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ электрохиміи, занимающейся изученіемъ соотношеній между химіей и электрическими явленіями. Здѣсь кромѣ Гальвани и Вольта являются работниками въ первой половинѣ столѣтія Деви, Бертолле и Берцеліусъ. На изслѣдованіяхъ этихъ ученыхъ мы не будемъ останавливаться, потому что ихъ изслѣдованія, въ которыя были потомъ внесены суще-

ственныя поправки, теперь имѣютъ значеніе только историческое, а важными остаются до сего времени ихъ пріемы изслѣдованія, при помощи экспериментальнаго метода—наблюденія и опыта. Этими пріемами впослѣдствіи воспользовались Фарадей, Гельмгольцъ и Томсонъ, развивъ ихъ съ своей стороны до совершенства, въ отношеніи точности.

Фарадей, сынъ кузнеца, подмастерье переплетчика въ юности, „царь физики“ по всеобщему признанію, своей научной дѣятельностью произвелъ цѣлый переворотъ въ наукѣ. Укажемъ только на нѣкоторыя изъ многочисленныхъ его открытій: открытіе индукціи токовъ, законъ электрохимическаго разложенія, намагничиваніе свѣта, открытіе діамагнетизма. Онъ ввелъ въ науку два новыхъ понятія, до него неизвѣстныя: 1) о количествѣ электричества и 2) о его напряженіи, и далъ для выраженія того и другого числа, которыхъ сначала самъ устрашился. Послѣдующія изслѣдованія физиковъ показали, что числа, найденныя Фарадеемъ, нисколько не преувеличены. Бушъ нашелъ, что количество электричества, связаннаго съ однимъ милиграммомъ водорода въ водѣ, равно 45.840 разряженіямъ лейденской банки, имѣющей 480 миллиметровъ въ высоту и 160 миллиметровъ въ діаметрѣ. Веберъ и Кольраушъ вычислили, что если бы количество электричества, связаннаго въ водѣ съ однимъ милиграммомъ водорода, было разсѣяно въ тучѣ, отстоящей на тысячу метровъ отъ земли, то оно произвело бы на такое же количество противоположнаго электричества, развившагося на поверхности земли, притягательное дѣйствіе въ 2.268.000 килограммовъ!... Фарадей разработалъ также вопросъ объ электропроводимости тѣлъ и особенно жидкостей и установилъ связь электричества съ химическимъ сродствомъ.

Открытый Майеромъ въ сороковыхъ годахъ новый законъ „сохраненія энергіи“ далъ огромный толчекъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ общей области физическихъ и химическихъ явленій. Здѣсь работы послѣднихъ двадцати лѣтъ истекшаго столѣтія принимаютъ характеръ крайне сложныхъ и утонченно-теоретическихъ, способныхъ только въ будущемъ найти огромное практическое приложеніе. Электрохимія, какъ наука, вся въ будущемъ. Тотъ геній, который отвѣтилъ на вопросъ, что такое электричество, вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснитъ и то, что такое химическое сродство.

Пользуясь условнымъ переходомъ человѣческаго общества въ жизнь новаго столѣтія, журналъ „Образованіе“ также далъ нѣсколько обзоровъ столѣтія по отдѣльнымъ рубрикамъ культурнаго развитія. Таковы статьи: К. Покровскаго „Успѣхи астрономіи въ XIX столѣтіи“; „Итоги XIX вѣка во Франціи“ (переводныя статьи французскихъ писателей: Ланглуа, Марселя Прево, Сеньобоса, Корнели) и нѣсколько другихъ.

Статья г. Покровскаго не только знакомитъ съ успѣхами, сдѣланными въ астрономіи втеченіе XIX столѣтія, но и съ біографіями выдающихся астрономовъ. Біографіи астрономовъ интересны въ томъ отношеніи, что астрономія какъ будто посмѣялась надъ школьной педагогіей, которая втеченіе всего столѣтія ни разу не угадала въ своихъ кліентахъ спеціальныхъ наклонностей. Гершель—наблюдатель-созерцатель, астрономъ-поэтъ и философъ, открывшій новую планету Уранъ, долженъ былъ нѣкоторое время заниматься, какъ профессіей, музыкой. Между тѣмъ, Гершель считается первымъ астрономомъ, занимавшимся наблюденіями и вычисленіями во всеоружіи научнаго знанія. Нѣкоторые знаменитые астрономы совсѣмъ не были ни въ какой школѣ. Бессель съ раннихъ лѣтъ состоялъ ученикомъ торговаго дома. Урывками отъ служебныхъ занятій онъ занимается астрономіей и, не имѣя возможности непосредственно наблюдать небо, производитъ теоретическія вычисленія, опредѣливъ, такимъ образомъ, орбиту кометы Галлея. Окончивъ обязательный срокъ службы въ торговомъ домѣ и пренебрегая выгодными предложеніями хозяевъ, онъ со страстью обращается къ научнымъ занятіямъ, а затѣмъ проработавъ помощникомъ на обсерваторіи у Шретера въ Лиліенталѣ, онъ становится самъ учителемъ всѣхъ современныхъ ему астрономовъ. Онъ создалъ свои методы для наблюденій, напечаталъ до 400 работъ, построилъ Кенигсбергскую обсерваторію, для которой пріобрѣлъ инструменты отъ знаменитыхъ художниковъ этого дѣла (большой геліометръ Фраунгофера).

Извѣстный Петербургу (директоръ Пулковской обсерваторіи) Вильгельмъ Струве выбралъ спеціальностью въ университетѣ филологію. Въ 1811 году ему представился случай производить наблюденія на частной обсерваторіи въ Дерптѣ, и это обстоятельство рѣшило выборъ дальнѣйшей дѣятельности знаменитаго астронома. Струве представлялъ типъ самаго разносторонняго практическаго и теоретическаго изслѣдователя въ области астрономіи и наукъ, имѣющихъ съ нею

ближайшее соприкосновеніе. Онъ производитъ тріангуляціи въ прибалтійскихъ губерніяхъ, издаетъ каталогъ 3112 двойныхъ звѣздъ, изъ которыхъ громадное число было открыто имъ самимъ, съ опредѣленіемъ поразительной точности разстоянія спутника отъ главной звѣзды, онъ организуетъ огромное градусное измѣреніе вдоль меридіана Юрьева отъ сѣверныхъ береговъ Лапландіи до Дуная, на протяженіи 25 градусовъ. Всѣ его работы, имѣвшія огромное теоретическое и практическое значеніе, трудно перечислить. Бессель въ Кенигсбергѣ и Струве въ Петербургѣ—это два столпа, на которыхъ зиждилась вся астрономія XIX столѣтія. Необходимо упомянуть также о способѣ Гаусса вычислять по четыремъ сравнительно близкимъ положеніямъ свѣтила его орбиту около солнца, затѣмъ объ открытіяхъ, начавшихся съ перваго года столѣтія, до 400 мелкихъ планетъ между Марсомъ и Юпитеромъ, объ открытіи Леверье Нептуна и объ изслѣдованіяхъ Скіапарелли Меркурія и Венеры (о неизмѣнномъ обращеніи ихъ къ солнцу одной стороной). Всѣ завоеванія XIX вѣка въ астрономіи трудно перечислить.

Статья г. Покровскаго написана съ большимъ популяризаторскимъ талантомъ и читается съ интересомъ.

Мы не можемъ того же сказать о другихъ очеркахъ, изъ которыхъ состоитъ статья: „Итоги XIX столѣтія во Франціи“. Очеркъ Ланглуа, „Исторія въ девятнадцатомъ вѣкѣ“ не даетъ цѣльнаго представленія о томъ, что за это время создано наукою въ области исторіи. Ланглуа присоединяется къ мнѣнію, что истекшій вѣкъ характеризуется „вѣкомъ исторіи“, но въ то же время съ охотою подтверждаетъ взглядъ Ренана, что, не смотря на множество историческихъ изслѣдованій, „прогрессъ цивилизаціи остается извѣстнымъ намъ только въ общихъ чертахъ, и судьба человѣчества стала непонятнѣе, чѣмъ когда либо“. Ланглуа въ главѣ „Труды въ области историческихъ изслѣдованій“ замыкается предѣлами спеціальныхъ изслѣдованій; въ главѣ „Историческая литература“ онъ снисходительно относится къ историкамъ-романтикамъ, замѣчая, что труды ихъ „не долговѣчнѣе породившей ихъ причины и притомъ пропорціональны ихъ литературнымъ качествамъ“,—мнѣніе, приложенное ко всѣмъ соціальнымъ наукамъ, какъ академическаго, такъ и популяризаторскаго изложенія. Очеркъ Марселя Прево „Французскій романъ“ совсѣмъ неудачно выбранъ редакціей. Съ точки зрѣнія Прево оказывается заслуживающимъ вниманія только психологическій ро-

манъ, связанный съ любовной интригой; поэтому онъ, удѣляя большое вниманіе Бурже и Мопассану и не забывая Поль-де-Кока и Дюма, совсѣмъ не замѣчаетъ Гюго и только вскользь упоминаетъ о соціальныхъ романахъ Жоржъ-Санда, выхваляя ее за объективизмъ (?) и легкость и красоту слога.

Очеркъ Сеньобоса „Политическая эволюція“, можетъ быть, избранъ редакціей только потому, что въ настоящее время во французской литературѣ нѣтъ другого историка, который бы занимался предметомъ подобнаго рода. Мы можемъ судить о Сеньобосѣ по его извѣстной у насъ книгѣ: „Политическая эволюція современной Европы“. Книга очень полезная по задачѣ предмета и могла бы стать интересной, если бы Сеньобосъ обладалъ популяризаторскимъ талантомъ и инымъ взглядомъ на историческія событія. Сеньобосъ недоволенъ существующимъ порядкомъ вещей, недоволенъ всѣмъ историческимъ ходомъ событій XIX столѣтія, но его идеалъ находится не въ будущемъ, а въ прошломъ. Этотъ идеалъ онъ старается замаскировать объективизмомъ изложенія, вслѣдствіе чего его статьи никому не нравятся. Указываемому очерку присущъ тотъ же недостатокъ. Но Сеньобосу надо отдать справедливость: онъ нигдѣ не подтасовываетъ фактовъ. Онъ прямо говоритъ, что будущее исторіи принадлежитъ республикѣ. Демократическая партія, послѣ трехъ пораженій (1799, 1835 и 1851 гг.), наконецъ, захватила власть въ свои руки. „Въ основаніе режима она положила свои наиболѣе существенные принципы: избраніе всѣхъ политическихъ и муниципальныхъ властей всеобщей подачей голосовъ, абсолютную власть выборныхъ собраній надъ чиновниками, равенство въ отбываніи воинской повинности, право первоначальнаго обученія и свободу ассоціацій.“

Очеркъ Корнели „Пресса въ девятнадцатомъ вѣкѣ“ лучше предыдущихъ. Корнели вспоминаетъ, что только благодаря революціи 1789 года газеты начали размножаться во Франціи. До того времени во всей странѣ существовало только 250 газеты, ко времени же установленія консульства ихъ насчитывалось приблизительно до 1350. Деспотическая власть Наполеона свела ихъ число въ Парижѣ до 13, а въ 1811 году ихъ оставалось только 4. Опамятовавшись на островѣ Эльбѣ, Наполеонъ, по возвратѣ въ Парижъ, возстановилъ свободу печати и упразднилъ цензуру. Но прессѣ наполеоновскимъ режимомъ былъ нанесенъ столь жестокій ударъ, что только въ 1819 году она нѣсколько оправилась и достигла цифры

150 (въ Парижѣ). Дальнѣйшій режимъ Бурбоновъ не благопріятствовалъ развитію прессы. Когда герцогъ Орлеанскій явился 31 іюля 1830 года въ парижскую ратушу, чтобы „волею народа" получить французскую корону, то, между прочими его обѣщаніями, было и слѣдующее: „Болѣе не будетъ преступленій печати". Но оказывается, что словамъ этимъ вѣрить было нельзя. Печать была подвергнута репрессіямъ, и только благодаря послабленію суда свобода печати не была серьезно стѣснена. При республикѣ 1848 года газеты возникли вновь въ огромномъ количествѣ. До сего времени онѣ не блистали именами сотрудниковъ; теперь же сотрудниками газетъ стали: Прудонъ, Распайль, Ляменне, Пьеръ Леру, Жоржъ-Сандъ, Ламартинъ, Викторъ Гюго. Нужно ли говорить, что вторая имперія вновь смела прессу съ лица земли. Только во время кризисовъ правительство ослабляло узду, а по миновании—вновь затягивало. Правительство въ лицѣ своего чиновника—цензора слѣдило за каждой статьей и разрѣшало печатаніе ея только при ея полномъ согласіи съ господствующими доктринами. Право на изданіе газетъ оно давало только тѣмъ лицамъ, которыя могли достаточно гарантировать его отъ вреднаго направленія. Циркулярныя предостереженія, пріостановки и запрещенія, изъятіе изданія изъ обращенія административнымъ порядкомъ, уничтоженіе выпусковъ свирѣпствовали по всей линіи печати.

Всѣ эти *дары* наполеоновскаго правительства исчезли вмѣстѣ со второй имперіей. Но и въ настоящее время французская пресса не пользуется полной свободой. Право редакторства предоставлено только французскимъ подданнымъ; объ изданіи необходимо заявить прокурорскому надзору; существуютъ и другія ограниченія. Не смотря на стѣсненія, во всякомъ случаѣ —не существенныя, пресса возросла въ Парижѣ до 2685 органовъ, а считая съ провинціями и колоніями—до 6736.

Ко внутреннимъ качествамъ французской прессы Корнели относится съ порицаніемъ. Онъ говоритъ, что существуетъ только нѣсколько газетъ, не потерявшихъ чувства самоуваженія и уваженія къ своимъ читателямъ, но онъ полагаетъ, что тутъ свобода печати не виновата, но на причины зла онъ не указываетъ и питаетъ лишь надежду, что пресса со временемъ исправится.

При видѣ огромнаго количества выбрасываемыхъ печатной машиной газетныхъ листовъ, парижанинъ можетъ съ чувствомъ собственнаго достоинства выразиться такимъ образомъ: „Газета становится все болѣе видною частью нашей литературы, все болѣе важнымъ факторомъ нашей общественной жизни“. Если мы обратимся къ отечественной прессѣ, то встрѣтимся съ нѣсколько другой цифрой, поразительно ничтожной по сравненію ея съ парижской. Въ прошломъ году у насъ выходило въ обѣихъ столицахъ, Петербургѣ и Москвѣ, всего-на-всего 16 названій ежедневныхъ періодическихъ изданій. И все-таки г. Пѣшехоновъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ призналъ возможнымъ не безъ пріятнаго удовольствія выразиться, подобно парижанину, точно такимъ же образомъ: „Съ каждымъ годомъ газета становится все болѣе видною... Наростаетъ потребность въ изученіи историческаго развитія нашего газетнаго дѣла... Методъ статистическій долженъ имѣть мѣсто“, и т. д.

Конечно, каждый газетный листъ можетъ представить интересъ для изученія его по нѣсколькимъ методамъ, въ томъ числѣ и статистическому. Можно, напр., сказать, что наши газеты пятьдесятъ лѣтъ назадъ выходили въ два раза меньшемъ объемѣ и имѣли въ четыре раза меньше читателей. Но та же статистика покажетъ, что названій газетъ и тогда было не меньше. Въ шестидесятыхъ годахъ выходили слѣдующія ежедневныя изданія: „Спб. Вѣдомости“, „Московскія Вѣдомости“, „Русскія Вѣдомости“, „Сѣверная Пчела“, „Сѣверная Почта“, „Сынъ Отечества“, „Голосъ“, „Петербургскій Листокъ“, „Петербургская Газета“, „Современныя Извѣстія“, „Вѣсть“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Новое Время“ (Киркора и Юматова) и еще нѣкоторыя другія, напр., „Наше Время“, „Современное Слово“, „Народный Голосъ“. „Гласный Судъ“. Первыя 13 названій выходили одновременно, а остальныя—въ то же десятилѣтіе, но въ разное время и непродолжительно. Такимъ образомъ, хотя народонаселеніе въ Россіи (и въ столицахъ) втеченіе сорока лѣтъ увеличилось вдвое, но количество газетъ осталось то же и названія почти тѣ же. Таково историческое развитіе газетнаго дѣла среди нашихъ *обывателей*. Положимъ, въ это время выросла провинціальная пресса, но значительнымъ ростомъ похвалиться она тоже не можетъ. Появились два-три новыхъ газетныхъ центра, прибавилось пять-шесть провинціальныхъ изданій столичнаго типа, но существованіе ихъ далеко не устойчиво. Словомъ, наша пресса прогрессируетъ слабо.

ники классицизма, терявшіе почву, требовали, по крайней мѣрѣ, сохраненіе одного древняго языка; они указывали на интересы медицины, терминологія которой вся состоитъ изъ латинскихъ словъ.

Послѣ возраженія со стороны реалистовъ, что для религіозныхъ потребностей не только излишне, но и вредно изучать языческихъ авторовъ, что многія величайшія изслѣдованія новаго времени были изложены на новыхъ языкахъ съ полнымъ успѣхомъ и что медицинскую терминологію можно съ большимъ удобствомъ выразить на какомъ угодно новомъ языкѣ, защитники классическаго образованія выставили другую аргументацію. Махъ, конечно, не скрываетъ этихъ аргументовъ и говоритъ: „Дѣйствительная польза, какую могла бы получить молодежь отъ филологическаго образованія, при правильной его постановкѣ, состояла бы въ раскрытіи богатаго содержанія античной литературы, въ знакомствѣ съ міросозерцаніемъ двухъ высококультурныхъ народовъ. Кто прочелъ греческихъ и римскихъ авторовъ и понялъ ихъ, тотъ знаетъ больше, чѣмъ тотъ, кто ограничился впечатлѣніями современной жизни. Онъ видитъ, что люди, жившіе при другихъ условіяхъ, смотрѣли на-однѣ и тѣ же вещи совсѣмъ не такъ, какъ мы. Онъ самъ будетъ смотрѣть тогда свободнѣе“. Вотъ именно что высказываютъ теперь въ защиту классицизма. Махъ, однако, замѣчаетъ: „Но развѣ нѣтъ еще другихъ народовъ, другихъ литературъ, отъ которыхъ мы могли бы кое-что узнать? Развѣ сама природа не является для насъ важнѣйшей наставницей. Неужели греки, съ ихъ ограниченными мѣщанскими взглядами, съ ихъ дѣленіемъ людей на варваровъ и грековъ, съ ихъ суевѣріями, съ ихъ постоянными обращеніями къ оракулу, должны всегда оставаться для насъ высшимъ образцомъ?.. Неужели римлянамъ съ ихъ ограниченной филистерской философіей, съ безучастіемъ и блестящей, хвастливой, но безсодержательной внѣшностью, съ ихъ жестокими забавами, беззастѣнчивой эксплоатаціей человѣка и непомѣрно развитой чувственностью,—неужели этимъ римлянамъ слѣдуетъ подражать?“

Однако, какъ замѣчаетъ Махъ, и такого ненужнаго знакомства съ античнымъ міромъ у насъ въ школахъ не сообщается. Все обученіе древнимъ языкамъ сводится только къ формамъ и словамъ, къ переполненію памяти безсодержательнымъ и обременительнымъ хламомъ. Допустимъ, говоритъ онъ, что классики правы въ томъ, что самый главный результатъ, къ ка-

кому приводитъ нынѣшній способъ изученія древнихъ языковъ, обусловленъ занятіями ихъ сложной грамматикой, изощряющей вниманіе, упражняющей способности сужденія. Но такихъ же результатовъ можно достигнуть другими путями, напримѣръ, посредствомъ карточной игры, изученія китайскаго языка. Всѣ достоинства, которыми, будто бы, обладаютъ древніе языки, значительно скорѣе и лучше достигаются изученіемъ новыхъ языковъ, естественныхъ наукъ, физико-математическихъ, потому что за послѣдними имѣются еще важныя преимущества: новые методы изслѣдованія, непосредственное приложеніе знанія къ жизни, бо́льшая заинтересованность учащагося.

Махъ указываетъ на историческую причину существованія классической школы. Причина эта коренится, во-первыхъ,—въ сосредоточеніи школы продолжительное время въ рукахъ духовенства и, во-вторыхъ,—въ узурпаціи пользованія школою вліятельныхъ и обезпеченныхъ классовъ, для которыхъ нужна была только эквилибристика ума и излишне было насущное знаніе, такъ какъ блага этого знанія они могли получать помимо своего участія въ производствѣ ихъ.

Статья Маха по вопросу, обстоятельно разсмотрѣнному имъ съ возможныхъ точекъ зрѣнія, заслуживаетъ большого вниманія.

Съ тѣхъ поръ, какъ легенда о Прометеѣ подверглась впервые литературной обработкѣ, прошло двадцать шесть вѣковъ. У Гезіода она вылилась въ простой записи народнаго сказанія, Эсхилъ подвергъ миѳъ первой художественной переработкѣ. Въ „Превращеніяхъ“ Овидія миѳъ подвергся измѣненію: Овидій называетъ Прометея не только другомъ людей, но и творцомъ ихъ. Несмотря на заповѣдность міра миѳовъ вообще, сатирикъ Лукіанъ коснулся миѳа о Прометеѣ своими ядовитыми стрѣлами: подъ перомъ Лукіана дѣяніе боговъ, наказавшихъ Прометея за ослушаніе, обращается въ злодѣяніе. Миѳъ не забытъ былъ и средневѣковымъ католицизмомъ, склоннымъ истолковывать и примѣнять ad majorem Dei gloriam и древнюю исторію, и классическую поэзію. Но католицизмъ не справился съ миѳомъ и даже подъ перомъ набожнаго и талантливаго Кальдерона миѳъ оказался неудачно приложеннымъ къ католицизму. Руководители нѣмецкой мысли, Лессингъ, Гердеръ, Гейне и вообще дѣятели эпохи „Бурныхъ

стремленій", настойчиво прививали новымъ нѣмецкимъ поколѣніямъ мысль о Прометеѣ, какъ о выразителѣ культурной энергіи и индивидуальной силы. Шелли въ своемъ „Prometheus'ѣ" выразилъ восторгъ и удивленіе великому предшественнику всѣхъ борцовъ за права человѣчества. Байронъ, сливая античную легенду съ современною соціально-политическою жизнью, воспѣлъ на этой основѣ гимнъ Прометею. Слѣдомъ за Байрономъ и Шелли идутъ многочисленные поэты XIX столѣтія—Леонарди, Эдгаръ Кинэ, Лонгфелло и Гауптманъ—обрабатывавшіе миѳъ въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ.

Но независимо отъ обработки миѳа, предпринимаемой въ литературѣ изъ вѣка въ вѣкъ, миѳъ о Прометеѣ передается до сего времени устно, въ народныхъ сказаніяхъ, оссбенно среди народностей Кавказа, къ вершинамъ котораго легенда приковала Прометея. Прослѣдить исторію этого миѳа въ народныхъ преданіяхъ и въ литературѣ является предметомъ интереснымъ.

Въ ежемѣсячномъ журналѣ „Кавказскій Вѣстникъ" появился небольшой этюдъ профессора А. Веселовскаго, посвященный этому предмету, подъ заглавіемъ „Прометей въ кавказскихъ легендахъ и міровой поэзіи".

Поводомъ къ этому изслѣдованію послужило для г. Веселовскаго довольно любопытное событіе. Въ концѣ минувшаго лѣта въ городѣ Безье (Прованс), сохранившемъ остатки великолѣпнаго амфитеатра временъ римлянъ, происходило необычайное театральное представленіе. На скамьяхъ подновленной арены размѣстилось болѣе 12 тысячъ зрителей. Передъ ними въ художественной обстановкѣ громадной декораціи, изображавшей кавказскія горы, предсталъ прикованный Прометей и разыгралась трагическая фабула, взятая изъ пьесы Эсхила и разработанная двумя современными французскими поэтами (Jean Lorrain и Ferdinand Herold) въ духѣ новѣйшихъ сценическихъ требованій. Музыка пришла на помощь древней драмѣ, и Габріэль Форэ своими оркестровыми вставками и хорами еще болѣе поднялъ впечатлѣніе пьесы, вызвавшей бурный энтузіазмъ публики.

Такимъ образомъ, древній популярный миѳъ сталъ *почти* живой дѣйствительностью. Изъ этюда г. Веселовскаго мы узнаемъ, что греческій миѳъ о Прометеѣ является отголоскомъ преданій народностей Кавказа о скованныхъ титанахъ-страдальцахъ. „Поразительная особенность Кавказа, которую

можно бы назвать безсмертіемъ народной памяти или поэтическимъ консерватизмомъ, — умѣнье втеченіе тысячелѣтій сберегать то, что нѣкогда поразило народный умъ или воображеніе, и, точно схоронивъ его въ глубинѣ ущелій, за твердыней горъ, неприкосновенно передавать позднѣйшему потомству,—ставитъ и теперь лицомъ къ лицу въ міровой литературѣ обѣ эти противоположности,—показывая въ кавказскихъ сказаніяхъ, чѣмъ былъ въ незапамятную пору первообразъ преданія, тогда какъ западно-европейская стихія отвѣчаетъ и въ новѣйшее время разнообразными примѣрами того, во что могутъ превратить несложную легендарную основу поэзія и мысль подъ глубокимъ культурно-историческимъ вліяніемъ". „Рѣзкое и властное проявленіе личности, мятежное сопротивленіе богамъ, насиліе и вредъ по отношенію къ людямъ,—древніе атрибуты того титана, въ которомъ позднѣйшіе вѣка, напротивъ, увидятъ друга человѣчества, его просвѣтителя и заступника".

Титаны кавказскихъ горъ, по народному преданію, являются въ разныхъ образахъ: то въ видѣ безымяннаго богатыря, старца съ длинною до ногъ бородою, огненными глазами, когтями хищника (кабардинская версія), или чудовищно-огромнаго великана (Артаваздъ—у армянъ), и т. п. Титанамъ приписываютъ кавказскія легенды какое-нибудь тяжкое преступленіе: несправедливость къ людямъ, сопротивленіе божественной волѣ, доходящее до борьбы титана съ Богомъ. Титанъ, конечно, въ концѣ концовъ оказывается побѣжденнымъ; тогда его запираютъ въ расщелину горъ, или въ пещеру, или приковываютъ къ горѣ. Страданія ему налагаются безконечно; но ему оставляется надежда, что онъ выйдетъ на свободу, когда „пшеница будетъ со сливу", а „ячмень съ шиповникъ".

Таковъ первообразъ Прометея, попавшій потомъ въ число греческихъ миѳовъ и разработанный эллинскимъ народомъ по-своему. Греки косвеннымъ образомъ сохранили въ миѳѣ его происхожденіе—Кавказъ, смягчили въ миѳѣ характеристику Прометея, придавъ ему жизнерадостность эллинскихъ боговъ и, вмѣсто стихійнаго разрушителя, олицетворили въ Прометеѣ человѣческій разумъ, похитившій съ небесъ свѣточъ истины.

Въ „Кіевской Старинѣ" продолжаютъ печататься „Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII столѣтія", о которыхъ мы уже дали отзывъ въ № 4 журнала.

Авторъ излагаетъ дѣла и перепечатываетъ въ извлеченіи акты полковыхъ и казацкихъ судовъ и на этомъ предметѣ только и спеціализируется. Очеркъ майской книжки журнала заполненъ однимъ родомъ дѣлъ—о прелюбодѣяніи, преимущественно о лишеніи чести дѣвушекъ, или—о „сбавкѣ паненства", какъ говорятъ малороссіяне. Авторъ замѣчаетъ, что XVII вѣкъ справедливо считается блестящимъ и самымъ интереснымъ періодомъ Малороссіи, когда украинскій народъ проявилъ высшее напряженіе своихъ духовныхъ силъ и устроилъ свою жизнь по извѣчнымъ идеаламъ. Авторъ, можетъ быть, вообще правъ, но въ данномъ случаѣ высказывать такой взглядъ совсѣмъ неумѣстно. Всѣмъ печатнымъ матеріаломъ онъ самъ себя опровергаетъ и по меньшей мѣрѣ не даетъ подтвержденія своимъ словамъ. Онъ можетъ сколько угодно восхищаться многочисленными случаями невоздержной жизни малороссовъ, ухарствомъ паробковъ и легкомысленностью жинокъ, но надо полагать, что „напряженіе духовныхъ силъ" украинскаго народа того времени не этой психологической чертой выражалось. Мы остаемся при прежнемъ мнѣніи, что „исторію Малороссіи нельзя написать ни на какую премію": матеріалъ крайне малъ и одностороненъ. Ни въ одной литературѣ вы не встрѣтите, при перепечатываніи какихъ-либо однородныхъ документовъ, хотя бы разсказанныхъ своими словами и съ комментаріями, такого громкаго заглавія, что эти документы будто являются „Очерками народной жизни". Для такихъ *очерковъ* необходимъ разносторонній матеріалъ, а со стороны автора—широкое освѣщеніе. Редакція журнала выразила недоумѣніе по поводу нашего замѣчанія о томъ, что безъ матеріала нельзя написать исторіи, и надѣется достигнуть своей цѣли—составленія курса исторіи Малороссіи — посредствомъ заказа. Желаемъ успѣха на новомъ поприщѣ — литературы по заказу. Все-таки вопросъ о матеріалѣ остается открытымъ. Сошлемся на слова самого автора „Очерковъ", г. Левицкаго. Онъ говоритъ слѣдующее: „Наиболѣе пригоднымъ матеріаломъ для этого была бы литература изучаемой эпохи или, еще лучше, повседневная пресса... Но мы имѣемъ дѣло обыкновенно съ такими эпохами, литература которыхъ слишкомъ скудна и безжизненна, а періодической прессы и вовсе не было. Взамѣнъ той и другой приходится довольствоваться мемуарами. Но если и мемуаровъ нѣтъ или они плохи..." и т. д. Очевидно, это замѣчаніе автора должно быть отнесено исключительно къ исторіи Малороссіи, потому что ни къ какой еще

другой культурной странѣ нельзя отнести столь прискорбнаго сожалѣнія, которымъ дышутъ слова автора. Въ XVII вѣкѣ повсюду въ Европѣ существовала и литература, и мемуары, а пресса появилась съ XVII столѣтія. Даже въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ составлялись куранты, заключавшіе выписки изъ иностранныхъ газетъ и подававшіеся царю.

При сравненіи всѣхъ однородныхъ условій, скудость Малороссіи историческими источниками несомнѣнна. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія у Россіи уже былъ свой историкъ, Татищевъ... Въ это время, т. е. въ началѣ XVIII вѣка, и втеченіе всего „блестящаго“ XVII-го, Малороссія находилась между трехъ огней, со стороны Россіи, Польши и Турціи, и кромѣ того раздиралась междоусобіями. Въ вину ей никто этого не ставитъ, но для созданія письменности такія условія не могли быть благопріятными. **И. М.**

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Военныя границы Римской имперіи.—Тихо Браге и его ученые труды.—Намѣренія Наполеона I относительно Китая. — Могила Гиппократа. — Вѣщіе сны съ медицинской точки зрѣнія.—Различные способы погребенія у индусовъ.—Бракъ въ разныя эпохи и у различныхъ народовъ.—Религіозныя возарѣнія Альфреда де Виньи.—Мѣстечко Шарметтъ и любовная идиллія Жанъ-Жака Руссо.—Расовый вопросъ.—Мольеръ и фарсъ.—Театральная цензура въ Германіи.

Въ послѣднее время европейскіе ученые усердно занимаются изслѣдованіемъ военныхъ границъ Римской имперіи [1]), дѣлая раскопки каждый въ своемъ отечествѣ. Такія работы производились одновременно въ Англіи, въ Германіи. въ Австріи, въ Румыніи, въ Африкѣ и даже въ Азіи; частныя лица, ученыя общества, правительства соперничали между собою. Благодаря всѣмъ этимъ трудамъ, мы можемъ составить себѣ довольно точное представленіе о длинной цѣпи военныхъ крѣпостей, защищавшихъ со всѣхъ сторонъ территорію Римской имперіи, и о томъ, какую жизнь вели люди на ея окраинахъ.

Каждый разъ, когда римляне хотѣли отмѣтить границу своихъ владѣній, тамъ, гдѣ не было естественныхъ границъ, т. е. рѣкъ, горъ и т. п., они строили стѣну изъ камня или изъ земли, вырывали передъ нею канаву и ставили на нѣкоторыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга нѣчто въ родѣ крѣпо-

[1]) Journal des Savants, Janvier 1901.

стей, гдѣ маленькія, а гдѣ и настоящія большія крѣпости. Въ разныхъ провинціяхъ эти крѣпости строились разно. Особенно хорошо изслѣдованы такъ называемыя castellum; въ настоящее время имѣется почти полный списокъ ихъ на протяженіи всей границы отъ Германіи до Чернаго моря. Изслѣдователи вывели нѣкоторые общіе принципы постройки римскихъ крѣпостей. Обыкновенно крѣпости строились на дорогѣ, ведущей въ незавоеванныя страны, въ довольно большомъ количествѣ, чтобы гарнизоны могли, въ случаѣ опасности, помогать другъ другу, и всего на разстояніи нѣсколькихъ километровъ одна отъ другой, для удобства сообщенія между ними. За очень рѣдкими исключеніями онѣ всегда имѣли форму болѣе или менѣе длиннаго прямоугольника; углы закруглялись, стѣны усаживались башенками. Castellum имѣлъ четыре двери на каждой изъ четырехъ стѣнъ. Въ центрахъ почти всѣхъ castellum найдены слѣды большого зданія, praetorium, квартиры или конторы командира. Эти praetorium'ы чрезвычайно напоминаютъ, по общему плану, обычные римскіе дома, съ ихъ двумя главными частями, атріумомъ и перистилемъ, съ комнатами, сгруппированными вокругъ. Назначеніе каждой изъ комнатъ очень трудно опредѣлить и только относительно одной не можетъ быть сомнѣнія: та, которая находится напротивъ двери въ преторіумъ, была, очевидно, лагерной часовней, такъ какъ въ ней постоянно находили статуи императоровъ и алтари Здѣсь же хранились личныя деньги командира и солдатъ. Кромѣ преторіума въ castellum'ахъ были только бани и магазины; зато вблизи лагерей изслѣдователи открыли слѣды еще другихъ построекъ, принадлежавшихъ должно быть частнымъ предпринимателямъ. Слѣды эти особенно ясны въ кастеллумѣ Заальбурга.

Хотя государство брало на себя заботы о пропитаніи солдатъ, у послѣднихъ естественно являлась потребность въ чемъ-нибудь лишнемъ, могущемъ усладить ихъ существованіе, и вотъ поблизости лагеря располагаются рынки, въ изобиліи предлагающіе все, чего только можно пожелать. Въ жаркихъ странахъ такіе рынки могли существовать на открытомъ воздухѣ, подъ шатрами; но на границахъ Германіи торговцы должны были защищать свой товаръ отъ снѣга, дождя и вѣтра и потому они размѣщались въ настоящихъ прочныхъ зданіяхъ, слѣды которыхъ и сохранились до нашего времени. Самые дома, разумѣется, исчезли, но погреба съ лѣстницами, разные обломки и утварь указываютъ на ихъ прежнее существованіе.

Здѣсь же, поблизости строились амфитеатры, иногда даже въ самыхъ лагеряхъ, на что указываетъ найденная опять-таки въ Заальбургѣ эллиптическая арена, расположенная какъ разъ сзади преторіума. До такой степени сильна была потребность въ зрѣлищахъ и играхъ въ римскомъ народѣ! Около амфитеатра Карнунтума найдены слѣды часовни богини Немезиды, связь которой съ кровавыми играми понятна. Такія зданія особенно часто встрѣчаются вокругъ кастеллумовъ и это объясняется тѣмъ, что оффиціальная религія не допускала въ самомъ кастеллумѣ никакихъ божествъ, кромѣ нѣсколькихъ опредѣленныхъ боговъ и императоровъ; солдатамъ же трудно было отказаться отъ почитанія тѣхъ боговъ, къ которымъ они привыкли дома.

Стокгольмская академія наукъ дѣлаетъ приготовленія къ предстоящему празднованію трехсотлѣтія со дня смерти великаго основателя современной практической астрономіи Тихо Браге, которое исполнится 24 октября текущаго года. Въ этотъ день Стокгольмская академія наукъ созоветъ торжественное собраніе, программа котораго еще не составлена. Кромѣ того, она рѣшила предпринять воспроизведеніе фотолитографическимъ способомъ оригинальнаго изданія сочиненія вышеназваннаго ученаго, носящаго названіе Tychonis Brahe Astronomiae instauratae Mechanica [1]). Любопытна исторія этой книги.

Самый длинный и самый интересный періодъ научной дѣятельности Тихо Браге прошелъ на маленькомъ островѣ Гвенъ, лежащемъ въ трехъ лье отъ Копенгагена и принадлежащемъ въ настоящее время Швеціи. Король датскій Фридрихъ II отдалъ его въ пожизненное пользованіе ученому, котораго считалъ гордостью своего отечества. Тамъ Тихо Браге построилъ пышный замокъ, Уранибургъ, и рядомъ съ нимъ грандіозную обсерваторію, названную Стельбургомъ, и въ этомъ великолѣпномъ жилищѣ, гдѣ было рѣшительно все, чего онъ только могъ пожелать, даже собственная печатня, великій астрономъ, окруженный учениками, жаждавшими знанія, втеченіе двадцати лѣтъ производилъ свои наблюденія и вычисленія, имѣвшія огромное вліяніе на будущность астрономіи. Къ несчастью, Христіанъ IV, наслѣдовавшій Фридриху II, слишкомъ благосклонно выслушивалъ завистниковъ Тихо Браге и послѣдній долженъ

---

[1]) Journal des Savants, Février 1901.

былъ покинуть свой островъ. Онъ отправился въ Гольштейнъ, гдѣ Генрихъ, графъ Рантзаускій, оказалъ ему гостепріимство въ Вандсбекскомъ замкѣ, близъ Гамбурга; туда же Браге перевезъ свою печатню, работавшую еще на островѣ Гвенѣ. Это-то печатня, уже находясь въ Вандсбекѣ, выпустила въ свѣтъ тотъ интересный томъ, который Стокгольмская академія наукъ желаетъ воспроизвести. Прекрасный in-folio, содержитъ подробное и точное описаніе инструментовъ, которыми пользовался Тихо Браге и которые по большей части построены по его почину. Сочиненіе оканчивается описаніемъ замка Уранибурга и Стельбургской обсерваторіи и различными письмами и стихами, полученными великимъ астрономомъ отъ его друзей и поклонниковъ. Въ началѣ помѣщено посланіе, въ которомъ авторъ проситъ императора Рудольфа II принять эту книгу въ видѣ новогодняго подарка; посвященіе помѣчено кануномъ январьскихъ календъ 1598 г., т. е. 31 декабря 1597 г. Книга украшена портретомъ Тихо Браге и еще 25 гравюрами внѣ текста, изображающими инструменты обсерваторіи, карту острова Гвена, планы и чертежи Уранибурга и Стельбурга.

Изъ оригинальныхъ томовъ этого изданія уцѣлѣли до нашего времени, насколько извѣстно, всего девять экземпляровъ.

Императоръ Наполеонъ I, такъ живо интересовавшійся всѣми вопросами, касающимися даже самыхъ отдаленныхъ странъ, не оставилъ безъ вниманія и Небесную имперію, на что указываетъ записка, опубликованная недавно г. Кордье „Mémoire sur la Chine adressé à Napoléon 1-er par F. Renouard de S-te Croix“ [1]), извлеченная изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ этой запискѣ Феликсъ Ренуаръ сообщаетъ Наполеону, что отношенія Франціи съ Китайской имперіей, прерванныя за время революціи, могутъ быть возобновлены и притомъ принести обильныя выгоды, такъ какъ вліяніе, которое Англія успѣла создать за это время въ Китаѣ, можно отнять отъ нея и возвратить Франціи тотъ огромный кредитъ, которымъ она пользовалась до революціи.

Ренуаръ обращаетъ вниманіе на заслуги французскихъ миссіонеровъ, которые до революціи не позволяли враждебнымъ націямъ совершенно искоренить въ Китаѣ французское вліяніе. Во время безпорядковъ во Франціи антирелигіозная

[1]) Archives, Mai 1901.

система правленія возстановила миссіонеровъ противъ ихъ отечества и они помогли англійскому посольству въ 1792 г. добиться доступа къ пекинскому двору. Въ 1794 г. голландцы послѣдовали туда за англичанами и нѣсколько уменьшили вліяніе послѣднихъ; не будь ихъ, англичане одни завладѣли бы всею торговлей Кантона. По мнѣнію Ренуара, именно теперь былъ самый удобный моментъ нанести смертельный ударъ всѣмъ соперничающимъ націямъ и самимъ завладѣть всей торговлей. Затѣмъ онъ излагаетъ свои соображенія о томъ, что какъ разъ въ настоящее время англичане не пользуются расположеніемъ при пекинскомъ дворѣ и спеціально присланному въ Пекинъ французскому посольству было бы не трудно добиться изгнанія этой опасной для Китая націи изъ всѣхъ китайскихъ портовъ и особенно изъ Кантона, что отняло бы у нихъ всю торговлю и отдало бы ее въ руки Франціи. Французское посольство было бы тѣмъ болѣе хорошо принято въ Пекинѣ, что китайское правительство чувствуетъ презрѣніе къ народамъ, занимающимся исключительно торговлею; французскій же посланникъ могъ бы не спрашивать никакихъ особенныхъ привиллегій, а ограничиться только просьбою устранить англичанъ.

Ренуаръ предлагалъ отправить посольство сухимъ путемъ черезъ Россію, въ чемъ не предвидѣлось въ то время особенныхъ затрудненій и притомъ онъ совѣтовалъ императору не придавать дѣлу излишней гласности, чтобы англичане не были своевременно предувѣдомлены и не помѣшали своими интригами успѣху этого дѣла. Всѣ посольства, до сихъ поръ, пріѣзжавшія въ Пекинъ, привозили подарки, по большей части механическіе инструменты или произведенія искусствъ, непонятные китайцамъ, безъ всякаго употребленія сваливавшіеся въ кладовыя императорскаго дворца; Франція же, какъ военная нація, должна давать исключительно оружія и притомъ такія, которыя посольству не трудно было бы перевезти.

Записка заканчивается спискомъ персонала, который долженъ былъ бы составлять проектируемое посольство.

Едва ли необходимо упоминать, что это посольство никогда не было осуществлено.

Недавно раскопки въ Ларисѣ въ Θессаліи привели къ очень интересной находкѣ, а именно къ открытію могилы Гиппократа [1]), замѣчательнаго греческаго ученаго, отца медицины,

[1]) Cosmos, 30 Mars 1901.

оставившаго послѣ себя до 72 сочиненій по медицинѣ и по естественнымъ наукамъ поистинѣ замѣчательныхъ для его времени.

Греческое правительство отправило комиссію на мѣсто находки, чтобы принять необходимыя мѣры для ея сохраненія.

Названный греческій изслѣдователь, первый медикъ Гиппократъ касался въ своихъ разнообразныхъ сочиненіяхъ почти всѣхъ вопросовъ, которыми интересуется современная медицина; между прочимъ, онъ отвелъ порядочное мѣсто изслѣдованію сна [1]). Онъ доказывалъ, что сонъ играетъ чрезвычайно важную роль въ діагнозѣ болѣзни, но его доказательства, смутныя и неопредѣленныя, разумѣется, уже не могутъ имѣть значенія для нашего времени. Ученикъ Гиппократа, Галіанъ, не прибавилъ ничего новаго къ его ученію; онъ лишь даетъ нѣсколько примѣровъ, какимъ образомъ сонъ послужилъ установленію діагноза болѣзни.

Одинъ борецъ видѣлъ себя во снѣ въ ямѣ, наполненной кровью, изъ которой онъ никакъ не могъ выйти. Изъ этого вывели заключеніе, что больной страдаетъ полнокровіемъ; ему пустили кровь, что очень помогло. Одному несчастному чахоточному, видѣвшему подобный же сонъ, точно также, ни мало не смущаясь, сдѣлали кровопусканіе; нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ отъ такого лѣченія умеръ.

Артемидоръ даже разсказываетъ случай подобнаго вѣщаго сна, который онъ считаетъ божественнымъ откровеніемъ:

„Одинъ человѣкъ видѣлъ во снѣ (въ храмѣ Сераписа), что онъ получилъ отъ Асклеодота ударъ шпагою въ животъ и умеръ. Этотъ человѣкъ выздоровѣлъ, благодаря операціи опухоли въ животѣ“.

Нужды нѣтъ, что предсказаніе не вполнѣ точно; здѣсь важно вліяніе органическихъ ощущеній на направленіе сна.

Средніе вѣка не приняли этого ученія, какъ священнаго наслѣдія древности, хотя къ многимъ другимъ, несравненно менѣе осмысленнымъ, относились именно такимъ образомъ и средневѣковые врачи пренебрегали совѣтами Гиппократа; только въ 1806 г. Дубль занялся снова изслѣдованіемъ сна. Онъ раздѣляетъ сны на четыре категоріи: a) сны, зависящіе отъ реакціи думающаго органа въ самомъ себѣ; b) сны, зависящіе отъ дѣйствія внѣшнихъ причинъ; c) отъ ассоціаціи идей; d) и, наконецъ, отъ внутреннихъ ощущеній и животныхъ

[1]) Revue Scientifique, 30 Mars 1901.

функцій. Эти-то послѣднія только и могутъ указывать на болѣзнь. Особенно часто приводятъ въ примѣръ ученаго Конрада Гесснера, видѣвшаго во снѣ, что его укусила змѣя въ бокъ, и вскорѣ на этомъ самомъ мѣстѣ появился чумный нарывъ, отъ котораго онъ и умеръ. Другой случай говоритъ объ Арно де-Вильневъ: онъ видѣлъ во снѣ, что бѣшеная собака укусила его въ ногу, и скоро на этомъ мѣстѣ появилась раковидная опухоль.

Въ наше время снова начинаютъ заниматься этимъ вопросомъ. Шалэнъ въ своемъ сочиненіи придаетъ сну очень большое значеніе и удивляется, что всѣ такъ пренебрегаютъ имъ; онъ находитъ, что по характеру сна можно опредѣлить сущность болѣзни и даже даетъ довольно подробное руководство.

Кошмары въ началѣ сна имѣютъ мозговое происхожденіе; въ серединѣ ночи они выражаются разстройствомъ пищеваренія. Иногда сумасшествію предшествуютъ сны, повторяющіеся нѣсколько дней подъ рядъ и опредѣляющіе пунктъ помѣшательства. Одна женщина нѣсколько ночей сряду слышала голосъ, говорившій ей: „убей свою дочь“, и она кончила тѣмъ, что дѣйствительно убила дѣвушку. Какой-то купецъ втеченіе пятнадцати ночей видѣлъ себя достигшимъ необыкновенныхъ богатствъ; вслѣдъ за тѣмъ этотъ бредъ сталъ продолжаться и днемъ. Подобные случаи очень часты.

Многіе другіе изслѣдователи также посвящали сну цѣлыя сочиненія. Г. Некке утверждаетъ, что сонъ опредѣляетъ характеръ человѣка. „Скажи мнѣ, что ты видишь во снѣ, и я скажу, кто ты“. Еще ранѣе Дубль развивалъ ту же мысль. Упомянемъ лишь о наиболѣе характерныхъ указаніяхъ, приводимыхъ имъ въ его сочиненіяхъ. Такъ, онъ утверждалъ, что сангвиники видятъ въ своихъ снахъ пиры, танцы, пѣніе, шумныя игры, битвы; меланхолики видятъ привидѣнія, тѣни и смерть; флегматики—бѣлыя тѣни. сырыя мѣстности, воду; лица желчнаго темперамента—мрачные призраки, ссоры, убійства, пожары и т. д.

Некке говоритъ, между прочимъ, что часто самоубійство только потому приводится въ исполненіе, что маленькія непріятности дневной жизни принимаютъ во снѣ удесятеренные размѣры и тѣмъ способствуютъ дурному настроенію духа. Что же касается до истеричныхъ субъектовъ, у нихъ сонъ играетъ особенно важную роль и въ немъ состояніе ихъ отражается, какъ въ зеркалѣ.

У индусовъ различныхъ сектъ наблюдаются различные способы погребенія мертвыхъ. Мусульмане и христіане Индіи хоронятъ своихъ покойниковъ въ землѣ, но для настоящихъ индусовъ самое желанное погребеніе—въ священныхъ водахъ Ганга и Юмны. Въ былое время эти двѣ рѣки постоянно уносили въ море множество труповъ своихъ поклонниковъ, и англійскому правительству стоило большихъ трудовъ уничтожить обычай, чрезвычайно вредный въ гигіеническомъ отношеніи. Однако, и теперь еще особенно набожныя семьи вручаютъ трупы своихъ умершихъ родственниковъ священнымъ водамъ Ганга. Иногда можно видѣть, какъ индусы совершаютъ свои омовенія, нисколько не смущаясь присутствіемъ въ водѣ наполовину разложившагося трупа. Трудно представить себѣ людей менѣе брезгливыхъ. Когда индусы не могутъ ввѣрить своихъ покойниковъ водамъ священной рѣки, которыя очищаютъ отъ всякихъ скверно, они сжигаютъ ихъ: устраиваютъ костеръ, кладутъ на него умершаго и паріи, на которыхъ обыкновенно лежитъ эта обязанность, поддерживаютъ огонь, пока все не сгоритъ до-тла. Родственники покойнаго присутствуютъ при церемоніи и съ невозмутимымъ спокойствіемъ смотрятъ на это зрѣлище. Только жена его должна по обычаю выказывать безутѣшное горе, выражающееся въ слезахъ, жестикуляціи и раздирающихъ крикахъ. Но горе ея исключительно внѣшнее и на другой день навѣрное она не вспомнитъ больше о своемъ усопшемъ супругѣ. По окончаніи церемоніи послѣднія головешки и пепелъ сбираются и бросаются въ воду.

Парсы не хоронятъ и не сжигаютъ своихъ покойниковъ: они отдаютъ ихъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ, оставляя трупы на вершинахъ башенъ, называемыхъ въ Бомбеѣ башнями молчанія. На верхушкахъ башенъ устроены площадки, на которыя и кладутъ совершенно обнаженныя мертвыя тѣла. Вороны, коршуны, воздухъ и вѣтеръ очень скоро лишаютъ ихъ мяса. По прошествіи обычныхъ четырехъ мѣсяцевъ, кости бросаются въ колодезь, находящійся внутри башни, куда отъ времени до времени кидаютъ уголь и известь.

Въ наше время бракъ совершается только при условіи обоюднаго согласія жениха и невѣсты, но такъ было далеко не всегда и сколько измѣненій должно было претерпѣть это учрежденіе, прежде чѣмъ дойти отъ брака невольнаго до брака

по согласію [1]). Всевозможныя странныя церемоніи во многихъ странахъ и теперь еще напоминаютъ прежніе обычаи похищенія или купли женщины и показываютъ, какимъ образомъ мало-по-малу люди дошли до понятія о бракѣ, освященномъ церковью и закономъ, охраняющими достоинство женщины и ея нравственный авторитетъ, какъ матери семейства.

Первоначально женихъ долженъ былъ похищать свою невѣсту, такъ какъ это было самое простое средство, пришедшее въ голову человѣку, пожелавшему имѣть жену. Въ отдаленнѣйшую эпоху исторіи мужчина грубо похищалъ дѣвушку, изъ которой дѣлалъ скорѣе свою рабу, чѣмъ подругу жизни. Такимъ образомъ, на зарѣ Рима, товарищи Ромула, желая жениться и устроить себѣ осѣдлую жизнь, нашли вполнѣ естественнымъ отнять у сосѣдняго племени женъ и дочерей (похищенія сабинянокъ).

Напрасно, однако, читатель сталъ бы думать, что этотъ обычай исчезъ съ лица земли; ничуть не бывало: негры, живущіе у озера Чадъ, не знаютъ другого способа. Когда австралiецъ желаетъ жениться, онъ садится на лошадь и гоняется по лѣсамъ за избранной имъ женщиной; настигнувъ ее, хватаетъ за волосы и бьетъ палкой, и иногда такъ сильно, что голова и спина несчастной обливаются кровью.

Въ Гренландіи, когда туземецъ сватается къ дѣвушкѣ, она прежде всего падаетъ въ обморокъ, до такой степени будущее ея представляется ей въ черныхъ краскахъ; затѣмъ она убѣгаетъ въ горы и тамъ обрѣзаетъ себѣ волосы въ знакъ отчаянія. Женихъ отправляется на поиски, усмиряетъ ее и тащитъ въ свою хижину, покрывая ударами.

Большинство народовъ, мало-по-малу цивилизуясь, бросило эти варварскіе обычаи, но брачный церемоніалъ все же предписывалъ совершать похищеніе для виду. Въ этомъ заключался символъ, что женщина, побѣжденная силою мужчины, должна оказывать ему полное повиновеніе. Такимъ являлся бракъ въ древнемъ Римѣ, обставленный большой пышностью и сценичностью. Тотъ же обычай еще не такъ давно наблюдался въ Великой Британіи, въ Валлисѣ, гдѣ женихъ и его друзья верхомъ на лошадяхъ преслѣдовали невѣсту, спасающуюся отъ нихъ съ какимъ-нибудь родственникомъ.

Всѣ эти показныя похищенія, разумѣется, совершенно

[1]) Lectures pour tous. Mai 1901.

безобидны: однако, и кажущееся насиліе нехорошо уже тѣмъ, что можетъ иногда легко перейти въ дѣйствительное. Въ Новой Зеландіи, гдѣ дѣвушки такъ же сильны, какъ и мужчины, въ такихъ случаяхъ происходитъ настоящая серьезная борьба, продолжающаяся по нѣскольку часовъ, послѣ чего женихъ-побѣдитель ведетъ подругу въ свое жилище. Если же побѣда окажется на сторонѣ дѣвушки, бракъ разстраивается, такъ какъ ни одна новозеландка не согласится выйти за мужчину, лишеннаго силы и мужества.

До сихъ поръ мы видѣли, какъ женихъ похищаетъ свою невѣсту; но вотъ въ Мингреліи наблюдается какъ разъ обратное явленіе. Тамъ, послѣ свадебнаго пира, продолжающагося нѣсколько дней, женихъ прячется въ какое-нибудь укромное мѣстечко, а друзья и родные невѣсты отправляются искать его и затѣмъ силою ведутъ въ брачное жилище.

Трудно рѣшить, что пріятнѣе и почетнѣе, быть жертвою грубаго и жестокаго похитителя или же предметомъ торговой сдѣлки между родителями жениха и невѣсты. У многихъ народовъ примѣняется послѣдній способъ, не говоря уже о цивилизованныхъ странахъ, гдѣ очень часто бракъ является дѣломъ денежныхъ разсчетовъ. Китайцы, какъ завзятые торговцы, не признаютъ брака иначе, какъ въ видѣ купли. Молодой человѣкъ даже не знаетъ дѣвушки, которая ему назначается. Ихъ отцы, поторговавшись и поспоря, приходятъ, наконецъ, къ соглашенію, и въ день, назначенный для свадьбы, невѣста со всевозможною пышностью и торжественностью перевозится въ домъ жениха; при этомъ музыка и фейерверкъ составляютъ необходимую принадлежность церемоніи.

Свадьба на Явѣ сопровождается такими же шумными процессіями и такой же дикой музыкой, кромѣ того еще причудливыми танцами съ самой необузданной жестикуляціей.

Въ Марокко дѣвушка вымѣнивается на верблюдовъ, лошадей и овецъ и отвозится къ супругу въ корзинѣ, привязанной на спинѣ лошади. Эта процессія совершается обязательно ночью, съ зажженными факелами и тянется медленнымъ шагомъ, сопровождаемая жалобной музыкой и монотоннымъ пѣніемъ.

Во многихъ мѣстахъ купля невѣсты перешла въ показной обычай. Такъ, въ Монтенегро женихъ даетъ родителямъ невѣсты золотую монету, у грековъ Малой Азіи—шелковыя матеріи, ковры, красивыя вазы.

Вообще, чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени сва-

дебныя церемоніи у различныхъ народовъ согласуются съ ихъ характеромъ, стоитъ только взглянуть на свадьбу въ Японіи. Этотъ беззаботный и веселый народъ сдѣлалъ изъ свадьбы праздникъ въ самомъ легкомъ и граціозномъ стилѣ.

Свадьба празднуется въ домѣ жениха. Въ этотъ день цѣлый блестящій кортежъ наполняетъ залу, назначенную для торжества. Невѣста, разряженная и накрашенная, является въ сопровожденіи двухъ подругъ, одѣтыхъ въ костюмы бабочекъ. Всѣ приглашенные садятся въ кругъ; одна изъ подругъ беретъ вазу и наполняетъ ее „саки“ (водка); другая подноситъ ее супругамъ, которые должны поочередно пить изъ нея; это означаетъ, что имъ предстоитъ дѣлить горе и радость въ ихъ совмѣстной жизни.

Очень забавенъ обычай бракосочетанія въ Персіи. Приведенная своими родными, невѣста останавливается на нѣкоторомъ разстояніи отъ жениховскаго дома; женихъ выходитъ къ ней навстрѣчу и изо всѣхъ силъ кидаетъ въ нее апельсиномъ, а затѣмъ бросается бѣжать. Родные невѣсты догоняютъ его и такъ бѣготня продолжается, пока всѣ не задохнутся отъ усталости.

У сѣверныхъ народовъ женщина, какъ кажется, всегда пользовалась извѣстнымъ уваженіемъ. Въ средніе вѣка въ Скандинавіи дѣвушка-невѣста носила на перевязи ножны и молодой человѣкъ, желавшій сообщить свое желаніе взять ее замужъ, долженъ вложить въ эти ножны свое оружіе. Если она сохраняла это оружіе—это означало ея согласіе. Этотъ обычай соблюдается и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ финляндскихъ деревняхъ.

Что касается галловъ, то они были до такой степени галантны, что даже предоставляли право выбора самой невѣстѣ. Всѣ претенденты на руку молодой дѣвушки собирались на пиръ, въ концѣ котораго она брала кубокъ вина и подносила избраннику своего сердца. Легенда разсказываетъ, какъ одинъ предводитель фокійцевъ присталъ къ берегу, гдѣ впослѣдствіи основанъ былъ городъ Марсель, и былъ приглашенъ на пиръ къ королю, собиравшемуся выдать замужъ свою дочь. Принцесса, пораженная красотою иностранца, не долго думая поднесла ему свой кубокъ.

Съ введеніемъ христіанства бракъ получилъ характеръ серьезнаго и важнаго учрежденія, освободивъ женщину изъ состоянія рабства и давъ ей человѣческія права, болѣе или менѣе равныя съ мужемъ.

Серьезный и мягкій Альфредъ де-Виньи, въ противоположность своимъ друзьямъ романтической школы, вложилъ мало личной жизни въ свою сдержанную поэзію. Зато его письма къ близкимъ друзьямъ, по большей части къ женщинамъ, даютъ намъ нѣкоторое понятіе объ интимной жизни, о религіозныхъ идеяхъ [1]) и вообще о внутреннемъ мірѣ этого замѣчательнаго поэта. Его главными корреспондентками были: виконтесса дю-Плесси, его кузина, г-жа Лашо, внучка и m-elle Монуаръ, его „дорогая пуританка", одинъ изъ лучшихъ его друзей. Передъ этими тремя умными и образованными женщинами, и особенно передъ послѣдней, Альфредъ де-Виньи открываетъ свою душу, съ ними дѣлится своими сомнѣніями и стремленіями.

M-elle Монуаръ была женщина глубоко-религіозная, немного суровая и высокообразованная. Поэтому Альфредъ де-Виньи велъ съ нею болѣе серьезную бесѣду, чѣмъ съ другими, и изъ писемъ къ ней можно извлечь больше матеріала для изученія его интимнаго міра. Съ нею онъ переписывался о литературѣ, о своихъ поэмахъ, объяснялъ ей, подъ вліяніемъ какихъ мыслей и чувствъ написалъ онъ ту или другую вещь и что хотѣлъ ею выразить. Между двумя религіозными людьми различныхъ вѣроисповѣданій, разумѣется, не могло обойтись безъ разсужденій относительно правильности или неправильности того или другого. Онъ сперва пробовалъ увѣрить ее, что его католицизмъ былъ „не слишкомъ римскій". Она же, въ качествѣ убѣжденной протестантки, втеченіе нѣкотораго времени такъ сумѣла подѣйствовать на него, что онъ даже боялся, не придется ли ему обратиться къ реформатской церкви.

Но Альфредъ де-Виньи былъ слишкомъ серьезенъ и глубокъ, чтобы такъ быстро мѣнять свои убѣжденія, а потому его временное тяготѣніе къ протестантизму слѣдуетъ считать мимолетнымъ настроеніемъ, что и видно изъ его послѣдующихъ отношеній къ знаменитому писателю и протестантскому пастору Феликсу Бунгенеру.

M-elle Монуаръ, не упускавшая случая способствовать обращенію своего друга къ реформатской религіи, не показывая къ тому вида, прислала ему сочиненія Бунгенера, успѣхъ которыхъ перешелъ границы Швейцаріи. Виньи съ увлеченіемъ

[1]) Revue Bleue. 30 Mars 1901.

прочелъ эти книги и былъ въ такомъ восторгѣ отъ нихъ, что даже написалъ автору очень пространное и лестное письмо, въ которомъ, между прочимъ, выражалъ желаніе лично побесѣдовать съ нимъ, если удастся давно задуманная поѣздка въ Женеву.

Однако, несмотря на страстное желаніе, этой поѣздкѣ не суждено было осуществиться. Альфредъ де-Виньи все-же познакомился съ пасторомъ Бунгенеромъ въ 1855 году, во время пріѣзда этого послѣдняго въ Парижъ, сдѣлалъ ему визитъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Въ чемъ состояла эта бесѣда? Каковы были ея послѣдствія? Этого мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ, такъ какъ поэтъ и пасторъ, какъ кажется, унесли эту тайну съ собою въ могилу. Но упорное молчаніе Виньи о Бунгенерѣ съ самаго того дня позволяетъ думать, что ихъ раздѣляла глубокая пропасть въ отношеніи религіозныхъ убѣжденій и это свиданіе только увеличило ее.

Еще ранѣе, начиная съ 1852 г., по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ, а также подъ вліяніемъ близкихъ людей, въ убѣжденіяхъ Альфреда де-Виньи совершился переворотъ и мало-по-малу онъ вернулся къ религіи своего дѣтства, а когда почувствовалъ приближеніе смерти, то принялъ причастіе изъ рукъ священника.

Въ мѣстечкѣ Шарметтъ близъ Шамбери до сихъ поръ сохранился почти въ полной неприкосновенности домъ, гдѣ жилъ Жанъ-Жакъ Руссо и гдѣ прошла его первая любовная идиллія [1]). Пребываніе въ Шарметтъ оставило глубокій слѣдъ въ душѣ великаго мыслителя и имѣло большое вліяніе на развитіе его ума и таланта; онъ посвятилъ ему свои лучшія страницы, а потому время это, безъ сомнѣнія, достойно вниманія и описанія.

Когда Руссо встрѣтилъ г-жу Варенсъ, онъ былъ одинокъ, не имѣлъ ни пристанища, ни семейства, хотя отецъ и былъ еще живъ; полный хозяинъ своей собственной особы, своего времени, своей судьбы, онъ могъ безъ всякой помѣхи воспользоваться интереснымъ приключеніемъ, которое счастливая судьба послала ему навстрѣчу.

Аббатъ де-Понверъ, священникъ изъ Конфиньона, близъ Женевы, снабдилъ молодого Руссо письмомъ къ баронессѣ Варенсъ весною 1728 г., съ которымъ тотъ и отправился къ

[1]) La Revue 15 Mai 1901.

ней. Хотя письмо это было написано много ранѣе пребыванія Руссо въ Шарметтъ, но все же оно кидаетъ нѣкоторый свѣтъ на это время.

Содержаніе письма слѣдующее: „Я посылаю вамъ Жанъ-Жака Руссо, молодого человѣка, покинувшаго свою родину. Онъ провелъ у меня одинъ день и я много говорилъ ему о васъ. Мнѣ кажется, что у него хорошій характеръ. Самъ Богъ посылаетъ его въ Аннеси; постарайтесь убѣдить его принять католичество; это такое торжество, когда удается обратить человѣка. Я не прошу васъ оказать помощь этому юношѣ: ваше сердце мнѣ порукою, что вы сдѣлаете для него все, что можете. Вы понимаете не хуже меня, что для великаго дѣла, къ которому онъ кажется мнѣ расположеннымъ, слѣдуетъ удержать его въ Аннеси, чтобы онъ не подпалъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ подъ дурное вліяніе. Постарайтесь перенимать всѣ письма, которыя будутъ присылаться ему съ родины, такъ какъ, считая себя покинутымъ, онъ скорѣе откажется отъ прежнихъ убѣжденій“.

Это письмо рѣшило судьбу Руссо, бывшаго въ то время 16-лѣтнимъ мальчикомъ. Оно положило начало приключеніямъ его жизни, любви, расцвѣтанію его генія и будущей славѣ. Добрый аббатъ де-Понверъ, ограниченный и наивный, и не подозрѣвалъ важныхъ послѣдствій своего посланія.

Жанъ-Жакъ въ то время мало занимался религіозными вопросами, о которыхъ пишетъ аббатъ; болѣе всего ему хотѣлось жить и любить. И вотъ, когда, явившись съ рекомендательнымъ письмомъ къ г-жѣ Варенсъ, которую онъ воображалъ себѣ старой и ворчливой, молодой человѣкъ увидалъ „лицо, исполненное граціи, прекрасные привѣтливые глаза, ослѣпительный цвѣтъ лица и очертаніе обольстительнаго бюста“, онъ сразу почувствовалъ желаніе быть ея послѣдователемъ, такъ какъ, говорилъ онъ, „я сразу сталъ принадлежать ей, увѣренный, что религія, проповѣдуемая такими миссіонерами, не можетъ не привести въ рай“.

Любовь служитъ главнымъ фономъ исторіи мѣстечка Шарметтъ: въ этомъ его безсмертіе. Послѣднія страницы V книги Исповѣди Руссо и вся VI книга посвящены всецѣло воспоминаніямъ о пребываніи его тамъ.

Когда г-жа Варенсъ и Жанъ-Жакъ поселились въ этомъ очаровательномъ домикѣ, въ концѣ лѣта 1736 г., будущему великому человѣку было 24 года. Восемь лѣтъ онъ жилъ подъ покровительствомъ очаровательной женщины и уже около двухъ

лѣтъ былъ ея любовникомъ; въ то же время, когда онъ разсказывалъ о счастливыхъ дняхъ въ Шарметтъ, ему было 54 года.

Молодой Руссо пришелъ въ полный восторгъ отъ новаго жилища: „О, мама (такъ называлъ Жанъ-Жакъ г-жу Варенсъ), сказалъ онъ, когда въ день пріѣзда они осматривали свой новый домъ, это мѣсто—обиталище „счастья и невинности, если мы не найдемъ здѣсь и то, и другое, то нельзя искать ихъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ". Онъ не ошибся. Здѣсь ожидало его то невинное счастье, о которомъ онъ мечталъ и котораго такъ жаждалъ.

Въ своей исповѣди Руссо перечисляетъ свои занятія въ Шарметтъ: чтеніе, прогулки, работа въ саду, гуляньe по лѣсамъ, холмамъ и долинамъ, и прибавляетъ: „счастье слѣдовало за мною всюду; это не было что-нибудь опредѣленное: оно было все во мнѣ, оно не могло оставить меня ни минуты".

Руссо всегда считалъ это время счастливѣйшимъ въ своей жизни и воспоминаніе о немъ постоянно служило ему неистощимымъ источникомъ утѣшенія и наслажденія.

Жанъ-Жакъ и г-жа Варенсъ жили въ Шарметтъ въ непосредственномъ общеніи съ природой, какъ Адамъ и Ева во дни блаженства въ раю. Эта идиллія продолжалась около 10 мѣсяцевъ, въ 1736 и 1737 гг. Въ концѣ сентября 1737 года Руссо покинулъ г-жу Варенсъ, уѣхавъ лѣчиться въ Монпеллье. Онъ уѣзжалъ не навсегда и вернулся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, но не нашелъ уже г-жу Варенсъ любящей его по-прежнему.

Какимъ образомъ рѣшился Жанъ-Жакъ покинуть ее и какъ она допустила его уѣхать?

Г-жа Варенсъ, въ то время 37-лѣтняя женщина, переживала осенній періодъ своей жизни и, хотя до старости она сохранила любовь къ жизни и ея радостямъ, все-же между нею и ея двадцатипятилѣтнимъ другомъ была слишкомъ большая разница и очень многое они должны были понимать и чувствовать разно.

Могли-ли они такимъ образомъ долго прожить въ Шарметтъ въ полномъ уединеніи?—Надо полагать, что десять мѣсяцевъ идиллiи истощили очарованіе перваго расцвѣта для Жанъ-Жака и пріятной новизны или сладкаго воспоминанія для его очаровательной подруги. Это и могло быть основною причиною ихъ разлуки.

Руссо отправился въ Монпелье въ сентябрѣ 1737 года.

Пикантное приключеніе съ г-жею Ларнажъ придало его путешествію неожиданную прелесть. Онъ пробылъ въ отсутствіи нѣсколько мѣсяцевъ и вернулся въ Шарметтъ только въ декабрѣ. Молодой человѣкъ съ наслажденіемъ предвкушалъ свиданіе съ г-жею Варенсъ и извѣстилъ ее о днѣ и часѣ своего пріѣзда. Но та не ждала его: за время отсутствія Жанъ-Жака его замѣнилъ новый любовникъ.

Вотъ что разсказываетъ великій философъ о своемъ пріѣздѣ: „Я издали смотрѣлъ, не увижу ли ее на дорогѣ. Сердце мое билось сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ я приближался. Прихожу запыхавшись, такъ какъ еще въ городѣ оставилъ экипажъ. Никого не видно ни на дворѣ, ни у двери, ни у окна. Я начинаю безпокоиться: не случилось ли чего. Вхожу,—все спокойно. Рабочіе сидятъ за обѣдомъ; не видно никакихъ приготовленій. Служанка, казалось, удивилась, увидѣвъ меня: она не знала, что я долженъ былъ пріѣхать".

Далѣе идетъ разсказъ о томъ, какъ, войдя въ комнату своей подруги, онъ увидалъ, что „молодой человѣкъ былъ съ нею". Идиллія умерла, исчезла навѣки!

Однако, Жанъ-Жакъ не сразу оставилъ мѣсто, гдѣ пережилъ столько счастливыхъ дней, но быть постояннымъ свидѣтелемъ счастья своего замѣстителя оказалось слишкомъ тяжело; онъ не выдержалъ и уѣхалъ въ Ліонъ, гдѣ прожилъ цѣлый годъ въ качествѣ воспитателя при дѣтяхъ г. Мобли.

Много лѣтъ спустя, въ 1754 г., Руссо навѣстилъ г-жу Варенсъ и, найдя ее въ ужасномъ положеніи, подѣлился съ нею своими деньгами. Еще позже, въ 1768 г., черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти несчастной женщины, годовщину которой онъ всегда соблюдалъ, Жанъ-Жакъ снова ѣздилъ въ Шамбери и ходилъ на кладбище, на могилу той, которую такъ любилъ и которая играла такую важную роль въ его жизни.

Расовый вопросъ [1]) нигдѣ не стоитъ такъ близко къ жизни и не даетъ себя такъ сильно чувствовать, какъ въ Америкѣ, гдѣ чернокожіе носятъ клеймо презрѣнія и не признаются за настоящихъ людей, равноправныхъ съ бѣлыми. Особенно тяжело переносить такое бремя тѣмъ изъ этихъ отверженныхъ, которые уже поднялись на довольно высокую степень интеллигентности; а такихъ не мало въ Америкѣ, какъ между мужчинами, такъ и между женщинами. И вотъ чернокожія жен-

[1]) The American Journal of Sociology, March 1901.

щины, желая соединиться, чтобы общими силами бороться съ многочисленными притѣсненіями и угнетеніями, рѣшили основать свое собственное общество. Толчкомъ къ его основанію послужило письмо къ какой-то англичанкѣ, обвинявшее въ безнравственности все негритянское племя и особенно негритянскихъ женщинъ. Это письмо попало въ руки одной очень умной и образованной негритянки изъ Бостона. Возмущенная несправедливыми нападками, она почувствовала, что каждой женщинѣ ея племени въ отдѣльности слишкомъ трудно вести борьбу, а потому энергичная женщина собрала вокругъ себя нѣсколько наиболѣе умныхъ и образованныхъ изъ своихъ знакомыхъ и съ ними сообща порѣшила серьезно обсудить это дѣло.

Прочтя вслухъ злосчастное письмо, онѣ объявили выставленныя въ немъ обвиненія несправедливыми, но признали, что хотя и у всѣхъ народовъ встрѣчается много безнравственныхъ женщинъ, въ ихъ родномъ племени этотъ порокъ долженъ былъ возрасти вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Возможно ли требовать, чтобы народъ, которому втеченіе нѣсколькихъ столѣтій отказывали въ бракѣ и семьѣ, въ какихъ-нибудь тридцать, сорокъ лѣтъ научился уважать бракъ

Такимъ образомъ, въ 1894 г. было основано національное общество черныхъ женщинъ, со спеціальной цѣлью бороться съ вышеупомянутымъ зломъ и содѣйствовать образованію чистой и нравственной семейной жизни.

Рѣшено было поднять нравственный уровень племени съ помощью семьи, церкви, школы и литературы.

Образованныя негритянки очень много работаютъ на этомъ поприщѣ. Особенныя старанія прилагаютъ онѣ къ улучшенію семейной жизни. Въ этомъ отношеніи огромную пользу приносятъ ихъ клубы матерей. Исторія возникновенія этихъ клубовъ чрезвычайно поучительна.

Одна черная женщина, постоянно до глубины души возмущавшаяся при видѣ множества невѣжественныхъ и грязныхъ негритянокъ, безъ всякаго толку слоняющихся по улицамъ, занимающихся сплетнями и болтовней, въ то время, какъ дѣти и домъ остаются безъ всякаго призора, рѣшила устроить клубъ для матерей. Въ одинъ прекрасный день она разослала приглашенія, прося матерей явиться въ назначенный часъ въ назначенное мѣсто. Ни одна изъ приглашенныхъ не явилась. Но энергичная женщина не потеряла мужества. Она отправилась въ ближайшую школу, попросивъ одну изъ своихъ

знакомыхъ выйти на улицу и говорить каждой группѣ гуляющихъ негритянокъ, что въ школѣ одна женщина хочетъ что-то сказать имъ. Женщины пришли изъ любопытства, и въ тотъ же день былъ основанъ клубъ матерей изъ сорока человѣкъ членовъ; съ тѣхъ поръ это число возросло до четырехсотъ. На митингахъ клуба негритянки учатся, какъ надо заботиться о дѣтяхъ, вести хозяйство, какъ лучше дѣлать то или другое изъ домашнихъ дѣлъ. При клубѣ существуютъ кулинарныя школы и вообще женщины узнаютъ тамъ, какимъ образомъ можно вести порядочную жизнь на средства, имѣющіяся въ ихъ распоряженіи

Кромѣ того, черныя женщины преслѣдуютъ еще и другую цѣль, образуя свои клубы. Онѣ вполнѣ понимаютъ, что для преуспѣянія ихъ дѣла племя ихъ болѣе всего нуждается въ независимости. Никакой народъ не имѣетъ права претендовать на уваженіе, если самъ не умѣетъ уважать себя. Онъ самъ долженъ чувствовать къ себѣ уваженіе даже и въ томъ случаѣ, если не встрѣчаетъ его въ окружающихъ.

Одинъ очень умный человѣкъ, любуясь однажды симпатичнымъ и развитымъ мальчикомъ-негромъ, вздохнулъ и сказалъ: „Да, этотъ ребенокъ будетъ милымъ и умнымъ, пока не замѣтитъ, что онъ черный". Предводители расы желаютъ теперь развить такой духъ въ своемъ народѣ, чтобы подобные мальчики могли совершенствоваться и развиваться еще болѣе послѣ того, какъ замѣтятъ, что они черные.

На собраніяхъ клубовъ черныхъ женщинъ замѣчается образцовый порядокъ, рѣчи отличаются ясностью и точностью и произносятся при соблюденіи строгой очереди Члены клубовъ серьезно относятся къ своей задачѣ и являются на собранія не для того лишь, чтобы убить время и поболтать все равно о чемъ. Придя къ извѣстному рѣшенію, онѣ тотчасъ же начинаютъ приводить его въ исполненіе.

Въ настоящее время вниманіе членовъ обращено главнымъ образомъ на обученіе негровъ различнымъ ремесламъ, причемъ всѣмъ вмѣнено въ обязанность поддерживать ремесленниковъ своего племени и со всѣми заказами обращаться по возможности къ неграмъ.

Безъ сомнѣнія, члены этого общества принадлежатъ къ аристократіи расы, но о способностяхъ каждаго народа слѣдуетъ судить по лучшимъ ей экземплярамъ.

„Мольеръ былъ первымъ сочинителемъ фарсовъ во Фран-

ціи", сказалъ кто-то, желая подобнымъ отзывомъ унизить писателя. Но унизителенъ ли въ дѣйствительности этотъ отзывъ для великаго комика? Мольеръ и фарсъ [1]), развѣ эти два понятія имѣютъ такъ мало общаго между собою? Развѣ произведенія Мольера не похожи подчасъ на самый настоящій фарсъ? Во всѣхъ его комедіяхъ, даже въ самыхъ лучшихъ, самыхъ и серьезныхъ встрѣчаются сцены, чрезвычайно напоминающія фарсъ. Но это нисколько не умаляетъ ихъ достоинствъ.

Происхожденіе комедіи Мольера, какъ и всякой комедіи вообще, даже самой серьезной, психологической комедіи нашего времени, слѣдуетъ искать въ фарсѣ.

Напрасно многіе недоброжелатели Мольера обвиняютъ его въ томъ, что будто бы онъ безцеремонно передѣлывалъ старинные фарсы, выдавая ихъ затѣмъ за свои. Дѣло въ томъ, что до Мольера всѣ пьесы были чрезвычайно похожи одна на другую; существовало нѣсколько опредѣленныхъ типовъ почти съ опредѣленными именами, фигурировавшихъ во всѣхъ пьесахъ при болѣе или менѣе различныхъ обстоятельствахъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если первыя комедіи Мольера имѣли много общаго съ фарсами его предшественниковъ. Онъ могъ написать нѣчто сходное, не пользуясь старинными рукописями, такъ какъ и безъ того былъ хорошо знакомъ со всѣми пріемами и персонажами стариннаго фарса.

Это легко понять, если представить себѣ, какое драматическое воспитаніе могъ получить Мольеръ въ Парижѣ Людовика XIII, гдѣ онъ выросъ и провелъ дѣтство. Въ половинѣ VII столѣтія фарсъ имѣлъ огромное распространеніе, но въ это время національный французскій фарсъ отошелъ на задній планъ, будучи вытѣсненъ итальянскимъ.

Эти фарсы долженъ былъ часто видѣть десяти или двѣнадцатилѣтній Покеленъ, если, какъ разсказываетъ преданіе, дѣдъ водилъ его въ театръ.

Въ серединѣ столѣтія фарсъ началъ исчезать, вытѣсненный литературною комедіей; очень можетъ быть, что это произошло благодаря посѣщенію театра дамами и вообще болѣе строгой публикой. Знаменитая г-жа де-Рамбулье, говорятъ, не могла слышать грубаго слова, а фарсъ того времени подвергалъ уши зрителей тяжелому испытанію.

Корнель, Ротру и другіе писатели ввели на мѣсто фарса

[1]) Revue de Paris, Mai 1901.

остроумную и приличную комедію, которая, даже несмотря на рискованные пассажи Скаффона, не возмущала деликатныхъ чувствъ представителей и представительницъ высшаго общества.

Почти изгнанный изъ Парижа фарсъ процвѣталъ въ провинціи въ лицѣ странствующихъ труппъ и особенно труппы Бежаръ и Мольеръ. Когда въ 1658 г. они явились въ Парижъ, ихъ представленія, какъ двѣ капли воды, напоминали фарсы, игравшіеся тамъ двадцать пять лѣтъ назадъ. Все тѣ же опредѣленные типы съ опредѣленными именами, неизмѣнно появляющіеся въ каждой пьесѣ при болѣе или менѣе различныхъ обстоятельствахъ.

Когда комедіанты появляются въ Луврѣ передъ королемъ 27 октября 1658 г., то, проигравъ „Никомеда", Мольеръ спрашиваетъ у его величества позволеніе сыграть „одинъ изъ тѣхъ маленькихъ дивертисментовъ, которые заслужили себѣ репутацію и которыми онъ угощалъ провинцію", и онъ даетъ „Влюбленнаго доктора". Это былъ самый настоящій фарсъ, но, такъ какъ этотъ родъ пьесъ былъ не въ модѣ, Мольеръ не смѣетъ употребить это слово и замѣняетъ его выраженіемъ „дивертисментъ". Публика давно уже не видала этихъ маленькихъ пьесъ и выдумка оказалась новой.

Такимъ образомъ, именно благодаря фарсу Мольеръ, какъ авторъ и какъ актеръ, заслужилъ расположеніе Людовика XIV и парижской публики. Наконецъ, когда Мольеръ въ первый разъ показываетъ парижанамъ свою собственную пьесу въ новомъ родѣ, онъ даетъ опять-таки фарсъ, потому что какъ можно назвать иначе знаменитую комедію „Les Précieuses Ridicules". Авторъ назвалъ эту пьесу комедіей и лишь изъ уваженія къ нему такъ продолжаютъ называть ее и до сихъ поръ. Но названіе не имѣетъ значенія, а если разобрать пьесу безпристрастно съ ея ходульными персонажами и преувеличенно комичными положеніями, придется согласиться, что она несравненно болѣе похожа на фарсъ, чѣмъ на комедію.

Эта пьеса положила начало славѣ Мольера; можно ли сказать, послѣ этого, что названіе „перваго во Франціи сочинителя фарсовъ" унизительно для него?

Онъ былъ первымъ сочинителемъ и исполнителемъ фарсовъ, а потому и первымъ комикомъ. Только благодаря этому онъ не состарился за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ. Корнель и особенно Расинъ доступны въ наше время лишь людямъ, получившимъ литературное образованіе, позволяющее этимъ лицамъ понимать ихъ красоты; что же касается до Мольера, то

даже простой народъ, безъ всякой подготовки и образованія, любитъ и понимаетъ его.

Мольеръ доступенъ и понятенъ народу, потому что самъ онъ вышелъ изъ него; потому что произведенія его ведутъ свое происхожденіе отъ народной комедіи, безразлично французской или итальянской; потому что народная комедія открыла ему главный секретъ: чтобы заставить своихъ зрителей смѣяться, надо показывать имъ портреты, похожіе на оригиналы.

Въ Германіи не существуетъ цензуры: согласно 27 статьѣ прусскаго законодательства она совершенно отмѣнена. Но въ полицейскомъ уставѣ, утвержденномъ еще 10-го іюля 1851 г. существуютъ два параграфа: 5 и 7, въ силу которыхъ „разрѣшеніе къ представленію на сценахъ той или другой піесы необходимо испрашивать заблаговременно у королевскаго полицейскаго президента, къ которому и обращаться о семъ съ прошеніемъ, съ приложеніемъ самой піесы“ и „президентъ полиціи даетъ разрѣшеніе на постановку пьесы или отказываетъ въ разрѣшеніи, въ послѣднемъ случаѣ онъ не обязанъ давать никакихъ объясненій“.

Какъ отражаются эти параграфы на театральномъ дѣлѣ и какимъ мытарствамъ подвергаются драматическія произведенія въ полицейской театральной цензурѣ, разсказываетъ въ статьѣ „Запрещенныя піесы“ (Verbotene Stücke) директоръ театра Лессинга Оскаръ Блюменталь *). Статья переполнена курьезами изъ цензурной практики въ Германіи, причемъ такія случайности, что одна и та же піеса разрѣшается напримѣръ въ Берлинѣ, а въ Дрезденѣ запрещается, и наоборотъ,— самыя обыкновенныя вещи.

Блюменталь подробно разсказываетъ, какъ ему самому приходилось бороться съ полицейско-театральною цензурою.

Въ октябрѣ 1890 г. предназначалось поставить въ театрѣ Лессинга драму Германа Зудермана „Гибель Содома“. Всѣ роли были уже розданы, разучены, шли репетиціи. Разрѣшеніе же все еще не приходило изъ цензуры. Оставалось до представленія всего нѣсколько дней. Что дѣлать? Тогда Блюменталь рѣшился самъ отправиться къ президенту полиціи. Театральная цензура находится въ вѣдѣніи особаго децер-

*) Deutsche Revue.

нента политической полиціи; въ то время должность эту занималъ статскій совѣтникъ Шюттъ, человѣкъ очень свѣдущій и крайне доброжелательный. Къ нему онъ и обратился. Цензоръ откровенно и чистосердечно отвѣтилъ, что ничего не имѣетъ противъ драмы Зудермана и хотѣлъ уже разрѣшить ее, но президентъ полиціи взялъ піесу къ себѣ на просмотръ и рѣшилъ не допустить ее къ постановкѣ.

— Какія же причины?

Цензоръ пожалъ только плечами.

— Спросите у него самого, посовѣтовалъ онъ.

Блюменталь отправился къ президенту фонъ-Рихтгофену.

— Я слышалъ, г. президентъ, что долженствующая идти черезъ три дня пьеса Зудермана „Гибель Содома“ будетъ запрещена?

— Вѣрно.

— И вы сами изволили запретить ее?

— Совершенно вѣрно.

Тогда Блюменталь началъ говорить, въ какое онъ поставленъ ужасное положеніе,—билеты всѣ раскуплены, публика ждетъ съ нетерпѣніемъ представленія...

— Все это очень печально, возразилъ президентъ,—но мы не можемъ входить въ частные интересы.

— Но почему же вы запретили ее?

— Потому что она не подходитъ подъ наши условія.

— Я понимаю ваши лаконическіе отвѣты, г. президентъ. Вы хотите мнѣ дать понять, что въ силу постановленія 10-го іюля 1851 г. вы не обязаны давать мнѣ никакихъ объясненій, почему запрещена піеса.

— Ну, вотъ видите ли, вы сами все прекрасно знаете.

— Совершенно вѣрно, но, можетъ быть, дѣло возможно еще поправить, измѣнить какія-нибудь отдѣльныя неподходящія мѣста?

— О, нѣтъ.

— Наконецъ, нѣкоторыя сцены?

— Все направленіе піесы не подходящее.

Въ концѣ концовъ Блюменталь заявилъ, что такъ дѣла оставить не можетъ и обратится къ министру внутреннихъ дѣлъ.

— Вотъ и прекрасно! отвѣтилъ на это президентъ.

Получивъ изъ канцеляріи рукопись съ оффиціальнымъ отказомъ, Блюменталь немедленно отправился къ министру. Тотъ сначала принялъ его довольно холодно и оффиціаль-

нымъ тономъ отвѣтилъ, что президенту полиціи предоставлено право разрѣшать или не допускать постановки пьесъ. Потомъ послѣ долгихъ объясненій, что направленіе произведеній Зудермана слишкомъ извѣстно, что Зудерману хотятъ даже присудить Шиллеровскую премію, что запрещеніе его піесы просто какое-то недоразумѣніе и т. д., тогда только министръ перемѣнился и попросилъ прислать рукопись ему на просмотръ. Піеса была послана немедленно при объяснительной запискѣ. Вскорѣ Блюменталь былъ вызванъ къ министру, послѣдній сказалъ ему: „Я вычеркнулъ нѣкоторыя мѣста въ піесѣ, представьте рукопись опять въ цензуру и посмотримъ, что будетъ".

Въ это время въ обществѣ и печати поднялась агитація противъ театральной полицейской цензуры. Блюменталь приводитъ выдержки на эту тему изъ разныхъ газетъ: очень остроумные стихи изъ „Berliner Tageblat"—„Сонъ цензора", изъ „Berliner Zeitung"—юмористическій полицейскій приказъ по цензурѣ и др.

Однако, все это нисколько не помогло дѣлу и президентъ не желалъ, очевидно, дать разрѣшеніе самолично, возвратилъ рукопись, не разрѣшивъ піесы къ представленію.

Блюменталь снова отправился съ объясненіями къ министру. Рѣшено было поставить пробный спектакль; судьями явились три министерскихъ совѣтника, и, вѣроятно, піеса произвела на нихъ надлежащее впечатлѣніе, потому что отъ полицейскаго президента была получена бумага, въ которой значилось, что по приказанію министра рукопись возвращается и піеса разрѣшается къ постановкѣ на сценѣ, за исключеніемъ вычеркнутыхъ мѣстъ.

Такъ окончилась эта цензурная комедія, но было еще негласное продолженіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ за разрѣшеніе постановки на сценѣ драмы „Гибель Содома" получилъ замѣчаніе отъ самого императора. При одномъ изъ докладовъ императоръ завелъ разговоръ о драмѣ Зудермана, и спросилъ министра, на какомъ основаніи онъ разрѣшилъ ее. Министръ доложилъ, что онъ самъ прочелъ піесу, много думалъ надъ каждой фразой, соображая въ то же время, могъ ли бы онъ взять на представленіе свою жену, и только тогда согласился дать разрѣшеніе на постановку драмы на сценѣ. „Напрасно, замѣтилъ на это императоръ,—вы должны были бы также спросить себя, могли ли бы вы взять на представленіе и вашу дочь".

Послѣ этого министръ неоффиціально просилъ Блюменталя

постепенно снять съ репертуара драму «Гибель Содома». Но она все-таки долго еще давалась въ Берлинѣ и затѣмъ перешла на провинціальныя сцены.

Блюменталь разсказываетъ далѣе, какъ послѣ долгихъ переговоровъ и переписки удалось ему добиться разрѣшенія поставить и комедію Отто Эриха Гартлебена «Hannah Jagert». Но такія піесы, какъ, напримѣръ, «Идеальная жена» итальянскаго писателя Марко Прага, до сихъ поръ считаются запрещенными въ Германіи, а извѣстная комедія Морица Донне «Влюбленные», которая не сходитъ съ репертуара нѣмецкаго народнаго театра въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ не разрѣшаютъ ставить даже на французскомъ языкѣ.

Въ разрѣшенныхъ къ постановкѣ піесахъ полицейскіе цензора вычеркиваютъ иногда отдѣльныя слова и фразы, даже цѣлыя сцены. «Образчики дѣйствій полицейскихъ цензоровъ напоминаютъ, говоритъ Блюменталь, того англійскаго цензора, который въ одной любовной сценѣ вычеркнулъ слова «мой ангелъ», потому что они противорѣчатъ библейскому представленію объ ангелахъ, или австрійскаго полицейскаго чиновника, который разрѣшилъ постановку на сцену «Юлія Цезаря» Шекспира съ тѣмъ, чтобы солдаты не появлялись на сценѣ въ австрійской формѣ.

Въ драмѣ Гауптмана «Флоріанъ Гейеръ», несмотря на то что дѣйствіе происходитъ во время крестьянскихъ войнъ, полицейскимъ цензоромъ были вычеркнуты слѣдующія фразы: «Да разразится чума надъ всѣми пасторами», «Папа продастъ христіанство, нѣмецкіе принцы императорское правительство, но крестьяне не продадутъ никогда нѣмецкой свободы»,— «Кто хочетъ, чтобы у него въ домѣ было все благополучно, не возжайся съ пасторами и монахами», «Когда пасторы вступаютъ на корабль, всѣ матросы отплевываются и крестятся; существуетъ поговорка: пасторы приносятъ несчастье».

Въ любовной драмѣ Макса Гальба „Юность“ вычеркнули краснымъ карандашомъ фразу: «Анхенъ, ты такъ прекрасна, такъ красива, въ особенности въ этой позѣ. Я готовъ все позабыть. Поцѣлуй меня, поцѣлуй же скорѣе“. (Annchen, du bist so schön! So schön, wenn du so sitzest. Ich könnte ja alles vergessen. Küsse mich, küsse mich)».

Даже въ такомъ невинномъ фарсѣ, какъ „Столичный воздухъ“, въ послѣднемъ актѣ были вычеркнуты цензурой слова, которыя произноситъ докторъ Крузіусъ въ припадкѣ моральнаго катценямера, что на его могилѣ должна быть сдѣлана

слѣдующая надгробная надпись: „Итакъ я теперь свободенъ отъ всѣхъ земныхъ невзгодъ. Не будутъ обманывать меня больше ни счастье, ни надежда. И, когда наступитъ день воскресенія мертвыхъ, я останусь спокойно лежать".

По толкованію цензора, въ этихъ строкахъ является поругательство на вѣрованіе въ воскресеніе мертвыхъ.

Это было 26 ноября 1891 г., и вотъ съ этого дня начали появляться ежедневно въ газетахъ измышленныя новыя надгробныя надписи для доктора Крузіуса, одна оригинальнѣе другой, пока, наконецъ, все не позабылось и піеса пошла въ прежнемъ видѣ, не возбуждая никакого препятствія со стороны власти.

Въ комедіи „Ложные святые", написанной самимъ Блюменталемъ, молодая женщина бросаетъ своего мужа, узнавъ, что тотъ до женитьбы обольстилъ гувернантку. Ея дядя, истый парижанинъ и кутила, сообразно своимъ понятіямъ, высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „Прошу покорно! Моя милая племянница бросаетъ своего мужа только потому, что онъ когда-то до женитьбы гувернанточку... Но вѣдь это пресмѣшно! Когда же прикажете тогда ухаживать за гувернантками? Передъ женитьбой нельзя, въ дни супружества тоже нельзя, ну а послѣ супружества ужъ никакія ухаживанья въ голову не пойдутъ. Неужели же прикажете поэтому совсѣмъ уничтожить всѣхъ гувернантокъ?" Такое разсужденіе было вычеркнуто цензурою; когда же слова эти все-таки были произнесены на слѣдующемъ представленіи при дружномъ хохотѣ публики, директоръ театра получилъ предостереженіе; и съ тѣхъ поръ въ театрѣ Лессинга началъ появляться особый контролеръ съ книгою въ рукахъ, который, какъ только замѣчалъ отступленіе отъ разрѣшеннаго полиціей текста, немедленно доводилъ каждый разъ до свѣдѣнія цензора.

„Такой порядокъ вещей никакъ не можетъ согласоваться съ понятіями о свободѣ печати въ концѣ 19 столѣтія!" восклицаетъ авторъ статьи. Полное устраненіе цензуры въ театральномъ дѣлѣ—вотъ было бы самое желательное и радикальное средство. Тогда драматурги и директора театровъ, какъ равно писатели и издатели являлись бы отвѣтственными лишь передъ судомъ и только по приговору суда снимались бы со сцены тѣ или другія піесы, или подвергались бы изъятію изъ обращенія тѣ или другія сочиненія. Но къ такому простому рѣшенію вопроса относятся съ недовѣріемъ сами же руководители театровъ, потому что теперь они передъ каждымъ судебнымъ преслѣ-

дованіемъ прекращается разрѣшеніемъ полиціи. При устраненіи же такой предварительной цензуры, отвѣтственными лицами передъ судомъ являлись бы сами руководители театровъ, чего большинство изъ нихъ именно и боится, и они предпочитаютъ цензуру. Но всѣ сходятся, однако, въ одномъ мнѣніи, что цензура не должна находиться въ рукахъ полиціи, потому что въ рѣшеніяхъ о литературныхъ произведеніяхъ могутъ быть компетентны лишь сами литераторы. Министерству изящныхъ искусствъ—вотъ кому слѣдовало бы подчинить цензуру, или хотя бы при рѣшеніи литературныхъ вопросовъ допускать въ цензурное вѣдомство компетентныхъ писателей. Первый шагъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Рейнбабеномъ; онъ предписалъ циркулярно полицейскимъ управленіямъ обращаться въ сомнительныхъ случаяхъ къ представителямъ литературы.

Новыя книги.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ *Эрнеста Лависса* и *Альфреда Рамбо*. Томъ седьмой. XVIII вѣкъ. 1715 — 1789. Переводъ М. Герцензона. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1901.

Въ 6 предшествующихъ томахъ русскаго перевода этого капитальнаго труда вполнѣ уже опредѣлились его особенности, достоинства и недостатки, неизбѣжные часто по самой сущности дѣла. Труды такого объема, какой бы науки они не касались, теперь обыкновенно составляются не однимъ лицомъ, а не иначе, какъ цѣлымъ рядомъ спеціалистовъ, что гарантируетъ, съ одной стороны, солидность обработки отдѣльныхъ частей труда, надежность фактической и детальной стороны его, но, съ другой стороны, неизбѣжно влечетъ за собой слабость (а иногда и полное отсутствіе) общихъ взглядовъ, общихъ характеристикъ и пр. Такіе труды даже и въ идеалѣ не стремятся къ чему-нибудь большему, чѣмъ сводъ результатовъ, достигнутыхъ наукой къ извѣстному періоду времени: не въ нихъ надо искать новыхъ фактовъ или новыхъ теорій: это—сводка, очень необходимая, полезная и цѣнная, но только до тѣхъ поръ, пока наука не продвинется впередъ настолько, что явится необходимость новаго свода, съ появленіемъ котораго старый теряетъ всякое значеніе.

Вполнѣ опредѣлились и другія особенности даннаго труда: преобладаніе политической, дипломатической, военной и государственной исторіи (такъ называемой „внѣшней“) надъ исторіей идейнаго движенія, культурной и народной; особенно подробное изложеніе исторіи Франціи и сравнительно большое вниманіе къ исторіи странъ, прежде вовсе исключавшихся изъ курсовъ всеобщей исторіи (напр. Шлоссера), въ томъ числѣ и Россіи.

Настоящій 7-й томъ заключаетъ въ общемъ исторію 18-го вѣка отъ кончины Людовика XIV до начала французской революціи. Сверхъ главъ, посвященныхъ исторіи европейскихъ странъ, мы находимъ еще драгоцѣнныя (въ виду почти полнаго отсутствія на русскомъ языкѣ спеціальныхъ трудовъ, оригинальныхъ или переводныхъ) главы объ исторіи Турціи и Персіи (составилъ Рамбо), исторію американскихъ колоній до войны за независимость и исторію Индостана (Америку написалъ Муаро, Индію—Рамбо); исторія Америки и Индостана въ 18-мъ вѣкѣ есть исторія борьбы Франціи и Англіи за обладаніе ими, борьбы не столько правительствъ (особенно въ Индостанѣ), сколько авантюристовъ обѣихъ націй, воевавшихъ часто почти на свой счетъ и страхъ, при слабой поддержкѣ съ родины. Особеннымъ драматизмомъ отличается борьба за владычество надъ Индіей; къ сожалѣнію, изложеніе Рамбо до невозможности переполнено деталями, собственными именами и пр., такъ что оставляетъ очень мало яснаго впечатлѣнія; это тѣмъ удивительнѣе, что въ отдѣлахъ объ исторіи Россіи къ Рамбо возвращается его даръ живого, яснаго и не расплывающагося въ деталяхъ изложенія. Имѣется спеціальная глава о церковной исторіи (конечно, только католичества и протестантства), гдѣ разобраны паденіе іезуитовъ, центробѣжныя стремленія въ католичествѣ (галликанизмъ, фебронianизмъ, реформы Іосифа II), протестантское сектантство и отношенія между католицизмомъ и протестантизмомъ, сводившіяся въ ту эпоху къ гоненіямъ на католиковъ въ странахъ, гдѣ господствовали протестанты, и обратно — на протестантовъ тамъ, гдѣ власть принадлежала католикамъ. Какъ и въ предыдущихъ томахъ, есть отдѣлы объ исторіи науки, искусства и литературы; литература, однако, разобрана только французская (очеркъ написанъ Фаге); для литературъ же остальныхъ народовъ мѣста отведено очень мало и какъ бы случайно.

Общихъ взглядовъ и идей въ этомъ томѣ еще меньше, чѣмъ въ предыдущихъ: характеристики „просвѣщеннаго абсо-

[illegible] Альберони (с. 83), весьма характерны. Любопытна черта англійскаго политическаго эгоизма (с. 196), заставившаго перваго министра Вальполя еще въ 1734 г. во всеуслышаніе съ радостью сказать:

„Въ этомъ году въ Европѣ было убито 50.000 человѣкъ, и между ними нѣтъ ни одного англичанина“. Вальполь забылъ прибавить, что притомъ войны эти обыкновенно велись на англійское золото.

Исторія Россіи написана Альфредомъ Рамбо, и написана, какъ и слѣдовало ожидать, хорошо и почти безъ ошибокъ. Очень подробно изложено дѣло царевича Алексѣя и второй (послѣ Полтавской битвы) періодъ Великой Сѣверной войны. Весьма подробно изложена попытка „верховниковъ“ ограничить (1730 г.) самодержавіе, попытка, раздѣлившая русское общество того времени на три партіи: первую партію составляли „верховники“, оставшіеся почти одинокими; ко второй партіи, сторонниковъ самодержавія, принадлежало громадное большинство; но образовалась и третья партія, выразителемъ мнѣній которой явился историкъ Татищевъ, къ которой принадлежало среднее и низшее дворянство: эта партія требовала увеличенія числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, требовала новыхъ гарантій для подданныхъ и заводила даже рѣчь о соціальныхъ реформахъ. По мнѣнію Рамбо, эта партія могла бы разростись и сдѣлаться гораздо болѣе опасной для самодержавія, чѣмъ „верховники“; но всѣ программы тотчасъ же исчезли, такъ какъ самодержавіе подавило попытку „верховниковъ“. Причиной неудачи этой попытки Рамбо считаетъ

слишкомъ явный эгоизмъ „верховниковъ", добивавшихся всего для себя и ничего — для остальныхъ. А „верховниковъ" было всего восемь человѣкъ, и русское общество предпочло имѣть дѣло съ однимъ самодержцемъ, чѣмъ съ восемью. „Противъ нея должны были возстать, говоритъ Рамбо (с. 380), во-первыхъ, вся петровская партія—партія реформы; во-вторыхъ, государственные люди, предвидѣвшіе, что введеніе въ Россіи польскаго и шведскаго строя неизбѣжно породитъ въ ней польскую и шведскую анархію; въ-третьихъ, тѣ, кто желали, чтобы выгоды, присвоенныя себѣ теперь одними олигархами, достались всему дворянству; въ-четвертыхъ, тѣ, которые ждали отъ сохраненія самодержавной власти, особенно отъ воцаренія царя-женщины, власть которой несомнѣнно будетъ милостива, тѣхъ выгодъ, которыя представляетъ лоттерея, открытая для всѣхъ; въ-пятыхъ, исконное представленіе русскаго народа о царской власти; въ-шестыхъ, вѣрное библейскимъ и византійскимъ традиціямъ духовенство; въ-седьмыхъ, народная масса, которая въ своихъ непосредственныхъ господахъ видѣла своихъ истинныхъ притѣснителей, а въ самодержавномъ царѣ—своего законнаго покровителя".

Интересна также оцѣнка русскихъ войскъ и ихъ участія въ семилѣтней войнѣ (с. 219 и 220); уже у современниковъ они пріобрѣли репутацію „наиболѣе непобѣдимыхъ, но наихудшимъ образомъ руководимыхъ изъ всѣхъ существующихъ" (с. 250). Такимъ образомъ не вовсе безцѣльной оказалась нѣмецкая муштровка, примѣръ жестокости которой (про Миниха) данъ на ст. 148.

Не обошлось безъ мелкихъ ошибокъ, исправить которыя, по нашему мнѣнію, лежало на обязанности редактора русскаго перевода. Такъ, напр., „Камень Вѣры" приписанъ св. Димитрію Ростовскому (с. 386), Радзивиллы названы потомками Ягеллоновъ (с. 438); Петру I приписанъ интересъ къ математикѣ, военнымъ и морскимъ наукамъ и *политической экономіи* (с. 361). Про Амвросія Каменскаго (московскій архіепископъ, убитый чернью въ московскую чуму 1771 г.) сказано, что ему „русская церковь обязана нѣкоторыми весьма разумными реформами" (с. 421), тогда какъ онъ успѣлъ выказать въ себѣ только крутого администратора своей московской епархіи, и пр. Невѣрно также, что при уничтоженіи папой ордена іезуитовъ, въ Россіи они были оставлены за деньги (с. 427). Не припомнимъ, чтобъ въ этомъ упрекали ихъ даже Губеръ („Іезуиты") или Морошкинъ („Іезуиты въ

Россіи"), безусловные враги ихъ. Дѣло было въ томъ, что Екатерина II хотѣла сдѣлать русскую католическую церковь возможно болѣе независимой отъ папы (а слѣд. болѣе подвластной себѣ) и ухватилась за представившійся случай не исполнить папскую буллу, не причиняя этимъ неудовольствія своимъ католическимъ подданнымъ и даже дѣлая имъ пріятное. Митрополитъ Сестренцевичъ, по Морошкину, раздѣлялъ взгляды императрицы; даже при Николаѣ I Іосифъ Сѣмашко уже послѣ возсоединенія Уніи считалъ, по увѣреніямъ его біографа г. Кипріановича, возможнымъ присоединить русскихъ католиковъ къ православію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и уніатовъ, что и предлагалъ императору Николаю.

Переводъ удовлетворителенъ, но не вездѣ. Напр. слова magistrat, jurer, nonce переведены черезъ „магистратъ" (с. 578), „божиться" (с. 217), „нунцій" (с. 450) вмѣсто правильнаго „сановникъ", „ругаться", „посолъ" (рѣчь идетъ о польскомъ сеймѣ). Мѣстами переводъ вовсе непонятенъ. Что, напр., значитъ: „носилъ чулки тирбушонами" (с. 417); „лишены познаній въ кастраметріи" (стр. 477); „въ Петербургѣ священнослужители различныхъ культовъ ежегодно справляли свой банкетъ" (с. 427 при характеристикѣ вѣротерпимости Екатерины II); (банкъ Ло) „выпустилъ въ обращеніе банковые билеты, которые выплачивались предъявителю ефимками (sic!), имѣвшими неизмѣняемую цѣну" (с. 8). Слова „ефимокъ" въ современномъ русскомъ языкѣ нѣтъ; но если читатель даже знаетъ, что „ефимокъ"—русское названіе (петровскихъ и допетровскихъ временъ) одной иноземной золотой монеты, то фраза все-таки останется непонятной. Не догадываемся также, кто скрывается подъ именемъ „украинскихъ гусаръ" (с. 123). Mandat impératif лучше было вовсе оставить безъ перевода, объяснивъ въ примѣчаніи, что это — инструкція избирателей своему депутату, исполненіе которой обязательно для него во время его полномочій, чѣмъ переводить черезъ „обязательный наказъ" (с. 833), что ровно ничего не означаетъ.

Н. У.

П. Г. Мижуевъ. **Великій расколъ англо-саксонской расы. Американская революція** (преимущественно съ точки зрѣнія литературныхъ факторовъ). С.-Петербургъ. 1901. Изд. Л. Ф. Пантелѣева.

Эта книга составилась изъ очерковъ, которые печатались въ прошломъ году въ „Русскомъ Богатствѣ" и тогда назывались „Литературные факторы американской революціи". Те-

перь они нѣсколько пополнены авторомъ и выпущены отдѣльной книгой подъ двойнымъ названіемъ, которое мало соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію книги. Въ основу ея г. Мижуевымъ положенъ трудъ американскаго профессора Тайлера „Литературная исторія американской революціи". Къ несчастію, г. Мижуевъ не спеціалистъ по исторіи—въ спискѣ его трудовъ много книгъ по вопросамъ образованія, есть даже „Французская грамматика для русскихъ" съ знаменательной надписью „допущ. учен. комит. мин. нар. просв.", но нѣтъ ни одного труда по исторіи—и поэтому онъ могъ дать только живое изложеніе книги американскаго автора, но безъ всякаго къ ней критическаго отношенія. По мнѣнію Тайлера американская революція „была порождена идеями и никогда не переставала быть борьбой идей", а г. Мижуевъ утверждаетъ что „великій расколъ англо-саксонской расы произошелъ не изъ-за притѣсненій и тѣмъ болѣе не изъ-за нестерпимыхъ притѣсненій, а главнымъ образомъ изъ-за принципа: изъ-за нежеланія американцевъ признать за англійскимъ парламентомъ право облагать ихъ даже самыми малыми налогами безъ ихъ на то согласія". Такъ говоритъ г. Мижуевъ, когда онъ опирается на изслѣдованіи Тайлера, но все же онъ не можетъ умолчать о фактахъ, показывающихъ реальную основу американской революціи. На стр. 9 читаемъ, что англичане XVIII вѣка „подобно другимъ народамъ смотрѣли на колоніи, какъ на средство обогащенія метрополіи, и стѣсняли ихъ нормальное экономическое развитіе для вящаго матеріальнаго преуспѣванія метрополіи". Немного далѣе читаемъ: „втеченіе XVIII столѣтія англійскій парламентъ издалъ рядъ законовъ, стѣснявшихъ развитіе въ Америкѣ шерстяной, желѣзодѣлательной и сталелитейной промышленности, чтобы обезпечить болѣе вѣрный сбытъ англійскимъ товарамъ. Наконецъ, въ половинѣ XVIII стол. англійское правительство посягнуло уже болѣе прямо на американскіе карманы, обложивъ пошлиной сахаръ и ромъ, ввозимый въ американскія колоніи изъ другихъ колоній, не принадлежащихъ Англіи". Изъ этихъ фактовъ видно, что американская революція возникла не на почвѣ „принциповъ", а на болѣе реальной основѣ. Притязанія Англіи, направленныя на экономическое благосостояніе Америки, быстро наэлектризовали общественную атмосферу. Въ подобныя минуты общественныхъ кризисовъ не только таланты берутся за перо, но каждый мыслящій человѣкъ хочетъ подѣлиться съ обществомъ своими взглядами. Вотъ почему литературная произ-

[illegible]

[illegible] ... Исторія реформаціи въ Германіи.

[illegible]

[illegible] ... реформація является только съ политичес- [illegible] ... не и церковно- [illegible] ... хотя бы лишь [illegible] ... если не считать [illegible]. Реформація излагается [illegible] ... могло бы выразиться. [illegible] ... реформація католическая [illegible] ... на затрогиты, если не счи- [illegible] ... сильно связались съ политиче- [illegible] ... Точно также, лишь случайно [illegible] ... какъ сильно Лютеръ во второй [illegible] ... „подался вправо" и изъ револю- [illegible] ... и соціальныхъ отношеній и

защитника правъ разума въ сферѣ религіи обратился въ консерватора религіознаго, политическаго и соціальнаго. Также случайно Бецольдъ упоминаетъ о готовности части лютеранскихъ богослововъ (типъ ихъ Меланхтонъ) возстановить связь съ католичествомъ и папой. Въ виду всего этого, не скроемъ, что *спеціальному* труду Бецольда мы готовы предпочесть даже IV томъ *обще-историческаго* труда Лависса-Рамбо.

Исторію реформаціи (т. е. возникновеніе протестантства) Бецольдъ (и не одинъ онъ) заканчиваетъ аугсбургскимъ религіознымъ миромъ 1555 г.); аугсбургскій миръ не болѣе, какъ выработка нѣкотораго modus vivendi между двумя враждующими партіями; окончаніе же борьбы протестантизма за свое существованіе и потеря католиками надежды сломить протестантскія государства относится уже къ 17 вѣку, къ эпохѣ вестфальскаго мира, освобожденія Нидерландовъ отъ испанскаго владычества и изгнанія Стюартовъ изъ Англіи. Такимъ образомъ, политическая и дипломатическая исторія протестантизма даже въ Германіи кончается не 1555 г. А исторія *религіозной* реформаціи кончается годомъ аугсбургскаго сейма и аугсбургскаго исповѣданія, т. е. 1530 г.

Бецольдъ—добрый нѣмецъ и добрый протестантъ и не щадитъ поэтому темныхъ красокъ при изображеніи враговъ его національности или религіи, какъ, напр., Карла V или Филиппа II; зато для нѣмцевъ, особенно протестантовъ, Бецольдъ не находитъ достаточныхъ похвалъ, съ какимъ-то умиленіемъ говоритъ про вещи, вовсе, казалось бы, непохвальныя, какъ, напр., склонность Лютера или Фердинанда, брата Карла V, къ выпивкѣ; Георгъ Фрундсбергъ въ глазахъ Бецольда „достойный уваженія вождь“ (с. 31): не за то ли, что, идя походомъ на Римъ, припасъ веревку повѣсить папу? (с. 30). Реформація, какъ извѣстно, была спасена отъ гибели, между прочимъ, тѣмъ, что въ рѣшительную минуту Морицъ герцогъ саксонскій, доселѣ вѣрный сподвижникъ императора Карла V, неожиданно измѣнилъ ему и перешелъ на сторону его враговъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ Морицъ не руководился какими-либо возвышенными религіозными (онъ былъ индифферентенъ къ религіи) или національными (онъ готовъ былъ подчиниться турецкому султану) цѣлями, а стремился только къ расширенію личнаго своего могущества, какъ и множество другихъ германскихъ князей. Бецольдъ все это знаетъ, но измѣна Морица спасла реформацію, и Бецольдъ сравниваетъ его съ Арминіемъ, княземъ херусковъ (сс. 376 и 377). По-

литическую же безнравственность Морица онъ объясняетъ развращающимъ вліяніемъ Карла V, его испанцевъ и итальянцевъ.

Таковы симпатіи Бецольда и его антипатіи. Эта тенденціозность, однако, не доводитъ его до замалчиванія или искаженія фактовъ. Бецольдъ признаетъ (сс. 192, 197 и 198, что общественная нравственность понизилась при появленіи реформаціи и что реформированныя части Германіи „одичали“ (и весьма понятно, почему: ученіе о ненужности добрыхъ дѣлъ и освобожденіе отъ духовной власти католическаго клира сказались тотчасъ, а повышеніе личнаго религіознаго чувства и чувства личной за себя отвѣтственности могло отозваться на нравственности только впослѣдствіи). Не скрываетъ Бецольдъ и того, что протестантское духовенство тотчасъ же попало въ полную зависимость не только къ князьямъ, но и къ дворянству (на с. 230 указанъ случай обращенія дѣтей пастора въ крѣпостные; въ другомъ мѣстѣ сообщается о казни пастора помѣщикомъ). Не замолчанъ фактъ крестьянскихъ возстаній на защиту католичества (наряду съ возстаніями сектантскаго характера) при введеніи реформаціи въ разныхъ странахъ. Однимъ изъ главныхъ стимуловъ реформаціи было желаніе князей и дворянства захватить церковныя имущества, чего и Бецольдъ не отрицаетъ. Наконецъ, Бецольдъ говоритъ о двоеженствѣ Филиппа Гессенскаго, совершенномъ съ письменнаго согласія (хотя бы и вынужденнаго) Лютера, который пытался даже оправдать это двоеженство; фактъ этотъ злорадно указывался еще Боссюэтомъ въ 17 вѣкѣ, причемъ Боссюэтъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи перепечатать всѣ относящіеся къ дѣлу документы. Бецольдъ могъ бы замолчать фактъ, какъ несущественный, но не дѣлаетъ этого. **Н. У.**

О. Кюльпе. **Введеніе въ философію.** Пер. съ нѣмецкаго подъ редакціей П. Б. Струве и съ библіографическими дополненіями Я. Н. Колубовскаго. С.-Петербургъ. 1901 г. Изданіе О. Н. Поповой.

Есть два рода „введеній“ въ ту или другую науку или кругъ наукъ. Одни желаютъ дать надлежащее руководство для начинающихъ, раскрыть главныя проблемы науки и отмѣтить ихъ рѣшеніе *съ точки зрѣнія автора*, причемъ о существованіи другихъ взглядовъ читатель узнаетъ только случайно, доводы же сторонниковъ этихъ другихъ взглядовъ излагаются только съ цѣлью опроверженія ихъ. Другой типъ „введеній“ стремится выйти изъ узкаго круга личныхъ убѣ-

жденій автора и окинуть взоромъ, насколько возможно объективнымъ, всю науку, въ ея прошломъ и настоящемъ, изложить по возможности всѣ существующія направленія и при разборѣ ихъ стремиться не столько къ доказательству предпочтительности того направленія, которое раздѣляетъ самъ авторъ, сколько къ указанію слабыхъ мѣстъ каждаго направленія. Короче говоря, „введенія" перваго рода отличаются субъективностью (даже тенденціозностью) и излагаютъ предметъ ad probandum и ad refutandum; „введенія" же второго рода стремятся къ объективности и излагаютъ предметъ ad narrandum.

Въ философскихъ наукахъ, гдѣ всегда существовало и существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ направленій, гдѣ борьба направленій никогда не прекращается, но не приводитъ къ вытѣсненію одного направленія другимъ, а всѣ они продолжаютъ существовать параллельно,—тѣмъ болѣе неизбѣжно появленіе обоихъ типовъ „введеній" въ философію. Едва ли можно сомнѣваться, что предпочтеніе слѣдуетъ отдавать второму типу: если произведенія перваго рода скорѣе могутъ пробудить мысль и породить интересъ къ философіи, обладаютъ единствомъ основного воззрѣнія и чаще, чѣмъ вторыя, отличаются живостью, яркостью и силой изложенія, вытекающей изъ силы личнаго убѣжденія, то вторыя даютъ больше дѣйствительной подготовки въ смыслѣ ознакомленія съ существующими ученіями, спеціальной терминологіей и борьбой направленій въ прошломъ и настоящемъ. Къ первому типу принадлежитъ „Введеніе въ философію" Паульсена (русскій переводъ появился въ 1899 г.), ко второму—„Введеніе въ философію" Кюльпе, нами разбираемое.

Кюльпе начинаетъ книгу съ исторіи попытокъ дать „Введеніе въ философію", первая изъ которыхъ относится еще къ 1727 г. Затѣмъ, въ главѣ I разбирается: „Понятіе о раздѣленіи философіи". Объяснивъ происхожденіе слова философія, перечисливъ попытки опредѣлить это понятіе (со временъ Сократа до нашихъ дней) и указавъ, что всѣ такія попытки не вполнѣ удовлетворительны, Кюльпе обѣщаетъ въ концѣ книги дать свое опредѣленіе науки, а пока переходитъ къ раздѣленію науки и, какъ и раньше, даетъ очеркъ попытокъ раздѣленія философіи, начиная съ Платона впредь до Гербарта, выражаетъ свое несогласіе съ ними, предлагаетъ свое раздѣленіе философскихъ дисциплинъ на *общія* (метафизика, теорія познанія и логика) и *спеціальныя* (философія природы,

рѣнія (т. е. исторія главъ: психологія, эстетика и этика) и затѣмъ, глава за другой излагаетъ всѣ эти дисциплины, придерживаясь вездѣ одного и того же плана.

Отъ изложенія отдѣльныхъ философскихъ дисциплинъ Кюльпе переходитъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ философскихъ направленій (глава III): *метафизическихъ*, *гносеологическихъ* и *этическихъ*, т. е. различныхъ направленій, совмѣстно и одновременно существующихъ въ области метафизики, такихъ же направленій въ области теоріи познанія и въ области науки о нравственности. Это лучшая часть книги, самая драгоцѣнная по богатству содержанія въ этой вообще очень содержательной книгѣ. Изложеніе очень осторожное и объективное: Кюльпе не только не отказывается, а напротивъ отводитъ очень обширное мѣсто оцѣнкѣ излагаемыхъ направленій, но, указывая слабыя стороны каждаго изъ нихъ, не пытается навязать одно изъ нихъ читателю, замалчивая слабыя стороны этого направленія и преимущества другихъ направленій. Хотя, конечно, при чтеніи выясняется, напримѣръ, что авторъ относится къ спиритуализму менѣе отрицательно, чѣмъ къ матеріализму, а въ области теоріи познанія всего болѣе расположенъ къ критицизму, но противъ невольнаго да и неизбѣжнаго обнаруженія своихъ взглядовъ, конечно, ничего нельзя имѣть, разъ авторъ не стремится навязать ихъ читателю, а старается быть какъ можно болѣе объективнымъ.

Въ главѣ IV и послѣдней Кюльпе пытается самъ построить опредѣленіе философіи, доказываетъ несостоятельность всякаго прямого опредѣленія: единственное возможное опредѣленіе—это косвенное, по цѣлямъ. Цѣлей у философіи три: 1) научная выработка міросозерцанія; 2) изслѣдованіе предпосылокъ всякой науки; 3) подготовка новыхъ спеціальныхъ наукъ и спеціально научныхъ познаній.

Каждый параграфъ снабженъ богатыми библіографическими данными, не только по иностранной литературѣ, но и по русской (составлено Я. Н. Колубовскимъ). Переводъ очень хорошъ и ясенъ.

Н. У.

А. Фонъ-Фрикенъ. **Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія.** Москва. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ч. I—1891 г., II—1895, III—1898 и IV—1901 гг. Цѣна всѣхъ 4 частей 8 руб.

Изданія Солдатенкова большею частію академическаго характера, разсчитанныя на вниманіе людей науки. Само собою разумѣется—оригинальнымъ авторамъ или переводчикамъ такихъ трудовъ приходится затрачивать массу времени и энер-

гіи, часто разрабатывая сырые матеріалы самостоятельно. Такой характеръ носитъ на себѣ и трудъ г. фонъ-Фрикенъ. Изучая итальянское искусство въ эпоху Возрожденія, авторъ, очевидно, обосновывалъ свои выводы на детальномъ знакомствѣ не только съ біографіями художниковъ и исторіей ихъ времени, но и съ ихъ трудами, посѣщая хранилища искусства отдаленнѣйшей эпохи. И авторъ съ честью вышелъ изъ лабиринтовъ этихъ галлерей, храмовъ и дворцовъ, знакомя читателя съ живыми достовѣрными памятниками искусства.

„Возрожденіе искусства въ Италіи, какъ и всякое историческое явленіе, нельзя разбирать отдѣльно, уединяя его отъ событій, предшествовавшихъ ему, находящихся съ нимъ въ тѣсной связи, способныхъ потому пояснить и вмѣстѣ опредѣлить его значеніе".

Историческія событія, предшествующія эпохѣ Возрожденія, разсмотрѣны авторомъ во всѣхъ существенныхъ и полезныхъ для цѣли деталяхъ, благодаря чему каждая изъ изложенныхъ въ книгѣ школъ не оторвана отъ дѣйствительности, а крѣпкими нитями связана со всей исторіей въ эволюціи. Изучивъ исторію культуры западныхъ арійцевъ, именно грековъ, у которыхъ впослѣдствіи учились римляне, авторъ переходитъ къ изученію культуры серій семитическихъ народовъ (халдео-вавилонянъ, ассиріянъ и египтянъ), устанавливая такимъ образомъ двѣ струи цивилизаціи, различныя какъ по своимъ бытовымъ особенностямъ и философскимъ началамъ, такъ и по характеру искусства.

„У азіатскихъ народовъ,—говоритъ авторъ на 13 стран. своего труда—живопись и скульптура не освобождаются отъ архитектуры и всего чаще играютъ въ ней роль орнамента. Изобразительныя искусства выражаютъ личныя чувства, индивидуальныя стороны жизни человѣка, которыя никогда не получили большого развитія въ гражданскомъ устройствѣ азіатскихъ народовъ. Совершенно противоположное мы видимъ въ мірѣ эллиническомъ, гдѣ отдѣленіе живописи и скульптуры отъ архитектуры и свободная поза изображаемыхъ людей есть слѣдствіе освобожденія личности. Результатомъ этого стѣсненія человѣка у азіатскихъ народовъ было также и то, что въ искусствѣ ассиріянъ и халдео-вавилонянъ звѣри изображались натуральнѣе и лучше, чѣмъ люди".

Начавъ первую часть своего труда изложеніемъ исторіи арійцевъ и семитическихъ народовъ, авторъ прослѣдилъ вліяніе этихъ двухъ исторій на искусство первыхъ христіанъ.

[illegible] ...ванія итальянскихъ ком-
[illegible] ...имости, авторъ разсматри-
[illegible] и гражданской свободы въ
[illegible] ...шихъ вліяніе на искусство
[illegible] итальянскаго живописца Воз-
[illegible], родившагося въ 1240 году
[illegible] часть своего труда колоссальной
[illegible] вліяніе его на эпоху итальян-
[illegible] ...ствѣ.

[illegible]-Фрикенъ начинаетъ обзоромъ эпохи
[illegible], ставя во главѣ флорентійской
[illegible] Гирландайо. Выдѣливъ затѣмъ
[illegible] Италіи, авторъ разсматриваетъ умбрій-
[illegible] падуанскую и феррарскую школы и
[illegible] установленія власти Медичи во Флоренціи.
[illegible] посвящена тремъ колоссальнымъ фигурамъ
[illegible] Микель-Анджелло Буонарроти, Рафаэль
[illegible] изъ колористовъ флорентійской школы
[illegible]. Въ наше время почти на всѣхъ европей-
[illegible] не исключая и нашего родного, появились
[illegible], посвященныя троимъ вышеупомянутымъ
[illegible] искусства; третью книгу труда г. фонъ-Фрикенъ
[illegible] причисляемъ къ списку этой большой коллекціи,
[illegible] будущій историкъ, можетъ быть, создастъ
[illegible] и всесторонній трудъ по исторіи искусства.
[illegible] „Заключеніи“ четвертой книги авторъ разсматриваемаго
[illegible] подводитъ резюме своему труду, еще разъ под-
[illegible] условія, благопріятствующія искусству, и разсматри-
[illegible], препятствующія его росту и расцвѣту. Свою
[illegible] закончимъ выдержкой изъ этого „Заключенія“,
[illegible] по нашему мнѣнію, не безполезна и для русскаго
[illegible]

„Въ наше время уже невозможно писать исторію какого-
[illegible] народа, упуская изъ вида памятники его искусства; они
[illegible] объяснить намъ гораздо полнѣе его моральное со-
[illegible], складъ его идей, его стремленія, его творческія силы
[illegible] положительнѣе степень его умственнаго развитія,
[illegible] его военные подвиги. Цѣлые народы, давно угасшіе,
[illegible] которыхъ не сохранилось никакихъ памятниковъ лите-
ратуры и ничего другого, кромѣ произведеній изобразитель-
наго искусства, послѣ изученія послѣднихъ, снова воскресли
[illegible], со всѣми особенностями ихъ нравственнаго разви-
тія и матеріальнаго состоянія“.

В. Б.

Д-ръ Фридрихъ Диттесъ. **Критическіе этюды о нравственной философіи Спинозы, Лейбница и Канта.** Переводъ съ премированнаго второго нѣмецкаго изданія подъ редакц. *С. Грузенберга.* Спб. 1901.

За послѣдніе годы среди русскихъ ученыхъ, публицистовъ и различнаго оттѣнка „теоретиковъ" наблюдается очень интересное явленіе—небывалый интересъ къ философіи и, въ частности, къ вопросамъ о нравственности, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе каждой книги и брошюры по этимъ вопросамъ. Критическій этюдъ д-ра Диттеса, посвященный нравственнымъ воззрѣніямъ Спинозы, Лейбница и Канта, изъ числа именно такихъ книгъ. Переводчикъ, въ предисловіи, рекомендуетъ трудъ д-ра Диттеса литературно изложеннымъ и научно освѣщающимъ затронутыя темы. Ясность изложенія предмета, умѣлость выбора цитатъ изъ трудовъ трехъ поименованныхъ мыслителей и удачная характеристика ихъ—говорятъ за это.

„Мы нашли, что Спиноза и Кантъ тотчасъ же, въ первоначальныхъ пунктахъ ученій о свободѣ, расходятся другъ съ другомъ, первый—признавая лишь одинъ дѣйствующій принципъ—естественную необходимость, послѣдній—устанавливая строгое различіе между природой и свободой. Лейбницъ же стоитъ относительно базиса своего ученія о свободѣ рѣшительно на сторонѣ Канта, утверждая, въ противоположность Спинозѣ, наряду съ физической и моральную необходимость".

Такую связь возстанавливаетъ д-ръ Диттесъ между тремя яркими представителями ученій о нравственности. Приведенная цитата можетъ послужить также хорошей характеристикой плана критическихъ этюдовъ автора; разсматривая міросозерцаніе каждаго изъ поименованныхъ мыслителей въ отдѣльности, авторъ, въ концѣ концовъ, приводитъ разнообразныя міросозерцанія къ одному центру.

В. Б.

А. Максимовъ. **Что сдѣлано по исторіи семьи?** Очеркъ современнаго положенія вопроса о первобытныхъ формахъ семьи и брака. Москва. 1901. Изданіе В. Линдъ и Д. Байкова.

Небольшая книжечка г. Максимова не претендуетъ на оригинальное, самостоятельное отношеніе къ такому сложному и очень мало изслѣдованному вопросу, какъ вопросъ о примитивныхъ формахъ брака. Она даетъ только краткое, но очень связно и цѣльно составленное резюме тѣхъ главнѣйшихъ научныхъ положеній по трактуемому вопросу, которыя

установлены уже нѣкоторыми учеными. Авторъ не могъ, конечно, остаться совершенно безпристрастнымъ ко всѣмъ излагаемымъ имъ ученіямъ, такъ какъ и самая крайняя степень объективизма необходимо предполагаетъ въ себѣ нѣкоторую долю часто субъективнаго элемента. Тѣмъ болѣе это должно было проявиться въ вопросѣ о первобытныхъ формахъ половыхъ отношеній, относительно котораго нельзя, кажется, найти и двухъ такихъ теорій, которыя, будучи сходны между собой въ общихъ чертахъ, не расходились бы зато и довольно значительно въ деталяхъ и мелочахъ. Собственно говоря, единственно прочно установившимся положеніемъ въ этой области слѣдуетъ признать только мнѣніе, что самой первобытной формой половыхъ отношеній является отнюдь не современная индивидуальная, патріархальная семья, а, напротивъ, самое безпорядочное смѣшеніе половъ, выработавшееся въ связи съ постепенной исторической эволюціей въ современную форму брака, причемъ матріархатъ предшествовалъ патріархату. То, что теперь называется проституціей, представляло собой въ прошломъ исторіи соотвѣтственно такой точкѣ зрѣнія настолько же законное и естественное, насколько и религіозно-священное явленіе.

Авторъ брошюры довольно близко примыкаетъ къ такой постановкѣ вопроса. **С. Семеновъ.**

Т. А. Мартемьяновъ. (*Рустикъ*). **Городъ Болховъ. Орловской губерніи** (историческо-бытовые очерки). Орелъ. 1897 г.

Исторія г. Болхова, какъ и всѣхъ почти „градовъ и весей“ русской земли, распадается на два періода: *легендарный* и *достовѣрный*; сообразно этимъ двумъ періодамъ существуютъ и двѣ историческія школы.

„Въ оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ источникахъ,—говоритъ авторъ на стр. 8 своего труда,—преобладаетъ ученіе первой. Мы принадлежимъ къ послѣдователямъ второй школы и считаемъ своимъ долгомъ содѣйствовать, по мѣрѣ нашихъ силъ, освобожденію вопроса отъ наноснаго псевдоисторическаго хлама, которымъ засорили его приверженцы легенды, а также выясненію несостоятельности доводовъ послѣднихъ“.

На послѣдующихъ страницахъ книги, авторъ, путемъ полемики съ историками Татищевымъ, Пясецкимъ, Ратынскимъ и др., старается доказать неосновательность ихъ легендъ, ставя на мѣстѣ *не научныхъ* заключеній и вымысловъ своихъ предшественниковъ собственные выводы на основаніи *досто-*

вѣрнаго. Въ слѣдующихъ затѣмъ главахъ книги авторъ излагаетъ исторію г. Болхова по періодамъ, начиная съ „До-смутной эпохи“ и доходя послѣдовательно до дней опубликованія труда (1897 г.). Въ этихъ главахъ читатель, заинтересовавшійся болховской стариной, найдетъ не мало любопытнаго. Напримѣръ, стяжавшая себѣ печальную репутацію *Крымская кампанія*, оказывается, протекла также небезразлично и для г. Болхова.

Въ главѣ VIII книги авторъ касается торговли и промысловъ г. Болхова. Кожевенное производство, какъ оказывается, издавна процвѣтало въ промышленномъ мірѣ болховитянъ. Имѣя возможность, благодаря мѣстнымъ условіямъ, доставлять на рынокъ прекрасно выдѣланные товары, болховскіе заводчики получили казенные заказы для арміи, что увеличило число существовавшихъ заводовъ; за этотъ періодъ насчитывалось отъ 50 до 60 заводовъ, съ 600—700 рабочихъ. Но вотъ, повѣствуетъ авторъ: „Нѣкоторые, разжирѣвшіе на казенныхъ хлѣбахъ, заводчики пустились въ отчаянное плутовство, подсовывая въ казну, вмѣсто своего хорошаго, плохой чужегородній товаръ, сдавая коневыя за говяжьи кожи и т. п. Въ тяжелую крымскую войну эти своего рода „патріоты“ въ особенности прославились всяческимъ надувательствомъ и умудрились, будто бы, даже поддѣлывать картонъ подъ кожу, который преблагополучно сдавался казнѣ“.

Остановившись нѣсколько дольше на этой интересной страничкѣ изъ исторіи нашего купечества въ прошломъ, мы должны сказать, что въ книгѣ г. Мартемьянова есть и еще интересныя главы: „Просвѣщеніе“ и „Бытовые очерки“. Содержаніе первой изъ этихъ главъ лишній разъ подтверждаетъ намъ—какими трудными путями распространялась грамотность на Руси въ былое, слава Богу, невозвратное время. Вторая глава, сама по себѣ, скорѣе предметъ бытописателя-беллетриста, нежели историка, все же мы находимъ со стороны автора попытку занести на скрижали исторіи штрихи и изъ этой области. Наблюденіе и изученіе бытовыхъ пережитковъ прошлаго—интересная задача, это какъ разъ и является той небезполезной попыткой, на основаніи еще сохранившихся въ народѣ остатковъ прошлаго, заглянуть въ это прошлое, неудаляясь отъ почвы достовѣрнаго.

В. Б.

Конкурсъ на составленіе проекта памятника Николаю Васильевичу Гоголю въ Москвѣ.

Комитетъ по сооруженію въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю объявляетъ конкурсъ на составленіе проекта этого памятника на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Памятникъ долженъ представлять бронзовое изваяніе Николая Васильевича Гоголя въ сидячемъ положеніи, въ костюмѣ времени жизни писателя, помѣщенное на пьедесталѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительной обстановкѣ того мѣста, которое предназначено для постановки памятника.

2. Памятникъ, обращенный лицевой стороной на Знаменку, предполагается поставить на Арбатской площади, въ той ея части, которая примыкаетъ къ оконечности Пречистенскаго бульвара въ небольшомъ скверѣ, представляющемъ прямое продолженіе бульвара, отъ котораго скверъ будетъ отдѣляться продолженіемъ Малаго Афанасьевскаго переулка.

3. Мѣсто это обозначено буквою А на планѣ Арбатской площади. Какъ этотъ планъ, такъ и восемь фототипій, представляющихъ панораму площади, лица, желающіе участвовать въ конкурсѣ, могутъ получать у члена Комитета А. Е. Носа (Москва, Шереметевскій переулокъ, 2).

4. Форма и размѣры памятника предоставляются усмотрѣнію составителя проекта, но проектъ долженъ быть оригинальнымъ, а не подражаніемъ существующимъ памятникамъ. Никакихъ аллегорическихъ фигуръ въ проектѣ памятника не допускается; равнымъ образомъ не допускаются и барельефныя и горельефныя изображенія по сторонамъ памятника. Простота и естественность замысла, ясность выраженія мысли, изящество и художественность очертаній признаются главнымъ условіемъ задачи.

5. Матеріалы, предназначаемые для памятника и окружающей площадку сквера рѣшетки съ мачтами для фонарей электрическаго освѣщенія, суть граниты, порфиръ и бронза.

6. Проекты должны быть представлены въ моделяхъ изъ гипса или воска въ размѣрѣ $^1/_8$ натуральной величины, съ объяснительною запискою и подробною смѣтою полной стоимости всѣхъ работъ, необходимыхъ для сооруженія всего памятника съ соотвѣтствующимъ оборудованіемъ сквера.

7. Стоимость памятника опредѣляется въ девяносто тысячъ рублей (90.000 руб.).

8. Къ участію въ конкурсѣ допускаются всѣ желающіе русскіе подданные.

9. За проекты памятника, которые будутъ признаны Комитетомъ наиболѣе удовлетворительно разрѣшившими задачу настоящаго конкурса, составители получаютъ преміи: за проектъ, признанный первымъ—1500 руб., признанный вторымъ—1000 руб. и признанный третьимъ—500 руб. Всѣ три премированные проекта поступаютъ въ собственность Комитета; не удостоенные же преміи возвращаются представившимъ ихъ по предъявленіи росписки въ принятіи проекта на конкурсъ.

10. Если Комитетъ признаетъ нужнымъ пріобрѣсти въ собственность не удостоенные преміи проекты, то онъ пріобрѣтаетъ таковые за цѣну по соглашенію съ авторомъ проекта.

11. Если комитетъ признаетъ возможнымъ произвести сооруженіе памятника по одному изъ представленныхъ проектовъ съ измѣненіемъ проекта по указанію Комитета или же безъ всякаго измѣненія, то онъ поручаетъ автору проекта сооруженіе памятника вполнѣ за девяносто тысячъ рублей.

12. Срокъ представленія проектовъ въ зданіе Московской Городской Думы (Воскресенская площадь) истекаетъ 30 декабря 1901 г. въ 12 ч. дня.

13. На каждой модели, пояснительной запискѣ и смѣтѣ долженъ быть выставленъ девизъ или знакъ и подъ таковымъ же девизомъ или знакомъ должны быть представлены въ наглухо заклеенныхъ или запечатанныхъ пакетахъ званіе, имя, фамилія и адресъ составителя.

14. Обсужденіе представленныхъ проектовъ производится Комитетомъ по сооруженію въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю не позже 15 февраля 1902 г.

15. Всѣ представленные проекты съ обозначеніемъ присужденныхъ премій и авторовъ ихъ выставляются для публичнаго обозрѣнія, начиная съ 21 февраля по 21 апрѣля 1902 г. По закрытіи выставки проекты, не удостоенные преміи, возвращаются ихъ авторамъ, какъ сказано выше въ статьѣ 9 этихъ правилъ.

Объявляя настоящій конкурсъ, Комитетъ считаетъ долгомъ присовокупить, что въ настоящее время сумма поступившихъ пожертвованій составляетъ по нарицательной цѣнѣ процент-

ныхъ бумагъ 90,500 руб., что по курсу дня составляетъ около 87 тысячъ рублей, что эта сумма недостаточна на покрытіе расходовъ по стоимости сооруженія опредѣленной въ 90 тысячъ рублей и расходовъ на преміи (3,000 руб.) и прочіе, сопряженные съ окончаніемъ всего дѣла. Поэтому пожертвованія принимаются и въ настоящее время и будутъ приниматься впредь до открытія памятника въ Московской Городской Управѣ и у казначея Андрея Евдокимовича Носа. (Москва, Шереметевскій переулокъ, 2, квартира № 15), которому Комитетъ проситъ также возвратить разосланные имъ и еще не возвращенные подписные листы вмѣстѣ съ пожертвованіями, если таковыя поступили по подписнымъ листамъ.

Редакторъ-издатель **С. С. Сухонинъ.**

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію—*Петербургъ, Милліонная, 34.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію почтамта, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи **не позже 1-го числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовыя бланки или марки для отвѣта.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

1) Редакція открыта для объясненій въ іюнѣ. іюлѣ и августѣ исключительно по средамъ и четвергамъ, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 4 до 5 час. дня.

2) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія рукописи должны быть приложены марки.

3) Заявленія объ отдѣльныхъ оттискахъ должны быть дѣлаемы одновременно со сдачею рукописи въ редакцію.

4) За статьи безъ обозначенія гонорара таковой назначается по усмотрѣнію редакціи.

5) Уплата гонорара производится *исключительно* по напечатаніи статьи.

6) Всѣ переводныя статьи и сочиненія считаются полной собственностью редакціи, если не послѣдовало особаго соглашенія.

Отъ конторы редакціи:

Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п. производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Милліонная, 34), между часомъ и четырьмя дня.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 час. до 4 час. дня.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Журналъ выходитъ ежемѣсячно послѣ 10 числа каждаго мѣс.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ (съ декабря по декабрь) съ дост. и перес. **6 р.**, на полгода **3 р.** и за границу **9 р. ПОДПИСКУ ПРИНИМАЮТЪ ВСѢ КНИГОПРОДАВЦЫ.**

Для ознакомленія подписка принимается на 1 мѣсяцъ съ платой 50 коп.

ВЪ МОСКВѢ подписку принимаютъ, кромѣ другихъ книгопродавцевъ, **контора Н. Печковской** — Петровскія линіи, и магазинъ **„Книжное Дѣло“** — Моховая, д. Бенкендорфа.

Примѣчаніе. Подписка на первый годъ изданія прекращена и небольшое количество оставшихся комплектовъ за прошлый годъ высылается по цѣнѣ 7 руб. за годичный экземпляръ съ платою за пересылку по разстоянію.

Контора и редакція **НА МИЛЛІОННОЙ УЛ., Д. 34, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.**

Редакторъ-Издатель **С. СУХОНИНЪ.**

Продается имѣніе

Самарской губ.

11 тысячъ десятинъ

черноземa, прекрасно орошено, съ водяной мукомольной мельницей, лѣсъ и постройки. Обращаться письменно къ **Валерію Петровичу Андроникову, въ Уфу, Фроловская ул., д. Судаковой.**

Тип. [illegible] Самара, Екатерин. ман., 84.